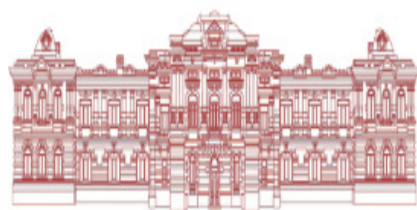

Ученые записки

Забайкальского государственного университета

Серия «Филология, история, востоковедение»

ISSN 2308-8753

№ 2 (61)
2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Забайкальского
государственного
университета

Серия

«Филология, история, востоковедение»

Научный журнал
Основан в 1957 г.
Выходит шесть раз в год

Учредитель

ФГБОУ ВПО

«Забайкальский государственный университет»

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77–54257 от 24.05.2013

Журнал входит

в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней
доктора и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые взгляды
могут не отражать точку зрения редакции

Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией

Рукописи, присланные в журнал,
не возвращаются

Адрес редакции:

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79,
факс: 8 (3022) 41-64-44.
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Сайт журнала в Интернете

<http://www.uchzap.com>

Подписной индекс журнала
в «Пресса России» **42408**

Электронная версия журнала
размещена на платформе
Российской универсальной
научной электронной библиотеки:
www.elibrary.ru

© Забайкальский государственный
университет, 2015

SCHOLARLY NOTES Of Transbaikal State University

Series

Philology, History, Oriental Studies

UCHENYE ZAPISKI
Zabaikal'skogo
Gosudarstvennogo Universiteta

Seriya

Filologiya, Istoriya, Vostokovedenie

Scientific Journal
Founded in 1957 г.
Published six times per year

Founder

FSBEI HPE

“Zabaikalsky State University”

The journal is registered

by the Federal Supervision Service in the Field
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС77–54257 от 24.05.2013

The journal

is in the List of the leading refereed
scientific journals
and editions which publish the main results
of dissertations for academic degrees
of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible for the selection
and presentation of the facts contained in their
articles; the views expressed by them do not
necessarily reflect the views of the editorial board

Reproduction of any materials from the journal
is allowed only in coordination with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal
are not returned

Address:

672007, Chita, 129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 35-24-79,
fax: 8 (3022) 41-64-44.
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Journal web site

<http://www.uchzap.com>

Subscription index

of the journal in “Press of Russia” **42408**

The electronic version of the journal
is placed on the platform
of the Russian Universal
Scientific Electronic Library:
www.elibrary.ru

© Zabaikalsky State
University, 2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Забайкальского
государственного
университета

Серия

«Филология, история, востоковедение»

Редакционный совет

Б. В. Базаров, д-р ист. наук, проф., член-кор. РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия); **Андре Буржо**, д-р соц. наук, акад., Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция); **Дэн Цзюнь**, проф., Институт русского языка Хэйлуцзянского университета (Хэйлуцзян, КНР); **Кейдзи Идэ**, заместитель главы миссии, министр Посольства Японии в Российской Федерации (Япония); **Чжен Шулу**, д-р филол. наук, проф. (Харбин, КНР); **М. И. Эпов**, д-р техн. наук, проф., акад. РАН, Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск, Россия)

Редакционная коллегия

Выпускающий редактор:

Г. Д. Ахметова, д-р филол. наук, проф. (Чита, Россия)

Ц. П. Ванчикова, д-р ист. наук, проф. (Улан-Удэ, Россия)

Члены редколлегии:

Т. В. Воронченко, д-р филол. наук, проф. (Чита, Россия)

В. К. Зубарева, д-р филол. наук, проф. (Филадельфия, США)

Т. Ю. Игнатович, д-р филол. наук, доцент (Чита, Россия)

Чжао Сяобин, д-р литературы, доцент (Баодин, КНР)

Сонг Чжон Су, проф. (Сеул, Корея)

Главный редактор:

И. В. Ерофеева, д-р филол. наук, доцент

Ответственный секретарь: **Э. А. Арутюнян**

Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по русской и зарубежной филологии, языковой картине мира, медиалингвистике, востоковедению, профессиональному образованию, по вопросам стилистики, лингвистики, литературоведения, переводоведения, а также смежным проблемам, связанным с культурологией, журналистикой.

В журнале представлены материалы, освещающие события отечественной и всемирной истории, археологии, материалы по источниковедению и историографии российских и зарубежных авторов.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

SCHOLARLY NOTES Of Transbaikal State University

Series

Philology, History, Oriental Studies

◆
UCHENYE ZAPISKI
Zabaikal'skogo
Gosudarstvennogo Universiteta
Seriya
Filologiya, Istoriya, Vostokovedenie

Editors

B. V. Bazarov, Doctor of History, Professor, corresponding member of the RAS, The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of the RAS (Ulan-Ude, Russia); **Andre Bourget**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France); **Den Tszun**, professor, the Institute of the Russian language at Heilongjiang University (Heilongjiang, China); **Keidzy Ide**, Mission Deputy Head, Ministry of Embassy of Japan in the Russian Federation (Japan); **Zhen Chupu**, Doctor of Philology, Professor (Harbin, China); **M. I. Epov**, Doctor of Engineering Science, professor, Academician of the RAS, Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

Editorial Board

Main Handling Editors:

G. D. Akhmetova, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia)

Ts. P. Vanchikova, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia)

Editorial board members:

T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia)

V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA)

T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia)

Zhao Xiaobing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People's Republic of China)

Song Chon Su, Professor (Seoul, Korea)

Editor-in-chief:

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive Secretary: **E. A. Arutyunyan**

◆
The journal is a collection of original and review scientific papers on the Russian and world philology, linguistic picture of the world, media-linguistics, oriental studies, professional education, stylistics, linguistics, literary studies, theory of translation, and related problems, connected with cultural studies, journalism.

The journal includes the material on the Russian and world history, archeology, source studies and historiography by the Russian and foreign authors.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university professors, postgraduate students, students, workers in culture and education.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ахметова Г. Д. О динамичности языковых процессов в современной русской прозе	6
Биктимирова Ю. В. Особенности палеографии и графики памятников делового письма Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв.	12
Голованова Е. И., Демидова Е. Н. Функционирование паронимов в научной речи как действие механизма профилирования	18
Кабановская Е. Ю. Современные подходы к изучению языковой личности	24
Крашенинникова И. В. Значение исследования языкового выражения семейных сценариев для теории языка	29
Краюшкина Т. В. Негативные межличностные отношения в русских народных волшебных сказках Забайкалья последней трети XX в.	35

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Дубинская М. В. Жанр волшебной сказки в композиции романа Алена-Фурнье «Большой Мольн»: интерпретация поэтики «иномирия»	45
Коломейцева Е. Б. Иноязычные вкрапления в поэтическом и прозаическом тексте	53
Курченкова Е. А. Характеристики языковой политики в Индии и Нигерии	60
Макарова Е. Н. Порядок слов как основное средство коммуникативной организации испанского высказывания	66

МЕДИАЛИНГВИСТИКА

Ерофеева И. В. Концепт «война» в современном медиатексте: репрезентация традиционных моделей	72
Ильченко С. Н. Русская классика на телеэкране XXI века: новая реальность	83
Клюев Ю. В. Публицистичность радиоречи	89
Лободенко Л. К. Особенности развития концепции и медиатекста сайта регионального телеканала	96
Мисонжников Б. Я. Читательский комментарий в сетевой версии газеты как метатекст (на материале публикаций немецкого таблоида «Bild»)	106
Пескова Е. Н. Дискурс веб-сайта: взаимодействие с другими типами дискурса, жанровые особенности	111
Тепляшина А. Н. Медиатекст деловой газеты как субъект развития ресторанного бизнеса	117
Часовский Н. В. Интернет-мем как особый жанр коммуникации	124

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Базаров А. А. Праджня-парамита тексты (XV–XX вв.) в бурятских монастырях	128
Жамбалова С. Г., Суворова А. С. О погребении и меморизации бурятских буддийских священнослужителей	136
Жамсоев А. Д. Категория склонения в языке летописи «Ацагатский очерк о хори-бурятах»	146
Ламожалова И. А. Антропонимические изоглоссы в монгольских языках	151
Цыпилова С. С. Положение женщины в современном китайском обществе	158

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ахметова М. Н. Метапредметные цели урока как поиск философско-нравственного смысла слова, искусства, природы, жизни, узнавания собственного «Я»	164
Коханова Л. А. Принципы исследования содержательной модели региональной прессы (из опыта подготовки журналистов филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в Севастополе)	169
Лэй Ч. Исследование фразеологизмов русского языка в условиях межкультурной коммуникации студентов	178

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Мерцалов В. И. Монографическое исследование Е. В. Демичева о реформе управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг.	182
--	-----

CONTENTS

RUSSIAN PHILOLOGY

Akhmetova G. D. On Dynamism of Language Processes in Modern Russian Prose	6
Biktimirova Ju. V. Peculiarities of Paleography and Graphics of Business Letter Tachygraphics Artifacts of Eastern Zabaikalye of the XVII–XVIII Centuries	12
Golovanova E. I., Demidova E. N. Paronyms Functioning in the Scientific Speech as an Action of the Shaping Mechanism	18
Kabanovskaya E. Yu. Modern Approaches to the Language Personality Studying	24
Krashennnikova I. V. The Importance of Language Expression Research Concerning Family Scripts for the Theory of Language	29
Krayushkina T. V. Negative Interpersonal Relations in the Russian Folk Fairy Tales of Zabaikalye of the Last Third of the XXth Century	35

FOREIGN PHILOLOGY

Dubinskaya M. V. The Genre of Fairy-Tale in the Composition of Alain-Fournier's Novel "The Big Meaulnes": the Interpretation of the Poetics of "Another World"	45
Kolomeytseva E. B. Foreign Elements in Prose and Poetry	53
Kurchenkova E. A. Characteristics of the Language Policy in India and Nigeria	60
Makarova E. N. Word Order as the Main Means of Spanish Utterance Communicative Organization	66

MEDIA LINGUISTICS

Erofeeva I. V. The War Concept in Modern Media Text: Representation of Traditional Models	72
Ilchenko S. N. Russian Classics on TV of XXI century: New Reality	83
Klyuev Yu. V. Publicist Style on Radio	89
Lobodenko L. K. Peculiarities of Conception and Media-Text Development of the Regional TV Channel Site	96
Misonzhnikov B. Ya. Reader Comment in the Online Version of the Newspaper as Metatext (Based on Publications of the German Tabloid "Bild")	106
Peskova E. N. The Website Discourse: Interaction with Other Types of Discourse, Genre Features	111
Teplyashina A. N. Media Text of Business Newspaper as the Subject of the Restaurant Business Development	117
Chasovskiy N. V. The Internet-Meme as a Special Genre of Communication	124

ORIENTAL STUDIES

Bazarov A. A. Texts of Prajna-Paramita (the 16th–20th Centuries) in the Buryat Monasteries	128
Zhambalova S. G., Suvorova A. S. On the Burial and Memorization of the Buryat Buddhist Clergy	136
Zhamsoyev A. D. The Category of Case in the Language of Chronicle "Khori-Buryats Written in Ačayad"	146
Lamozhapova I. A. Anthroponomical Isoglosses in the Mongolic Languages	151
Tsybilova S. S. The Women's Position in Contemporary Chinese Society	158

VOCATIONAL EDUCATION

Akhmetova M. N. Meta-Subject Purposes of Lesson as a Search of Philosophical and Moral Sense of Word, Art, Nature, Lives, And Own "I" Recognition	164
Kokhanova L. A. Research Principles of Conceptual Model of the Regional Press (from Educational Training Experience of Journalists in Sevostopol Branch of Moscow State University named after M. V. Lomonosov)	169
Zhang Lei. The Russian Idioms Research within the Students' Cross-Cultural communication	178

PERSPECTIVE

Mertsalov V. I. Monographic Research by E. V. Demichev on Industry and Construction Management Reform in 1957–1965	182
--	-----

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 882
ББК Ш 5(2=Р)7–09

*Галия Дуфаровна Ахметова,
доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

О динамичности языковых процессов в современной русской прозе

В данной статье раскрывается актуальная проблема, связанная с анализом современных языковых процессов, происходящих в русской прозе. Динамичность языковых процессов обусловлена пониманием текста как динамического феномена. Научная новизна исследования определяется не только неизученностью представленного материала, но также и значительным интересом филологов к проблеме языка современной прозы. Можно говорить о некоторых итогах в изучении языковых процессов. Появляющиеся в последние годы работы автора исследования, посвящённые изучению живого литературного текста, языкового пространства текста, позволяют представить языковую картину современной прозы. В данном исследовании анализируется роман С. Н. Есина «Хургада». Представленные и проанализированные на материале романа языковые процессы характеризуют языковое пространство современной прозы. Среди этих процессов можно назвать антропоцентризм метафорических определений, словообразовательный взрыв, употребление сравнения как компонента текста, межтекстовое взаимодействие и др. Но каждое новое произведение – это ещё и отражение творческого стиля писателя. Для творческого стиля С. Н. Есина характерна так называемая «романность», «литературность» повествования, юмор. В плане содержания романы писателя характеризуются разнообразием выбранных тем. Обращение в романе «Хургада» к теме нового среднего класса позволило писателю представить не только жизненное пространство данного социального слоя, но и его языковое пространство. Можно сделать вывод, что языковые традиции и языковые процессы являются двумя сторонами единого процесса, они взаимодействуют друг с другом и способствуют динамическому развитию русской литературы.

Ключевые слова: текст, динамические языковые процессы, языковые традиции реализма, языковое пространство, С. Н. Есин, современная русская проза.

*Galiya Dufarovna Akhmetova,
Doctor of Philology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com*

On Dynamism of Language Processes in the Modern Russian Prose

In this article reveals the actual problem connected with the analysis of the modern language processes happening in the Russian prose. Dynamism of language processes is caused by understanding of the text as dynamic phenomenon. Scientific novelty of research is defined not only obscurity presented material, but also and considerable interest of philologists in a problem of language of modern prose. It is possible to speak about some results in studying of language processes. The works of the author of research appearing in recent years devoted to studying of the live literary text, language space of the text allow to present a language picture of modern prose. In this research S. N. Yesin's novel "Hurghada" is analyzed. The language processes presented and analysed on novel material characterize language space of modern prose. Among these processes it is possible to call anthropocentrism of metaphorical definitions, word-formation explosion, the comparison use as text component, intertext interaction, etc. But each new work is also reflection of creative style of the writer. For creative style of S. N. Yesin so-called "romannost", "literari-

ness” of a narration, humour is characteristic. In respect of the contents novels of the writer are characterized by a variety of the chosen subjects. The appeal in the novel “Hurghada” to a subject of new middle class, allowed the writer to present not only vital space of this social group, but also its language space. It is possible to draw a conclusion that language traditions and language processes are two parties of uniform process, they interact with each other and promote dynamic development of the Russian literature.

Keywords: text, dynamic language processes, language traditions of realism, language space, S. N. Yesin, modern Russian prose.

Понятие текста как динамического феномена предполагает динамичность происходящих в нём языковых процессов. Такой подход к художественному произведению соотносится с нашей теорией живого литературного текста [1], а также с теорией языкового пространства текста [2], в основе которого лежит, наряду с другими признаками, динамичность. В качестве материала изучения нами взят роман С. Н. Есина «Хургада». Изданный в начале нулевых годов роман отражает специфику и язык нарождающегося в России так называемого «среднего класса». Со свойственным писателю юмором, остроумно художественно и в то же время документально точно, представлен в романе калейдоскоп представителей нового социального образования, сразу же ставшего предметом исследования многих наук. Однако в языковом плане данная проблема практически не изучалась. Да и сложно назвать авторов, которые бы сознательно обратились к этой теме. Однако для изучения динамичных языковых процессов русской прозы, русского литературного языка этот семантико-стилистический пласт даёт богатый материал. Он позволяет наблюдать развитие, изменение литературного языка, помогает увидеть его изменчивость. Кроме того, выбор в качестве героя повествования представителя среднего класса даёт возможность развить актуальную теорию героя/антигероя в современной прозе, в современной России. Для творчества С. Н. Есина характерно обращение к разным сторонам российской действительности. В одном из интервью писатель утверждал, что «пройдёт время, и судить о нас будут не по тому, что мы о себе думаем, а по тому, что мы написали о России» [5]. И вот теперь появляется художественное повествование, основанное на факте, о среднем классе: «Не следует думать, что в России средний класс, которому по деньгам и размаху предпринять путешествие в Хургаду, в Египет, так уж малочислен. Отнюдь. Ну, предположим, не со-

всем сложившийся средний класс, ещё не настоящее стадо голодных волков и хитрых лисиц, но уже полкласса, полстаи. Уже, так сказать, появились шустрые наклевушки, зашевелились и затрещали липкие почки, готовые выпустить, как сказал классик, клейкие листочки» [4, с. 291].

Целая галерея представителей нового русского среднего класса проходит перед читателем. По ним, по их языку будет так же изучаться история России, как и по реальным документальным фактам. А динамичность языковых процессов современной русской прозы даст объективно широкую картину языкового пространства текста. Оно представлено в этих авторских наклевушках. Само слово «наклевушки», пожалуй, введено в литературный язык С. Н. Есиным. В Дневниках писатель говорит о наклевушках сюжетов. В садоводческом разговорном варианте слово употребляется в прямом значении, но в писательском повествовании это значение уходит в межтекстовое пространство классики – к Достоевскому: «Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, – вот что!» Отсюда и свойственный русским языковым традициям трагизм повествования – наряду со смехом, который так отчётливо проявился в романе С. Н. Есина «Маркиз». Не случайно в конце романа «Хургада» появляется знаменитый образ моря М. Горького: «Море, как говорил классик советской литературы Максим Горький, смеялось» [4, с. 418].

Одновременно с понятием «средний класс» (иногда – «новый средний класс») вводится в повествование более усвоенное русским языком сочетание «новые русские». В настоящее время былой «ореол» новых русских несколько померк, исчезли атрибуты, сопровождавшие новых русских в девяностые, появились анекдоты о них. В некоторой степени понятия «новый русский» и «средний класс» пересекаются друг с другом. Однако устойчивость данного выражения в последнее время сильно поколебалась: «Ах, как новые русские не

хотят платить за телефонные переговоры, прачечную и по счетам!» [4, с. 313]; «Соотечественники в основном были так называемые новые русские, а это, как считал Стасик, в России целый слой» [4, с. 315]; «Теперь надо представить себе Владимира Афанасьевича, бывшего председателя профкома, в качестве миллионера и нового русского. Статья, костюм, сотовый телефон, загородный особняк, машина привычной марки “мерседес”» [4, с. 354]; «<...> нового русского теперь Толик определяет уже не по толстой гранёной цепи, нынче богатые люди их уже не носят, в них щеголяют вёрткие и накачанные братки, а по остроумию и веселому пузцу <...>» [4, с. 370]. В романе вспоминается мода среди новых русских на красные кирпичные особняки.

С. Н. Есин избегает сопутствующих данным явлениям сниженных слов и выражений, однако же элементы той или иной субкультуры в романе появляются. Например, слово «хакер» используется именно в контексте хакерской субкультуры и обозначает «компьютерный взломщик», а не «программист», как это было изначально: «Стасик был компьютерным гением. Не таким, конечно, как какой-нибудь хакер, взламывающий банковские коды, а нормальным гением, умеющим починить любой компьютер и ответить на любой вопрос о стоимости его комплектующих» [4, с. 314]. Если же единичные сниженные слова и встречаются (например, слово «крыша», всё ещё популярное в русском языке), то даются они в явном сатирическом контексте: «<...> и все они безумно хотят трахаться, как это звучит по-литературному» [4, с. 357].

Современная жизнь России представлена в романе документальными компонентами. Это, прежде всего, реальные фамилии реальных людей: «Русские идут. Ура!» – как сказал бы молодой русский писатель Сергей Шаргунов [4, с. 292]. Аллюзия к названию романа С. Шаргунова «Ура!» как динамический языковой процесс используется С. Н. Есиным в контексте заданного семантико-композиционного развёртывания повествования. Достоверность повествования усиливается тем, что фамилии реально существующих людей включаются и в реплики литературных персонажей (либо во внутреннюю речь персонажей): «”Вы выиграли шесть баллов”, – как утверждал в моё время Саша Масляков, ведущий моло-

дёжной игры “КВН”. – Джафар говорил это всё почти совсем без акцента, вот что значит долго общаться с русскими и советскими девушками. – А Саша Масляков всё ещё ведёт передачу?

– Ведёт, ведёт, – сказал Толик.

– Ах, какой он долгожитель! – сказал Джафар, и на этом они расстались» [4, с. 295]; «Что он, Рамазан, хуже Брынцалова?» [4, с. 342]; «Витя слышал об этом из выступления своего любимого комика Михаила Задорнова» [4, с. 359]; «<...> Толик обратился, как к одной из красавиц в фильме В. Мотыля» [4, с. 375]. Один из персонажей – Серёжа – вспоминает, как он перед тюрьмой посмотрел фильм Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок». Часто в романах С. Н. Есина описывается Литературный институт («Маркиз», «Твербуль, или Логово вымысла»). Есть упоминание о Литературном институте и в романе «Хургада».

Для стиля писателя характерно нарочитое сталкивание реальности и художественного вымысла – часто с юмористической целью: «В аэропорту Толя встретился – внезапные встречи случаются не только в плохой литературе, но и в жизни – со своим старым московским знакомым Джафаром» [4, с. 293]. Ориентация на «литературность», «романность» повествования отличает прозу писателя. Отсюда частые для его произведений отвлечённые писательские сентенции, неявная авторская оценка, авторский взгляд: «Надо ли в коротком повествовании, которое не есть художественное произведение, а просто некое краткое изложение, рассказывать о всех перипетиях жизненного сюжета? Тем более что сюжет здесь оказывается до боли похожий на литературную подтасовку» [4, с. 331–332]; «Можно, конечно, и дальше описывать её жизнь, судьбу и разные привычки, но не она главный герой этого рассказа» [4, с. 350]; «Теперь опишем последнюю сцену этого рассказа. Не правда ли, слова “рассказ” и “сказка” одного корня?» [4, с. 355]. Авторское «вмешательство» в текст связано и с традиционным обращением к читателю: «Они-то и сыграют, как догадывается читатель, главную роль в этом повествовании» [4, с. 370]. Автор иногда полемизирует с читателем, убеждая его, что идёт по жизни, а не по известному литературному сюжету: «Не “Дама с собачкой”, а просто курортный роман» [4, с. 393].

Сложность композиционного развёртывания текста романа связана с использованием не так часто встречающегося в современной прозе, но характерного для творческого стиля С. Н. Есина, монтажного, кинематографического построения текста: «Оставим эту сцену для кинематографистов. Мальчик потянулся к Толику. Толик обнял мальчика, прощаясь» [4, с. 378]. Сложность приёма заключается в использовании минимума образных элементов, однако образная напряжённость достигается сменой «кадров». В романе «Соглядатай, или Бег в обратную сторону» С. Н. Есин часто обращается к этому приёму построения текста. Кстати, образ соглядатай появляется и в романе «Хургада»: «Но кто же этот другой соглядатай, который устроился в эту тёмную пору в кустах, и на чьё сторожевое логово матушка наткнулась?» [4, с. 407].

Художественность повествования, безусловно, определяет стилевое развёртывание компонентов текста. Мы отмечали уже в своих исследованиях, что для творческого стиля писателя характерны разнообразие и неповторимость в употреблении художественных элементов, во всей полноте отражающих актуальные языковые процессы современной прозы. Например, употребление сравнений отличается абсолютной неинтертекстуальностью. Сравнения занимают в современном художественном повествовании значимое место – но для прозы С. Н. Есина характерно то, что писатель словно стремится не вполне явно, лишь коснуться того или иного языкового явления. И любое художественное употребление становится важным для развёртывания текста, значимым для композиционного строения образа. Сравнения носят неожиданный характер: «Посмотрели друг на друга взглядом, не оставлявшим никаких сомнений. Взгляд, как кислота с мёдом» [4, с. 326]. С. Н. Есин со свойственным ему юмором разворачивает в романе филологическую тему и вводит неожиданное сравнение: «Если бы Витя читал плохую художественную литературу и знал бы эти пошлые сравнения, то он сказал бы, что глаза у юной дамы Екатерины были, как лесные озёра. Но Витя книгу, как и положено современному служивому интеллигенту, в руки никогда не брал и об этих сравнениях, к счастью, отродясь не ведал. Глаза у

него были крупные, синие, и на дне, словно в компьютере, мерцали какие-то серые играющие переливы» [4, с. 362–363].

Антропоцентризм метафорических определений также активно и динамично используется современными писателями, порой теряя образность. С. Н. Есин употребляет эти определения редко, точно, образно, т. е. в лучших реалистических традициях: «Скрипела осторожная дверь, малыш сладко спал на балконе» [4, с. 341].

Приём «виртуального произношения» используется в романе также единично, что, конечно, усиливает его воздействие на читателя, а также определяет значимость употребления: «Экс-кур-сии!» [4, с. 365]; «Настоя-я-щий полковник» [4, с. 394].

Синтаксическое строение в романе отличается классической «литературностью», и лишь изредка отмечаются отрезки текста, в которых проявляется контаминация авторского повествования и невыделенной прямой речи, что становится в современной прозе устойчивым языковым процессом: «Утром-то, когда эта самая, прогуливающая свою собачку, бабушка нашла труп молодой женщины, та была ещё тёплой. Правда, тёплой, вы не ошибаетесь? Вот это номер! Так, значит, что утром её, выходит, убили, а где же она находилась всю ночь?» [4, с. 330].

Тонкая языковая игра нечасто проявляется в романе – как проявление того словообразовательного взрыва, который нашёл отражение в современной русской прозе: «Сегодня олигарх, а завтра плут-арх» [4, с. 291]. Иногда языковая игра связана с употреблением устойчивых выражений, но это тоже единичные случаи: «Ночью все кошки бодры» [4, с. 366].

В романе используются слова, вошедшие в обиход в девяностые годы. Не все эти слова, конечно, вернулись в русский обиходный язык – однако возвращение в социум «героев» девяностых после вынужденной изоляции возвращает вместе с ними и прежние слова и выражения, имеющие прямое или косвенное отношение к рассматриваемому нами феномену среднего класса в обществе и литературе. По-прежнему остаётся популярным заимствованное слово «киллер» (профессиональный наёмный убийца), вошедшее в русские толковые словари. И если в девяностые годы киллеры почти открыто давали

объявления, что ищут работу, связанную с риском, то в нулевые вновь довольно часто стали использоваться наёмные убийцы. Именно один из таких жизненных финалов представлен в романе: «Аллу убили утром, когда она подъехала к своей конторе на чёрном дорогом джипе. Зачем даме ездить на джипе? Из двора на улицу выбежали два киллера в чёрных масках и принялись палить из револьверов» [4, с. 295]. Некоторый «романтический» флёр остался до сих пор вокруг подобных сомнительных подвигов. Стоит ли издавать книги, подобные «Ликвидатору» А. Шерстобитова, а также сериалы вроде «Банды» (2010)?

Подзабытое сейчас слово «челнок» («работал челноком») также вводится в повествование. Явление это было настолько массовым, что ставились памятники этим людям как в России, так и в Китае.

Описание современной России в романе намеренно подчёркивается, эмоционально и семантически выделяется – происходит наглядное динамическое развёртывание русского языка: «Делами, как сейчас говорят – бизнесом, они тоже занимались. Бизнес и привёл Стасика на египетский курорт» [4, с. 315]; «<...> на крутом юридическом языке <...>» [4, с. 350]; «Иногда возникали, как говорят на телевидении, эксклюзивные трудности» [4, с. 351]; «<...> подвести к кассе, к “кешу” <...>» [4, с. 351]; «Владимир Афанасьевич был её спонсором» [4, с. 353]; «Эра унисекса» [4, с. 353]; «Хургада – это классический отдых и одновременно секс-туризм» [4, с. 357]. Тогда и теперь – эти два явления сравниваются, оцениваются в романе: «Стасик знал, что в соответствии с сегодняшними правилами расспрашивать человека нельзя. Это раньше, говорят, было хорошо, и вопросы задавали новым знакомым запросто: “Кем работаете?”, “Сколько получаете?” <...> Раньше все представляли, сколько получает директор завода, а кто теперь ведаёт, что стоит за прелестным словом “менеджер”?» [4, с. 317]; «Ну что за время, когда любой техникум или заведение для полумумков называется академией!» [4, с. 350]; «Воистину было время, когда ни-

кто становился всем» [4, с. 354]; «Сейчас это называется ДПС – Дорожно-патрульная служба, – впрочем, В. В. Путину это название не слишком нравится, и он как-то высказался, что не видит оснований, чтобы привычное старое название менять на новое. Может быть, опять вернуться к старому?» [4, с. 359–360]; «Сразу привиделся Дворец пионеров – такие “дворцы” были в прошлом, и вряд ли кто сейчас, из нынешних молодых, помнит и знает это слово <...>» [4, с. 372]. Упоминаются в романе «передовики производства» («как раньше бы сказали»); праздничный сервиз «Мадонна» из ГДР, который куплен был до перестройки по специальному талону; бутылка водки с портретом Президента Ельцина.

Прошлое и настоящее сталкиваются, сравниваются друг с другом и в межтекстовых взаимодействиях. Межтекстовое пространство, начатое образом «клейких листочков», также динамически развёртывается. Романы С. Н. Есина предназначены для искущённого читателя: «Ба! Знакомые всё лица. Горы чемоданов, загоревшие и поздоровевшие люди с остаточным блеском легкомыслия и независимости в глазах. Отпуска кончаются, надвигаются заботы. В Москву, в Москву!» [4, с. 327]; «В этой замечательной фразе для искущённого уха слышалась знаменитая реплика из “Стакана воды” Скриба. Её бросила герцогиня Мальборо своему кузену-врагу <...>» [4, с. 327]; «Только переходи из кружка в кружок, строй, выдумывай, пробуй» [4, с. 372].

Наблюдение над динамическими языковыми процессами в современной русской прозе позволяет осмыслить формирование языковой картины русской прозы. Обращение писателей к разным сторонам жизни фиксирует не только формирование жизненного пространства новой России, но и формирование языкового пространства.

Языковые традиции и языковые процессы как две стороны единого процесса [3] взаимодействуют друг с другом и способствуют динамическому развитию русской литературы.

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. 232 с.
2. Ахметова Г. Д. Языковое пространство художественного текста. СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
3. Ахметова Г. Д., Лю Гопин, Чжоу Чжунчэн. Языковые традиции и языковые процессы в духовном пространстве русской прозы. Казань: Бук, 2015. 192 с.
4. Есин С. Н. Ах, граница, граница...: романы. М.: Дрофа, 2006. 431 с.

5. Катаева Нина. Интересный собеседник. Сергей Есин: «Судить о нас будут по тому, что мы написали о России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://file-rf.ru/analitics/911> (дата обращения: 16.02.2015).

References

1. Akhmetova G. D. Zhivoi literaturnyi tekst. M.: Vash poligraficheskii partner, 2012. 232 s.
2. Akhmetova G. D. Yazykovoe prostranstvo khudozhestvennogo teksta. SPb.: Renome, 2010. 244 s.
3. Akhmetova G. D., Lyu Gopin, Chzhou Chzhunchen. Yazykovye traditsii i yazykovye protsessy v dukhovnom prostranstve russkoi prozy. Kazan': Buk, 2015. 192 s.
4. Esin S. N. Akh, zagranitsa, zagranitsa...: romany. M.: Drofa, 2006. 431 s.
5. Kataeva Nina. Interesnyi sobesednik. Sergei Esin: «Sudit' o nas budut po tomu, chto my napisali o Rossii» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://file-rf.ru/analitics/911> (data obrashcheniya: 16.02.2015).

Статья поступила в редакцию 20.02.2015

УДК 81–112.2
ББК 81.411.2

Юлия Викторовна Биктимирова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672040, Россия, г. Чита, ул. Магистральная, 19),
e-mail: pravo_chita@mail.ru

Особенности палеографии и графики памятников делового письма Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв.

В статье рассматриваются особенности палеографии и графики скорописных памятников делового письма Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв. Основная часть документов делопроизводства Нерчинского воеводства и острогов Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII в. представляет собой комплекс скорописных памятников финансового, хозяйственного, административного характера, содержащих справочные материалы, различные списки людей и товаров. В корпус рукописных памятников входят тексты разных жанров, разнообразного тематического содержания, отражающие различные стороны жизни первопроходцев и первопоселенцев Восточной Сибири. В целом палеографические особенности памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. совпадают с палеографическими особенностями памятников других сибирских регионов того времени. Графика документов делопроизводства Нерчинского воеводства и острогов Восточного Забайкалья отличается многообразием начертаний одних и тех же букв, связным написанием букв в слове, выносом концов букв над строкой, сокращением слов, сохранением традиционных для полуустава диакритических знаков. В скорописных памятниках Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII в. все особенности скорописи отражены полно: наблюдается многообразие форм, рисунка букв, но имеют ряд оригинальных или редко встречающихся в других текстах черт – вынос слов на поля, аббревиатуры, вынос букв, слов и словосочетаний над строкой и под строкой. Исследуемые памятники отражают процесс утраты некоторых букв «церковной» кириллицы и введение новых букв. Скорописные памятники Восточного Забайкалья сохраняют длительное время архаические черты, в том числе и в графике.

Ключевые слова: памятники деловой письменности, скоропись, вариативность, палеография, графика, региональное источниковедение.

Yulia Viktorovna Biktimirova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(19 Magistralnaya St., Chita, Russia, 672040),
e-mail: pravo_chita@mail.ru

Peculiarities of Paleography and Graphics of Business Letter Tachygraphics Artifacts of Eastern Zabaikalye of the XVII–XVIII Centuries

The article discusses the peculiarities of paleography and graphics of business letter tachygraphic artifacts of Eastern Zabaikalye of the XVII–XVIII centuries. The main part of documents of paperwork management of Nerchinsk province and forts of Eastern Zabaikalye is a complex of tachygraphic artifacts of financial, economic, administrative character, containing reference materials, various lists of people and goods. The body of manuscripts includes texts of different genres, diverse thematic content, reflecting different aspects of Eastern Siberia first settlers and pioneers' life. In general, paleographic features of business writing artifacts of East Zabaikalye of the end of the XVII – first half of the XVIII centuries coincide with the paleographic features of artifacts of the other Siberia regions of that time. Graphics of management documents of Nerchinsk province and forts of East Zabaikalye is notable for the variety of the same letters tracings, connected spelling, removal of all letters above the line, words clipping, preservation of the circumflexes which are traditional for half-running hand. In tachygraphic artifacts of Eastern Zabaikalye all features of artifacts are fully reflected: there is a variety of forms, letters drawing, but there are a number of original and rare traits in other texts – marginalia, abbreviations, letters removal, words and phrases over and below line. The studied artifacts reflect the process of letters losing of the “church” Cyrillic and the new letters introduction.

Keywords: paleography, Graphics, business letter tachygraphic artifacts, variability, sours studies, tachygraphic.

Изучение скорописных памятников делопроизводства XVII–XVIII вв. невозможно без изучения палеографических особенностей и графики скорописи документов. Долгое время в исторической лингвистике памятники, написанные скорописью, не привлекались к всесторонним исследованиям. Связано это с труднодоступностью самих лингвистических источников, многие из которых хранятся в центральных и региональных архивах. Другой причиной, сдерживающей описание и изучение рукописных памятников XVII–XVIII вв., является сложность расшифровки скорописи для дальнейшей публикации и всестороннего лингвистического исследования. Отдельные публикации, осуществляемые историками и архивистами, представляют собой малую часть богатейшего письменного наследия. Многие опубликованные памятники часто непригодны для лингвистического исследования ввиду упрощения текста при подготовке к изданию, что обусловлено разными задачами, стоящими перед исследователями – историками и лингвистами.

В середине прошлого века возрос интерес историков языка к памятникам регионального делопроизводства эпохи становления русского национального языка, которые стали изучаться в разных аспектах путём анализа разных уровней языка.

Между тем повсеместное изучение региональных памятников письменности необходимо. Исследователь деловых памятников О. Н. Никитин считает, что «методология исследований деловой письменности к началу XXI в. обогатилась рядом новых разработок, связанных с открытием и введением в научный оборот *новых* источников. Причём данное русло исторической русистики развивается как в сторону углублённого изучения древнейших памятников, так и решения насущных задач недавнего “делового” прошлого и настоящего» [4, с. 651]. Поэтому логично, по мнению ведущих историков языка, вводить в научный оборот новые неисследованные памятники региональной деловой письменности XVII–XVIII вв.

В этом контексте актуальным является привлечение в научный оборот и всестороннее изучение памятников письменности Восточного Забайкалья. Основная часть документов делопроизводства Нерчинского воеводства и острогов Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII в. представляет собой

комплекс скорописных памятников финансового, хозяйственного, административного характера, содержащих справочные материалы, различные списки людей и товаров. В корпус рукописных памятников входят тексты разных жанров, разнообразного тематического содержания, отражающие различные стороны жизни первопроходцев и первопоселенцев Восточной Сибири.

Оригинальные скорописные тексты разных жанров, составленные в Нерчинской воеводской канцелярии подведомственными ей канцеляриями острогов и заводов Восточного Забайкалья, хранятся в разных государственных архивах Российской Федерации: в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в архиве Санкт-Петербургского отделения института истории РАН (СПбОИИ), в Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК). Большой объём единиц хранения позволяет судить о разной лингвистической содержательности и научной ценности памятников Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII в. В целом рукописи находятся в надлежащем состоянии и могут служить объектами историко-лингвистических исследований.

Исследуемый корпус источников ограничен следующими хронологическими рамками: 1655 г. – дата основания Нерчинского острога и начало делопроизводства между воеводами и Москвой; 1764 г. – время изменений в системе канцелярий и упразднения воеводства [1, с. 119], а также упразднения Нерчинской воеводской канцелярии.

Рукописные памятники деловой письменности Восточного Забайкалья включают в себя деловую переписку Московского и Сибирского приказов с Нерчинской воеводской канцелярией, а также переписку последней с подчиняющимися ей канцеляриями Аргунского, Телембинского, Иргенского, Еравнинского, Итанцинского, Читинского, Сретенского, Албазинского острогов. Все остроги, находившиеся на территории Восточного Забайкалья, назывались Нерчинскими острогами, или Даурскими острогами [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 14, 1670; РГАДА. Ф. 214. Д. 720. Л. 15, 1681; 1, с. 113].

Территориальные рамки (география) памятников Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII в. таковы: в ведомстве Нерчинского воеводства находилась вся территория Даурии (нынешняя территория Забайкальского края), от Байкала до верховьев Амура.

Все остроги, находившиеся на территории Даурии, назывались Нерчинскими, или Даурскими острогами, что фиксируют памятники делопроизводства: «...се а³ даурския службы нерчинских острога³ служилые люди...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 14, 1670]; «...даурски³ острога³ казаки...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 720. Л. 15, 1681]; «Се а³ Нерчински³ острога³ казначе³ снъ Прокопе³ Е.ремов...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 536. Л. 8, 1688].

Чёткое определение географии Нерчинского воеводства наблюдается в указе Петра I 1701 г., касающемся управления Даурской землёй и составленном на имя воеводы Юрия Бибикова. В начале указа даётся следующая информация: «и вѣдать ему въ Нерчинску острожки тѣ-же, которые вѣдали прежніе воеводы онъ и Иванъ Никольевъ – Иргенский, Телембинский, Еравинский, Аргунский» [1, с. 113].

На отнесённость данных памятников к делопроизводству Нерчинского воеводства указывают также печати, содержание, описываемые исторические реалии, топонимика: «Се я³ Нерчинского ѿ острога³ пятидесятникъ и казначеи Мака³ Меркуре³...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 10, 1670]; «...а Нерче и Ши³ке река³ рыбы добыт³ было немочно...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 720. Л. 15, 1681]; «...с нимъ прише³ мунга³ской дѣтина кита³ского по³да³ца та³ши гана члвкъ имяне³ Зап³...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 78. Л. 1, 1699], «...1752 † год³ декабря дня роспись в нерчинскую таможенную иркуцкаго купца Тихона Буянова в том³ что желаю я ѣхать из Нерчинска до Кита³ско³ границы до Кяхтинской Фартостовско³ таможни...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 91, 1752].

Временные рамки исследуемых деловых текстов также говорят о принадлежности памятников к концу XVII–XVIII в., о чём свидетельствуют палеографические черты, характерные для деловых документов этого периода. Нерчинские деловые документы написаны типовым письмом документов и актов – кириллической скорописью. **Палеографическое описание** бумаги, чернил, филиграней документов описаны известным исследователем Нерчинских деловых документов конца XVII–XVIII в. Г. А. Христосенко. Результаты исследования нашли отражение в «Палеографическом альбоме» [8]. Большинство текстов, хранящихся в СПБОИИ РАН, записано на столбцах, расклеенных при архивной обработке. В РГАДА доку-

менты хранятся в столбцах и книгах, тогда как в ГАЗК в основном в книгах. Листы документов в основном содержат текст с обеих сторон. В скорописном письме исследуемых памятников все особенности скорописи XVII–XVIII вв. отражены достаточно полно: в них наблюдается многообразие форм и рисунка букв; встречается большое количество сокращений слов; прослеживаются связанные написания предлогов со словами.

Приведём общие характеристики палеографических особенностей и дополним их новыми, открытыми в ходе исследования привлечённых документов:

1. Ускорение письма, приведшее к скорописи, достигалось приёмами, которые не знали два других вида письма – устав и полуустав, а именно: многообразием начертаний одних и тех же букв, связным написанием букв в слове, выносом концов букв над строкой, сокращением слов. В скорописных памятниках Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII в. все особенности отражены полно. Наблюдается многообразие форм, рисунка букв. В документах одного и того же писца даже в рамках одного документа можно встретить до четырёх вариантов написания одной и той же буквы. Графическое многообразие в скорописные документы приносили связанные написания двух-трёх букв.

2. В исследуемых скорописных документах употребляются отменённые реформой Петра I буквы или вышедшие из активного употребления: Ѡ, Ѣ, Ѥ, Ѧ, ѧ. Встречаются дублиеты З и S, Ф и Ѡ, О и Ѡ, Е и Ѥ, У, У и ѠУ, І и И, Я и Ъ. Буква Ѩ употреблялась лишь в цифровом значении (700): ·АѨІ· году. Часто встречается графически приближённое к греческой букве «альфа» написание буквы а – α. Следует также отметить, что в одном и том же документе регулярно встречается употребление разных вариантов написания одного и того же слова: Алѣксей и Алеѣѣи. Очевидно, выбор того или иного варианта диктовался удобством и скоростью письма и индивидуальным почерком самого писца, также, возможно, в основе сосуществования графических вариантов лежал принцип неповторяемости графических элементов и украшения.

Постепенное исключение некоторых кириллических букв сопровождалось введением новых букв. В памятниках Восточного Забайкалья встречаются, хотя бы и непо-

следовательно, буквы Ё и Й. Так, Ё встречается в окончаниях: всякое строение шноё место. Буква Й в документах конца XVII – начала XVIII в. активно заменяется апострофом, но к середине XVIII в. писцы вводят новую букву в тексты документов: Росийскія пограничныя караулы [Ф. 10. Оп. 1. Д. 139. Ч. 1. Л. 130–131 об., 1741].

3. Заглавные буквы в документах конца XVII в. употребляются крайне редко, в основном только в начале текста. В документах середины XVIII в. заглавная буква употребляется у существительных собственных неодушевлённых, называющих учреждения, титулы, должности, например: «...1750 го годѣ Феврѣля, ,, го дня роспись росцѣная печать в нерчинскую Таможню нерчинского кѣпца Никифора Филиповыѣ в томъ что Продать я Филиповыѣ в Прошломъ 749омъ годѣ явленного Своего платежнаго товарѣ Приводѣ тоего в Нерчинскѣ въ 749омъ годѣ Марта 7го дня...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 109, 1750].

4. В скорописи исследуемых памятников используются как строчные, так и надстрочные буквы – выносные. Выносились над строкой конечные согласные, согласная перед согласной в середине слова, согласные на стыке морфем: «...поставить всемъ какъ городовымъ такъ и построжнымъ и слобочкамъ в нынѣшне гоу лѣтнимъ времѣнемъ ... вмѣсто бревенъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 21–28, 1753]. В одном слове может быть несколько выносных букв: Нерчинскиѣ.

Из двух одинаковых согласных букв, стоящих рядом, традиционно в скорописи выносилась первая буква. В исследуемых памятниках это правило выполнялось не последовательно: «...слѣшавъ репорту поданного от нерчинскиѣ кананеровъ Маѣима Шемелина Гаврила Бутина коиѣ на посланной из нерчинской воевоцкой канцелярии...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 576–576 об., 1753].

Над строкой могли выноситься не только буквы, но и слоги, и частицы (тогожъ; тѣде), а также слоги в середине и конце слова (ѣкаѣ, гоу людѣми, ворами, воеводе, остроге). Встречаются случаи выноса слова над строкой «...Потому что шѣ челобитчиѣ с той земли великомѣ Гѣрю службу служить и отомъ вышеобъявленномъ Послать къ прикащику Послать въплени по духовноу родѣлнить с самоуправоу что въпредъ спору и челобитя не было а сачемъ роздѣлнить невозможно

и отомъ в Нерчинску в немѣленномъ времени с прилѣчающими Прислать» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 117 об., 1707].

5. Сокращение слов традиционно для старорусской письменности. Скорость написания документа зависела и от умения писца сокращать слова. Нерчинским писцам было знакомо четыре вида сокращения слов: пропуск гласной буквы (*днь – день, кнга – книга*), пропуск гласной с выносом согласной буквы (*крѣтов – крестов, мнѣтря – монастыря*), усечение окончания слов (*неѣ – неделя, пуѣ – пустынь, духовноѣ – духовного*), употребление вместо слов особых знаков.

6. Диакритические знаки, оставшиеся в наследство от греческого и старославянского языков, активно используются писцами приказных изб и канцелярий Восточного Забайкалья. Так, писцы активно используют апостроф, как показатель мягкости согласной буквы (*зор'ѣ, гол'е*). «Дужка» над согласным также является показателем его мягкости – «сели на кони». В некоторых документах апостроф ставится писцами, отражая живую разговорную речь. Пример из документа: «По симѣ Зак'люченного с'нами контрактѣ, 14, пу'ка ког'дажъ пот'ребно бѣдетъ ... иѣ нер'чин'ска выр'куцкѣ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 96, 1753].

Знак ударения («оксия») редко используют писцы исследуемых документов, но в тех документах, в которых этот знак встречается, ярко проявляется произносительная традиция первопоселенцев Забайкалья. В этом плане интересны следующие примеры – «нерчинския» списки [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1631. Л. 1, 1724]. Город Нерчинск был выстроен на реке Нерчѣ, что и объясняет ударную *и*. Сейчас современное произношение названия города Нерчинск. Другие примеры, разнящиеся с современным произношением слов: «четыре ѣшунта кѣмени Сердалика ... пѣвицѣ мѣдныѣ ... у купчины Спиридона Лянѣсова» [РГАДА. Ф. 214. Ст. 1292. Л. 214, 1694].

Некоторые писцы строго соблюдают правила написания знака придыхания над гласными. Хотя уже в старославянских и древнерусских памятниках придыхание, по мнению многих учёных, выполняли декоративную функцию, но в документах середины XVIII в. встречается знак *исо* («придыхание» + «оксия»): «пѣт око'ницѣ слюдяныхъ ѣкова'ныхъ желѣсо' ... ѣбраз Николая Чю-

дотворца...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 139. Л. 96, 1741], «... аннѣ ѡно' Каргаполовъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 139. Л. 96, 1741].

Паерок – пропуск ъ и ь: книга, два, в'ночи. Апостроф заменяет звук [j], для которого не было буквы в кириллице XVII в. «...Пере^д утreno' зорѣ» [РГАДА. Ф. 1142. Кн. 78. Л. 1, 1699]; «...тѣ^х и^х бо'до'ски^х люде'...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 556. Л. 1 об.].

7. Активно нерчинские писцы употребляли титло. Наблюдения за Нерчинскими документами XVII–XVIII вв. говорят о некотором изменении функциональной нагрузки титла. Писцы по-прежнему чётко выделяли и сокращали церковнославянские слова богослужебного характера, например, слова церковной лексики: *гсдь* – *Господь*, *бдца* – *Богородица*, *црквь* – *Церковь* и др. Также встречаются сокращения отдельных форм слова: *днги* – *деньги*, *де* – *деньга*, *кнга* – *книга*: «...Иванъ Петровъ снъ Волга...» [9, с. 17]; «...служилой члвкъ Ермилко Прокопевъ...» [9, с. 18]. Буквенное титло перестало использовать семь привычных букв, под титло нерчинские писцы выносили любые буквы: «Послано для вымену и^с Нерчи^ска на тысячу^х восе^м со^т белок во^жжанки по^чпали...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 324, 1753].

Не всегда вынос букв был оправдан сокращением слова, чаще буквенное титло служило для украшения и упорядочивало многочисленные завитки и графические изыски писцов.

8. В исследуемых деловых документах данного периода прослеживается табу на титло в следующих случаях: царский титул, имя царя, императора, императрицы, должности, звания. Но в черновиках присутствуют различного вида сокращения (*НК* – *Нерчинская канцелярия*). Встречаются случаи, когда повторяющиеся слова или шаблонные выражения записываются аббревиатурой: *НВ* – Нерчинское воеводство, *ИВ* – Императорское величество: «Ея *ИВ* *Указъ* из ы^рк^цкой правинъца^нной канцеляри^и...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 116, 1753].

9. «Цифирное» титло также подвергалось изменению. В Нерчинских деловых документах отражается процесс перехода от церковнославянских букв-числительных к цифрам римским и арабским, а также к новому летоисчислению, которое в 1700 г. ввёл Пётр I: «...в нѣшне^м Гдрь *1700* Го^{ду} По твоему великого Гдря *Указъ*...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 70, 1707]; «1753 го^{ду}

се^нтя^бря 21 дня по *Указъ* ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА правяща^я воевоцк^ю до^лжность нерчинской дворянинъ Василеи Лоншако^в сл^ыша^в репорт^ъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 215, 1753]. Интересно то, что в исследуемых документах писцы, следуя выучке, продолжают ставить титло уже над арабскими цифрами.

10. В середине XVIII в. в текстах появляются пробелы между словами, хотя предлоги и зависимые слова пишутся слитно, обнаруживается знак переноса: «...а^нбази^нские казаки пони^{де} тупусты^нку построили и прибрали в т^ѣ пусты^нку *••* брато^в а та^{де} пусты^нка построена а^нбази^нского острога вве^рхъ Поамуру реке на брусяно^м камени I в ннѣшнем ^{де} во РП^{••} год^ъ посланы великог Гдря Грамоты въ енисѣ^вскъ I выные Сибирские города которые^{де} мн^стри о^тписаны были Наего великог Гдря I тѣ^ми мн^страми велено владѣ^т постарому совсякими заводы...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 7, 1681–1683].

11. Знаки препинания расположены бессистемно. Это могут быть запятые, точки, точки с запятой в самых разных частях предложения. Двоеточия, скобки, кавычки использовались писцами более последовательно – при выделении отдельных дат, слов и словосочетаний. В строках обнаруживаются следующие знаки: =, :/.

12. Знак в виде трёх точек (:•), по нашему мнению, используется вместо повторяющегося выражения или пропущенного слова, которые за неимением места или экономии бумаги выносились на поля. Приведём примеры: «...для вѣдома въяк^тск^ю воеводск^ю канцелярию *:•* в которой объявить когда ис показанныхъ бѣ^глыхъ казаковъ гдѣ сысканы б^уд^утъ то оные имѣ^ютъ быт отосланы в тѣ^х як^тск^ю канцелярию бѣ^з всякаго замедления...» (на полях страницы: «*:•* слать промеморию») [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 172–173, 1752]; «...сл^ыша^в присланного ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА *:•* и^з правите^лствующего сената...» (на полях страницы: «*:•* указу») [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 208–209]; «...воск^ъ два ф^юнта *:•* по цене на р^ублѣ на сорокъ копеек^ъ...» (на полях страницы: «*:•* споловиною») [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 576, 1753].

13. Как показали исследования памятников Восточного Забайкалья, профессиональные и непрофессиональные писцы сохраняли в течение жизни привитые во время обучения графические правила, тра-

диционные в его кругу черты. Однако при этом в графике каждого из них проявляются индивидуальные черты, что, с одной стороны, усложняет расшифровку скорописи, а с другой – помогает установить «авторство» того или иного документа или черновика документа. В связи с этим письмо скорописи документов делопроизводства можно характеризовать как «индивидуальное».

В целом палеографические особенности памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. совпадают с палеографическими особенностями памятников других сибирских регионов того времени [2; 3; 5; 6; 7], но имеют ряд оригинальных или редких встречающихся в других текстах черт –

вынос слов на поля, аббревиатуры, вынос букв, слов и словосочетаний над строкой и под строкой. В отличие от других региональных документов памятники Восточного Забайкалья сохраняют длительное время архаические черты, в том числе и в графике. Для писцов Нерчинских канцелярий образцом долгое время оставались не документы центральных областей, написанные по новым правилам, а региональные документы XVII в. Только к середине XVIII в. письмо становится более чётким, плавным, не вызывает особых трудностей при чтении. Текст начинает делиться на слова, заглавные буквы употребляются более системно, исчезают многочисленные графические варианты.

Список литературы

1. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья с древнейших времён до 1762 г. СПб.: Воен. тип., 1887. Т. 12. 237 с.
2. Выхрыстюк М. С. Тобольская деловая письменность второй половины XVIII века в аспекте современного лингвистического источниковедения. Тобольск: ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2007. Ч. 2. 216 с.
3. Городилова Л. М. Русская скоропись XVII века: учеб. пособие. Хабаровск: Хабар. гос. пед. ин-т, 1989. 105 с.
4. Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): лингвистические очерки. М.: Флинта: Наука, 2004а. 265 с.
5. Очерки по языку деловой письменности XVIII века / под ред. Л. А. Глинкиной. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. 266 с.
6. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А. П. Майорова; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 260 с.
7. Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и Зауралье: лингвистика текста / отв. ред. Л. А. Глинкина. Челябинск: Полиграф-мастер, 2008. 159 с.
8. Христосенко Г. А. Палеографический альбом: учеб. сб. снимков с рукописей нерчинских документов делового письма конца XVII – перв. пол. XVIII в. / под ред. Н. А. Цомакион. Чита, 1973. 112 с.
9. Христосенко Г. А. Нерчинская деловая письменность XVII–XVIII вв.: учеб. пособие. Чита: ЧГПИ, 1994. 86 с.

References

1. Andrievich V. K. Kratkii ocherk istorii Zabaikal'ya s drevneishikh vremen do 1762 g. SPb.: Voen. tip., 1887. T. 12. 237 s.
2. Vykhrystyuk M. S. Tobol'skaya delovaya pis'mennost' vtoroi poloviny XVIII veka v as-pekhte sovremennogo lingvisticheskogo istochnikovedeniya. Tobol'sk: TGPI im. D. I. Mendeleeva, 2007. Ch. 2. 216 s.
3. Gorodilova L. M. Russkaya skoropis' XVII veka: ucheb. posobie. Khabarovsk: Khabar. gos. ped. in-t, 1989. 105 s.
4. Nikitin O. V. Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.): lingvisticheskie ocherki. M.: Flinta: Nauka, 2004a. 265 s.
5. Ocherki po yazyku delovoi pis'mennosti XVIII veka / pod red. L. A. Glinkinoi. Chelyabinsk: Izd-vo ChGPU, 2001. 266 s.
6. Pamyatniki zabaikal'skoi delovoi pis'mennosti XVIII veka / pod red. A. P. Maiorova; sost. A. P. Maiorov, S. V. Rusanova. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2005. 260 s.
7. Skoropis' XVIII – nachala XIX veka na Yuzhnom Urale i Zaural'e: lingvistika teksta / отв. ред. Л. А. Глинкина. Chelyabinsk: Poligraf-master, 2008. 159 s.
8. Khristosenko G. A. Paleograficheskii al'bom: ucheb. sb. snimkov s rukopisei nerchinskikh dokumentov delovogo pis'ma kontsa XVII – perv. pol. XVIII v. / pod red. N. A. Tsomakion. Chita, 1973. 112 s.
9. Khristosenko G. A. Nerchinskaya delovaya pis'mennost' XVII–XVIII vv.: ucheb. posobie. Chi-ta: ChGPI, 1994. 86 s.

Статья поступила в редакцию 11.02.2015

УДК 81'373.613
ББК (Ш)81

Елена Иосифовна Голованова,
доктор филологических наук, профессор,
Челябинский государственный университет
(454003, Россия, г. Челябинск, ул. С. Юлаева, 17в),
e-mail: ligol@csu.ru

Елена Николаевна Демидова,
кандидат филологических наук,
начальник отдела лингвистической экспертизы
Государственно-правового управления
Правительства Челябинской области
(454089, Россия, г. Челябинск, ул. Цвиллинга, 27),
e-mail: demidova_74@list.ru

Функционирование паронимов в научной речи как действие механизма профилирования

Статья посвящена явлению паронимии в современных научных текстах. Авторы предлагают когнитивный подход к рассмотрению данной проблемы – через анализ механизма профилирования, лежащего в основании разграничения сходных по структуре, но различных по семантике слов. Утверждается, что за лексическими единицами, являющимися неполными паронимами, стоит некоторое общее концептуальное содержание, которое по-разному профилируется с помощью языковых единиц. В научных текстах за членами паронимической пары, как правило, закреплена определённая сочетаемость, вследствие чего их взаимозамена нежелательна. На примере анализа ряда паронимических оппозиций авторы статьи показывают возможности разграничения терминологических и нетерминологических паронимов, функционирующих в научной речи. Обращается внимание на то, что паронимы в сфере научной коммуникации преимущественно образуют привативные оппозиции, один из членов которых (маркированный) характеризуется наличием определённого дифференциального признака, а другой (немаркированный) – его отсутствием. Особую тщательность следует соблюдать при употреблении терминов-паронимов, поскольку научный термин, являясь элементом логической модели области знания, стремится к такому соотношению языковой формы и содержания, при котором изменение формы наименования закономерно влечёт за собой изменение стоящего за ним концептуального содержания, и наоборот.

Ключевые слова: научный текст, пароним, термин, профилирование, паронимическая оппозиция, маркированность.

Elena Iosifovna Golovanova,
Doctor of Philosophical, Professor,
Chelyabinsk State University
(17-V Ylaevo St., Chelyabinsk, Russia, 454003),
e-mail: ligol@csu.ru

Elena Nikolayevna Demidova,
Candidate of Philology,
The Government of the Chelyabinsk Region
(27 Zwilling St., Chelyabinsk, Russia, 454089),
e-mail: demidova_74@list.ru

Paronyms Functioning in the Scientific Speech as an Action of the Shaping Mechanism

Article is devoted to the phenomenon of paronymy in the contemporary scientific texts. The authors proposed the cognitive approach to the examination of this problem – through the analysis of the shaping mechanism, which lies at the base of the differentiation of words similar according to the structure, but different in semantics. It is asserted that after the lexical units, which incomplete paronyms are, stand a certain general conceptual content, which differently is shaped with the aid of the lingual units. Based on the example of the analysis of a number of paronym's oppositions the authors show the possibility of the differentiation of terminological and other paronyms, which function is in the scientific

speech. The attention is paid to the fact that paronyms in the sphere of scientific communication predominantly form the privative oppositions, one of members of which (marked) is characterized by the presence of the specific differential sign, and another (not marked) by its absence. Special carefulness should be observed with the use of terms-paronyms, since the scientific term, being the element of the logical model of knowledge field, is approached such relationship of the lingual form and content, with which a change in the form of designation regularly entails a change in the conceptual content confronting after it, and vice versa.

Keywords: scientific text, paronym, term, shaping, paronym opposition, marking.

Под паронимией в научной речи нами понимается ненамеренное (не отрефлексированное автором) сближение сходных, но не тождественных по звучанию единиц, обладающих самостоятельным содержанием и формой. Паронимические замены могут касаться как терминологической, так и иной лексики, выполняющей в научном тексте мыслеформирующие функции.

Чаще всего паронимами выступают однокоренные слова, имеющие различия в морфемном, морфологическом и семантическом плане. Возникновение таких паронимов связано с действием механизма профилирования концептуальных различий – за счёт формальных расхождений лексики.

Казалось бы, форма языковой единицы (её грамматические характеристики и словообразовательная структура), а также типичный контекст употребления помогают говорящему (пишущему) ориентироваться в стоящем за ней содержании. Однако самостоятельные наименования, возникшие в результате смысловой дифференциации и требующие от авторов научных текстов повышенного внимания и метаязыковой рефлексии, различаются далеко не всегда. Например, в современных научных текстах часто встречается взаимозамена таких слов, как *лингвокультурный – лингвокультурологический*, *варьирование – вариантность*, *топонимия – топонимика* и др. [3].

При анализе паронимов наиболее адекватным является понятие «паронимическая оппозиция», которое актуализирует представление о том, что один из соотносительных паронимов носит маркированный, а другой – немаркированный характер. Паронимы, функционирующие в сфере научной коммуникации, преимущественно образуют привативные оппозиции [4, с. 5]. Маркированный член такой оппозиции не только характеризуется наличием определённого дифференциального признака, но и имеет больше ограничений в употреблении по сравнению с немаркированным.

Так, например, функционирование в научных текстах паронимов *гомеопатический – гомеопатичный* позволяет судить о том, что первый член оппозиции с момента своего появления в русском языке и до настоящего времени имеет широкий контекст употребления, о чём свидетельствует и семантика этого слова: «основанный на гомеопатии», «применяемый в гомеопатии», «относящийся к гомеопатии». Второй член названной оппозиции имеет узкое медицинское значение «вызывающий симптомы, подобные, сходные картине болезни» и используется ограниченно, лишь в специальной литературе [6, с. 303].

В когнитивных исследованиях утверждается, что определяющим в процессе восприятия информации является феномен направленности внимания, который получает несколько обозначений: профилирование, перспективизация, фокусирование (см. работы Дж. Лакоффа, Дж. Тейлора, Ч. Филлмора, Р. Лэнкера, О. К. Ирисхановой и др.).

В когнитивной грамматике Рональда Лэнкера профилирование рассматривается как один из типов *выделенности*, позволяющий реализовать определённые языковые цели [10, с. 18]. Согласно концепции Р. Лэнкера, языковое выражение вызывает в сознании определённую часть концептуального содержания, называемую базой (base), а в пределах базы языковое выражение выделяет отдельный элемент, называемый профилем (profile). Профиль языкового выражения – это то, с чем оно соотносится, или то, что оно обозначает в пределах своей концептуальной базы, своего рода фокус внимания.

Проследим действие когнитивных механизмов профилирования применительно к паронимам и стоящей за ними концептуальной базе.

В качестве примера обратимся к известной паронимической паре *адресат – адресант*. Данные лексические единицы отра-

жают разные элементы одной и той же ситуации, которую условно можно обозначить как «послание» (адресация → отправка → получение). Концептуальное содержание первой лексической единицы связано с конечным этапом данного сценария и включает представление о получателе послания (информации, сообщения, письма, посылки и пр.). В наиболее типичной ситуации – отправки письма – это один человек, в других случаях, например при публикации книги, предполагается неограниченное число получателей, ср.: *издание адресовано широкой аудитории*.

Лексическая единица *адресант* профилирует внимание на другом элементе той же концептуальной структуры (сценария). Концептуальное содержание этой лексической единицы составляет представление об инициаторе действия, отправителе: ему принадлежит активность в осуществлении действия (получатель выступает в качестве пассивного участника). Активность деятеля в языковой форме выражена с помощью суффикса *-ант* (ср. ряд иноязычных слов: *коммуникант, демонстрант, аспирант, дебютант* и др.). Основой для возникновения паронимии в данном случае является концептуализация основных участников действия (его инициатора и пассивной стороны) с помощью одного базового признака – отношения к адресации. В русском языке взаимосвязь данных участников концептуализируется иначе, через семантику коррелирующих глаголов: *отправитель – получатель*. При этом профилируется как различие, так и равноправие ролей участников ситуации в рамках единой концептуальной структуры.

Следует отметить, что профилирование, или фокусирование, предполагает выделение отдельного элемента и повышение уровня его значимости для познающего сознания. В языковой форме закрепляются результаты фокусирования на определённых признаках, аспектах того или иного объекта мысли. При этом сосредоточенность на одних признаках неизбежно сопровождается полным или частичным ослаблением внимания к другим, нерелевантным для субъекта в данном случае. Этот процесс обусловлен избирательностью восприятия и ограниченным объёмом памяти человека.

Сравним пару слов *система – системность*. Данные лексемы находятся в от-

ношениях производности: вторая является производной от первой. Система – упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых единиц, системность – свойство системы. Возникновение новой единицы на основе существующей всегда сопровождается появлением новой концептуальной структуры или перестройкой прежней. Если в одном случае (*система*) наше сознание концентрировалось на множестве единиц, связанных отношениями взаимообусловленности, то во втором случае (*системность*) мы отвлекаемся от совокупности конкретных единиц и акцентируем внимание на особом характере связей и отношений внутри – не важно, какого множества. Фокусирование происходит не на конкретном, а на абстрактном признаке, что гораздо сложнее удержать в сознании [5].

Рассмотрим оппозицию *системный – систематичный*. Первое прилагательное выражает значение «имеющий отношение к системе, присущий системе, входящий в систему», во втором – актуализируется значение «носящий закономерный характер, являющийся проявлением закономерных связей между какими-либо объектами» (ср. *систематично, систематичность*). В слове «систематичный» утверждается не естественный (т. е. возникший стихийно, как, например, в сочетаниях *солнечная система, нервная система*), а контролируемый характер связей в системе. С помощью этого прилагательного можно охарактеризовать поведение человека или свойства единиц, подконтрольных сознанию (например, терминов). Другими словами, речь идёт о более сложном характере связей, предполагающем значимость признака «контролируемость».

Сопоставим ещё одну пару слов: *оппозиция – противопоставление* тех или иных объектов, *оппозитивность* – свойство объектов как результат их сопоставления. Если термин «оппозиция» уравнивает два объекта, обладающих сопоставимыми и вместе с тем противоположными характеристиками, то структура знаний, выраженная термином «оппозитивность», отвлекает внимание от собственных характеристик объектов, сосредоточиваясь на особенностях их соотношения. Данное явление можно описать через соотношение *фона и фигуры* (в трактовках когнитивной лингвистики). В первом случае фоном было равен-

ство (взаимная связь) объектов, фигурой выступали их противоположные признаки, свойства. Во втором случае внимание сосредоточивается на противопоставленности объектов (их оппозитивности), знание конкретных свойств каждого объекта выступает фоном.

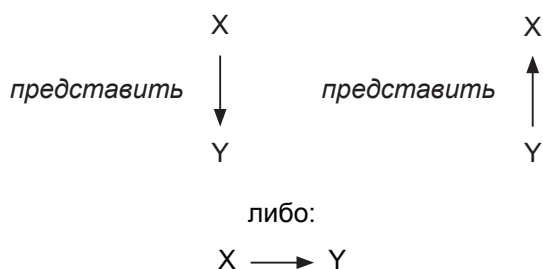
Когнитивный подход позволяет определить свойства и характеристики понятий не по их отношению друг к другу, а по отношению к общей концептуальной базе. Однако далеко не все слова сигнализируют о концептуальной базе однозначно. Зачастую мы затрудняемся в помещении слова в тот или иной когнитивный контекст, т. к. его значение профилируется относительно целого ряда концептуальных областей, или доменов.

Решающая роль когнитивного контекста ярко проявляется, по мнению Н. Н. Болдырева, в том, что «в обыденном сознании собственно значение слова сохраняет самый общий, диффузный характер, и лишь в речи оно структурируется на отдельные компоненты – смыслы – за счёт конкретных контекстов употребления слова. Недаром основная часть говорящих <...> затрудняются привести точное толкование значения слова и, тем более, его лексико-семантических вариантов <...>, и вынуждены вспоминать соответствующие контексты употребления слова» [1, с. 15].

Подобный взгляд позволяет по-иному интерпретировать явление паронимии: за лексическими единицами, являющимися неполными паронимами, стоит некоторое общее концептуальное содержание (или концептуальная область, домен), которое по-разному профилируется с помощью языковых единиц. При когнитивном подходе к проблеме паронимии за каждой парой соотносительных единиц можно усмотреть определённые системные отношения, которые вписываются в тот или иной формат знания.

Возьмём, к примеру, «хрестоматийные» паронимы *представить* – *предоставить*. Разграничение этих слов связано с тем, что они выступают обозначением эквивалентных отношений, т. е. сообщают о разных, но соотносительных ситуациях, которые можно вписать в определённую схему. И в том, и в другом случае участники ситуации находятся между собой в определённой иерархии.

Условно эти отношения можно изобразить следующим образом:

В первом случае участник ситуации X обладает некоторым ресурсом (информационным, материальным и пр.) или наделён правом распоряжаться этим ресурсом (ресурсами). В момент вступления в отношения с Y он передаёт ему часть ресурсов (либо позволяет воспользоваться ими в своих целях). Например: *предоставить отпуск* (начальник → подчинённый), *предоставить данные* (специалист в одной области → специалист в другой области).

Во втором случае (*представить*) участник X, находящийся в фокусе внимания, по роду своей деятельности владеет чем-либо (чаще всего информацией) и обязан в ответ на просьбу (требование) вышестоящего лица Y – в порядке должностных инструкций или других конститутивных отношений – предъявить часть этой информации. Например: *представить сведения (отчёт, документы, доказательства и т. п.)*. Главное при разграничении указанных ситуаций – учитывать характер взаимоотношений между участниками. С помощью когнитивной схемы, которая «выводится» из языковых данных, мы проясняем его.

В научных текстах за членами паронимической пары, как правило, закреплена определённая сочетаемость, вследствие чего их взаимозамена нежелательна. Лишь в некоторых случаях в сфере научного общения сходные по звучанию единицы выступают в качестве синонимов и вариантов, реже они используются с целью создания выразительных контекстов, позволяющих подчеркнуть смысловое различие соответствующих наименований.

Рассмотрим паронимическую пару *ментальность* и *менталитет*. Эти термины нередко употребляются в научных текстах как синонимы, на правах взаимозаменяемости, на что указывают некоторые исследователи [7]. Однако речь идёт не о простых словах, а о научных терминах. Научный

термин, выступая элементом логической модели области знания или деятельности [9, с. 26], стремится к такому соотношению языковой формы и содержания, при котором изменение формы термина закономерно влечёт за собой изменение стоящего за ним концептуального содержания, и наоборот. Следовательно, с помощью терминов «ментальность» и «менталитет» профилируются разные концептуальные структуры в пределах одной когнитивной области.

Подход к чёткому разграничению данных наименований находим в работах С. Г. Воркачева и В. В. Колесова. *Менталитет* понимается ими как «набор специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации» [2, с. 7], как «наивная целостная картина мира в её ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях» [8, с. 12]. Под *ментальностью* подразумевается «способ видения мира вообще» [2, с. 6], «национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определённой обстановке» [8, с. 13].

Таким образом, если менталитет – это система мировоззрения, присущая определённой национальной культуре (комплекс стереотипов), то ментальность – способ

восприятия и интерпретации мира, отражённый в формах родного языка. Первое представляет собой целостный и статичный объект, второе является динамичной сущностью, связанной с процессом познания и деятельности (выступает при этом диалектическим единством устойчивого и подвижного).

В заключение отметим, что современный этап развития научного знания, для которого характерен активный процесс терминообразования и расширение числа терминологических вариантов, делает проблему паронимии в научной коммуникации весьма актуальной и значимой. Именно в научной коммуникации паронимия как недифференцированное использование сходных по звучанию и написанию слов затрудняет восприятие текста и создаёт случаи рассогласования смысла.

Предложенный подход к анализу феномена паронимии позволяет установить, что за членами паронимической оппозиции стоят не разные структуры знаний, а разные способы профилирования тех или иных компонентов одной и той же структуры знания или связанных между собой структур. Внимание к языковой форме терминов (а также других слов, типичных для научной коммуникации) способствует прояснению зафиксированных в ней определённых признаков, аспектов объекта мысли и помогает более ясному, непротиворечивому разграничению паронимов.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // Когнитивная семантика: материалы II Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике: в 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С. 11–17.
2. Воркачев С. Г. Из истории слов: лингвокультурный концепт // Новое в когнитивной лингвистике. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2006. С. 3–14.
3. Голованова Е. И. Паронимия в научном тексте как проблема соотношения языковой формы и содержания // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32). С. 28–33.
4. Демидова Е. Н. Паронимия в научном тексте: когнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2014. 22 с.
5. Демидова Е. Н. Когнитивный подход к анализу паронимических замен в научной речи // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2013. № 37 (328). Вып. 86. С. 29–31.
6. Дягилева И. Б. «Идеология гомеопатии»: к истории одного понятия в русском языке XIX века // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / отв. ред. В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. М., 2012. С. 297–305.
7. Забелина Н. А. Менталитет и ментальность // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвуз. сб. науч. тр. Курск: Изд-во Кур. гос. ун-та, 2003. С. 21–28.
8. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2006. 624 с.
9. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
10. Лэнекер Р. В. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопр. когнитивной лингвистики. № 3. 2006. С. 15–28.

References

1. Boldyrev N. N. Znachenie i smysl s kognitivnoi točki zreniya i problema mnogo-znachnosti // Kognitivnaya semantika: materialy II Mezhdunar. shkoly-seminara po kognitivnoi lingvistike: v 2 ch. Ch. 1. Tambov: Izd-vo Tamb. un-ta, 2000. S. 11–17.
2. Vorkachev S. G. Iz istorii slov: lingvokul'turnyi kontsept // Novoe v kognitivnoi lingvistike. Kemerovo: Izd-vo KemGU, 2006. S. 3–14.
3. Golovanova E. I. Paronimiya v nauchnom tekste kak problema sootnosheniya yazykovoi formy i sodержaniya // Gumanitarnyi vektor. 2012. № 4 (32). S. 28–33.
4. Demidova E. N. Paronimiya v nauchnom tekste: kognitivnyi aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Chelyabinsk, 2014. 22 s.
5. Demidova E. N. Kognitivnyi podkhod k analizu paronimicheskikh zamen v nauchnoi rechi // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Ser. «Filologiya. Iskusstvovedenie». 2013. № 37 (328). Vyp. 86. S. 29–31.
6. Dyagileva I. B. «Ideologiya gomeopatii»: k istorii odnogo ponyatiya v russkom yazyke XIX veka // Evolyutsiya ponyatii v svete istorii russkoi kul'tury / otv. red. V. M. Zhivov, Yu. V. Kagarlitskii. M., 2012. S. 297–305.
7. Zabelina N. A. Mentalitet i mental'nost' // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommu-nikatsiya: mezhvuz. sb. nauch. tr. Kursk: Izd-vo Kur. gos. un-ta, 2003. S. 21–28.
8. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste. SPb.: Peterb. Vostokovedenie, 2006. 624 s.
9. Leichik V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. M.: KomKniga, 2006. 256 s.
10. Leneker R. V. Kontseptual'naya semantika i simvolicheskaya grammatika // Vopr. kogni-tivnoi lingvistiki. № 3. 2006. S. 15–28.

Статья поступила в редакцию 17.11.2014

УДК 81
ББК Ш1

Елена Юрьевна Кабановская,
кандидат психологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672031, Россия, г. Чита, ул. Гагарина, 8),
e-mail: ms.leka1973@mail.ru

Современные подходы к изучению языковой личности

Данная статья посвящена изучению современных аспектов исследования языковой личности. Рассмотрены основные подходы к изучению языковой личности. Проведён сравнительный анализ основных аспектов изучения языковой личности в современной лингвистике и психолингвистике. На основе теоретического анализа исследований рассмотрен этнокультурный аспект изучения языковой личности как один из приоритетных. Проведено экспериментальное исследование этнокультурного компонента языковой личности. С точки зрения автора, изучение этнокультурного компонента языковой личности возможно благодаря исследованию её языкового сознания, изучению значений и смыслов как базовых составляющих языкового сознания личности и определяющих этнокультурную специфику языковой картины мира личности. С целью изучения языкового сознания личности в этнокультурной среде использован метод свободных ассоциаций. Полученные в исследовании материалы послужили основой для сравнительного анализа образа языкового сознания личности в русской и бурятской культурах, анализа ядра языкового сознания респондентов, анализа структуры ассоциативных полей. Определены этнокультурные особенности в языковом сознании русских и бурят, выделены их универсальные и контрастные черты. На основе результатов теоретических и практических исследований сделан вывод о рассмотрении языковой личности как носителя устойчивых значений и смыслов, как этносемантической личности.

Ключевые слова: языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность, этнокультурный компонент языковой личности, языковое сознание, языковая картина мира личности.

Elena Yurievna Kabanovskaya,
Candidate of Psychology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(8 Gagarin St., Chita, Russia, 672031),
e-mail: ms.leka1973@mail.ru

Modern Approaches to the Language Personality Studying

This article is devoted to the study of modern aspects of research of the language personality. The main approaches are considered. The comparative analysis of the main aspects of studying of the language personality in modern linguistics and psycholinguistics is carried out. On the basis of the theoretical analysis of researches the ethno-cultural aspect of studying of the language personality as one of the priority is considered. The pilot study of an ethno-cultural component of the language personality is conducted. From the point of view of the author, studying of an ethno-cultural component of the language personality is possible due to research of her language consciousness, studying of values and meanings as basic components of language consciousness of the personality and defining ethno-cultural specifics of a language picture of the world of the personality. For the purpose of studying of language consciousness of the personality in the ethno-cultural environment, the method of free associations is used. The materials received in research formed a basis for the comparative analysis of an image of language consciousness of the personality in the Russian and Buryat cultures, the analysis of a kernel of language consciousness of respondents, the analysis of structure of associative fields. Ethno-cultural features in language consciousness of Russians and Buryats are defined and drill, their universal and peculiar features are marked out. On the basis of results of theoretical and practical researches I drew a conclusion on consideration of the language personality as carrier of steady values and meanings, as ethno-semantic personality.

Keywords: language personality; speech personality; communicative personality; ethno-cultural component of the language personality; language consciousness; personality's linguistic picture of the world.

Изучение личности в лингвистике и психолингвистике отражено в работах ряда зарубежных и отечественных исследователей. Основы теории языковой личности заложены в трудах В. фон Гумбольдта. В своей теории он рассматривает язык как средство формирования личности, её своеобразного мировидения. В исследованиях А. А. Леонтьева язык определяется как важнейший ориентир человека в его деятельности в мире. Деятельность он рассматривает как диалог человека с миром и считает, что язык – это, прежде всего, язык личности.

Существуют различные аспекты изучения языковой личности. Так, например, исследование языковой и речевой личностей отражено в работах Ю. Е. Прохорова, Г. И. Богина и ряда других исследователей: «если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности» [11, с. 54]. Исследователи И. Э. Клюканов, Л. П. Клобукова акцентируют внимание на описании способности личности к интегрированной речевой деятельности. Так, И. Э. Клюканов рассматривает языковую личность как субъект, «способный осуществлять речевую деятельность, оперируя интегральными смысловыми образованиями» [8, с. 26].

Л. П. Клобукова определяет языковую личность как «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей, которые дифференцируются, с одной стороны, с учётом различных уровней языка, с другой – с учётом основных видов речевой деятельности, а с третьей – с учётом тех тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит речевое общение [7, с. 29].

Г. Н. Беспамятова, В. В. Красных и другие учёные исследуют коммуникативный аспект личности. Так, с точки зрения Г. Н. Беспамятовой (2000), ядром коммуникативной личности является её коммуникативное поведение. В трактовке учёного языковая личность выступает как личность, наделённая определёнными качествами, которые обнаруживаются в её коммуникативном поведении и обеспечивают личности определённую коммуникативную индивидуальность. Вводя понятие «коммуникативная личность», Г. Н. Беспамятова считает, что её необходимо рассматривать в качестве единицы коммуникативно-праг-

матического уровня в структуре языковой личности Ю. Н. Караулова, при этом оставляя за пределами данного понятия такие компоненты языковой личности, как лексикон, грамматикон, тезаурус, семантикон, прагматикон. В свою очередь, С. А. Сухих (1996) считает, что основу языковой личности составляют языковая и коммуникативная компетенции и тезаурус. Он определяет языковую личность как сложную многоуровневую функциональную систему, которая включает в себя языковую компетенцию, т. е. уровень владения языком, коммуникативную компетенцию – владение способами осуществлять речевое взаимодействие и знание мира (тезаурус).

В лингвистических и психолингвистических исследованиях большинство учёных, изучая различные аспекты языковой личности, акцентируют внимание на выделении этнокультурного компонента языковой личности. В работах последних лет коммуникативная личность всё чаще рассматривается исследователями в качестве обобщённого образа «носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных действий, ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [5, с. 9].

При рассмотрении коммуникативной личности как обобщённого образа носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей выделяют ценностный план – этические и утилитарные нормы поведения, свойственный этносу в определённый период и познавательный – вычленяемый посредством анализа собственной картины мира личности. Изучению этнокультурного компонента посвящены работы Г. И. Богина, Ю. Е. Прохорова, И. В. Сентенберг и ряда других исследователей. Г. И. Богин понимает под речевой личностью носителя речи, наделённого способностью к использованию языковой системы: «под языковой личностью следует понимать закреплённый преимущественно в лексической системе этнокультурный прототип носителя определённого языка» [2, с. 154]. Выделение этнокультурного аспекта языковой личности является основой для её определения в работах И. В. Сентенберг, трактующего данный феномен как «базовый этнокультурный носитель языка, который представляет собой инвариантную часть структуры речевой личности» [12, с. 18].

Таким образом, в работах многих исследователей этнокультурная специфика рассматривается в качестве основы языковой личности.

С точки зрения автора, изучение этнокультурного компонента языковой личности возможно благодаря исследованию её языкового сознания, изучению значений и смыслов как базовых составляющих языкового сознания личности и определяющих этнокультурную специфику языковой картины мира личности. С целью изучения языкового сознания личности в этнокультурной среде автором использована методика свободного ассоциативного эксперимента. Исследование проведено в 2014 г. Количество участников эксперимента составило 200 чел.: 100 чел. – представители русской культуры, 100 чел. – представители бурятской культуры. Выборка представлена студентами Забайкальского государственного университета (г. Чита) и студентами Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). Свободный ассоциативный эксперимент был направлен на изучение эмоциональной сферы личности. Эксперимент проводился на основе эмотивной

лексики, стимульный список которой представлен следующими словами-стимулами: *горе, любовь, радость, чувствовать, неприязнь, грусть, доброта, злой, страх, смирение, ощущать, дружелюбие, обида, жестокость, удивление, жалость, улыбка, терпеть, вдохновение, уважение, вера, высокомерный, наглость, смелый, лицемерие, искренность, надежда, гнев, интерес, стыд, счастье, ярость, ужас, страдать, зависть, гордый, презрение, тоска, уверенность, смех*. Студентам предлагалось ответить на предъявляемые 40 слов-стимулов любым словом-реакцией. Полученные в исследовании материалы послужили основой для анализа структуры ассоциативных полей, на основе которого был проведён анализ ядра языкового сознания респондентов, сравнительный анализ образа языкового сознания личности в русской и бурятской культурах.

На основе полученных в исследовании материалов ассоциативных полей определены наиболее частотные реакции респондентов, составляющие ядро их языкового сознания в русской и бурятской культурах (см. табл.).

Таблица

Ядро языкового сознания респондентов

Русские			Буряты		
Ранг	Слова-реакции на стимулы	Количество респондентов, ответивших словами-реакциями на стимулы	Ранг	Слова-реакции на стимулы	Количество респондентов, ответивших словами-реакциями на стимулы
1	Любовь	90	1	Боль	87
2	Дружба	89	2	Вера	85
3	Улыбка	88	3	Слёзы	80
4	Родители	86	4	Радость	78
5.5	Согласие	77	5	Бог	77
5.5	Радость	77	6	Родители	68
7.5	Обида	72	7	Доброта	63
7.5	Печаль	72	8	Одиночество	52
9	Друг	64	9	Веселье	47
10	Друзья	56	10	Мама	46
11.5	Слёзы	54	11	Счастье	44
11.5	Покорность	54	12	Обида	42
13	Счастье	53	13	Плакать	37
14	Война	49	14.5	Мужественный	33
15.5	Восприятие	48	14.5	Доверие	33
15.5	Насилие	48	16	Сильный	32
17	Любопытство	45	17.5	Сострадание	31
18	Прикосновение	44	17.5	Буддизм	31
19	Чувство	43	19.5	Смех	30

20	Сильный	42	19.5	Семья	30
21	Спокойствие	41	21	Грех	29
22.5	Любить	40	22	Религия	28
22.5	Смех	40	23	Добродушие	27
24.5	Восторг	34	24	Достоинство	26
24.5	Стойкость	34	25	Самолюбие	25
26.5	Гордый	33	26.5	Муза	24
26.5	Оптимизм	33	26.5	Добро	24
28.5	Надёжность	32	28.5	Удача	23
28.5	Восхищаться	32	28.5	Смелость	23
30	Милосердие	31	30.5	Правда	22
31	Взаимопонимание	30	30.5	Сострадание	22
32.5	Преданность	29	32.5	Воля	21
32.5	Уверенность	29	32.5	Любить	21
34	Знание	28	34	Добро	20
35	Открытость	27	35.5	Надежда	19
36.5	Настроение	26	35.5	Знание	19
36.5	Надежда	26	37.5	Огонь	18
38	Улыбаться	24	37.5	Гнев	18
39	Доброта	23	39	Солнце	17
40.5	Помогать	22	40	Озарение	16
40.5	Правдивость	22	41	Уважение	15
42	Солнце	21	42	Милосердие	14

Языковое сознание русских представлено реакциями: *любовь* (90), *дружба* (89), *улыбка* (88), *согласие* (77), *радость* (77), *друг* (64), *друзья* (56), *счастье* (53), *любить* (40), *взаимопонимание* (30), *преданность* (29), *открытость* (27), *улыбаться* (24), *помогать* (22). Определение данных реакций в языковом сознании респондентов обуславливает рассмотрение представителей русской этнокультуры как экстравертных, коммуникабельных людей, склонных к взаимопониманию, преданности и открытости в межличностных отношениях. Ядро языкового сознания носителей бурятской культуры представлено реакциями *вера* (85), *бог* (77), *буддизм* (31), *грех* (29), *религия* (28), обуславливающих наличие религиозных смыслов в языковом сознании бурят. Реакции *родители* (68), *доброта* (63), *мама* (46), *семья* (30), *уважение* (15) позволяют сделать вывод об особенной роли семьи в культуре бурятского этноса. Реакции *роди-*

тели (86, 68), *обида* (72, 42), *слёзы* (54, 80), *счастье* (53, 44), *сильный* (42, 32), *смех* (40, 30), *любить* (40, 21), *милосердие* (31, 14), *знание* (28, 19), *надежда* (26, 19), *доброта* (23, 63) составляют однородность ассоциирования респондентов обеих этногрупп.

Таким образом, проведённый сопоставительный анализ ядра языкового сознания респондентов позволяет определить этнокультурные особенности в языковом сознании русских и бурят, выделить их универсальные и контрастные черты, позволяя тем самым, рассматривать языковую личность как носителя устойчивых значений и смыслов, как этносемантическую личность.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что сопоставительный анализ основных аспектов изучения языковой личности в современной науке определяет этнокультурный аспект изучения языковой личности как один их приоритетных.

Список литературы

1. Беспмятова Г. Н. Языковая личность телевизионного ведущего: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Воронеж, 1994. 217 с.
2. Богин Г. И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.00.00. Л., 1984. 32 с.
3. Воркачев С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремологии // Вопр. языкознания. 1997. № 4. С. 115–124.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.

5. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
6. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8.
7. Клобукова Л. П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. под ред. В. В. Красных. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 39.
8. Ключанов И. Э. Динамика межкультурного общения: системно- семиотические исследования. Тверь, 1998. 99 с.
9. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
10. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.
11. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Педагогика-пресс, 1996. 215 с.
12. Сентенберг И. В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994. С. 14–24.
13. Сухих С. А. Черты языковой личности: коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. Тверь, 1993. С. 85–91.

References

1. Bospamyatova G. N. Yazykovaya lichnost' televizionnogo vedushchego: dis. ... kand. filol. nauk: 10.00.00. Voronezh, 1994. 217 s.
2. Bogin G. I. Model' yazykovoi lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov: avto-ref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.00.00. L., 1984. 32 s.
3. Vorkachev S. G. Bezrazlichie kak etnosemanticheskaya kharakteristika lichnosti: opyt sopo-stavitel'noi paremiologii // Vopr. yazykoznaniya. 1997. № 4. S. 115–124.
4. Gumbo'dt V. Yazyk i filosofiya kul'tury. M.: Progress, 1985. 451 s.
5. Karasik V. I. Kul'turnye dominanty v yazyke // Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty. Arkhangel'sk: Peremena, 1996. S. 3–16.
6. Karaulov Yu. N. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya // Yazyk i lichnost'. M.: Nauka, 1989. S. 3–8.
7. Klobukova L. P. Fenomen yazykovoi lichnosti v svete lingvodidaktiki // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st. pod red. V. V. Krasnykh. M.: Filologiya, 1997. Vyp. 1. S. 39.
8. Klyukanov I. E. Dinamika mezhkul'turnogo obshcheniya: sistemno-semioticheskie issledovaniya. Tver', 1998. 99 s.
9. Krasnykh V. V. Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? M.: Dialog-MGU, 1998. 352 s.
10. Leont'ev A. A. Osnovy psikholingvistiki. M.: Smysl, 1999. 287 s.
11. Prokhorov Yu. E. Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev. M.: Pedagogika-press, 1996. 215 s.
12. Sentenberg I. V. Yazykovaya lichnost' v kommunikativno-deyatelnostnom aspekte // Yazykovaya lichnost': problemy znacheniya i smysla. Volgograd, 1994. S. 14–24.
13. Sukhikh S. A. Cherty yazykovoi lichnosti: kommunikativno-funktsional'nyi aspekt yazyko-vykh edinits. Tver', 1993. S. 85–91.

Статья поступила в редакцию 15.01.2015

Ирина Вячеславовна Крашенинникова,
соискатель,
Ульяновский государственный университет
(432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42),
e-mail: irino4ka90@list.ru

Значение исследования языкового выражения семейных сценариев для теории языка

В статье рассматривается вопрос о значении исследования языкового выражения семейных сценариев для теории языка. Под языковым выражением семейных сценариев понимается то, как именно в языке выражаются существующие установки, принципы и убеждения о взаимоотношениях в семьях, хранящиеся в нашей голове в виде предложений и фраз. На речевом уровне семейные сценарии представляют собой материально выраженные фразы (предложения), связанные с тем, как представлена совокупность знаний о семье в сознании человека. Изучение языкового выражения семейных сценариев имеет прямое отношение к различным вопросам лингвистического и психолингвистического характера и может внести свой вклад в исследование таких проблем, как язык и речь, язык и мышление, семантика синтаксиса, лексическая семантика, фоносемантика, социолингвистика, что свидетельствует об актуальности названной проблемы для теории языка. Целью статьи является конкретизация взаимосвязи обозначенной проблемы с общетеоретическими проблемами языкознания. Специфика статьи заключается в том, что в ней используется методологически очень важное разграничение таких уровней лингвистического исследования, как уровни «мышление – язык в собственном смысле этого слова – психофизиология – речь – общение». На данном этапе используется описательный метод исследования.

Ключевые слова: семейный сценарий, язык, речь, мышление, психолингвистика, конструктивность, деструктивность, лингвокультурология, фоносемантика.

Irina Vyacheslavovna Krasheninnikova,
Competitor,
Ulyanovsk State University
(42 Lev Tolstoy St., Ulyanovsk, Russia, 432017),
e-mail: irino4ka90@list.ru

The Importance of Language Expression Research Concerning Family Scripts for the Theory of Language

This article deals with the meaning of language expression of family scripts for the theory of language. Language expression of family scripts is thought as current attitudes, values and views about family relationships that are kept as sentences and phrases in our mind. And it is also important how they are developed in speech. At the speech level family scripts have the form of fixed phrases or sentences associated with body of knowledge about family which exists in every person's mind.

Studying of language expression of family scripts has a lot to do with different questions which have linguistic and psycholinguistic nature and can make a contribution to the development of such approaches as language and speech, language and thought, semantics of syntax, lexical semantics, phono-semantics, and sociolinguistics. Thus, the problem presented in this article is relevant for the general theory of language. The purpose of this article is substantiation correlation of represented problem with general-theoretical linguistics problems. The specific of the article is in the following: methodologically important differentiation of such linguistic research levels as "thought – language in its proper meaning – psychophysiology – speech – communication" is used in it. The descriptive method of research is used.

Keywords: family script, language, speech, thought, psycholinguistics, constructability, destructiveness, cultural linguistics, phono-semantics.

В современной лингвистике, довольно часто обращаясь к гендерной проблематике, проблема языкового выражения семейных сценариев пока не затрагивается. Целью данной статьи является попытка от-

ветить на следующий вопрос: что даёт для общего языкознания изучение языкового выражения семейных сценариев?

Под семейным сценарием обычно понимается постепенно развёртывающийся

жизненный план, который формируется ещё в раннем детстве в основном под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперёд, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления или свободного выбора [3, с. 41].

Под языковым выражением семейных сценариев при этом понимается то, как именно в языке выражаются все наши установки, принципы и убеждения о взаимоотношениях в семьях, хранящиеся в нашей голове в виде предложений и фраз. Приведём несколько русских пословиц, раскрывающих различные аспекты тех или иных семейных сценариев:

– *Одному с женою горе, другому вдвое* [7, с. 367];

– *За плохим жить, только век должить (волочить)* [7, с. 370];

– *Муж с женой ругайся, а третий не мешайся!* [7, с. 372];

– *Утро вечера мудренее, жена мужа удалее* [7, с. 374];

– *Первая жена от бога, вторая от человека, третья от чёрта* [7, с. 377].

В первую очередь, проблема языкового выражения семейных сценариев не может быть рассмотрена вне таких известных проблем общего языкознания, как соотношение языка и речи, языка и мышления.

Теоретическая постановка проблемы соотношения языка и речи в истории языкознания обычно связывается с именем Ф. де Соссюра. Именно он, основавший оппозицию *язык* и *речь*, считал язык и орудием, и продуктом речи [19, с. 57]. Кроме того, язык в отличие от речи является идеальным, его нельзя наблюдать непосредственно, в то время как речь материальна и проявляется в конкретных высказываниях и текстах. Подробный разбор литературы по разграничению понятий *язык* и *речь* представлен в разных источниках [5, с. 95–96; 9; 10, с. 271–284; 19].

При изучении языкового выражения семейных сценариев становится ясно, что оппозиция *язык* и *речь* должны соотноситься как логические категории *общего* и *особенного*, как онтологические категории *сущности* и *явления* предмета исследования. Таким образом, изучение языкового выражения семейных сценариев позволяет уточнить в данной предметной области лингвистические представления о взаимосвязи *языка* и *речи*.

При изучении языкового выражения семейных сценариев оказывается, что разграничения *языка* и *речи* лингвисту может быть недостаточно. Более плодотворно в этой ситуации пользоваться разграничением большего количества уровней исследования – уровней мышления, языка в собственном смысле этого слова, психофизиологии, речи и общения. Мотивировка выделения этих уровней лингвистического исследования рассмотрена А. В. Пузырёвым [17, с. 21–24].

Как может быть представлено языковое выражение семейных сценариев на уровне мышления, в том числе речевого? При решении этого вопроса нельзя обойтись без привлечения данных психологии (общей психологии, психологии мышления) и психолингвистики. Языковое выражение семейных сценариев на уровне мышления выглядит как языковое выражение господствующих установок личности, её мотивов и потребностей, что, в свою очередь, выражается в определённых паттернах мышления [14; 22 и др.]. Нам важно, что при изучении языкового выражения семейных сценариев язык и мышление должны соотноситься как логические категории *общего* и *всеобщего*, как онтологические категории *сущности* и *бытия* предмета исследования. При таком понимании соотношения языка и мышления наше исследование вполне вписывается в существующие представления о том, что человеческое мышление носит всеобщий характер, тогда как человеческий язык всегда национален. Таким образом, изучение языкового выражения семейных сценариев позволяет уточнить в данной предметной области лингвистические представления о взаимосвязи языка и мышления, что, в свою очередь, внесёт определённые уточнения в существующие представления об их взаимосвязи.

Следует отметить, что если в психологии конструктивные и деструктивные векторы мышления обсуждаются такими корифеями, как З. Фрейд, Э. Фромм, Г. Оллпорт [23], то в лингвистике проблемы языкового выражения этих важнейших по своему характеру векторов почти не обсуждаются. Конструктивные и деструктивные векторы мышления обозначаются названными теоретиками психологии с помощью таких понятий, как *конструктивность* и *деструктивность*, *биофилия* и *некрофилия*, *жиз-*

нелюбие и деструктивность и т. д. [23]. Э. Фромм справедливо утверждает, что *некрофилия* ведёт нас к смерти, уничтожению и разложению, в то время как *биофилия* характеризуется целостностью и самодостаточностью [16, с. 85]. Ещё раз обозначим отставание теоретиков-лингвистов от теоретиков-психологов в данной области, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости преодоления теоретического разрыва между смежными науками. В силу сказанного, изучение языкового выражения конструктивных и деструктивных аспектов семейных сценариев призвано стать одной из попыток преодоления существующего теоретического отставания лингвистики от психологии.

Заметим попутно, что указанные паттерны мышления во многом определяются факторами лингвокультурного характера. По мнению многих учёных, лингвокультурология является «комплексной научной дисциплиной синтезирующего типа», она изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании, отражает этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки (система норм и общечеловеческих ценностей) [4, с. 36–37; 21, с. 13–24]. Учёт взаимодействия факторов различного характера (онто- и филогенеза языковой личности, лингвокультурных стереотипов, психологических характеристик языковой личности) позволит уточнить лингвистические представления о взаимосвязи языка и мышления в данной предметной области, что, в свою очередь, внесёт определённые уточнения в существующие представления о взаимосвязи языка и мышления.

Следующий уровень используемой пентахотомии – уровень психофизиологии – означает переход от языка как сущности к речи, как репрезентации языка в материальном виде. Психофизиология – область психологии и физиологии, изучающая объективно регистрируемые сдвиги физиологических функций, сопровождающих психические процессы восприятия, запоминания, мышления, эмоций и т. п.

Суть психофизиологической проблемы сводится к вопросу о том, как соотносятся психические и физиологические процессы,

как психика и психические процессы, будучи нематериальными, могут принимать участие в регуляции двигательной активности организма.

А. Ф. Корниенко пишет о том, что «понимание психики как свойства мозга позволяет утверждать, что любые изменения в психике – есть не что иное, как изменения в характере протекания мозговых физиологических процессов». Он также утверждает, что эти физиологические процессы, являясь материальными, могут оказывать воздействие на другие физиологические процессы человека, обеспечивая, таким образом, регуляцию его поведения. Такая идея позволяет предположить то, что влияние психического (идеального) на физиологическое (материальное) осуществляется не непосредственно, а опосредованно через физиологические процессы, протекающие в мозге, т. е. через свою материальную основу [11; 12, с. 10; 17].

Мы с уверенностью можем говорить о том, что на психофизиологическом уровне семейные сценарии – это совокупность динамических стереотипов, связанных с отношениями в семье и различными её аспектами. Уровень психофизиологии следует выделять на сугубо теоретико-методологических основаниях, но специального исследования в лингвистических работах, думается, пока не нужно проводить, поскольку здесь ещё слишком много «белых» пятен.

Если говорить об уровне речи, то Ф. де Соссюр рассматривает её как «сумму всего того, что говорят люди». По мнению Ф. де Соссюра, в речи нет ничего коллективного, а проявления её индивидуальны и мгновенны [20, с. 57].

Л. Ельмслев в своей работе «Пролегомены к теории языка» пишет о том, что речь представляет собой характерную черту личности в хорошем и плохом её проявлении, отличительный признак семьи и нации, свидетельство человеческого благородства [8, с. 1].

Для нас, как и для многих лингвистов, речь – это то, во что превращается язык, это то, в чём он материализуется. Речь – это та реальность, которая обладает материальными признаками [17, с. 23; 26].

На речевом уровне семейные сценарии представляют собой материально выраженные фразы (предложения), связанные с тем, как представлена совокупность знаний о семье в сознании человека.

И, наконец, следует учитывать уровень общения. Как известно по многим работам лингвистов и психологов, только в общении (с кем-либо, а иногда с самим собой) речь выражает не содержание, а личностно ориентированный смысл: один и тот же текст существует столько раз, сколько раз его читали и воспринимали [6, с. 6; 13, с. 20; 17, с. 24; 26].

Внутри общения следует различать коммуникацию, квазикоммуникацию и псевдокоммуникацию.

Коммуникация – это тип взаимодействия между людьми, предполагающий информационный обмен. Такое взаимодействие вызвано потребностями совместной деятельности и направлено на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнёра [17, с. 23].

В других случаях общение выступает в виде квазикоммуникации (т. е. «будто бы коммуникации»). Показательным примером такого вида общения является диалог двух героев из знаменитой пьесы А. П. Чехова «Три сестры»:

Чебутыкин (идя в гостиную с Ириной). И угощение было тоже настоящее кавказское: суп с луком, а на жаркое – чехартма, мясное.

Солёный. Черемша вовсе не мясо, а растение вроде нашего лука.

Чебутыкин. Нет-с, ангел мой. Чехартма не лук, а жаркое из баранины.

Солёный. А я вам говорю, черемша – лук.

Чебутыкин. А я вам говорю, чехартма – баранина.

Солёный. А я вам говорю, черемша – лук.

Чебутыкин. Что же я буду с вами спорить. Вы никогда не были на Кавказе и не ели чехартмы.

Солёный. Не ел, потому что терпеть не могу. От черемши такой же запах, как от чеснока [25, с. 923].

Как видно, в данной ситуации герои явно не слушают, а главное – не слышат друг друга.

В некоторых случаях общение выступает в виде псевдокоммуникации. В этом случае партнёр выступает не субъектом, а объектом использования знаковых средств языка. При таком варианте общения отправитель и получатель информации остаются на разных полюсах информационного кана-

ла. Такой случай носит название «коммуникативного сбоя» или «ножниц восприятия». И, как правило, возникает неожиданный или нежелательный для коммуникатора результат общения [1, с. 19].

Таким образом, семейный сценарий на уровне общения – это тот индивидуальный, уникальный, неповторимый смысл фраз, содержащих информацию о семейных сценариях, который извлекают из этих фраз конкретные носители языка.

Изучение языкового выражения семейных сценариев может внести некоторые уточнения и в такой раздел лингвистики, как фоносемантика, под которой понимается учение о таких языковых средствах, сущность которых «состоит в наличии у самой звуковой субстанции (звука, слога, слова, синтагмы, фразы, текста) ярко выраженных прагматических характеристик и весьма размытой, но относительно самостоятельной – от предметной отнесённости (например, слова или совокупности слов) – семантики» [15, с. 261–262]. По мнению М. Л. Ремнёвой, данная наука занимается изучением совокупности приёмов фонетической организации текста в их возможной связи с его содержанием [18]. Учёного, занимающегося рассмотрением фоносемантических феноменов, может заинтересовать вопрос о том, в какой степени присутствуют эти феномены в высказываниях, содержащих формулировку тех или иных семейных сценариев.

Изучение проблемы языкового выражения семейных сценариев может быть актуально и для семантики синтаксиса. Оно может быть актуально и для лексической семантики, особенно в плане решения проблемы языковой и речевой многозначности.

Языковую многозначность можно обнаружить либо в грамматике языка в случае неоднозначности синтаксических конструкций, либо в лексике и словаре [2]. Как отмечает Ю. Д. Апресян, речевая многозначность возникает при условии, что позиция подлежащего замещается «существительным со значением лица», а сказуемым является динамичный глагол, «имеющий такое значение физического действия, в которое непосредственно не входит ни указание на целенаправленность, ни указание на нецеленаправленность действия» [2]. Существует ли языковая и речевая многозначность в высказываниях о семейных

сценариях – этот вопрос пока остаётся открытым, требующим более детального рассмотрения.

Кроме того, изучение языкового выражения семейных сценариев может дать новый интересный материал для такой дисциплины, как социолингвистика. Любой текст отражает взгляды и установки автора, что проявляется в стиле написания, использовании определённых конструкций и т. д. В большинстве случаев авторы используют разговорную речь, а отнюдь не язык художественной речи для написания того или иного текста. Несомненно, разговорная речь, заниженная лексика и прочее интересуют исследователей-социолингвистов и могут сообщить о социальном статусе автора, его настроении, характере описываемой ситуации и многом другом. До сих пор

невыясненным остаётся вопрос о том, какие именно семейные сценарии формулируют различные типы языковых личностей (в том числе языковые личности различных социальных групп).

Подводя итог вышесказанному, подчеркнём, что общая теория языка включает в себя чрезвычайно широкий спектр изучаемых проблем. Изучение языкового выражения семейных сценариев имеет прямое отношение к различным вопросам лингвистического и психолингвистического характера и может внести свой вклад в исследование таких проблем, как язык и речь, язык и мышление, семантика синтаксиса, лексическая семантика, фоносемантика, социолингвистика, что свидетельствует об актуальности названной проблемы для теории языка.

Список литературы

1. Адамьянц Т. З. Социальные коммуникации. М.: Дрофа, 2009. 208 с.
2. Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности [Электронный ресурс] // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1971. Т. 30. Вып. 6. Режим доступа: <http://www.classes.ru/philology/apresyan-71.htm> (дата обращения: 05.08.2014).
3. Берн Э. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2008. Кн. 2. 431 с.
4. Воробьёв В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
5. Гардинер А. Теория языка и речи // Хрестоматия по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1967. С. 95–96.
6. Горелов И. Н. Умеете ли вы общаться? М.: Просвещение, 1991. 144 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. 990 с.
8. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Сер. «Лингвистическое наследие XX века». М.: КомКнига, 2006. 248 с.
9. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 156 с.
10. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 309 с.
11. Иваницкий А. М. Психофизиология сознания // Психофизиология / под ред. Ю. И. Александрова. СПб.: Питер, 2003. С. 200–217.
12. Корниенко А. Ф. Психофизиологическая проблема и варианты её решения // Вестн. ТГГПУ. 2011. № 1 (23). С. 313–322.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
14. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой. 2-е изд. СПб.: Евразия, 1999. 181 с.
15. Пузырёв А. В. Анаграммы как явление языка: опыт системного осмысления. М.: Пенза: Ин-т языкознания РАН: Пенз. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 1995. 379 с.
16. Пузырёв А. В. Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы VI Всерос. науч. конф. (Ульяновск, 17–20 мая 2006 г.) / отв. ред. А. В. Пузырёв. М.: Ульяновск: Ин-т языкознания РАН: Ульян. гос. ун-т, 2006. 243 с.
17. Пузырёв А. В. Прологомены к эстетике языка и оценка содержательной основы массовых песен. Ульяновск: УлГТУ, 2010. 123 с.
18. Ремнёва М. Л., Чернец Л. В. Фоносемантика и её предмет. Понятие о звукописи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~tezaugus/> (дата обращения: 06.08.2014).
19. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький: ГГПИИЯ, 1975. 175 с.
20. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
21. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
22. Тойч Дж. М., Тойч Ч. К. Второе рождение, или Искусство познать и изменить себя: пер. с англ. М.: СИЧ, 1998. 183 с.
23. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2004. 635 с.
24. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. 4-е междунар. изд. М.: Прайм-Еврознак: Нева: Олма-Пресс, 2002. 420 с.
25. Чехов А. П. Человек, каков он есть. Рассказы и повести. Пьесы. М.: АСТ: Астрель, 2011. 1084 с.
26. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.

References

1. Adam'yants T. Z. Sotsial'nye kommunikatsii. M.: Drofa, 2009. 208 s.
2. Apresyan Yu. D. O regul'yarnoi mnogoznachnosti [Elektronnyi resurs] // Izv. AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka. M., 1971. T. 30. Vyp. 6. Rezhim dostupa: <http://www.classes.ru/philology/apresyan-71.htm> (data obrashcheniya: 05.08.2014).
3. Bern E. Lyudi, kotorye igrayut v igry. M.: Eksmo, 2008. Kn. 2. 431 s.
4. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody). M.: Izd-vo RUDN, 1997. 331 s.
5. Gardiner A. Teoriya yazyka i rechi // Khrestomatiya po teoreticheskoi i prikladnoi ling-vistike. M., 1967. S. 95–96.
6. Gorelov I. N. Umeete li vy obshchat'sya? M.: Prosveshchenie, 1991. 144 s.
7. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. M.: Gos. izd-vo khud. lit., 1957. 990 s.
8. El'msliev L. Prolegomeny k teorii yazyka. Ser. «Lingvisticheskoe nasledie XX veka». M.: KomKniga, 2006. 248 s.
9. Zhinkin N. I. Rech' kak provodnik informatsii. M.: Nauka, 1982. 156 s.
10. Zvegintsev V. A. Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. 309 s.
11. Ivanitskii A. M. Psikhofiziologiya soznaniya // Psikhofiziologiya / pod red. Yu. I. Aleksandrova. SPb.: Piter, 2003. S. 200–217.
12. Kornienko A. F. Psikhofiziologicheskaya problema i varianty ee resheniya // Vestn. TGGPU. 2011. № 1 (23). S. 313–322.
13. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975. 304 s.
14. Maslou A. Motivatsiya i lichnost' / per. A. M. Tatybaevoi. 2-e izd. SPb.: Evraziya, 1999. 181 s.
15. Puzyrev A. V. Anagrammy kak yavlenie yazyka: opyt sistemnogo osmysleniya. M.: Penza: In-t yazykoznaniya RAN: Penz. gos. ped. un-t im. V. G. Belinskogo, 1995. 379 s.
16. Puzyrev A. V. Yazyk i myshlenie: psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materi-aly VI Vseros. nauch. konf. (Ul'yanovsk, 17–20 maya 2006 g.) / otv. red. A. V. Puzyrev. M.: Ul'ya-novsk: In-t yazykoznaniya RAN: Ul'yan. gos. un-t, 2006. 243 s.
17. Puzyrev A. V. Prolegomeny k estetike yazyka i otsenka sodержatel'noi osnovy massovyykh pesen. Ul'yanovsk: UIGTU, 2010. 123 s.
18. Remneva M. L., Chernets L. V. Fonosemantika i ee predmet. Ponyatie o zvukopisi [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/> (data obrashcheniya: 06.08.2014).
19. Skrebnev Yu. M. Oчерk teorii stilistiki. Gor'kii: GGPIIYa, 1975. 175 s.
20. Sosyur F. Trudy po yazykoznaniyu. M.: Progress, 1977. 696 s.
21. Teliya V. N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury // Frazeologiya v kontekste kul'tury / otv. red. V. N. Teliya. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. S. 13–24.
22. Toich Dzh. M., Toich Ch. K. Vtoroe rozhdenie, ili Iskusstvo poznat' i izmenit' sebya: per. s angl. M.: SICH, 1998. 183 s.
23. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti / per. s nem. E. Telyatnikovoi. M.: AST, 2004. 635 s.
24. Kharris R. Psikhologiya massovykh kommunikatsii. 4-e mezhdunar. izd. M.: Praim-Evroznak: Neva: Olma-Press, 2002. 420 s.
25. Chekhov A. P. Chelovek, kakov on est'. Rasskazy i povesti. P'esy. M.: AST: Astrel', 2011. 1084 s.
26. Shakhovskii V. I. Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Izd-vo LKI, 2008. 208 s.

Статья поступила в редакцию 20.10.2014

УДК 398.21=82 (571.55)
ББК 82.3(4Рос)

Татьяна Владимировна Краюшкина,
доктор филологических наук,
Институт истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
(690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89),
e-mail: kvtpb@yandex.ru

Негативные межличностные отношения в русских народных волшебных сказках Забайкалья последней трети XX в.

В статье рассматриваются негативные межличностные отношения персонажей русских народных волшебных сказок. В качестве материала для анализа были отобраны тексты Забайкалья, зафиксированные в последней трети XX в. Сделаны выводы о том, что из четырёх форм негативных межличностных отношений в сказках Забайкалья реализованы лишь две: агрессия (в большей степени) и ненависть (в меньшей степени). Агрессия более продуктивна для развития сюжета, чем ненависть. Ненависть имеет замедленную реализацию, в то время как агрессия реализуется быстрее. Агрессивное поведение приписывается и отрицательным, и положительным персонажам, ненависть свойственна преимущественно отрицательным героям. Агрессивное поведение имеет две формы: словесную и физическую. Словесная агрессия осуществляется посредством оскорбления, ругани, насмешек, угрозы. Как правило, словесная форма агрессии не имеет ответной реакции унижаемого персонажа. Несколько иначе обстоит дело с физической формой агрессии: она в ряде сюжетов имеет ответную форму, причём обязательно воспроизводит её и по сути своей является защитной реакцией. Агрессивное поведение в большинстве случаев свойственно мужским персонажам, как отрицательным, так и положительным. Агрессия чаще всего направлена на мужских героев, если она адресована женским персонажам, то это связано с восстановлением справедливости (как с позиции героя, так и с позиции его противника) в той или иной форме (наказание за нарушение запрета, самозащита, восстановление главенства мужчины в семье). Ненависть обязательно реализуется через агрессию, причём физическое её воплощение.

Ключевые слова: русские народные волшебные сказки, Забайкалье, негативные межличностные отношения.

Tatiana Vladimirovna Krayushkina,
Doctor of Philology,
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the RAS
(89 Pushkin St., Vladivostok, Russia, 690001),
e-mail: kvtpb@yandex.ru

Negative Interpersonal Relations in the Russian Folk Fairy Tales of Zabaikalye of the Last Third of the XX Century

This article discusses the negative interpersonal character of the Russian national fairy tales. The material, used for the analysis, was selected: Zabaikalye texts recorded in the last third of the twentieth century. The conclusions are made that the only forms two out of ones of negative were interpersonal relationships in the tales of Transbaikalia implemented: aggression (mostly) and hatred (to a lesser extent). Aggression is more productive for the development of the plot, than hate. Hatred has delayed implementation, and while aggression implemented faster. Aggressive behavior is attributed to negative and positive characters, hatred characteristic of predominantly negative characters. Aggressive behavior has two forms: verbal and physical. Verbal aggression is carried out through abuse, ridicule, threats. As a rule, the verbal form of aggression has no response humiliated character. Situation is somewhat different from the physical form of aggression: in a number of scenes it has a response form, and is sure to reproduce it, and in essence the a defensive reaction. Aggressive behavior in the most cases tends to male characters, both negative and positive. It is more directed to the male characters, aggression towards female characters associated with the restoration of justice (from the perspective of the hero, and from

the position of his opponent) in one form or another (the punishment for violating the ban, self-protection, restoration of the rule of men in the family). Hatred necessarily realized through the aggression, and physical embodiment of it.

Keywords: Russian folk fairy tales, Transbaikalia, negative interpersonal, relationships.

Русский фольклор, являясь специфической энциклопедией народных представлений о человеке, сохранил многообразие форм межличностных отношений, характерных для нашего этноса. Предпочтение тех или иных форм обусловлено спецификой жанра, развитием сюжетной линии и типами персонажей. Показательным, как представляется, является жанр русской народной волшебной сказки (благодаря продолжительности её существования и огромной популярности). В статье будут рассмотрены негативные межличностные отношения персонажей. Психологи выделяют три формы межличностных отношений: позитивные, нейтральные и негативные. К негативным относятся негативизм, неприязнь к другим (она проявляется в дискриминации, расизме, сексизме), ненависть и агрессия [5]. Самые продуктивные для развития сюжета – негативные межличностные отношения, а именно – ненависть и агрессия (для персонажей русских народных волшебных сказок не столь характерно выражение негативизма и неприязни к другим). В качестве материала для анализа были выбраны 45 русских народных волшебных сказок Забайкалья (преимущественно зафиксированных с 1968 по 1980 г.).

Ненависть и агрессия имеют точки пересечения: ненависть может выражаться в форме агрессии (а может и не иметь подобного выражения), как и в основе агрессии может лежать ненависть (или же отсутствовать). Ненависть, негативное отношение к другому персонажу часто реализуется в словесной форме. В сказках Забайкалья весьма популярны оскорбления в адрес другого человека, самое распространённое из них – *дурак, дура*. Характеристика героини, данная третьему лицу, выглядит так: «*Да она же дура, мы, гыт, её и за человека не считаем*» (*Чудесная корова и Золушка*) [3, с. 99]. Герой просит братьев дать ему лошадь – съездить посмотреть на царевну, но те отказывают ему: «*Сиди, сопляк, куда ты поедешь!*» (*Сивка-бурка и Победитель змея*) [3, с. 62]. Герой на оскорбление не реагирует, напротив, он и дальше продолжает просить, и вторая просьба услышана.

В той же ситуации братья называют героя дураком. В тексте Забайкалья используется оскорбление персонажа через другое лицо, ему дорогое. Мачеха и её дочери ругают богатого жениха за то, что тот остановил свой выбор на падчерице: «*А эти давай ругать: кого же, мол, дуру-то взял!*» (*Чудесная корова и Золушка*) [3, с. 99].

Видимо, близка оскорблениям ругань, которая описывается как действие, без конкретики. К ней персонажи прибегают, чтобы выразить своё негативное отношение, связанное с конкретным действием другого персонажа. Старший сын уходит из дома наниматься на работу, в оплату он получает чудесного барашка. Дома оказывается, что барашка подменили: «*Отец наругал старшего сына и сказал, что больше его никуда не отпустит*» (близко к *Чудесные дары*) [3, с. 201]. То же самое после происходит и со средним сыном.

Для сказки на сюжет *Конёк-Горбунок* характерна реализация ненависти (оговор) одного персонажа, реализуемая через действия другого. Герой становится любимым конюхом царя, и другие конюхи из зависти решают его оговорить и отправить на верную смерть – доставать Жар-птицу. Это задание он и получает от царя. Когда же ему удаётся поймать и привезти Жар-птицу во дворец, это ещё более увеличивает неприязнь к герою других конюхов: «*Царь радый [Жар-птице]. Раз царь радый, значит, други конюха на Ванюшку осердились*» [3, с. 77]. Таким же образом герой отправляется добывать для царя Царь-девицу.

В русских народных волшебных сказках Забайкалья довольно часто реализуется модели угрозы: один персонаж, угрожая смертью, вынуждает другого сделать выбор, при этом другой персонаж находится от первого в зависимом состоянии, поскольку невольно нарушил запрет, о котором и не подозревал (или вторгся в чужие владения). В тексте реализуется неоднозначное представление о краже: если вор не пойман, то его действие – особая удача, и оно одобряется народной моралью. Если же вора ловят (при этом присвоение чужого может быть и неосознанным), то за это следует наказание,

акцент же в этом случае делается на недопустимости поступка, причём, это мнение приписывается пойманному, пойманный же ведёт себя как жертва, не пытается защищаться. Так, купец находит ореховые кусты и хочет сорвать ореховую веточку (гостинец для любимой дочери). Вдруг выскакивает медведь и кричит на него: «*Ты чё делаешь? Зачем мой орешник ломаешь? Я тебя за это съем!*» (*Аленький цветочек*) [3, с. 184]. Купец объясняет, что это для его дочери, тогда медведь сохраняет жизнь купцу в обмен на брак с его дочерью. Царь в чужом саду рвёт яблоко, в это время его за руку хватает дед на железных костылях. Старик говорит царю: «*Что ты делаешь?! Теперь я тебя могу убить, несмотря на то, что ты царь! Вот отдай мне то, чё ты дома не знаешь, тогда я тебя отпущу*» (*Отдай, чёго дома не оставил и Незнайка*) [3, с. 80]. Таким образом, царь лишается долгожданного ребёнка.

В сказке о Сером Волке действие Царевича воровством не называется, хотя таким является по своей сути. Если первый царь, поймав героя на краже Жар-птицы, вору не угрожает, предлагает в обмен на золотогривого коня отдать ему Жар-птицу, то второй царь, владелец золотогривого коня, ведёт себя иначе. Любопытно, что в тексте осуждается не воровство, а жадность Царевича, повлёкшая воровство свыше необходимого, из-за которой он и пострадал: «*Увидел коня, на нём золото седло. Он обзарился – чё же, тако седло! <...>*» (*Царевич и Серый Волк и Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*) [3, с. 89]. Охрана ловит Царевича и приводит к царю: «*Но зачем ты нарушаешь правила-то. Я же тебя расстрелять могу!*» [3, с. 89]. В результате царь предлагает герою щадящее условие: он сохранит ему жизнь и даже отдаст золотогривого коня, если тот приведёт к царю царевну.

Старик, вступив в сговор с сыном, обманывает купцов: продаёт им своего ребёнка, а тот от них сбегает. Купцы приходят к старику выяснить, куда его сын дел весь их товар, но в ответ слышат угрозу: «*Это вы куда моего сына подевали? Я вас сейчас в тюрьму посажу! Отыскивайте мне сына!*» (*Мальчик с пальчик и На хвосте у волка*). После этих словесных нападок купцы уезжают, не добившись своего.

Впрочем, угроза в сказках Забайкалья может быть своего рода проверкой героя, задачей которого является не поддаться на них. Так, герой похищает платье девушки-утицы. Та обнаруживает пропажу и угрожает: «*Кто моё платье взял? Разорву! Чичас съем! Целиком сглочу*» (*Отдай, чёго дома не оставил и Чудесное бегство*) [3, с. 154]. Но поскольку герой не выходит из укрытия, девушка меняет форму поведения на более продуктивную: она предлагает закрепить родственные отношения с незнакомым человеком, которые будут зависеть от его половой принадлежности и возраста. В этой же сказке говорится о том, что герой, отданный отцом антагонисту, приходит к тому во дворец. Наученный Царь-девицей, герой не показывает страха перед антагонистом, хотя тот угрожает ему: «*Чичас съем! Чичас разорву*» [3, с. 156]. Герой не реагирует на угрозы и этим сохраняет собственную жизнь.

Угроза уничтожения в сказках Забайкалья может быть связана с мотивом получения невесты, к этому способу всегда прибегает отрицательный персонаж. К царю приходят гонцы с требованием от трёх братьев-богатырей выдать «*свою старшу дочь за старшего брата. А если не выдашь, то войной на тебя пойдут!*» (*Отдай, чёго дома не оставил и Незнайка*) [3, с. 84]. Царь не принимает сам решения: его старшие дочери замужем, это решение принимают их супруги, при этом важен акцент на семейных отношениях: они соглашаются отстоять не жену одного из них, а «*старшу дочь*» царя.

Средний брат-богатырь свою агрессию обосновывает уже иначе, получение царевны выглядит как компенсация: «*Зря успокоился, царь! Я иду на тебя войной, буду мстить за старшего брата <...>! А среднюю твою дочь себе в жёны заберу*» [3, с. 85]. В третий раз мотив мести за убитых братьев нивелируется, но при этом появляется личная угроза царю, именно она царя больше всего и печалит (предыдущие угрозы разрушить царство столь сильных эмоций у него не вызывали): «*Готовь свою младшую дочь мне в жёны! Если будешь возражать, я всё твоё царство пожгу, а тебя в плен возьму и на кол посажу!*»

Царь расстроился: «*Чё же, серьёзна записка*» [3, с. 86].

Ситуация выбора представлена и в сказке с контаминацией сюжетов *Сивка-бурка* и *Победитель змея*: каждый год трёхглавый змей требовал себе на съедение девушку. Дошла очередь и до царя. Перед царём стоит выбор: «А у него одна дочь, и эту дочь надо отправлять змею на закуску. А не отправит – он всё государство уничтожит» [2, с. 131–132]. В этом тексте даже не описывается сложность выбора: спасти единственную дочь и допустить смерть всех граждан или же отдать дочь на смерть и этим сберечь остальные жизни. Персонаж, совмещающий в себе две функции – царя и отца, – делает выбор как государь: он жертвует одной жизнью (пусть и самой дорогой для него) и этим сохраняет другие, в том числе и собственную.

Выбор может стоять и перед самой потенциальной невестой. Так, повествуется о трёх сёстрах, которые поочередно попадают в дом к медведю. Происходит один и тот же диалог, где медведь сначала убеждается, что девушка не замужем (она носит еду на полу отцу, а не мужу):

– А я <...> отцу хлеб понесла.

– А замуж за меня пойдёшь?

– Нет, не пойду.

– Но дак я тебя съем!

– Но пойду (*Медведь и три сестры*)

[3, с. 141].

Перед героем часто ставится выбор, от которого зависит его дальнейшая жизнь. В сказке на сюжет *Конёк-Горбунук* оба варианта выбора кажутся герою идентичными. Так, царь приказывает герою прыгнуть в котлы со студёной, кипячёной водой и с кипящим молоком. Герой отказывается, тогда царь угрожает Ванюшке казнью: «Не выполнишь – мой меч, твоя голова с плеч!» [3, с. 79].

Словесная угроза реализуется перед богатырской битвой. Герой приходит биться за царевну с другим богатырём, тот использует традиционную для таких случаев словесную формулу, содержащую уничтожение персонажа и угрозу его жизни: «Это что за чудо к нам прислали? Положу сейчас тебя на правую ладошку, левой прихлопну – мокро место останется!» (*Отдай, чего дома не оставил и Незнайка*) [3, с. 85]. На что герой в ответ предлагает не опережать события: «Не торопись! Сначала давай в бою силы испытаем!» [3, с. 85]. В результате становится победителем, при этом описание

бога богатырём, как это принято в русской народной волшебной сказке, лишено эмоциональной окраски, оценки сказочника, поведение героя и его противника не описывается агрессивным: «Вот разъехались они, потом поскакали друг на друга. Иван богатырю сразу голову отсёк, войско его конём потоптал, других братьев в бегство обратил» [3, с. 85].

В другой сказке герой приезжает защитить царевну, отданную змею на съедение. Появляется антагонист, видит героя и спрашивает его: «Но как, Иван – гражданский сын, будем с тобой драться или мириться?» (*Звериное молоко и Победитель змея*), т. е. один персонаж ставит другого перед выбором агрессивной или неагрессивной модели поведения и принимает этот выбор [3, с. 122]. Герой выбирает бой, в сказке описывается соблюдение богатырского кодекса во время сражения: «Он ударил – до лодыжки в землю вбил. Иван ударил – три головы сшиб» [3, с. 123].

В сказке говорится об угрозе голодной смертью. Купец возвращается домой, вдруг из-под его парохода выскакивает доска с надписью: «Чё дома незнамо отдашь – пароход пойдёт, не отдашь – с голоду замрёшь!» (*Отдай, чего дома не оставил и Чудесное бегство*) [3, с. 148]. Купец решает, что, видимо, речь идёт о щенке, и подписывает договор кровью. Таким образом, в обмен на жизнь он отдаёт самое ценное – долгожданного ребёнка.

В русских сказках Забайкалья герои (и другие положительные персонажи) часто бывают осмеяны (и положительными, и отрицательными персонажами), когда оказываются не в состоянии сделать что-либо. Как это, например, происходит с героиней сказки на сюжет *Снегурочка*: девочка боится прыгнуть через костёр, потому что слеплена из снега. «Стали подружки смеяться» [4, с. 160]. Насмешка (и как следствие – признание другими персонажа хуже себя самих, исключение её из значимой для неё группы) более страшна, чем физическая гибель: Маша прыгает через костёр и тает. Причиной насмешки в сказке на сюжет *Шесть чудесных товарищей* является предположение группы персонажей о неспособности героя победить в соревнованиях. Другие претенденты смеются над героем: «Над ним все смеются, дескать, куда тебе с нами тягаться!» [3, с. 114].

Так и происходит в реальности: «*Эта царевна сразу, как вихрь, его обогнала. Все смеются*» [3, с. 114]. Любопытна реакция героя: он не обращает на насмешки внимания и в результате побеждает.

В других сказках насмешки женских персонажей над другими женскими персонажами связаны с неудачным замужеством, т. е. со сменой социального статуса на более низкий: «*Стала она заглядываться на Незнаюшку, а старшие сёстры над ней посмеиваются, дескать, выйдешь за него – стряпухой будешь*» (*Отдай, чего дома не оставил и Незнайка*) [3, с. 84]. В текстах Забайкалья встречается ожидание насмешки, которое, впрочем, не реализуется. Две ленивые сестры вышли замуж за паука и за волка. Их младшая сестра готовится к свадьбе с достойным женихом: «*Она же над нами будет смеяться!*» [3, с. 102] (СУС аналогий не даёт).

Ещё более популярен в сказках Забайкалья мотив агрессии, имеющий физическую реализацию. Он весьма разнообразен и продуктивен для развития сюжета. Чаще всего агрессия направлена на причинение персонажу физического ущерба в той или иной степени. Традиционным видом агрессии является избивание: избивают как положительных, так и отрицательных героев, при этом оценка действия (одобрение или осуждение) зависит от типа персонажа и сюжетной ситуации.

Избивание служит одним из показателей богатырской силы. Ванюшка-дурак, с помощью коня приняв образ богатыря, встречается в пути братьев: «*Подлетает к им, того плетью – раз! Другого – плетью!*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 62]. О реакции братьев на побои не говорится вообще (во взаимоотношениях героя и его старших братьев побои выступают своего рода показателем их изменения на противоположные). По возвращении домой побои от богатыря становятся единственным событием, о котором рассказывают персонажи (о том, что этот богатырь прыгал до царевны, они своим женам не сообщают): «*Вот, какой-то богатырь приехал, нас плетью выходил*» [3, с. 62]. Герой, прежде братьями унижаемый, спрашивает их, не он ли был тем богатырём. В ответ он слышит от старших братьев: «*Замолчи <...>, куда тебе!*» [3, с. 62].

Побой может наносить и антагонист, в этом случае они являются своего рода реакцией на отказ в его просьбе. Герой и два его побратима поселяются в лесной избушке. Иван Попович и Гориня уходят на охоту, а Дубыня остаётся дома. Вдруг появляется старик – сам с ноготь, а борода с локоть – и требует накормить его, но Дубыня отказывает. Старик же всё равно съедает всё мясо, «*Гориню скомил и отмял хорошенько*» (*Иван медвежье ушко и Три подземных царства*) [3, с. 128]. Затем то же самое происходит и с другим побратимом. Когда дома остаётся герой, то он угощает старика, но добавки не даёт. Старик хотел избить и героя, а «*Иван Попович, конечно, ему крепко поддал и выбросил за дверь*» [3, с. 129].

Любопытно, что избивать может и женский персонаж мужского персонажа, для русской сказки не характерно избивание одного женского персонажа другим женским персонажем. Герой приходит свататься к Василисе Прекрасной: «*<...> она с ним поговорила, а потом палкой стукнула – его схватили и бросили в тюрьму*» (*Животные-зятья, Приметы царевны, Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*) [3, с. 107]. В этом случае царевна бьёт героя как власть имущая (она правит своим государством), в схожих сказках невеста, к которой сватается герой, – девица-богатырица, обладающая огромной физической силой.

Впрочем, и герой, не являющийся богатырём, может избивать других в наказание, если у него есть чудесная дубинка. Младший сын получает в качестве оплаты дубинку. Хозяева, у которых он остановился, хотят отнять и её, как они уже сделали это с чудесными предметами старших братьев. Но дубинка избивает антагонистов, и те возвращают подменных прежде золотого барашка и волшебный ковёр (близко к *Чудесные дары*). Избивание – законное средство восстановления власти мужчины в семье. Андрей с помощью волшебного кольца возвращает сбежавшую жену. В забайкальской сказке он приказывает избить её другим персонажам (кому именно, в тексте не обозначено): «*<...> велел отделать её плетью <...> – сразу шёлкова стала*» (*Волшебное кольцо*) [3, с. 198].

В сказке с контаминацией сюжетов *Отдай, чего дома не оставил и Незнайка* используется следующий мотив: герой, отданный антагонисту отцом, приходит к нему

и просит прощения за то, что так долго не появлялся. Только в забайкальском тексте он имеет необычную интерпретацию. Герой терпит побои, потому что антагонист не удовлетворён ответом героя на свои вопросы: «*Старик его ударил, он без памяти упал. Прележал минут двадцать, вот очухался. Старик повёл его дальше*» [3, с. 82]. Другими словами, герой демонстрирует антагонисту терпение и смирение, но это до поры до времени (именно подобная модель для героев русской народной волшебной сказки и не характерна: они или сразу защищаются, или терпят постоянно). Герой анализируемой сказки убивает старика исподтишка, когда тот нагибается к чану: «*Нагнулся, а Иван его – раз! – головой туды, в чан. Тот и сварился*» [3, с. 82]. Следует обратить внимание на то, что к подобной модели поведения героя советует прибегнуть помощник – ворон, и герой следует совету.

Избиение может быть представлено как форма посмертного наказания грешника. Герой по приказу царя отправляется на тот свет проведать его отца, которого и встречает, везущего воз дров. Умерший царь объясняет герою, что это ему наказание за издевательство над людьми (*Красавица жена, или Пойди туды – не знаю куда*). Далее по тексту мотив избиения на том свете используется ещё один раз – в качестве подтверждения достоверности слов. Пока герой разговаривает с умершим царём, его напарник возит на себе дрова вместо царя: «*Но и нахвошшали! Аж кровью полосы налились на спине*» (*Красавица жена, или Пойди туды – не знаю куда*) [3, с. 188].

Крайне редко в забайкальских сказках используется мотив мнимой агрессии, приписываемой другому персонажу. Герой трижды ночью ходит караулить могилу своего отца, каждую ночь он получает в подарок от покойника по чудесному коню, но братьям об этом не говорит. Напротив, он прибегает к обману, рассказывая о мнимой агрессии отца. Когда братья утром спрашивают, что ему дал отец, герой отвечает: «*А кого он мне даст? До церкви дубиной гнал!*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 66].

Реже в забайкальских текстах используются мотивы других типов членовредительства, например, отрубание пальцев рук и ног. Герой, победив антагониста, требует от царских зятьёв: «*Иван показал на убитого*

богатыря и говорит им: “За доклад царю давайте по мизинцу”» (*Отдай, чего дома не оставил и Незнайка*) [3, с. 85]. Братья соглашаются. Оно может быть представлено в сказке как издевательство (герой в обмен на чудесных животных обрубаёт братьям по пальцу с рук и ног). Когда же всё выясняется, герой объясняет царю, решившему казнить братьев за обман и присвоение чужого подвига: «*Я над имя издевался сам, чтобы вам доказать, что это я всё нашёл, поэтому я их прощаю, и вы их простите!*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 66]. Таким образом, заранее произведённое членовредительство сохраняет братьям жизни: они уже были наказаны героем (хотя в сказках на этот сюжет других регионов России членовредительство как издевательство не интерпретируется, оно представлено лишь как доказательство подвигов героя). Персонаж и по собственной воле может наносить вред своему телу. Богатый сосед из зависти к разбогатевшему бедняку выкалывает у себя глаз, чтобы и самому обрести богатство (*Горе*). Но жадность наказывается: он лишается и второго глаза.

Женскому персонажу приписывается такой вид членовредительства, как ошпаривание, при этом нужно учесть, что его появление возможно только в особых условиях и как самозащита. Иван женится на царевне, после они едут проведать его родителей. Герой хочет сыграть над родными шутку, поэтому он и не говорит им пока о своей женитьбе. Царевна идёт мыться в баню одна, Иван заявляет, что пойдёт к ней. «*Иди, иди, <...> она ошпарит тебя!*

Пошёл, а они все смотрят, что будет. Глазам не верят: царевна дурака впустила. <...> И выходит с царевной под ручку. А родные его дивуются» (*Победитель змея*) [3, с. 119].

В сказке Забайкалья представлен и такой вид физической расправы, как травля собаками. Она приписывается богачу, направляется на персонажей, не способных защитить себя. Богач ненавидел нищих: «*Только увидит и слугам ревёт: “Отпущайте собак! Пушшай гонят их, рвут!”*» (*Марко Богатый*) [3, с. 224].

Физической расправой власть имущих является лишение свободы, проявляющееся в том числе и в связывании. В сказке с контаминацией сюжетов *Звериное молоко* и *Победитель змея* герой, слыша рассказ

братьев о богатыре, пытающемся выполнить задачу царя, спрашивает их: «*А не я ли, братья, там был?*» [3, с. 69]. Ответ братьев содержит информацию о предполагаемой агрессии со стороны не обозначенных лиц, видимо, слуг царя. Братья считают, что герой незаслуженно присваивает себе чужие подвиги: «*Тебя свяжут, да и нам не уйду!*» [3, с. 69].

Весьма результативная для развития сюжета такая форма агрессии, как попытка убийства. Как правило, ее совершают антагонисты. Жених дочери не понравился царю, при этом обозначается и причина этого неприятия: «*Всё-таки царю нелюбо, что дочка за простого мужика пошла. Думат: “Я тебя допеку!”*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 66]. После этого следуют три задачи царя герою и его братьям: поймать кобылицу-златыницу о двенадцати жеребятках, свинку-золоту щетинку и золоторогого оленя. Братья покупают у героя чудесных животных и выдают царю за собственную добычу. В финале сказки царь собирается казнить Ванюшку, при этом сообщение о казни представлено как обоснованное решение (о нелюбви к герою речи не идёт вообще): «*А тебе <...> мой меч – твоя голова с плеч. Ты чё же не нашёл [чудесных животных]?*» [3, с. 66].

В другой сказке героя пытаются убить чужими руками. Так, Фома не понравился ни царю, ни царевне: «*Тогда царь Фому позвал и говорит ему: “Напал на наше королевство сосед-король с большим войском. Ты, как могучий богатырь, должен это войско перебить и короля прогнать”*» (*Три подземных царства*) [3, с. 133]. Герой, мнимый богатырь, побеждает в битве по чистой случайности. Следующее задание герою тоже кажется благородным: его отправляют в подземное царство к старику, который убивает людей и скот. Герой побеждает и его и возвращается домой.

В сказке на сюжет *Шесть чудесных товарищей* убийство жениха царем планируется исподтишка: он приглашает героя и его товарищей попариться в бане: «*А там прислуга стала топить печи. Всё жарче и жарче*» [3, с. 114]. Персонажи избегают гибели благодаря способности одного из них снижать температуру. Когда царь идёт лично убедиться в смерти героя, тот встречает его живым. Любопытно, что реакция царя не прописана: он ведёт себя так, буд-

то и не планировал убийства. После герой забирает царевну, а его помощник-силач – всё золото. «*Идут, а за ними топот: конница бежит. Это царь отправил армию, чтобы отобрали царску дочку и золото*» [3, с. 115]. На помощь приходит ветродуй – сдувает всю царскую армию.

В сказках Забайкалья представлена и попытка убийства в виде казни. Так, царь узнаёт, что его дочь пропала вместе с дворцом. Виновник определяется сразу – это муж царевны. Царь приказал его «*схватить и казнить за то, мол, что он куда-то его дочь вместе с дворцом утаделил*» (*Волшебное кольцо*) [3, с. 198]. Царевича, вступившего в связь с царевной, ждёт наказание: «*<...> его хотели повесить, казнить*» (*Деревянный орёл (голубь)*) [3, с. 199]. Благодаря своей смекалке он избегает смерти – вместе с царевной на деревянном журавле улетает к своему отцу.

В сказках Забайкалья представлен сговор двух персонажей: сестра с антагонистом хочет убить брата, при этом инициатором вновь является мужской персонаж. Сестра вступила в связь с нечистой силой, та ей сказала: «*Ты своёва брата уничтожь, а то нам покою не будет*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 120]. И сестра даже не пытается отстоять жизнь брата, она сразу спрашивает, как лучше это сделать. Лучшим способом, по мнению нечистой силы, является смерть от лесных зверей: сестра, имитируя грудную болезнь, поочередно отправляет брата за лисьим, волчьим и медвежьим молоком, но тот возвращается живым. Тогда за дело берётся сама нечистая сила: она является к Ивану и говорит, что съест его, тот оттягивает смерть, ожидая помощи от своих зверей. Герой топит баню сырыми дровами, потому что якобы старается для нечистой силы, чтобы та получила возможность съесть его чистым. Но появляются звери-помощники и разрывают нечистую силу.

Весьма своеобразно объяснение причины агрессивного поведения представлено в сказке с контаминацией сюжетов *Чудесная корова* и *Бегство от ведьмы с помощью бросания чудесных предметов*: мачеха пытается убить падчерицу и её жениха: «*А мачеха была злая ведьма. Она решила погубить падчерицу и Ивана-царевича*» [3, с. 94–95]. При этом её агрессия направлена только на царевича, принявшего об-

лицье утки, и Троеножку-бычка, ставшего селезнем, падчерицу же, оборотившуюся рекой, она не пытается уничтожить: «*Прибежала мачеха и давай их попадать камнями <...>*» (*Чудесная королева и Бегство от ведьмы с помощью бросания чудесных предметов*) [3, с. 96]. Поскольку агрессия антагонистки не достигла намеченной цели, то её ненависть направляется на другого персонажа: она проклинает падчерицу – три года рекою течь.

В сказках Забайкалья используется мотив убийства. Причины и способы весьма разнообразны, убивать могут как положительные, так и отрицательные персонажи. Причиной агрессии антагониста становится желание присвоить чужую добычу. Он убивает спящего героя (подобная модель – убийство спящего – характерна именно для сказок на сюжет *Царевич и Серый Волк*, причиной такого убийства становится прекрасная царевна): *Каша Бессмертный «увидел их, Ванюшку на куски растерзал, Елену Прекрасную забрал, золотогривого коня забрал с Жар-птицей <...>» (Царевич и Серый Волк и Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену)* [3, с. 91].

В сказке с женскими персонажами используется мотив смерти как наказания за нарушение запрета. Медведь женился на стариковой дочери и запретил ей заходить в третий амбар. Она нарушила запрет, он узнаёт об этом и убивает её, причем она сама по его приказу приносит оружие убийства:

– *Но-ка принеси топор!* – *Принесла топор.*

– *Клади голову на траву!* – *Положила.*

Он её зарубил, туловище забросил (Медведь и три сестры) [3, с. 141]. Любопытно, что персонаж и не пытается защищаться, она безропотно принимает волю антагониста. То же самое происходит со второй сестрой.

Довольно популярно в финале сказки убийство антагонистов, мнимых освободителей. Решение об убийстве в большинстве случаев совершается сиюминутно, в наказание за проступок. Но убийство антагониста может и планироваться. Герой приходит к Елене Прекрасной, похищенной Кашей Бессмертным, и договаривается с нею: «*<...> мы его напоим вином, а потом унесём*» (*Царевич и Серый Волк и Муж ищет исчезнувшую или похищенную*

жену) [3, с. 92]. Елена Прекрасная вводит Кашу в заблуждение, выдавая Ванюшку за своего брата, поэтому Каша принимает его как родственника – хлебосольно и открыто. Кашу ждала та же самая форма смерти, которой он какое-то время назад придал героя – расчленение: «*Каша Бессмертный выпил сорок бочек вина и опьянел. А Ванюшка велел дубинке его бить – дубинка его на кусочки измесила, рассеяла*» (*Царевич и Серый Волк и Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену)* [3, с. 92].

Как свершившаяся форма убийства представлена война. Войну зачастую объявляет царь, антагонист. Царь, узнав, кто женился на его дочери, «*объявил им войну*» (*Деревянный орёл (голубь)*) [3, с. 200]. Его сердце смягчилось, после того как нелюбимый зять и сбежавшая дочь прилетели на фронт вместе с новорождённым, а жена напомнила предсказание, которое всеми силами пытался предотвратить царь: «*Тебе ведь предсказали, что будет. Видно, такая судьба. Зови зятя и помирись*» [3, с. 200]. Если герой вдруг становится обладателем войска, то и он вступает в войну, при этом участие героя в войне является одной из форм защиты собственной жизни. Герой, заручившись помощью свата Наума, побеждает царя, решившего проверить вместе со своим войском, кто построил на острове дворец: «*Тут же поплыли по морю большие корабли, стали стрелять пушки – и все корабли царя потонули вместе с царем и всем его войском*» (*Красавица жена, или Пойди туда – не знаю куда*) [3, с. 190].

В некоторых сказках (с учётом юной или женской аудитории) происходит смягчение наказания: казнь приобретает юмористическую форму. На свадьбе царевна прилюдно заявляет, что её спас от змея не водовоз, а Иван. Царевна приказывает расстрелять водовоза, когда её спрашивают, что же с ним делать. «*Поставили на столб, расстреляли простокишей*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 124].

Сестра-антагонистка, мстя своему брату за смерть любовника, убивает его. Когда же его оживляют, решение о её наказании он с себя снимает. На вопрос, что делать с сестрой, отвечает: «*А вот вам совет: что хотите, то и делайте*» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [3, с. 125]. Далее сообщается о решении расстрелять сестру (кто

именно принимает это решение, остаётся за рамками повествования): «Посадили, простокишей расстреляли» [3, с. 125].

Используется в забайкальских текстах и такой тип агрессии, как людоедство. Этот мотив связан с персонажами-детьми. Баба Яга крадёт мальчика, чтобы приготовить его и съесть, но он защищается, прикидываясь простачком перед её дочерью (а после – и перед двумя другими её дочерьми), говоря, что не понимает, как правильно сесть на лопату. «Она села на лопату-то, он её в печку бухнул и заслон припёр. Она там зажарилась» (*Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) у ведьмы*) [3, с. 148]. Людоедка, ничего не подозревая, съедает всех своих дочерей. После, защищаясь, Лутонюшка сжигает в печи и саму Бабу Ягу.

Мальчики, брошенные отцом в лесу на голодную смерть, приходят в дом к людоеду. Благодаря тому, что Мальчик с пальчик слышит разговор людоеда и его жены, он и его братья остаются живы. Герой совершил подмену перед убийством – снял с дочерей людоеда золотые капорки и надел их на своих братьев и на себя: старуха «всех девок в мешок побросала и утащила варить» (*Мальчик с пальчик у людоеда*) [3, с. 146].

А вот взрослым персонажам угрожают людоедством по другой причине, при этом перед ними ставится выбор. Падчерица по приказу мачехи отвезена отцом в безлюдное место. В избушку, где поселилась девушка, приходит медведь и предлагает ей сыграть в жмурки. Условие он ставит такое: «Если ты меня поймаешь <...>, то какого хочешь товару и короб денег тебе дам. Ежели я тебя омману, то я тебя съем!» (*Мачеха и падчерица*) [3, с. 191]. Благодаря помощи мышки девушка выигрывает. Её сводная сестра не заручается помощью мышки, поэтому медведь обыгрывает её и съедает.

В сказке Забайкалья встречаются мотивы и других типов физического уничтожения, например, лишение свободы и ожидаемая голодная смерть, которую, впрочем, персонажу удаётся избежать. Разбойники, выданные Поторочей, сбежали из тюрьмы и встретили его в дороге. Их месть приобретает следующую форму: они его «изловили, раздели, в <...> бочонок посадили да звездами забили. Сами ушли» (*Мальчик с*

пальчик и На хвосте у волка) [3, с. 117]. Потороче удаётся выбраться на свободу благодаря собственной находчивости.

В сказках Забайкалья есть текст (*Мальчик с пальчик у людоеда*) со страшным для русского менталитета мотивом – инфантицида от собственных родителей. В семье голод, поэтому отец решает увести всех детей в лес и бросить их там на голодную смерть. Своё решение он объясняет жене: «Дома они всё равно с голоду умрут, а там хоть не на глазах» [3, с. 146]. Отец обманывает детей: он предлагает им сыграть в прятки и бросает их в лесу. Мальчик с пальчик помогает братьям найти дорогу домой. Весьма показательное поведение родителей: отец, только что бросив детей в лесу, убивает лося. Делается акцент на действиях, важных для сохранения собственной жизни, а потом уже позволяются эмоции: «Стаскал мясо домой, и стали они плакать с матерью» [3, с. 146]. Обращает на себя внимание следующее: родители даже не делают попытки найти детей и привести их домой, хотя возвращение нашедших дорогу сыновей вызывает у них радость. Любопытно, что когда заканчивается мясо, отец вновь отводит детей в лес на голодную смерть.

Разновидностью инфантицида (убийство от рук крёстного отца) можно считать попытку уничтожить младенца. Марко Богатый, проявляя мнимую доброту к младенцу на глазах других персонажей, пытается его уничтожить: заморозить в снегу, утопить в реке, а затем сварить в кипятке (уже взрослым) (*Марко Богатый*). Но герою все время удаётся выжить благодаря помощи других персонажей.

Кроме рассмотренных выше вариантов агрессии, направленных преимущественно на причинение телесного ущерба, в забайкальских сказках используется мотив особого вида лишения: у нее есть свобода, но больше нет ничего другого. Король-отец, увидев, что его незамужняя дочка непраздна, изгоняет ее: «<...> и даёт ей волчий билет: “Чтоб не было следу твоего”» (*Звериное молоко и Победитель змея*) [1, с. 242]. Таким образом, за то, что царевна запятнала честь семьи, она лишается родственных связей, дома, статуса, гражданских прав, страны.

Итак, произведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Русская народная волшебная сказка Забайкалья являет со-

бой комплекс представлений нашего этноса о негативных межличностных отношениях, реализуемых посредством взаимодействия персонажей. Акцент сделан на продуктивной для развития сюжета агрессии, ненависть же лежит в основе некоторых её видов наряду со столкновением интересов и статусом персонажей, объясняющих их подчинённое или главенствующее положение. Агрессия, как правило, имеет незамедлительную реализацию, в то время как ненависть – более продолжительное во времени состояние, ей в большинстве случаев присуща скрытая форма. Если агрессивное поведение приписывается и отрицательным, и положительным персонажам, то ненависть – удел лишь отрицательных персонажей.

Агрессия, реализуемая в словесной форме, представляет собой оскорбления, угрозы, клевету, насмешку, что в межличностных отношениях работает на снижение статуса того, на кого они направляются, и, соответственно, повышение статуса того, кто их себе позволяет. Обращает на себя внимание следующее: агрессия в словес-

ной форме направлена против более слабого персонажа (интеллектом, духом, физической силой и пр.). Любопытно, что ответная словесная агрессия персонажам не свойственна.

Более распространена в русской народной волшебной сказке Забайкалья агрессия, имеющая физическую реализацию. Она, как правило, связана с нарушением целостности тела персонажа или его уничтожением. Агрессия – в большинстве случаев удел мужских персонажей, отрицательных и положительных. Она чаще всего направлена на мужских героев, если агрессия адресована женским персонажам, то это связано с восстановлением справедливости (как с позиции героя, так и с позиции его противника) в той или иной форме (наказание за нарушение запрета, самозащита, восстановление главенства мужчины в семье). Физически реализованная агрессия в некоторых случаях имеет ответную аналогичную реакцию, являющуюся по сути своей самозащитой. Ненависть реализуется через физическую форму агрессии.

Список литературы

1. Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост. Р. П. Матвеева. Новосибирск: Наука, 1979. 303 с.
2. Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / сост. Р. П. Матвеева. Новосибирск: Наука, 1984. 335 с.
3. Русские сказки Забайкалья / сост. В. П. Зиновьев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 352 с.
4. Русские сказки Забайкалья / подготовка текстов, ст. и коммент. В. П. Зиновьева. 2-е изд., доп. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 464 с.
5. Челдышова Н. Б. Шпаргалка по социальной психологии. М.: Экзамен, 2009. 47 с.

References

1. Russkie narodnye skazki Sibiri o bogatyryakh / sost. R. P. Matveeva. Novosibirsk: Nauka, 1979. 303 s.
2. Russkie narodnye skazki Sibiri o chudesnom kone / sost. R. P. Matveeva. Novosibirsk: Nauka, 1984. 335 s.
3. Russkie skazki Zabaikal'ya / sost. V. P. Zinov'ev. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1983. 352 s.
4. Russkie skazki Zabaikal'ya / podgotovka tekstov, st. i komment. V. P. Zinov'eva. 2-e izd., dop. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1989. 464 s.
5. Cheldyshova N. B. Shpargalka po sotsial'noi psikhologii. M.: Ekzamen, 2009. 47 s.

Статья поступила в редакцию 01.10.2014

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ FOREIGN PHILOLOGY

УДК 821.133.1–313.2
ББК 83.3 (4Фра)5–8

Маргарита Викторовна Дубинская,
старший преподаватель,
Институт иностранных языков
Петрозаводского государственного университета
(185035, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкина, 17),
e-mail: france@petsu.ru

Жанр волшебной сказки в композиции романа Алена-Фурнье «Большой Мольн»: интерпретация поэтики «иномирия»

Проблема влияний структуры и системы персонажей жанра волшебной сказки на поэтику романа достаточно хорошо изучена В. В. Ивановым на материале русской литературы. В данной статье объектом исследовательского внимания становится французская литература, а влияние поэтики волшебной сказки впервые изучается на материале романа Алена-Фурнье «Большой Мольн» (1914). В ходе исследования выявляется сходство ряда элементов семичастной структуры волшебной сказки с элементами композиции романа Алена-Фурнье. Устанавливается сходство функций сказочных персонажей с поступками героев романа. В статье анализируются также те отличия романа и сказки, которые обусловлены авторской волей и реальностью начала XX века, отображаемой романным повествованием. Делается вывод о творческом характере восприятия писателем влияний поэтики жанра волшебной сказки; указывается на опосредованный характер влияний фольклора через другие жанры. Приводится пример сюжетного совпадения рыцарского романа «Персеваль, или Сказание о Граале» с романом Алена-Фурнье. Поскольку жанр рыцарского романа образовался под влиянием волшебной сказки, то влияние рыцарского романа на роман Алена-Фурнье является опосредованным влиянием волшебной сказки. Выявлены романские соответствия всем семи персонажам волшебной сказки в образах героев романа: учителя Сёреля, Огюстена Мольна, Франца де Гале, цыгана Ганаша, Франсуа Сёреля, Ивонны де Гале. За романное соответствие «ложному герою» принимается психологическое состояние Мольна. Описано соответствие завязке действия в романе «начальной ситуации» волшебной сказки, соответствие эпизодов и карнавальской атмосферы праздника в замке Саблоньер иномирию сказки.

Ключевые слова: функция персонажа волшебной сказки, романное соответствие персонажу волшебной сказки, романное соответствие функции персонажа волшебной сказки, романное (композиционное) соответствие структуре волшебной сказки, романное соответствие семиперсонажной схеме волшебной сказки.

Margarita Viktorovna Dubinskaya,
Senior Teacher, The Foring Languages Institute,
Petrozavodsk State University
(17 Pushkin St., Petrozavodsk, Russia, 185035),
e-mail: france@petsu.ru

The Genre of Fairy-Tale in the Composition of Alain-Fournier's Novel “The Big Meaulnes”: the Interpretation of the Poetics of “Another World”

This article reveals the problem of influence of the structure and character's system of the fairy-tale on novel's poetics. This problem is quite well studied on the materials of the Russian literature by V. V. Ivanov. In article the problem of above-mentioned influence on the French literature is revealed. For the first time the influence of the fairy-tale's poetics on Alain-Fournier's novel “The Big Meaulnes” (1914) is studied. The author reveals the resemblance of many elements of the seven-particle structure of fairy-tale with elements of the composition of Alain-Fournier's novel. The author also indicates the resemblance of the functions of fairy-tale's characters and the actions of characters of the novel “The

Big Meaulnes". This article analyses the difference of the genres of novel and fairy-tale, caused by author's will and by the novel's reality of the beginning of the XX century. The author makes the conclusion about the author's free perception of fairy-tale's poetics, and indicates the folklore mediated influence on the novel "The Big Meaulnes" through the others genres. For example, the genre of chivalrous novel is formed with the influence of the fairy-tale and the influence of the fairy-tale on the Alain-Fournier's novel is mediated and goes through the chivalrous novel. The author reveals the accordance of novel characters: the teacher Seurel, Augustin Meaulnes, Franz de Galais, Gipsy Ganach, François Seurel and Ivonne de Galais with six characters of the fairy-tale. The psychological state of Big Meaulnes is taken for the seventh character of the fairy-tale, named "false hero". The author describes the accordance of the beginning of the novel "The Big Meaulnes" and "the beginning situation" of the fairy-tale, and the accordance of some episodes and carnival atmosphere of holiday in Sablonier castle and the "another word" of the fairy-tale.

Keywords: function of the personage of fairy-tale, novel accordance to the personage of fairy-tale, novel accordance to the function of the personage of fairy-tale, novel (compositional) accordance to the structure of the fairy-tale, novel accordance of the seven-character structure of the fairy-tale.

В статье впервые изучается проблематика влияний поэтики жанра народной волшебной сказки на роман одного из французских писателей-модернистов Алена-Фурнье, принадлежавшего к кругу авторов журнала «Новое французское обозрение» (NRF), испытавших влияние творчества Ф. М. Достоевского. На материале русской литературы первым подробным и плодотворным опытом изучения влияний жанра волшебной сказки на жанр романа стало монографическое исследование В. В. Иванова [4, с. 21–44], развившего теорию жанра волшебной сказки В. Я. Проппа. В своём анализе романа Алена-Фурнье мы опираемся на теорию В. Я. Проппа, используя также принципы исследования и терминологию Иванова применительно к нашему материалу.

Описание благополучной жизни учительской семьи в школе деревни Сент-Агат в начале повествования является «романным (композиционным) соответствием начальной ситуации волшебной сказки» [4, с. 22] с её покоем и благоденствием. Подобно тому, как равновесие сказочной жизни исчезает с нарушением запрета, так в романе «Большой Мольн» равномерное течение деревенской и школьной жизни взбудоражено исчезновением одного из учеников, нарушившего запрет учителя. Незадолго до Рождества старший учитель господин Сёрель поручает одному из учеников встретить и привезти с вокзала родителей своей жены. Недавно переведённый в школу семнадцатилетний Огюстен Мольн, любитель приключений, прозванный Большим Мольном, вызывается съездить на вокзал. Но учитель отказывает ему и для миссии встречи гостей избира-

ет местного ученика, поскольку тот лучше знает окрестности. Мольн ослушивается учителя, что является романным композиционным соответствием функции волшебной сказки, «нарушением запрета» (термин В. Я. Проппа), и едет на вокзал самовольно, под благовидным предлогом выпросив у местного фермера лошадь и повозку. В этом эпизоде мы видим композиционное соответствие сказочной функции «герой-искатель отправляется в путь» (Пропп).

Завязка действия в романе подчинена композиционному закону волшебной сказки, согласно которому, по Проппу, четыре персонажа из семи: «отправитель, герой, ложный герой, а также и царевна включаются в начальную ситуацию» [6, с. 69]. «Романными соответствиями персонажам волшебной сказки» [4, с. 21] являются: учитель Сёрель и фермер соответствуют функции отправителя, главный герой романа Мольн – функции героя-искателя, функции «ложный герой» (Пропп) соответствует психологическое состояние смятенности духа главного героя, препятствующее его жажде духовного поиска, оформленного как стремление к нахождению своей «царевны-невесты» (Пропп). И это препятствие он преодолевает на протяжении всего повествования. Это психологическое состояние проявляется также в почти состоявшейся попытке Мольна жениться на невесте Франца де Гале Валентине. Узнав, что незнакомая и понравившаяся ему девушка – невеста Франца, Мольн с негодованием отвергает этот вариант устройства своей судьбы. Так, в превращённом виде функция ложного героя воплощается в ложной направленности духовного поиска главного героя.

Что касается невесты-царевны, то её соответствие в романе – сестра Франца Ивонна де Гале, в силу композиционных особенностей поэтики литературного произведения находится в пределах начальной ситуации как некий таинственный образ. Мольн впервые видит Ивонну ещё в детских снах, задолго до встречи с ней в замке Саблоньер. Во сне она предстаёт в образе феи, живущей в сказочном замке, и эти видения, мы полагаем, можно считать композиционными соответствиями образа сказочной невесты, встреченной героем ещё в начальной ситуации. А, во-вторых, реальная встреча Мольна с Ивонной по времени располагается очень близко от завершения начальной ситуации повествования: во время поездки Мольн вспоминает свои сонные видения девушки-феи. Композиция романа в целом соответствует одному из распространённых вариантов сказочной фабулы, согласно которому герой встречает невесту, потом утрачивает её, после чего долго странствует, проходит ряд испытаний, прежде чем окончательно обретёт свою единственную. Такова, например, фабула русской волшебной сказки «Царевна-лягушка». Французский фольклор кроме аналогичной сказки «Жених-жаба» [7, с. 165–172] предлагает нашему вниманию волшебную сказку «Король-ворон» [7, с. 271–279] и её вариант «Невеста ворона» [2, с. 201–203].

В соответствии с логикой развития фабулы волшебной сказки вследствие нарушения запрета с героем случается беда или возникает недостача. Сидя в повозке, Мольн засыпает, в результате морозной декабрьской ночью он заблудился в пустынной и незнакомой ему местности. Проснувшись, он обнаруживает, что лошадь захромала. Пытаясь помочь животному, Мольн сам ранит колено и тоже начинает хромать – «романное соответствие функции персонажа волшебной сказки» [4, с. 21] «беда, или недостача» (Пропп).

Что означает эта двойная хромота путника и его лошади в контексте развития действия в логике волшебной сказки? На связь с фольклором творчества Ф. М. Достоевского указал Д. С. Лихачёв: «Поэтика Достоевского и её динамическое развитие связано с художественным миром русской сказки» [5, с. 79]. В поэтике «пути» Достоевского «ритм выстраивается по ощущению смятенного духа» [3, с. 394]. У Алена-Фур-

нье, который во время создания своего романа находился под влиянием творчества Ф. М. Достоевского, а факт этого влияния отражает его переписка [9, с. 14], ритм пути передаётся через ритм шагов. В небольшом по объёму романе сорок пять раз упоминаются особенности походки и ритм шагов различных персонажей, что служит их дополнительной психологической характеристикой. Например, «в то время как шустрые школьники носились по улочкам Сент-Агат», друг Мольна Франсуа Сёреэль «жалко подпрыгивал за ними на одной ноге» [8, с. 29]. Одноклассник Мольна и Франсуа Сёреэля, Жасмен Делуш, ходит, волоча ноги: «Его ноги тащились по плитам пола; башмаки, подбитые гвоздями, визжали» [8, с. 50]. Огюстен Мольн «глубокой ночью, долгими часами лихорадочно мерил шагами покинутые чердаки, погружённый в размышления» [8, с. 54]. По ощущениям Франсуа Сёреэля, во время его последней встречи с Ивонной незадолго до её смерти в облике этой женщины появляются черты бестелесности, передаваемой через лёгкий шорох шагов: «Её туфли производили лишь лёгкий шорох по песку; я принял её шаги за звук дождевых капель» [8, с. 237].

Когда ритм движения персонажа нарушается, как в случае с возникшей хромотой Мольна и его лошади, мы полагаем, что это может служить знаком вступления героя в иномирие: сказочный мир с иными законами бытия. Лошадь в этом случае не заблудилась (логика реальности), а доставила героя на границу иного мира (логика волшебной сказки). В реальности Большой Мольн оказывается на границе поместья Саблоньер, где в ветхой лачуге живёт старая крестьянка, образ которой является романским соответствием сказочного персонажа Бабы Яги. Функция сказочной Яги заключается в испытании героя-искателя, после которого герой отправляется в тридевятое царство. В романе молодой человек расспрашивает старушку о дороге, соблюдая определённые правила беседы, напоминающие правило волшебной сказки, согласно которому герой должен «стать своим миру сказки»: «Он знал, что с крестьянами, особенно живущими на отдалённых фермах, нужно говорить очень скромно и дипломатично, а главное, никогда не показывать, что ты не местный» [8, с. 62–63]. Первоначальное испытание Ягой героя заключается в том, что

он должен вкусить её пищи, что делает его своим миру сказки. Поначалу и у Мольна всё пошло как нельзя лучше: старушка накормила путника и предложила ночлег.

Но далее сказочно-фантастический колорит повествования усиливается: Мольн выходит из хижины, чтобы завести лошадь с улицы во двор, но лошади на месте не оказалось. После бесплодных поисков лошади герой замечает, что он не в силах обнаружить и ту лачугу, в которой только что общался с её обитательницей. Ему всё кажется, что он видит мерцающий вдали свет из окошка хижины приветившей его старушки, но каждый раз, стоит направить шаги в нужную сторону, свет исчезает, чтобы снова появиться в другом месте: «Мольн, торопясь вернуться в бедную хижину, не задумываясь, пошёл по тропинке, которая, казалось, вела прямо туда. Но едва он сделал десять шагов в том направлении, как свет исчез» [8, с. 66]. Пребывая в сказочной ситуации «пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что», он оказывается вынужденным заночевать посреди поля в заброшенном пастушеском шалаше, сквозь щели потолка которого светит луна. Проснувшись рано утром от холода, он продолжает путь и вскоре попадает в незнакомый замок (романное композиционное соответствие функции персонажа сказки «герой-искатель прибывает в тридевятое царство»), в котором идёт подготовка к костюмированному балу. Сын хозяина замка Франц де Гале собирается праздновать свою помолвку с дочерью ткача Валентиной Блондо, которую выгнал из родительского дома её отец. Социальное неравенство жениха и невесты напоминает отношения Золушки и Принца.

Не имея карнавальной одежды, Мольн поначалу скрывается в нежилом крыле замка. Однако цыган Ганаш, приглашённый женихом и выполняющий на празднике функцию распределителя нарядов, каким-то образом заметил Мольна и снабдил его всем необходимым для карнавала. Действия Ганаша являются романным соответствием действиям сказочного персонажа «даритель волшебных даров», снабжающего героя-искателя, попавшего в тридевятое царство, волшебными предметами. Карнавальный наряд в данном случае имеет функцию шапки-невидимки, поскольку теперь незванный гость, оставаясь неузнанным, может свободно разгуливать по замку и принимать

участие в празднике. Здесь он встречает свою будущую невесту, Ивонну (романное соответствие герою-искомому волшебной сказки). Встреча Мольна с Ивонной соответствует функции героя-искателя «герой находит искомое».

Сама атмосфера костюмированного праздника, проходящего в стенах средневекового замка накануне Рождества, соответствует пребыванию персонажей романа в сказочном мире. Именно на эффект вмещения реальности в обстоятельства и законы романтической сказки рассчитывает организатор праздника Франц де Гале, добивающийся эффекта возникновения иномира в стенах родительского замка. Стремясь к достижению этого эффекта, он делает распорядителем цыгана Ганаша и его приятеля бродячего актёра Малойу ламповщиком, занимающимся иллюминацией замка: «Я не могу понять, как вышло, что пригласили такое отребье, как мы, чтобы прислуживать на подобном празднике!» [8, с. 74], – удивляется Ганаш. Но главное, Франц вводит необычное правило: наряду с Ганашем распорядителями праздника помолвки становятся дети, которым он передаёт права хозяев замка. Один мальчик говорит: «Разве нам не всё позволено? Нам позволено даже причинить себе вред, если нам это нравится. <...> Вы же знаете, что мы организуем праздник по своему желанию. – А если Франц вернётся сегодня вечером с невестой? – Ну, тогда он будет делать всё, что мы захотим!» [8, с. 70].

В организации праздника Франц следует собственному пониманию принципа игры, нарушающему общепринятые социальные нормы: здесь «низшие» по социальному положению или младшие по возрасту уравниваются и даже превосходят «высших» по своим праздничным ролям. Нарушение обычных условностей и уравнивание людей, надевших маски, – основной принцип организации народного карнавала. Карнавальный мезальянс жениха-дворянина и дочери крестьянина-ткача расширяется и углубляется присутствием среди знатных парижан «отребья» в лице цыгана и его приятеля, детей-распорядителей и местных пожилых крестьян в роли почётных гостей. Тем самым, Франц де Гале, установивший собственные правила поведения людей на празднике, должен быть признан романным соответствием сказочному персонажу «хо-

заян тридевятого царства», которому подчинены все. Крестьяне говорят о том, что Франц подчинил своим прихотям даже родителей: «Господин де Гале давал праздники, чтобы развлечь своего сына, странного юношу, голова которого была полна удивительными идеями. Чтобы развлечь его, он придумывал всё, что мог» [8, с. 179].

Если дополнить описание задуманной помолвки тем, что проходит она в дни Адвента – предрождественского поста, то нарушение принятых норм достигает апогея. В эти дни во Франции не принято проводить никаких семейных праздников. Ален-Фурнье, по принципу олицетворения сил природы, свойственного фольклору, вводит даже сказочную погодную аномалию. Ещё ночью Мольн мёрз в заброшенном шалаше, но наступивший декабрьский день оказался настолько тёплым, что «можно было подумать, что стоит разгар лета» [8, с. 89]. Летний день в декабре – очевидная параллель сказочному сюжету расцветающих посреди зимы подснежников, которые Месяцы, хозяева временных циклов, дарят девушке-сироте, отправленной злой мачехой в лес с целью погубить падчерицу. Однако среди устойчивых мифологических и фольклорных представлений существуют древние запреты на духовно не обоснованные нарушения естественного хода времени. Согласно народным представлениям, ещё вполне живым во французской провинции начала XX века, в самые тёмные дни года, предшествующие Рождеству, на земле появляются существа иного мира и вредоносно вмешиваются в дела людей, появляясь среди них под масками. Поэтому-то не следует устраивать маскарадов, на которые, надев маски, приходят «добрые соседи», как по сей день называют духов французские крестьяне.

Когда Мольн подходил к замку, ещё скрытому рядами елей, он встретил группу мальчиков и девочек, наряженных в карнавальные костюмы. Эти дети были похожи на тех самых «добрых соседей», как их представляет французский фольклор. Именно из их разговора Мольн, спрятавшийся за пушистыми молодыми ёлочками, узнаёт, что вблизи находится замок, где начинается праздник помолвки. В эпизоде встречи героя с детьми, невольно подсказавшими местонахождение цели путешествия, пока ещё не известной самому путнику, мы ус-

матриваем сюжетно-композиционную параллель с эпизодом рыцарского романа «Персеваль, или Сказание о Граале», жанр которого сформировался в определённой мере под влиянием волшебной сказки. Ведь сам Артуровский цикл романов называется «сказочным». Вот встреча рыцаря Персеваля с двумя детьми на перекрестье дорог в пустынном месте: «Вдруг увидел он перед собою прекраснейшее дерево и крест на перекрёстке четырёх дорог. Рассматривая дерево, увидел он двух маленьких детей, перебежавших с ветки на ветку. Каждому из них было не более семи лет. Персеваль стал заклинать их именем Бога сказать ему, божьи ли они создания. Дети отвечали: “Прекрасный друг Персеваль, знай, что пришли мы сюда для того, чтобы видеться с тобой по воле Бога. Держись вон той дороги и знай, что как только дойдёшь ты до её конца, ты увидишь и услышишь такие вещи, что путь твой будет окончен, если только суждено тебе когда-нибудь достичь его конца”» [10, с. 761].

Словам детей, обращённым к Персевалю, точно соответствует романский сюжет «Большого Мольна» как в его реально осуществлённом виде, так и в возможном варианте развития событий. Женившись на Ивонне вскоре после первой встречи с ней, Мольн осуществил бы пророчество детей Персевалю о близком окончании его пути. В этом случае он поселился бы в замке, и это соответствовало бы финальным функциям сказочного персонажа «герой женится и воцаряется». Однако после первой встречи с будущей невестой Мольн, не сумевший запомнить дорогу к замку, сталкивается с противодействием её брата Франца, выступающего в ряде эпизодов в качестве сказочного «героя-антагониста». Так, в соответствии с другим вариантом сюжета волшебной сказки, герой пускается в долгие и трудные поиски Ивонны. Наконец, найдя её и едва женившись на ней, Мольн вновь отправляется в странствие, чтобы помочь жениться брату Ивонны на его избраннице.

Как видим, дети – персонажи рыцарского романа, будучи посланниками Бога, упоминают оба варианта сказочного сюжета, предупредив об этом Персеваля. В словах детей рыцарского романа скрыта философия той свободы выбора, которая дарована человеку Богом. От того или иного варианта её реализации зависит дальнейшее те-

чение жизни. Герой романа Алена-Фурнье осуществляет этот выбор не мгновенно, а в процессе длительного духовного поиска, начавшегося из-за первоначальной ошибки. А именно, во-первых, Мольн стесняется расспрашивать местных людей о местонахождении замка, дорогу к которому он не запомнил, уезжая оттуда ночью. Во-вторых, он поверил ложному утверждению Франца, что Ивонна уехала жить в Париж. Пущенный по ложному следу, Мольн теряет время, происходят события, которые надолго лишают его возможности попросить руки Ивонны: «Духовное единство, окружающее человека, проявляется и в тексте. Понимание текста, его анализ невыносим без внимания к духовной энергии, которая проявляется в невидимых традициях, уходящих в прошлое и ведущих в будущее» [1, с. 11]. Духовное единство Мольна и Ивонны, возникшее в замке во время первой встречи, далее разрушается эгоистическими поступками Франца, что отбрасывает встречу девушки и юноши в прошлое, отдаляя её возможность в неопределённое будущее. Так нарушения тысячелетних традиций сватовства и брака закономерным образом вытекают из всех тех нарушений традиционной народной жизни, которые столь легко допускал Франц. Однако понимание действий брата Ивонны становится глубже, когда мы устанавливаем романное соответствие его действий функции сказочного хозяина тридевятого царства, испытывающего героя и дающего ему трудные задачи. Один литературный персонаж в разных эпизодах сочетает в себе функции героя-антагониста и хозяина тридевятого царства, что усложняет его образ.

Христианско-церковные традиции в отношении церковных праздников во многом соответствуют народным традициям и призывают посвятить дни Адвента посту и молитве. Развлечения, иллюминации, карнавалы с их масками и танцы не приветствуются ни в коем случае. Однако Франц, с его устремлённостью к игре, не обращает внимания ни на народные, ни на христианские установления морали, что закономерно оборачивается бедой как для него самого, так и для всех главных участников событий. Начавшийся весело праздник прерывается известием, что невеста не появится. Жених впадает в отчаяние и пытается покончить с собой. Стены замка полнятся восклица-

ниями и пересудами. Гости в смятении начинают разъезжаться. Раненого Франца уносит из замка в неизвестном направлении цыган Ганаш, одетый в костюм Пьеро. Вскоре мать Франца и Ивонны умирает, а семья разоряется из-за долгов, наделанных Францем при попустительстве его отца. В итоге земля продана, замок снесён, а отец вместе с Ивонной переезжает жить в крошечный домик, оставшийся от некогда обширных владений де Гале. Потеря замка и земли семьёй де Гале является романским соответствием фабулы некоторых волшебных сказок, когда гибель хозяина тридевятого царства сопровождается разрушением самого царства. Попытка Франца покончить с собой и его бегство из дома являются романским соответствием гибели хозяина тридевятого царства волшебной сказки.

Всё дело в том, что принцип игры, распространяемый на все сферы деятельности, является определяющим правилом жизни Франца де Гале, взрослого молодого человека, остающегося в душе избалованным и эгоистичным ребёнком. После несостоявшейся помолвки и неудавшегося самоубийства он отправляется бродяжить вместе с цыганом Ганашем. Своему правилу игры Франц не только сознательно следует, он проповедует его, чётко формулируя своё кредо: «Я хотел умереть, и поскольку у меня не вышло, я буду жить только для развлечений, как ребёнок, как Цыган. Я всё бросил. У меня больше нет ни отца, ни сестры, ни дома, ни любви... Больше ничего, кроме товарищей по играм» [8, с. 128]. Он «стирает» своё прошлое, сменив родовое дворянское имя на прозвище Цыган. Франц живёт играючи, но он играет и судьбами других людей, прежде всего, судьбой своей сестры и любимого её Мольна, поначалу мешая им встретиться, а после встречи и свадьбы Мольна и Ивонны, отвлекая молодожёна на поиски своей исчезнувшей невесты.

Ещё одним поэтическим приёмом создания в романе сказочной атмосферы иномирия в замке Саблоньер является уподобление происходящего там сонному видению. Главный герой засыпает по дороге в замок, поскольку находится в пути поздним вечером и ночью, точно так же, возвращаясь оттуда ночью, вновь засыпает и не запоминает дороги, ведущей к замку. Автор прямо указывает, что на празднике «всё устраивалось как во сне» [8, с. 90]. Единствен-

ная характеристика временных отрезков, используемая автором в описании событий праздника, – *un instant* («мгновение») – ведь во сне время течёт мгновенно и как бы останавливается. Автор создаёт атмосферу таинственности и странности происходящего при помощи соответствующей лексики: *mystérieux* – «таинственный»; *inconnu* – «неизвестный»; *étranger* – «чужой, чуждый»; *étrange* – «странный». Три главы романа, содержащие описание праздника, называются *La fête étrange* («Странный праздник»). Одновременно при помощи лексических средств создаётся ощущение нарастающей тревоги и неопределённости, сон как бы переходит в кошмар. Используются существительные: *tristesse* – «грусть, печаль»; *inquiétude* – «беспокойство»; *angoisse* – «тревога»; *désordre* – «беспорядок»; *fuite* – «бегство» и т. д.

Ощущение беспокойства также передаётся многочисленными упоминаниями автора о сбившемся ритме дыхания главного героя, которые встречаются только в сценах его пребывания в замке Саблоньер. На подходе Мольна к замку «ледяной ветер перехватывал ему дыхание» [8, с. 68]; «затаив дыхание» [8, с. 69], Мольн слушает разговор детей, идущих в замок; «задерживая дыхание» [8, с. 95], он наблюдает из-за приоткрытой двери за Францем де Гале и т. д. В описании ритма пути через ритм дыхания мы видим уподобление поэтических приёмов Алена-Фурнье романной поэтике Ф. М. Достоевского: «Дыхание героя Достоевского, по преимуществу, является дыханием ходьбы, бега, метаний. Ритм выстраивается по ощущению смятенного духа» [3, с. 395].

И, наконец, автор отмечает, что Мольн постоянно ощущает себя в этом сонном, условно, тридевятом царстве, «больше не школьником, сбежавшим в крестьянской тележке, но прекрасным романтическим созданием» [8, с. 86]. Деревенские жители, школьные учителя и товарищи сбежавшего Мольна с тревогой ожидали его появления долгих три дня. Для Мольна же это время промелькнуло очень быстро, поскольку в его восприятии оно складывалось, как сказано выше, из мгновений. Трёхдневное отсутствие, когда в школе его считали если ещё не умершим, то пропавшим без вести, мы полагаем, является романным соответствием сказочной функции героя-искателя «временная смерть».

В период поисков Ивонны Мольну часто снится сон о том, что он выбирает или узнаёт Ивонну из числа многих очень похожих на неё девушек. Однако в образе каждой из них присутствует лишь одна характерная черта образа его возлюбленной. Это либо глаза, либо фигура, либо шляпка. Очевидно, что в этих сонных видениях главный герой романа вновь возвращается в прошлое романного времени, во время встречи с Ивонной в замке Саблоньер. Ален-Фурнье возвращает героя-искателя в тридевятое царство, или, можно сказать и так, что тридевятое царство воскресает в памяти героя во время снов, словно преследуя его. Эти сонные видения являются романскими соответствиями сказочной функции «герою даются трудные задачи». В частности, сказочный герой-искатель в тридевятом царстве почти всегда должен узнать свою невесту из множества живых копий её облика. Мольн находит Ивонну благодаря помощи своего друга Франсуа Сёреля, романного соответствия сказочному персонажу «волшебный помощник», функцией которого является доставка героя-искателя к месту нахождения царевны-невесты. Франсуа привозит Мольна на праздник, где должна присутствовать Ивонна.

Романная фабула «Большого Мольна» принципиально отличается от фабулы волшебной сказки тем, что функции «свадебный пир» и «воцарение» героя-искателя не становятся финальными. Ален-Фурнье продолжает повествование после свадьбы Мольна и Ивонны, независимо от русского писателя-романтика Александра Грина, повторяя его опыт применения сказочной поэтики при создании романа, подробно исследованный Ивановым: «В романе “Бегущая по волнам” автор продолжает повествование о судьбе своих главных героев уже после того, как осталась позади последняя функция “свадебный пир”» [4, с. 42]. У Грина и Алена-Фурнье это не единственное фабульное отличие романа от волшебной сказки. Таково, например, присутствие образов иномирия в подсознании Мольна после гибели этого, романного, тридевятого царства.

Можно сделать вывод о том, что семи-персонажная схема жанра волшебной сказки нашла в произведении Алена-Фурнье полный ряд своих соответствий. Значительная часть функций персонажей волшебной

сказки также получила романские соответствия. Важной составляющей поэтики Алена-Фурнье стали композиционные соответствия начальной ситуации и атмосферы иномирия тридевятого царства сказки. Сказочная атмосфера и образы иномирия создаются с использованием поэтики сна и поэтики карнавализации персонажей. Уточним, что романские соответствия сказочных персонажей, их функций и композиционных элементов волшебной сказки предстают у Алена-Фурнье в превращённой форме – в соответствии с актом авторской воли, авторского сознания и видения.

Тема сложного поиска невесты и создания семьи соответствует теме большинства волшебных сказок, но это обстоятельство не превращает «Большого Мольна» в литературную сказку. Принципиальным отличием его поэтики становится глубокая разработка психологической мотивации персонажей, которой полностью лишена сказка. Творчески интерпретируя элементы поэтики волшебной сказки для создания романтического колорита иномирия, Ален-Фурнье остаётся в рамках авторского метода, близкого методу Достоевского – «реализму в высшем смысле».

Список литературы

1. Ахметова Г. Д. Духовное пространство текста // Учёные записки ЗабГУ. Сер. «Филология, история, востоковедение». 2014. № 2 (55). С. 6–11.
2. Дубинская М. В. Невеста ворона: пер. с фр., публ. // Открытый финал волшебной сказки и ведийский свадебный обряд *samikana* / В. В. Иванов, М. В. Дубинская // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы VI Междунар. науч. конф. / сост. Г. Д. Ахметова. Чита: ЗабГУ, 2013. С. 199–203.
3. Иванов В. В. Сакральный Достоевский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 520 с.
4. Иванов В. В. Восьмой персонаж волшебной сказки: монограф. эврист. учеб. пособие для магистров и бакалавров / худож. оформл., пер. с иностр. яз. и соавторство ст. в прил. М. В. Дубинской. Петрозаводск: Препринт, 2012. 260 с.: 28 ил.
5. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопр. лит. 1968. № 8. С. 74–87.
6. Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М.: Наука, 1969. 168 с.
7. Французские народные сказки / пер. М. Е. Абкиной, Т. Ю. Хмельницкой. М.: Сов. писатель, 1991. 350 с.
8. Alain-Fournier. Le Grand Meaulnes. Edition du Progrès. Moscou, 1971. 280 p.
9. Lhote André, Alain-Fournier, Rivière Jacques. La peinture, le coeur et l'esprit. Correspondance inédite (1907–1924). Texte établi et présenté par Alain Rivière, Jean-Georges Morgenthaler et Françoise Garcia. Willam Blake and co. Edition et Musée des Beaux-Arts de Bordeaux. Bordeaux, 1986. 234 p.
10. Troyes Chrétien de. Perceval ou le Conte de Graal // Troyes Chrétien de. Euvres complètes / Introduction, Chronologie, Notes sur la présente édition par Danel Poirion. NRF, Gallimard. Paris, 1994. P. 683–911.

References

1. Akhmetova G. D. Dukhovnoe prostranstvo teksta // Uchenye zapiski ZabGU. Ser. «Filologiya, istoriya, vostokovedeniye». 2014. № 2 (55). S. 6–11.
2. Dubinskaya M. V. Nvesta vorona: per. s fr., publ. // Otkrytyi final volshebnoi skazki i vediiskii svadebnyi obryad samikana / V. V. Ivanov, M. V. Dubinskaya // Interpretatsiya teksta: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. / sost. G. D. Akhmetova. Chita: ZabGU, 2013. S. 199–203.
3. Ivanov V. V. Sakral'nyi Dostoevskii. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2008. 520 s.
4. Ivanov V. V. Vos'moi personazh volshebnoi skazki: monograf. evrist. ucheb. posobie dlya magistrov i bakalavrov / khudozh. oforml., per. s inostr. yaz. i soavtorstvo st. v pril. M. V. Dubinskoi. Petrozavodsk: Preprint, 2012. 260 s.: 28 il.
5. Likhachev D. S. Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya // Vopr. lit. 1968. № 8. S. 74–87.
6. Propp V. Ya. Morfologiya skazki. 2-e izd. M.: Nauka, 1969. 168 s.
7. Frantsuzskie narodnye skazki / per. M. E. Abkinoi, T. Yu. Khmel'nitskoi. M.: Sov. pisatel', 1991. 350 s.
8. Alain-Fournier. Le Grand Meaulnes. Edition du Progrès. Moscou, 1971. 280 p.
9. Lhote André, Alain-Fournier, Rivière Jacques. La peinture, le coeur et l'esprit. Correspondance inédite (1907–1924). Texte établi et présenté par Alain Rivière, Jean-Georges Morgenthaler et Françoise Garcia. Willam Blake and co. Edition et Musée des Beaux-Arts de Bordeaux. Bordeaux, 1986. 234 p.
10. Troyes Chrétien de. Perceval ou le Conte de Graal // Troyes Chrétien de. Euvres complètes / Introduction, Chronologie, Notes sur la présente édition par Danel Poirion. NRF, Gallimard. Paris, 1994. P. 683–911.

Статья поступила в редакцию 01.10.2014

УДК 81'38, 81'42
ББК 81.032

Екатерина Борисовна Коломейцева,
*старший преподаватель,
Первый Санкт-Петербургский
государственный медицинский
университет им. акад. И. П. Павлова
(197022, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8),
e-mail: tillyriddle@yandex.ru*

Иноязычные вкрапления в поэтическом и прозаическом тексте

В статье рассматриваются, иллюстрируются примерами и классифицируются фонетико-графические, грамматические и лексико-семантические особенности функционирования иноязычных вкраплений. Любое вкрапление в художественном тексте приобретает ряд дополнительных признаков, связанных с характером текста и степенью ассимиляции вкрапления. Под иноязычными вкраплениями в статье понимается ряд единиц, проявляющих в тексте структурную неоднородность и находящихся в иноязычном окружении. На материале 5 прозаических и 50 поэтических произведений разных авторов-билингвов, пишущих на английском языке, показано, что функционирование иноязычных вкраплений из различных языков различается в прозаических и поэтических текстах по ряду признаков. Для рассмотрения выбраны современные произведения, авторы которых преимущественно описывали другую культуру. В прозаических текстах вкрапления подвергаются большей ассимиляции на разных уровнях, нежели в поэзии. Также иноязычные вкрапления в прозаическом тексте не ограничены по объёму. В поэзии иноязычные вкрапления чаще ретранслируются в готовом виде, чем ассимилируются. Иноязычные вкрапления, кроме того, проанализированы на предмет выявления лексико-семантических и текстовых оппозиций. Ещё одна отличительная черта иноязычных вкраплений в прозе – возможность классификации лакунарных вкраплений по предметным областям. Таким образом, иноязычные вкрапления в прозе и поэзии отличаются в своём функционировании.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, художественный текст, ассимиляция, фонетико-графический уровень, грамматический уровень, лексико-семантический уровень.

Ekaterina Borisovna Kolomeytseva,
*Senior Teacher,
The First Saint-Petersburg State Medical University
named after Academician I. P. Pavlov
(6–8 Lev Tolstoy St., St. Petersburg, Russia, 197022),
e-mail: tillyriddle@yandex.ru*

Foreign Elements in Prose and Poetry

The article deals with the phonetic, graphic, grammatical, lexical and semantic peculiarities of foreign elements functioning. Any inclusion in fiction acquires a number of additional peculiarities derived from the character of the text and the degree of their assimilation. They are illustrated with the examples and classified. In the article "embedded foreign elements" are a number of units which show structural heterogeneity in the text. They are surrounded with the units of foreign language. Based on 5 prosaic and 50 poetic texts of different bilingual authors, who write in English, the examples show that the functioning of foreign elements from various languages in prose and poetry differs according to the range of peculiarities. There are selected contemporary works by authors who mainly describe other cultures. In prose foreign elements are assimilated on different levels more than in poetry. Moreover, foreign elements in prose are not limited in their length. Foreign elements in poetry are retranslated "as they are", then assimilated. Foreign elements are analyzed in order to find lexical and semantic oppositions. One more peculiarity of foreign elements in prose is the opportunity of lacuna foreign elements' classification according to their subject areas. In such way embedded foreign elements in prose and poetry differ in their functioning.

Keywords: foreign elements, text, assimilation, phonetic and graphic level, grammatical level, lexical and semantic level.

Любые элементы, даже самые незначительные, будучи употреблёнными в художественном тексте, задействуются в структуре

произведения. Так, иноязычные вкрапления в художественном тексте – не просто помещённые в чуждый контекст элементы,

но значимый стилистический компонент авторского идиостиля [2, с. 18]. В связи с этим целью, поставленной нами в этой статье, является проследить особенности помещения иноязычных вкраплений в поэтический и прозаический контекст. Уместно привести слова Т. А. Лупачевой, чтобы проиллюстрировать, что изменения в функционировании вкраплений будут иметь место: «Иноязычные вкрапления, включаясь в художественную систему произведения, вступают в активное взаимодействие с окружающей их средой текста-реципиента... многие иноязычные вкрапления приобретают в тексте-реципиенте стилистический потенциал, который намного превосходит их стилистическую экспрессивность в языке-источнике. Нередки случаи, когда экспрессивность появляется даже у тех иноязычных единиц, которые являются стилистически нейтральными в языке-источнике» [5, с. 121–122].

Другие исследователи даже склонны относить иноязычные вкрапления к стилистической категории, как например, Ю. Т. Листрова-Правда, отмечая также, что своим появлением в литературной речи вкрапления обязаны двуязычию [3, с. 119]. В связи с этим любое иноязычное вкрапление в художественном тексте может подвергаться ряду изменений: фонетико-графических, грамматических, семантических. Различные исследователи по-разному подходят к определению границ иноязычных вкраплений: ряд исследователей относит элементы, подвергающиеся любым изменениям, к варваризмам (В. М. Феоктистова, Д. С. Лотте), однако другие исследователи (Ю. Т. Листрова-Правда, Т. А. Лупачева, А. А. Леонтьев) склонны разграничивать иноязычные вкрапления в зависимости от степени освоения их языком. Учитывая трудные случаи разграничения варваризмов и иноязычных вкраплений, мы воспользовались одной из классификаций иноязычных вкраплений Ю. Т. Листровой-Правды, в соответствии с которой ею выделяются три вида вкраплений: полное, частичное и контаминированное [4, с. 69]. Проблема описания иноязычных вкраплений и определения их границ интересует учёных не первое десятилетие. Кроме того, в настоящее время существует интерес к конкретным проявлениям иноязычных вкраплений в тексте. Это может быть рекламный текст, публицистический, научный или художественный. Последний

часто бывает задействован при исследовании проявлений авторского идиостиля через иноязычные вкрапления (например, у Т. А. Лупачевой, И. В. Михайловой, Т. И. Большаковой). Однако следует отметить, что иноязычные вкрапления могут функционировать по-разному в прозаических и поэтических текстах. Поэтический и прозаический текст в сравнении функционирования в нём иноязычных вкраплений не был в фокусе исследовательского внимания. По этой причине автором данной статьи был отобран и проанализирован корпус поэтических и прозаических текстов, принадлежащих перу билингвальных авторов, пишущих на английском языке, где употребляются иноязычные вкрапления. Было взято 5 прозаических произведений современного периода (романы Э. Тэн, Дж. Лахири, С. Беллоу и ряда других) и 50 стихотворений, содержащих вкрапления (стихотворения Л. Дарелл, С. Сиссон, Е. Осташевского, Дж. О'Брайен и др.).

Следует уточнить, что под «иноязычными вкраплениями» понимается ряд явлений – от фонемы или морфемы до целого отрезка текста, – проявляющий структурную неоднородность. Варваризмы, ввиду сложности их отграничения от иноязычных вкраплений во многих ситуациях, рассматриваются в статье на правах частично освоенных вкраплений.

Проиллюстрируем примерами употребление иноязычных вкраплений в прозаическом и поэтическом тексте. В прозаическом тексте иноязычные вкрапления могут быть употреблены «как они есть» в другом языке, но иногда наблюдаются начальные признаки ассимиляции. Например, на фонетико-графическом уровне в прозе ассимиляция проявляется в следующих процессах:

- а) замена фонем;
- б) перемена слоговых границ;
- в) усложнение звучания (добавление фонем);
- г) упрощение звучания (изъятие фонем, усечение);
- д) намеренная авторская игра на похожести звучания.

Рассмотрим подробнее данные процессы. Замена фонем происходит в тех случаях, когда наблюдается схожесть звуков чужого и принимающего языка, либо, наоборот, в случае отсутствия в принимающем языке нужного звука:

«*The courtesans pronounced it like Shang-hainese word vyau-la – what you said when you wanted to get rid of something. “Vya-la! Vya-la!” – greeted me everywhere*» [20, с. 2].

Необходимо отметить, что в китайском языке отсутствует звук [v], вместо него принято пользоваться звуком [w], также не характерно сочетание гласных [ya], вместо которого пользуются записью [ua]. Скорее всего, в данном примере использован произносительный вариант записи словосочетания из Шанхайского диалекта, а не традиционная система записи китайских слогов «пинь инь». Кроме того, наличествует дефис, не нужный при передаче китайской системой транскрипции. Здесь он может быть поставлен и чтобы не делать паузу между компонентами словосочетания, соединяя их в английское имя «Виола». В примере мы наблюдаем замену звука, кроме того, проявляет себя стремление китайского языка к немногосложности. Слоги китайского языка представляют собой такую модель: инициаль (согласный звук), медиаль (неслогообразующий гласный, не всегда присутствует) и централь (ещё один гласный, вокруг которого строится слог). Иногда на конце присутствует терминаль – согласный звук, представленный обычно звуками [ŋ] [ŋ] [1, с. 56]. Также следует заметить, что имена в китайском языке состоят не более чем из двух слогов. Всё это создало предпосылки для восприятия незнакомого имени в другом ключе: разделенного на китайские слоговые части и с изменёнными фонемами. Этот пример также иллюстрирует перемену слоговых границ в слове в связи со сменой модели слога и языкового восприятия (сравним: в английском языке 3 слога составляют единое имя, а в китайском – двусложная модель воспринимается как словосочетание).

Усложнение звучания путём добавления фонем уместно продемонстрировать на следующем примере:

«*That sort of thing could sap all the strength and the goodness out of a chelloveck*» [9, с. 8].

«*Give these poor old baboochkas over there a nourishing something. Large Scotchmen all round and something to take away*» [9, с. 12].

В первом примере в таком странном написании узнаётся видоизменённое русское слово *человек*, которое, будучи вкрапленным, усложнилось двойным / и сочетанием *ск*. Это почти не отразилось на фонетике, оно осталось узнаваемым, чего не скажешь

о втором примере – слово «бабушка» изменило свой фонетический облик путём замены одной фонемы и удлинения гласного звука, закреплённого на письме в виде дублирования буквы *o*.

У Э. Берджесса, кроме того, нередки противоположные примеры, когда происходит упрощение звучания:

«*Anyway, Dim squeezed in next to this veck and, with his big clown’s yawp that showed his hanging grape, he stabbed this veck’s foot with his own large filthy sabog*» [9, с. 24].

Уже встречавшееся нам вкрапление «человек» употребляется и в усечённом виде. Такую «операцию» Э. Берджесс применяет чаще к глаголам, у него встречаются вкрапления *poni, lubi* от «понимать», «любить».

Широко используются и возможности языковой игры. Приведём только два наиболее убедительных примера:

«*These sharps were dressed in the heighth of fashion too, with purple and green and orange wigs on their gullivers...*» [9, с. 8].

«*I began the party with two sentimental Chinese songs, followed by the banjo-style tunes – “Always”, “Tea for Two” and “Swanee River”, the last being my best, because of my joke that suh-wan-nee meant in Chinese “thinking about grabbing you”, and that fa fa e wei meant, the first time it was sung, “to show you the beautiful rising clouds”, and in the second “to show you my hunger for your raging fire”*» [20, с. 245].

В первом примере используется имя собственное *Gulliver* в качестве омофона к русскоязычному вкраплению *голова*, подразумеваемому по смыслу.

Второй пример демонстрирует ещё более сложные отношения. Как уже было отмечено, китайский язык обладает собственной моделью построения слога, поэтому используется специальная слоговая запись «пинь инь». Однако словосочетание *suh-wan-nee* записано не по правилам «пинь иня», имитируя произносительные особенности чужого языка: придыхание в *suh*, долгую гласную в *nee*. Второе вкрапление *fa fa e wei* пародирует выражение *far far away*, оно записано на «пинь ине», т. к. здесь произношение практически совпадает с английским. Китайский язык обладает богатыми возможностями в плане омонимии, поэтому даже в приведённом примере одному английскому словосочетанию соответствуют два китайских, произносимых с разной системой ударений (тонов).

Обратимся теперь к поэтическому тексту. В поэтическом тексте на фонетико-графическом уровне с иноязычными вкраплениями происходят следующие процессы:

- а) усложнение звучания;
- б) задействие вкрапления для создания рифмы.

Рассмотрим подробнее каждый из процессов.

В поэтическом тексте встречаются примеры, в которых иноязычные вкрапления переносятся в оригинальный текст без каких-либо (в том числе и графических изменений):

«DJ Spinoza replies

*Listen you, чудо-юдо заморский Begriffon
I don't care for your praying mantis»* [18, с. 20].

Усложнение звучания встречается при передаче фонем, отсутствующих в принимающем языке. Рассмотрим на примере такое усложнение:

«I'll show you some transculture. Gospoda,
do you understand any Russian, ah?

Nyet? Damn, then I must speak to you in English» [16, с. 45].

Русское слово *нет* передано с помощью средств английского языка, в нём таким образом присутствует лишняя фонема с целью придания необходимой мягкости, характерной для русского звука [из]. При этом встреченное нами слово *gospoda* автор передал простой транслитерацией.

Можно проиллюстрировать, как иноязычное вкрапление помогает в создании стихотворной рифмы на следующих примерах:

«...I note several names saying nothing /
With notable elegance. It is afterall, their mé-
tier – / The air is heavy with amiability and
prestige. / Someone tells me a lie to which I
respond with another» [12, с. 242].

Таким образом, задействие опоясывающий тип рифмы, французское вкрапление *métier* создаёт косвенную рифму с *prestige*.

Можно отметить, что процессы, происходящие в поэтическом тексте на фонетическом уровне, менее разнообразны, чем в прозаическом тексте.

Рассмотрим далее, какие же процессы происходят на грамматическом и лексическом уровнях. В прозаическом тексте иноязычные вкрапления могут оформляться артиклями, показателями множественного числа, личными местоимениями, показателями притяжательного падежа; глаголы мо-

гут оформляться необходимыми показателями видо-временной парадигмы принимающего языка; могут вкрапляться отдельные морфемы, образуя гибридные слова; изменяется грамматическая категория под воздействием системы принимающего языка.

Многочисленные случаи оформления иноязычных вкраплений артиклями встречаются у Дж. Лахири: *a lungil, the kurtas, the Upanishads* и т. д. Показательно и отсутствие артикля перед названиями праздников и сезонов года – *Durga Pujo, Barsha kal*.

Также зафиксированы случаи употребления окончаний множественного числа: *punjabis, chi-paos*, оформления личными и указательными местоимениями – *his kurtas, that lao huazi, my amah, her guanxi*, оформления показателями притяжательного падежа – *Indra's thunderbolt, Shiva's trident, Bela's name, shouts of hari_bol, dida's room, next to dadu's*. В отдельных случаях иноязычные вкрапления меняют число под воздействием системы принимающего языка следующим образом: *lyudi – lewdies, deng – ср. неизм. money*.

При постановке вкрапления в нужную видо-временную форму широко используются окончания и вспомогательные глаголы, как, например, у Э. Берджесса: *lubbi-lubbing, were dratsing* и др.

У него же есть примеры вкрапления отдельных морфем, например слово-гибрид *glazballs*, составленное по аналогии с *eyeballs* [9, с. 148].

Изменение грамматической категории можно наблюдать у Э. Тэн в следующем примере:

«I took on the role of being momo» [20, с. 424].

Momo – вкрапление из китайского языка, переводящееся как «выведывать тайну», в данном примере имеет перевод «тайный советчик», тем самым меняя свою грамматическую категорию и становясь существительным.

В поэтическом тексте иноязычные вкрапления участвуют в следующих процессах: оформление иноязычных вкраплений артиклями, местоимениями, окончаниями множественного числа и показателями притяжательности; использование иноязычных частиц и предлогов со словами принимающего языка.

Проиллюстрируем добавление артиклей, местоимений и окончаний к иноязычным

вкраплениям: *a lume spento, senex from America* [22, с. 254]; *a new Fin-de-Siecle* [8, с. 73]; *his Nunc Dimittis* [19, с. 163]; «*her wooden getas*» [17].

Как и в прозаическом тексте, в поэтическом иноязычное вкрапление принимает артикли, исходя из правил языка-реципиента. Однако бывают случаи, когда вкрапления берутся сразу с артиклями языка-донора: *le saltimbanque, le guignol, le circle referme* [10; 11, с. 49, 55]. В стихотворении «*Le Circle Refermee*», как и во многих других, оставлен французский артикль рядом с вкраплением из французского языка. Таким образом, вкрапление проявляет ещё большую чужеродность в тексте. Из 50 проанализированных стихотворений с вкраплениями в 38 стихотворениях сохраняются артикли языка-донора. Реже принимаются артикли английского языка. Такая же ситуация наблюдается с окончаниями множественного числа и отношениями притяжательности. Последние чаще выражаются в поэтическом тексте с помощью союза *of*, нежели с помощью *'s*.

Рассмотрим и употребление вкрапленных частиц со словами принимающего языка:

«*But must he bear this upright quivering?
"Wheel-chair", I say; the nurse, "he'd give up hope".*

Sans teeth, sans eyes, sans taste, sans everything?» [8, с. 36].

Здесь имеет место специфическая функция вкрапления – дисфемистическая, она смягчает эффект отсутствия. По этой причине вместо английского *without* предпочтительнее французское *sans*.

Можно отметить, что в целом иноязычные вкрапления в прозе более подвержены ассимиляции, чем в поэзии, где они проявляют заметную устойчивость к системе принимающего языка. Чтобы подвести итог, рассмотрим иноязычные вкрапления и на лексико-семантическом уровне.

Согласно исследованию О. Е. Филимоновой, иноязычные вкрапления в поэтическом тексте представлены рядом оппозиций:

- 1) ожидаемые VS неожиданные;
- 2) одноязычные VS многоязычные;
- 3) интертекстуальные VS паратекстуальные;
- 4) интердискурсивные VS монодискурсивные;
- 5) эксплицируемые VS неэксплицируемые;
- 6) лакунарные VS нелакунарные;

7) лексического уровня VS уровня текста [6, с. 185].

В статье О. Е. Филимоновой «"Чужой язык" в поэтическом тексте» подробно рассмотрены примеры таких оппозиций для поэзии. Однако обратимся к прозаическому тексту, чтобы доказать, что такие оппозиции характерны и для прозаического текста. Ожидаемые – те вкрапления, которые встречаются при описании быта, культуры другой национальности, как, например, в следующем случае:

«*In autumn came the effigies of Durga, and in winter, Saraswati. Their majestic clay forms were welcomed into the city as dhak were beaten, as trumpets play*» [14, с. 63].

Вкрапления в контексте описания быта страны, где происходит действие романа, становятся вполне закономерными. Рассмотрим пример вкрапления, которое не является ожидаемым:

«*Sorella wanted a husband, while Fonstein needed U. S. naturalization papers. Marriage de convenance was how I saw it*» [7, с. 216].

В данном примере речь не идёт о культуре Франции, и вкрапление не является ожидаемым.

Одноязычные и многоязычные вкрапления широко представлены у рассмотренных авторов. В произведениях Э. Тэн присутствуют лишь вкрапления из китайского языка, тогда как у С. Бэллоу или Дж. Лахири есть вкрапления из нескольких языков. У Дж. Лахири чаще всего встречаются вкрапления из бенгали, но произведение начинается с эпиграфа на итальянском:

«*Lascia chaio torni al mio paese sepolto nelleerba come in un mare caldo e pesante*» [14, с. 3].

Это пример паратекстуальных вкраплений, которые могут быть представлены эпиграфами, сносками, заключениями или заглавиями. Интертекстуальное вкрапление можно проиллюстрировать следующим примером также из Дж. Лахири:

«*Atma devanam, bhuvanasya garbho*» [14, с. 118].

Вкрапление является цитатой из священных текстов Индии, Риг Веды. Таким образом в тексте даётся завуалированная аналогия с событиями книги.

Говоря об интердискурсивных и монодискурсивных вкраплениях, чаще встречаются образцы интердискурсивного характера. Это, например, цитаты из Библии:

«*B'iyad hazzakah*»; «*What is that?*»; «*With a mighty hand. So the Lord God described the rescue of Israel – part of my boyhood basic training*» [7, с. 247].

Интердискурсивные вкрапления представлены также у И. Во в названиях глав романа: *Post mortem*, *Pervigilium Veneris* [21, с. 200]. Данные вкрапления являют собой латинские медицинские термины.

Монодискурсивные вкрапления встречаются, например, в таких ситуациях, когда герои в разговоре переходят на другой язык, как это происходит в следующем примере:

«*Such a long time since I said to anyone: tilgul ghya ani godgod bola. Will you have dinner with us tomorrow?*» [15, с. 317].

Эксплицитные вкрапления сопровождаются переводом или авторским комментарием об их значении:

«*...who stood head and shoulders above the others, was verruch – demented and doomed*» [7, с. 217].

Объяснение вкрапления представлено, в отличие от следующего случая:

«*The paanwallah sat cross-legged at one corner...*» [14, с. 31].

В данном примере иноязычное вкрапление понимается из контекста как «владелец лавки, хозяин», но прямого объяснения значения не приводится.

Лакунарные вкрапления представлены реалиями и экзотизмами:

«*That may be, but you also have heating flues under your kang floor*» [20, с. 302].

Китайское вкрапление *kang* представляет собой реалию культуры – деревенскую лежанку-кровать с подогревом.

Нелакунарные вкрапления можно проиллюстрировать следующим примером:

«*Shakal bela meant morning, bikel bela, afternoon. Rattrir bela was night*» [14, с. 86].

Названия временных интервалов дня не являются лакунарными вкраплениями для любой культуры, однако автор предпочёл воспользоваться вкраплениями.

Помимо этого, лакунарные иноязычные вкрапления в прозаическом тексте, представленные словами или словосочетаниями, можно отнести к определённой предметной области:

– праздники, обряды чужой культуры (*Diwali, Sankrant, Durga Pujo, Mitzvah, Yom Kippur*);

– термины родства (*Baba, dadu, dida, mezinka*);

– предметы быта, одежды, отсутствующие в принимающем языке (*Punjabi, kurtas, pendal, lungil, chi pao*);

– блюда традиционной кухни, традиционно используемые продукты (*biriyani, pulao, dal*);

– виды деятельности, профессии (*paanwallah, rabbi, momo, toktor, amah*);

– топонимы (*Tollygunge, Naxalbari, Radjshanu, Deshapran, Ah-hwei*);

– антропонимы (*Bela, Udayah, Gauri, Deepa, Subhash, Lu Shing, Pan Ku Xiang, Halina*);

– урбонимы (*Dil Deke Dekho, Kal Bhairav*).

Следует отметить, что в поэтическом тексте такое деление, судя по проанализированным примерам, вряд ли возможно. В поэзии спектр предметных областей гораздо шире, т. к. гораздо чаще встречаются нелакунарные вкрапления.

Анализ корпуса выбранных текстов показал, что в поэтическом тексте иноязычные вкрапления менее подвергаются фонетико-графическим и грамматическим изменениям, т. к. ретранслируются чаще в готовом виде с артиклями, частицами и предлогами чужого языка, тогда как в прозаическом тексте предпочтительнее оказываются частично фонетически освоенные вкрапления, оформленные согласно грамматике принимающего языка. Это существенное отличие функционирования вкраплений в двух видах художественного текста. Кроме того, протяжённость иноязычных вкраплений в текстах поэзии ограничена фразой, а в прозе вкрапления не ограничены по объёму. На лексико-семантическом уровне рассмотрен один для двух видов текстов ряд оппозиций, но выяснено, что в поэтических текстах чаще встречаются нелакунарные вкрапления. В прозаических же текстах одинаково часто встречаются как лакунарные, так и нелакунарные вкрапления, помимо этого лакунарные вкрапления поддаются классификации по предметным областям. Таким образом, мы выявили отличия функционирования иноязычных вкраплений в поэзии и в прозе.

Список литературы

1. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989. 318 с.
2. Краснова Т. В. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи начала XX века: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2009. 26 с.

3. Листрова-Правда Ю. Т. Иноязычные вкрапления-библейзмы в русской литературной речи XIX–XX вв. // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2001. Вып. 1. С. 119–139.
4. Листрова-Правда Ю. Т. К вопросу о разграничении иноязычных заимствований и иноязычных вкраплений (на лексическом уровне): материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. С. 59–70.
5. Лупачева Т. А. Функционирование китайских вкраплений в произведениях американской писательницы Эми Тэн: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Владивосток, 2005. 139 с.
6. Филимонова О. Е. «Чужой язык» в поэтическом тексте // Studia Linguistica-XX. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы. СПб.: Политехника-сервис, 2011. С. 184–195.
7. Bellow S. Collected stories. New York: Viking, 2001. 442 p.
8. Blackburn T. The Sediment: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 36.
9. Burgess A. The Clockwork. New York: Norton and Company, 1987. 167 p.
10. Durell L. Le circle referme: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 55.
11. Durell L. Song for Zarathustra: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 49.
12. Gascoyne D. Odeur de Pensee: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 68.
13. Gascoyne D. Prelude to a New Fin-de-Siecle: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 73.
14. Lahiri J. The Lowland. New York: Bloomsbury, 2007. 341 p.
15. Nagarkar K. Ravan and Eddie. New Delhi: Penguin Books India, 1996. 330 p.
16. Nikolayev P. Pushkin: Monkey Time. Amherst: Wave Books, 2003. 206 p.
17. O'Brien J. Hinamatsuri [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.salmonpoetry.com/details.php?ID=268&a=23> (дата обращения: 26.09.2014).
18. Ostashevsky E. DJ Spinoza Fights the Begriffon: Noughtbook 2. San Francisco: O Press, 1998. P. 19–20.
19. Sisson C. H. In Kent: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 163, 165.
20. Tan A. The Valley of Amazement. New York: Bloomsbury, 2013. 516 p.
21. Waugh E. Decline and Fall. London: Back Bay Books, 1977. 312 p.
22. Wright D. Poetry Reading: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 242.

References

1. Gorelov V. I. Teoreticheskaya grammatika kitaiskogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1989. 318 s.
2. Krasnova T. V. Inoyazychnye vkrapljeniya v russkoi literaturnoi rechi nachala XX veka: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.01. Voronezh, 2009. 26 s.
3. Listrova-Pravda Yu. T. Inoyazychnye vkrapljeniya-bibleizmy v russkoi literaturnoi rechi XIX–XX vv. // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser. «Gumanitarnye nauki». 2001. Vyp. 1. S. 119–139.
4. Listrova-Pravda Yu. T. K voprosu o razgranichenii inoyazychnykh zaimstvovaniy i ino-yazychnykh vkrapljeni (na leksicheskome urovne): materialy po russko-slavyanskome yazykozna-niyu. Voronezh: lzd-vo Voronezh. un-ta, 1977. S. 59–70.
5. Lupacheva T. A. Funktsionirovaniye kitaiskikh vkrapljeni v proizvedeniyakh amerikanskoi pisatel'nitsy Emi Ten: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Vladivostok, 2005. 139 s.
6. Filimonova O. E. «Chuzhoi yazyk» v poeticheskom tekste // Studia Linguistica-XX. Yazyk v logike vremeni: nasledie, traditsii, perspektivy. SPb.: Politekhniko-servis, 2011. S. 184–195.
7. Bellow S. Collected stories. New York: Viking, 2001. 442 p.
8. Blackburn T. The Sediment: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 36.
9. Burgess A. The Clockwork. New York: Norton and Company, 1987. 167 p.
10. Durell L. Le circle referme: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 55.
11. Durell L. Song for Zarathustra: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 49.
12. Gascoyne D. Odeur de Pensee: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 68.
13. Gascoyne D. Prelude to a New Fin-de-Siecle: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 73.
14. Lahiri J. The Lowland. New York: Bloomsbury, 2007. 341 p.
15. Nagarkar K. Ravan and Eddie. New Delhi: Penguin Books India, 1996. 330 p.
16. Nikolayev P. Pushkin: Monkey Time. Amherst: Wave Books, 2003. 206 p.
17. O'Brien J. Hinamatsuri [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.salmonpoetry.com/details.php?ID=268&a=23> (дата обращения: 26.09.2014).
18. Ostashevsky E. DJ Spinoza Fights the Begriffon: Noughtbook 2. San Francisco: O Press, 1998. P. 19–20.
19. Sisson C. H. In Kent: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 163, 165.
20. Tan A. The Valley of Amazement. New York: Bloomsbury, 2013. 516 p.
21. Waugh E. Decline and Fall. London: Back Bay Books, 1977. 312 p.
22. Wright D. Poetry Reading: The Tenth Muse. An Anthology edited by Anthony Astbury. Manchester: Carcanet Press Ltd, 2005. P. 242.

УДК 811.111'28
ББК 81.432.13

Елена Анатольевна Курченкова,
кандидат филологических наук, доцент,
Волгоградский государственный университет
(400062, Россия, г. Волгоград, Университетский пр-т, 100),
e-mail: kurlena@mail.ru

Характеристики языковой политики в Индии и Нигерии

В статье описываются особенности языковой политики, проводимой в Индии и Нигерии по отношению к английскому языку. Под языковой политикой понимаются различные виды сознательной деятельности общества, направленной на регулирование использования языка. Она затрагивает такие проблемы, как формирование, регулирование и контроль над нормами языка, а также выявление и юридическое закрепление различных вариантов языков на территории государства. В статье различаются такие типы языковой политики, как негативная и позитивная, официальная и неофициальная, внутренняя и внешняя, перспективная и ретроспективная. Непростая этническая и языковая ситуация в изучаемых странах представляет собой общую проблему для общения между представителями различных народов внутри страны вследствие значительного разнообразия и многочисленности языков и диалектов, которыми владеют жители обеих стран. Установлено, что в Индии и Нигерии в постколониальный период наблюдается реализация позитивной официальной и неофициальной языковой политики. Внешняя языковая политика в Индии и Нигерии характеризуется укреплением английского языка, выдвиганием его на роль посредника для общения различных народов этих стран. Она стимулирует переход к новым нормам литературного и разговорного вариантов. Внутренняя языковая политика, проводимая носителями разговорных разновидностей внутри Нигерии, имеет позитивную практику, т. к. способствует распространению и его креолизации. Внутренняя политика жителей Индии по отношению к английскому языку также является позитивной, что ведёт к распространению индийского английского в сферах бизнеса, развлечений, туризма, политики, международной журналистики, поп-музыки, масс-медиа, науки, медицины.

Ключевые слова: постколониальный английский, языковая политика, языковая ситуация, варианты английского языка, официальный язык.

Elena Anatolievna Kurchenkova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Volgograd State University
(100 Universitetskiy prospect, Volgograd, Russia, 400062),
e-mail: kurlena@mail.ru

Characteristics of the Language Policy in India and Nigeria

This article describes the features of the language policy in India and Nigeria in relation to the English language. The author refers language policy to types of conscious activity of the society, aimed at regulating the use of language; it deals with such issues as the formation, regulation and control of the rules of the language as well as the identification and legal consolidation of different variants of languages in the state. The article distinguishes between types of language policy as negative and positive, formal and informal, internal and external, prospective and retrospective. Uneasy ethnic and linguistic situation is a great problem for communication between the various peoples within the country because of the great diversity and multiplicity of languages and dialects spoken by inhabitants of both countries. The article states that India and Nigeria in the post-colonial period faced the implementation of positive formal and informal language policy. External language policy in India and Nigeria is characterized by strengthening of the English language, its nomination for the role of a mediator for communication of the various peoples of these countries to stimulate the transition to the new standards of literary and spoken variants. Internal language policy dealing with native varieties of English spoken in Nigeria, has also a positive practice, as it promotes creolization of Pidgin English. Domestic policy of Indians in relation to the English language is also positive, which leads to the spread of Indian English in the fields of business, entertainment, tourism, politics and international journalism, pop music, mass media, science and medicine.

Keywords: postcolonial English, language policy, language situation, varieties and variants of the English language, official language.

В статье речь пойдёт о характерных особенностях, присущих языковой ситуации и языковой политике, в постколониальный период в Индии и Нигерии. Для изучения нами были выбраны эти страны как наиболее яркие представители с точки зрения изменений, произошедших в них, в области развития общества, а также вариантов английского языка, функционирующего в данных странах в период постколониализма.

Эти страны, находясь на различных континентах, представляют собой две густонаселённые территории. Индия с населением 1,2 млрд чел. – вторая в мире после Китая и Нигерия со 150 млн жителей – первая по численности среди африканских стран. Обе страны вызывают интерес с точки зрения этнического состава как этнически неоднородные государства со множеством исповедуемых религий.

В Индии проживают нескольких сотен представителей различных этносов, говорящих на языках, относящихся к разным языковым семьям (хинди, бенгальцы, тамилы, каннада и др.). В Нигерии существует около 250 различных местных народов (хауса, йоруба, игбо и др.). Совместное проживание на территории одной страны нескольких крупных общностей вызывает проблему выбора языка для общения. Таким языком становится английский, используемый в качестве лингва франка и представляющий собой наследие колониальной эпохи.

В Нигерии насчитывается до 529 языков и диалектов, включая и мёртвые [5], в Индии – до 1652 [11, с. 524]. Сферами функционирования местных языков являются устное общение и местные СМИ, английский используется в области образования, бизнеса, в официальных учреждениях. Большая часть населения является билингвами как в одной, так и в другой стране. Складывающаяся таким образом непростая этническая и языковая ситуация, с одной стороны, представляет собой общую проблему для изучаемых стран, а именно трудность в общении между представителями различных народов внутри страны. С другой стороны – решение данной проблемы происходит в каждой из стран своим индивидуальным путём.

Мы согласны с мнением Н. Б. Мечковской, которая полагает, что языковая политика включает в себя все виды сознательной деятельности общества, направленной

на регулирование использования языка [3, с. 199]. Она зависит от социолингвистических условий языкового коллектива и затрагивает такие проблемы, как формирование, регулирование и контроль над нормами языка, а также выявление и юридическое закрепление различных вариантов языков на территории государства [2, с. 116]. Важнейшие факторы, которые выделяют исследователи, влияющие на языковую политику, – это семья (отношение к тому или иному языку в семье); религия (использование одного из языков в качестве «священного»); этническая принадлежность; политическая обстановка; языковая традиция; культурная среда (коммерция, наука, технология); масс-медиа (если нет информации на каком-либо языке, приходится изучать другой язык); юридическое положение (недостаточность официального языка, возможность дискриминации) [14, с. 53–63].

Понимая данный термин в широком смысле, мы включаем в него деятельность языкового коллектива, как позитивного направления, так и негативного. Под позитивной деятельностью в рамках языковой политики отдельного государства будет пониматься любая практика, способствующая укреплению коммуникативных и социальных возможностей отдельных языков, под негативной – ограничение их использования. При этом мы разделяем официальную языковую политику, проводимую властными структурами того или иного государства в отношении того или иного языка. Она выражается в издании различных законов, документов. Неофициальная языковая политика – это деятельность носителей языка по отношению к самому языку (или языкам). Она выражается, например, в выборе использования языка по фактору престижности или непрестижности.

Различают также внутреннюю и внешнюю языковую политику. К внутренней политике относятся проблемы сохранения статуса и упрочения роли языка в жизни общества, обновления словарного состава, продвижения образовательных программ, направленных на усиление интереса к языку. Внешняя политика имеет дело с проблемами многоязычия, укреплением статуса региональных языков, распространённых на данной территории [1, с. 179]. Внутренняя языковая политика проводится по отношению к одному языку, внешняя – по отношению к несколь-

ким языкам в пределах одной территории. Таким образом, в нашей статье разграничиваются такие типы языковой политики, как негативная и позитивная, официальная и неофициальная, внутренняя и внешняя. Мы поддерживаем также разделение на перспективную и ретроспективную языковые политики. Перспективная направлена на развитие и изменение текущей языковой ситуации, ретроспективная – на сохранение существующего положения и запрета на некоторые новые направления развития.

Роль английского языка в рамках языковой политики Индии и Нигерии активизируется благодаря как внешней, так и внутренней политике этих государств. Например, в ряде штатов Индии английский принят в качестве официального языка, для этого существуют специальные юридические документы. В Нигерии английский – это официальный государственный язык. Это проявление реализации внешней языковой политики. Развитие пиджин-инглиш, который распространён не во всех регионах Нигерии и может считаться одним из региолектов, создание на нём художественной литературы и интернет-текстов, является реализацией внутренней языковой политики.

По отношению к литературному варианту английского языка реализуется, как правило, внешняя политика. По отношению к местным разговорным вариантам может реализоваться, с одной стороны, внешняя языковая политика, с другой – неофициальная.

В настоящее время трудно предсказать и каким-то образом регулировать неофициальную языковую политику. Возникновение тех или иных тенденций в развитии языка, а именно новых слов, модных оборотов, грамматических конструкций происходит, с одной стороны, в закрытых социальных сообществах, например, в молодёжных, с другой стороны – на просторах Интернета, где существует большое количество способов защиты текстов. Эта часть функционирования английского языка, с одной стороны, скрыта от контроля властей, с другой – может подвергаться различным веяниям и способствовать их быстрому распространению.

Литературные варианты нигерийского и индийского английского представляют собой сферу деятельности внешней официальной языковой политики изучаемых государств. В обоих случаях он принят в качестве государственного и используется

в официальных целях. Языковая политика Индии, касающаяся английского языка, например, направлена на сохранение местных названий для некоторых предметов и явлений, имеющих также и английские названия.

Следует различать такие понятия, как национальный и официальный языки. В изучаемых нами странах английский является официальным языком, языком правительственной администрации, суда, СМИ и образования. Мы разделяем мнение исследователя J. Platt, что национальным языком может считаться, если он отражает этническую или культурную идентичность народа. Как правило, это один из местных языков. «National language – a language that is considered representative of a nation or nationality» [12, с. 19].

В Нигерии английский литературный язык также является языком официальной власти. Например, высшее образование в Нигерии происходит на литературном английском. Существует художественная литература, СМИ выпускаются как на местных языках, так и на английском [4].

В Индии, согласно официальным документам, английский занимает позицию ассистирующего языка, в то время как официальным языком признан хинди. В обоих изучаемых нами государствах количество жителей, владеющих английским языком в достаточной степени, составляет не более 5 % в Индии, однако это около 50 млн чел. и это элита общества. В Нигерии эта цифра больше, но английский язык, которым владеет большинство жителей, не является литературным английским языком, это пиджин-инглиш, не имеющий статуса официального. Для 5 млн жителей Нигерии это первый родной язык и для ещё 75 млн – второй [8].

Английский язык, который широко используется в бизнесе и администрации, имеет статус «вспомогательного официального языка»; он также играет большую роль в образовании, в особенности в среднем и высшем. В XIX в. примерно половина начальных школ в Индии были английскими, в связи с этим возникла индо-английская письменная литература. Обучение в большинстве вузов Индии в настоящее время ведётся на английском языке.

Литературный индийский английский характеризуется высоким уровнем владения

пользователей, широким разнообразием функций и межрегиональным разнообразием. Переживающий сейчас своё официальное становление, он характеризуется высоким социальным престижем и используется как система нормативности в формальных и публичных ситуациях общения. Во времена колонизации индийский английский представлял собой орудие угнетения. В настоящее время его роль поменялась на кардинально противоположную. Он стал языком свободы, прогресса, глобализации.

Институтами для реализации официальной языковой политики в Индии и Нигерии являются в настоящее время средства массовой информации и коммуникации – телефон, телевидение, сеть Интернет, компьютерная сфера. В этих сферах наблюдается реализация позитивной языковой политики. Например, сообщается, что компания Моторола с начала своего появления на индийском рынке впервые использовала не только английский язык, но и два местных индийских языка для пользователей пейджеров. В Индии издаётся 3,5 тыс. наименований газет на английском языке и масса художественной литературы [9, с. 122]. В наши дни эти язык политики и международной журналистики, поп-музыки, компьютера, масс-медиа, науки и медицины, бизнеса, туризма, Олимпийских игр и христианства.

Однако в истории Индии существовала практика и негативной официальной политики, проводимой по отношению к английскому языку. После обретения независимости Индией предполагалось, что произойдёт отказ от использования английского языка. Происходили демонстрации в поддержку языка хинди в качестве государственного. Однако попытка ввести в 1964–1965 гг. хинди в качестве официального языка встретила сопротивление со стороны бенгальцев и тамиллов, которые требовали оставить английский язык в качестве официального. В связи с чем была введена формула трёх языков, когда образованному жителю Индии следовало знать хинди, английский и родной.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что по отношению к литературным вариантам индийского и нигерийского английских языков властями обоих государств проводится языковая политика позитивной практики, или поощрительная.

Однако в Индии и Нигерии литературный вариант местной разновидности английско-

го языка не является единственным английским языком. В нашей работе термины «разновидность» и «вариант» используются взаимозаменяемо и не выражают стратификации по отношению друг к другу. Существуют также его нативизированные разновидности или субразновидности. Это нигерийский пиджин-инглиш и англо-индийский вернакуляр (народно-разговорный вариант). Оба они могут считаться вариантами «ломаного английского», т. к. изобилуют значительными отклонениями как от литературного местного варианта, так и от британского стандарта. Однако количество носителей, владеющих этими субразновидностями (а их насчитывается внутри каждого до трёх функциональных разновидностей), например, в Нигерии во много раз превосходит владеющих литературным вариантом.

Нигерийский пиджин-инглиш относится к группе западноафриканских пиджинов, куда помимо нигерийского входят, например, ганский, камерунский, сьерра-леонский и др. Исследователи отмечают в последние годы увеличение значения и использования данного варианта языка, который постепенно креолизуется и используется как в общении между представителями различных африканских народов, так и между европейцами и аборигенами [5].

Он обладает территориальной и социальной диверсификацией, отсутствием унифицированного стандарта, использованием латинского алфавита в письменности. Территориальные разновидности пиджин-инглиш включают в себя Benin Pidgin, Cross River Pidgin, Delta Pidgin, Lagos Pidgin [5]. Территориально могут варьироваться, например, вводные слова в предложении. Говорящие на пиджин-инглиш представители народа йоруба добавляют в качестве вводного слова в предложение слово *Şe*: *Şe you dey come?* (*Are you coming? – Ты идёшь?*). Представители игбо используют для этого единицу *Nna*, которая придаёт тональность дружественного или даже фамильярного общения.

В настоящее время проводятся попытки кодификации нигерийского пиджин-инглиш. Существуют грамматика, словарь, перевод Библии. На нём ведутся радио- и телевизионные программы. Во всемирной сети Интернет существуют поисковые системы, поддерживающие эту разновидность, например, нигерийская страничка поисковой системы Google [6].

Таким образом, можно считать, что в Нигерии проводится положительная официальная политика по отношению к пиджин-инглиш. Неофициальная языковая политика, проводимая носителями разговорных разновидностей английского языка внутри Нигерии, также имеет позитивную практику, т. к. способствует распространению и его креолизации.

Общепризнанными формами существования английского языка в Индии являются три его варианта – это британский английский (стандартный British English), литературный индийский английский (упрощённая и локализованная версия королевского английского), разговорный индийский английский (англо-индийский вернакуляр). В своих работах Б. Качру выделяет такие субразновидности разговорного индийского английского, как Baboo English, Butler English, Voxwallah English [10, с. 509]. Р. Мехротра называет эти разновидности пиджинизированными формами, которые на самом деле выполняли и выполняют функцию лингва франка при общении иностранцев и местного населения в строго ограниченных сферах жизнедеятельности [13, с. 213]. Основой для пиджинизированных разновидностей английского послужила специальным образом упрощённая речь самих англичан. Англичане намеренно упрощали свою речь, проявляя снисхождение, для того чтобы местным жителям было легче и быстрее понять своих хозяев. Таким образом, можно классифицировать неофициальную языковую политику английских переселенцев по отношению к английскому языку как позитивную. Реализация этой языковой политики способствовала сохранению функци-

онирования некоторых пиджинизированных форм индийского английского в сферах бизнеса, развлечений, туризма до настоящего времени. Мы согласны с высказыванием исследователя E. Guest: «Английский становится инструментом цивилизации и языком закона для индийцев, коммерции для африканцев, религии для островов Тихого океана» [7, с. 703].

Перед изучаемыми нами странами в области языковой политики в настоящее время стоят следующие задачи: 1) укрепление существующей языковой ситуации, заключающейся в существовании нескольких вариантов, субвариантов и разновидностей английского языка; 2) модернизация и глобализация существующих вариантов английского языка; 3) сохранение и развитие национальных языков, поощрение билингвизма. Под модернизацией понимается развитие лексической системы, распространение литературного стандарта национальных вариантов английского языка, стремление к обеспечению доступности всех его подсистем, изменение письменности, перестройка традиционных форм вежливости.

Языковая политика в Индии и Нигерии характеризуется укреплением английского языка, выдвиганием его на роль посредника для общения различных народов этих стран, стимулирует переход к новым нормам литературного и разговорного вариантов. Можно констатировать, что в обеих странах в постколониальный период наблюдается реализация позитивной как официальной, так и неофициальной языковой политики, как внешней, так и внутренней.

Список литературы

1. Гулинов Д. Ю. Прескриптивность языковой политики Франции // Инициативы 21 века. 2012. Вып. 3. С. 177–179.
2. Курченкова Е. А. Реализация языковой политики в странах Британского Содружества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. Вып. 3 (21). С. 116–118.
3. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.
4. Bamgbose A. Standard Nigerian English: Issues of identification / B.Kachru The Other Tongue: English across Cultures. Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992. P. 99–111.
5. Ethnology. Languages of the world [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ethnologue.com/country/NG/languages> (дата обращения: 02.10.2014).
6. Google Niga [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.google.com.ng/> (дата обращения: 02.10.2014).
7. Guest E. A History of English Rhythms. London: George Bell and Sons, 1838. 703 p.
8. Ihemere K. U. A Basic Description and Analytic Treatment of Noun Clauses in Nigerian Pidgin // Nordic Journal of African Studies. 2006. № 15 (3). P. 296–313.
9. Kachru B. The Power and Politics of English // World Englishes. 1986. Vol. 5. № 2–3. P. 121–140.
10. Kachru B. English in South Asia // The Cambridge History of the English Language. 1994. Vol. 5: English in Britain and Overseas. Origins and Development. P. 497–626.
11. Matthew K. M. Manorama Yearbook 2003. Malayala Manorama, 2006. 1942 p.

12. Platt J., Weber H., Lian, Ho M. The New Englishes.- London: Routledge & Kegan Paul, 1984 . № 7. 225 p.
13. Shneider E. W. Englishes Around the World. Studies in honor of Manfred Gerlach. Caribbean, Africa, Asia, Australasia. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. Vol. 2. 357 p.
14. Spolski B. Educational Linguistics: Introduction. Rowley, Massachusetts: Newbury House Publishers, 1978. 191 p.

References

1. Gulinov D. Yu. Preskriptivnost' yazykovoi politiki Frantsii // Initsiativy 21 veka. 2012. Vyp. 3. S. 177–179.
2. Kurchenkova E. A. Realizatsiya yazykovoi politiki v stranakh Britanskogo Sodruzhestva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. Vyp. 3 (21). S. 116–118.
3. Mechkovskaya N. B. Obshchee yazykoznanie. Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov. M.: Flinta: Nauka, 2001. 312 s.
4. Bamgbose A. Standard Nigerian English: Issues of identification / B.Kachru The Other Tongue: English across Cultures. Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992. P. 99–111.
5. Ethnology. Languages of the world [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ethnologue.com/country/NG/languages> (дата обращения: 02.10.2014).
6. Google Niga [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.google.com.ng/> (дата обращения: 02.10.2014).
7. Guest E. A History of English Rhythms. London: George Bell and Sons, 1838. 703 p.
8. Ihemere K. U. A Basic Description and Analytic Treatment of Noun Clauses in Nigerian Pidgin // Nordic Journal of African Studies. 2006. № 15 (3). P. 296–313.
9. Kachru B. The Power and Politics of English // World Englishes. 1986. Vol. 5. № 2–3. P. 121–140.
10. Kachru B. English in South Asia // The Cambridge History of the English Language. 1994. Vol. 5: English in Britain and Overseas. Origins and Development. P. 497–626.
11. Matthew K. M. Manorama Yearbook 2003. Malayala Manorama, 2006. 1942 p.
12. Platt J., Weber H., Lian, Ho M. The New Englishes.- London: Routledge & Kegan Paul, 1984 . № 7. 225 p.
13. Shneider E. W. Englishes Around the World. Studies in honor of Manfred Gerlach. Caribbean, Africa, Asia, Australasia. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. Vol. 2. 357 p.
14. Spolski B. Educational Linguistics: Introduction. Rowley, Massachusetts: Newbury House Publishers, 1978. 191 p.

Статья поступила в редакцию 13.10.2014

УДК 81'367.52
ББК 81.472.1

Елена Николаевна Макарова,
кандидат филологических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет
(620219, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной Воли, 62),
e-mail: makarovayn@mail.ru

Порядок слов как основное средство коммуникативной организации испанского высказывания

Статья посвящена проблеме средств выражения коммуникативной организации высказывания в испанском языке, в частности, роли порядка слов как основного средства маркировки компонентов коммуникативной структуры. В статье дан обзор отечественной и зарубежной литературы по рассматриваемой проблеме, в том числе анализ отечественных диссертационных исследований, выполненных в русле коммуникативного синтаксиса. Подробно описаны особенности порядка слов в испанском языке, характеризующегося относительной свободой следования лексических элементов, рассмотрены понятия базового, маркированного и немаркированного порядка слов, определена основная функция испанского словоупорядка. Проведён детальный анализ порядка следования элементов грамматической основы как в изолированных нераспространённых двусоставных высказываниях, так и в случаях, когда на коммуникативную организацию высказываний такого типа влияет вербальный контекст. Выявлено, что в изолированных высказываниях главную роль в определении позиции подлежащего и сказуемого играет семантика глагола, тогда как в контекстно зависимых высказываниях ведущим является прагматический фактор. Влияние контекста на порядок слов в испанском нераспространённом двусоставном предложении является определяющим и «пересиливает» семантический фактор, который играет ведущую роль в определении словоупорядка в изолированных от контекста примерах.

Ключевые слова: коммуникативная структура высказывания, свободный словоупорядок, маркированный/немаркированный порядок слов, нераспространённое предложение.

Elena Nikolayevna Makarova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Ural State University of Economics
(62/8 Marta/Narodnoy Voly St., Yekaterinburg, Sverdlovsk region, Russia, 620219),
e-mail: makarovayn@mail.ru

Word Order as the Main Means of Spanish Utterance Communicative Organization

The article discusses means of communicative organization in Spanish utterance, namely Spanish word order as the marker of communicative structure components. The review of the Russian and foreign literature on the problem under discussion is done, including the overview of domestic dissertations fulfilled in the area of communicative syntax. Analysis of specific features of Spanish word order, which is characterized by relative freedom, is conducted; basic, marked and unmarked word order types in Spanish as well as the main function of Spanish word order are described. A detailed analysis of the subject and predicate positions in both, isolated and context-dependent unexpanded utterances is provided. It is revealed that the leading role in determining the subject and predicate position in context-independent examples belongs to the verbs' semantics. As for the context-dependent utterances pragmatic factor overpowers semantic factor and makes it less meaningful than in isolated from the context cases.

Keywords: utterance communicative structure, free word order, marked/unmarked word order, unexpanded simple sentence.

Конец XX – начало XXI в. отмечены ростом интереса исследователей-испанистов к анализу способов реализации коммуникативного членения. Как и в большинстве языков мира, в испанском языке в целях

маркировки коммуникативной структуры задействованы различные средства. Прежде всего, это порядок слов и интонация, однако используются также лексические средства (артиклы, местоимения и частицы

solo, mismo, solamento, являющиеся, прежде всего, маркерами ремы) и различные синтаксические конструкции.

Обзор современных отечественных диссертационных исследований по изучению синтаксических средств реализации коммуникативного членения, в том числе порядка слов, позволяет говорить о том, что их количество чрезвычайно мало. Единичные работы, написанные в конце XX и начале XXI в., посвящены особенностям порядка слов в испанском языке [4; 5; 7]. Немногочисленны исследования, в которых рассматривается совокупность синтаксических и лексических средств, участвующих в реализации коммуникативного членения [1; 6]. Отечественные авторы решают поставленные задачи как на материале только испанского языка, так и сопоставляют названные средства и специфику их использования в испанском и русском языках [6; 7], а также в испанском и английском [3].

Для зарубежной лингвистической науки последних десятилетий характерен подъём интереса к изучению порядка слов как главного средства выражения коммуникативной структуры в испанском языке. Большинство исследований характеризует комплексный подход к исследуемой проблеме: сделаны попытки описать особенности порядка слов, связанные с лексической семантикой глаголов-сказуемых [22; 26], а также наряду с вариантами словоупотребления проанализировать интонационные средства актуализации компонентов коммуникативной (информационной) структуры [16; 23; 24; 27]. Нельзя не отметить многообразие национальных вариантов испанского языка, подлежащих изучению с этой точки зрения: от испанского языка и его разновидностей в Испании [13; 14;] до многочисленных вариантов испанского языка, на которых говорят в Латинской Америке [16; 20].

Порядок слов в испанском языке принято считать свободным. Такая точка зрения присутствует во многих отечественных и зарубежных работах: «можно сказать, что в испанском языке <...> возможен любой порядок постановки элементов высказывания. Нормальную конструкцию предложения (субъект, глагол, прямое дополнение, косвенное дополнение, причём обстоятельства вообще не подчиняются никакой норме порядка следования) <...> можно изменить, ставя на первое место любой из

элементов» [9, с. 195]. Есть и менее категоричные суждения на свободу словоупотребления в испанской фразе. Например, Ю. А. Смычковская подчёркивает, что хотя порядок слов в испанском языке «относительно свободный <...> это не значит, что каждый член может занимать любое место относительно других членов» [8, с. 106]. Несмотря на признаваемую лингвистами свободу испанского словоупотребления, большинство учёных-испанистов признают, что базовым порядком следования лексических элементов является SVO. Так, Т. Гивон характеризует порядок слов в испанском языке свободным, но тяготеющим к структуре SVO: «gravitating towards rigidification of SVO» [15, с. 28]. В. С. Виноградов описывает «нормативный, обычный, прямой порядок слов», подразумевая под этим такой порядок следования членов предложения: подлежащее со всеми относящимися к нему словами, сказуемое, прямое дополнение, косвенное дополнение и обстоятельство [2, с. 298]. Автор, однако, отмечает, что такой порядок слов в речи сохраняется довольно редко, поскольку подлежащее может занимать позицию после сказуемого, а обстоятельство времени стоять в самом начале фразы.

Принято считать, что основной функцией испанского словоупотребления является реализация коммуникативной структуры. Обзор литературы по данной проблеме показывает, что лингвисты единодушны в том, что в инициальной позиции испанского высказывания, как правило, находится тема (топик, данное), тогда как рема (фокус, новая, важная информация) занимает конечную позицию [12; 16]. Переход лексического элемента в статус темы, например, после предупоминания в контексте, приводит к изменению порядка слов и перемещению его в начальную позицию. Актуализация слова в качестве ремы (нового), наоборот, способствует его сдвигу в крайнюю правую часть фразы. Зарубежные и отечественные авторы, описывая коммуникативную структуру испанского высказывания, как нераспространённого, так и распространённого, принимают за точку отсчёта глагол: то, что стоит впереди глагола – это тема (данное, топик), а то, что после него – относится к реме (новому, фокусу) [25; 19].

Вопрос о прямом порядке слов в испанском языке, который в зарубежных работах

чаще называется немаркированным, дискутируется. Кратко остановимся на существующих точках зрения на спорный вопрос: «Какой порядок следования лексических элементов считать прямым?» Поскольку синтаксическая норма испанского языка допускает как препозицию подлежащего, так и его постпозицию по отношению к сказуемому, Ю. А. Смычкова пишет о нормативной для подлежащего позиции как перед глаголом, так и после него [8, с. 112]. И. Алонсо Белмонте, напротив, считает порядок следования подлежащего после глагола-сказуемого – VS – для испанского языка инвертированным [10], признавая SVO в качестве базового словоупорядка.

Для того чтобы разобраться в существующих подходах к определению прямого (немаркированного) порядка слов, необходимо провести описание как изолированных от контекста и/или конституции высказываний, так и случаи, когда порядок слов в испанском языке определяется контекстом. Обратимся прежде всего к нераспространённым предложениям, состоящим из подлежащего и сказуемого.

В случае изолированных от контекста высказываний решающая роль в определении типа словоупорядка в испанском языке принадлежит семантике глагола. Согласно О. М. Калустовой, если предикативный признак имеет значение физической деятельности, речевой, интеллектуальной, эмоциональной или волевой активности, обозначает физическое или эмоциональное состояние, в том числе состояние как результат действия, порядок следования элементов в нераспространённом предложении будет SV, где подлежащее будет темой, а сказуемое – ремой. Такой словоупорядок автор называет нейтральным. В случае, если предикативный признак имеет значение появления, возникновения, перехода из одного состояния в другое, нейтральным порядком следования лексических элементов будет VS с подлежащим-ремой, либо с нерасчленённостью предикативного ядра, несмотря на разницу в порядке следования компонентов грамматической основы, порядок слов в обеих структурах (SV и VS) будет нейтральным [5].

Г. В. Чернов также пишет о связи лексического значения глаголов-сказуемых с их принадлежностью к категории тематических [9, с. 198].

В работах зарубежных авторов порядок следования подлежащего и сказуемого, выраженного непереходным глаголом, в нераспространённых повествовательных изолированных предложениях связывают с принадлежностью к классу неэргативных (*unergative*) или неаккузативных (*unaccusative*). К первому классу относят глаголы движения (*move, fly, run, jump*), глаголы со значением речевой и интеллектуальной деятельности (*sing, dance, speak*), эмоциональной активности (*cry, laugh, yell*). К неаккузативным глаголам принадлежат глаголы *appear, arrive, fall, happen, break, fall, rise, freeze, melt, sink* и другие, имеющие значение появления, возникновения и т. д. [21]. В более ранних работах зарубежных испанистов обсуждается порядок следования подлежащего и глагола-сказуемого, принадлежащего к классу презентационных (*presentational*), роль которых «ввести» подлежащее в речь, представить его слушающему [11]. Список таких глаголов совпадает с глаголами, принадлежащими к категории неаккузативных. Несложно провести параллель между неэргативными и неаккузативными (презентационными) глаголами, место в предложении которых обсуждается в зарубежной лингвистике, и группами глаголов-сказуемых, выделенных в работе О. М. Калустовой. Схожесть позиций проявляется и в описании самого словоупорядка, который зависит от принадлежности глагола к той или иной группе: в случае, если сказуемое выражено неаккузативным (презентационным) глаголом, со значением появления, возникновения, перехода из одного состояния в другое, порядок следования элементов грамматической основы будет VS, а неэргативным – SV, как в следующем случае: *Mi nienteo gritó* [18, с. 274].

В примере, который приведён ниже с неаккузативным глаголом со значением появления, порядок следования элементов грамматической основы VS: *Llegó tu hermano* [16].

Может ли словоупорядок в предложениях с такой структурой быть изменён? Несомненно, если этого потребует контекст. Влияние прагматического фактора, определяющего принадлежность подлежащего к реме (новому), влечёт за собой передвижение этого члена предложения в финальную позицию, поскольку порядок слов в испанском языке признан ведущим средством маркировки компонентов коммуникативного чле-

нения. Рассмотрим несколько примеров, сохраняя перевод испанских предложений на английский язык в том виде, в каком он присутствует у авторов. Примем, что слова, предупрежденные в контексте, являются данным, а слова, являющиеся ответом на вопрос, образуют новое:

- *What about Juan?*
- *Juan arrived.*
- *Juan ha llegado.*

Порядок SV в этом примере продиктован принадлежностью подлежащего к данному, а сказуемого – к новому. При изменении контекста, ведущего к изменению коммуникативной нагрузки анализируемых компонентов, порядок следования лексических элементов в испанском предложении будет иным:

- *Who arrived?*
- *Juan arrived.*
- *Ha llegado Juan* [13, с. 49].

Ю. А. Смычковская сопоставляет два примера с одинаковым лексическим наполнением, но разным словопорядком: *Los mulos se alejan u Se alejan los mulos*. Автор поясняет, что в первом случае ремой (новым) является сказуемое, тогда как во втором – подлежащее, выраженное именем существительным [8, с. 106, 107]. Анализ примеров из работ по испанскому синтаксису позволяет говорить о том, что влияние контекста на порядок слов в испанском нераспространённом предложении является определяющим и «пересиливает» семантический фактор, который играет ведущую роль в определении словопорядка в изолированных от контекста примерах.

М. Хэнней и Е. Мартинез Каро предлагают два названия для типа словопорядка VS:

маркированный синтаксически (поскольку базовым порядком принято считать SVO) и немаркированный прагматически (поскольку в случае принадлежности подлежащего к реме (новому) конечная позиция для этого члена предложения является естественной) [17].

Р. Гутиеррез-Браво считает, что для определения маркированности/немаркированности словопорядка необходимо поставить предложение в ответную позицию на вопрос «Что случилось?». В этом случае, как считает автор, если порядок слов VS имеет место вне контекстных рамок, он является немаркированным [16].

Представляется перспективным провести сопоставительный анализ порядка слов в нераспространённых двусоставных предложениях в испанском и английском языках. В английском языке порядок слов определяется как твёрдый (фиксированный, устойчивый). Основной его функцией является грамматическая, тогда как испанский словопорядок, как было сказано выше, служит прежде всего выражению коммуникативной структуры. Подлежащее, чаще всего занимающее в английском предложении начальную позицию, выступает в роли темы, и прямым является порядок SV. Проведение в будущем серии экспериментов по переводу английского материала на испанский английскими испытуемыми, а также испанского материала на английский язык испаноговорящими будет способствовать выявлению специфики использования порядка слов как средства коммуникативного членения в неродном языке.

Список литературы

1. Вальяк К. Э. Выражение коммуникативной организации высказывания лексико-синтаксическими средствами (на материале испанского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.00. Санкт-Петербург, 2011. 189 с.
2. Виноградов В. С. Грамматика испанского языка: Практический курс: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. Изд. 4-е. М.: Высш. шк., 1965. 451 с.
3. Гурова Н. В. Местоименные вопросительные предложения в английском и испанском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Пятигорск, 2005. 260 с.
4. Дзюбина Г. С. Порядок слов в простых двусоставных предложениях в испанском языке: расположение глагола и его актантов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Минск, 1982. 22 с.
5. Калустова О. М. Явление синтаксической эмфазы в современном испанском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.05. Киев, 1984. 195 с.
6. Макачук Е. А. Актуальное членение предложения в обучении иноязычной речевой деятельности: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.01. М., 1994. 200 с.
7. Рябова Г. Н. Коммуникативно-синтаксическая организация предложения в поэтическом тексте (на материале русского и испанского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ярославль, 2011. 24 с.
8. Смычковская Ю. А. Синтаксис современного испанского языка. Киев: Вища школа, 1979. 192 с.
9. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Высш. шк., 1987. 255 с.
10. Alonso Belmonte I. Teaching Word Order to ESL Spanish Students: A Functional Perspective // Revista de Investigación e Innovación en la clase de idiomas. Madrid, 1999. № 11. P. 12–17.

11. Contreras H. On the position of subjects // Rothstein, S. (ed.). *Perspectives on phrase structure: Heads and Licensing*. Syntax and Semantics Series. New York: Academic Press, 1991. № 25. P. 63–80.
12. Costa J. The emergence of unmarked word order // G. Legendre, J. Grimshaw and S. Vikner (ed.). *Optimality-theoretic syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. P. 171–204.
13. Domínguez L. 2007. The L2 Acquisition of Spanish focus: a Case of Incomplete and Divergent Grammars // Baauw, S., Van Kampen J., and Pinto M. (ed.). *The Acquisition of Romance Languages. Selected Papers from The Romance Turn II*. Utrecht: LOT, Series 8. P. 45–57.
14. Face T., D'Imperio M. Reconsidering a focal typology: Evidence from Spanish and Italian // *Rivista di Linguistica*. 2005. № 17 (2). P. 271–289.
15. Givón T. Topic Continuity in Discourse: An Introduction // *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross – Language Study*. Amsterdam: John Benjamins, 1983. P. 2–41.
16. Gutierrez-Bravo R. Structural markedness and syntactic structure: a Study of word order and the left periphery in Mexican Spanish. New York: Routledge, 2006. 222 p.
17. Hannay M., Martínez Caro E. Last things first: An FDG approach to clause-final focus constituents in Spanish and English // Gómez González, María de los Ángeles, J. Lachlan Mackenzie and Elsa M. González Álvarez (ed.). *Languages and Cultures in Contrast and Comparison*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 33–68.
18. Hertel T. J. Lexical and discourse factors in the second language acquisition of Spanish word order // *Second Language Research*. 2003. № 19 (4). P. 273–304.
19. Nava E. Prosody in L2 Acquisition // *Proceedings of the 9th Generative Approaches to Second Language Acquisition*. Somerville MA: Cascadilla Proceedings Project, 2008. P. 155–164.
20. Ocampo F. The Word Order of Constructions with an Intransitive Verb, a Subject, and an Adverb in Spoken Spanish // *Selected Proceedings of the 7th Hispanic Linguistics Symposium*. Somerville MA: Cascadilla Proceedings Project, 2005. P. 142–157.
21. Park K.-S., Lakshmanan U. The Unaccusative-Unergative Distinction in Resultatives: Evidence from Korean L2 Learners of English // *Proceedings of the 2nd Conference on Generative Approaches to Language Acquisition North America*. Somerville MA: Cascadilla Proceedings Project, 2007. P. 328–338.
22. Pérez-Leroux A. T. Innovación sintáctica en el español del Caribe y los principios de la gramática universal // *El Caribe hispánico: perspectivas lingüísticas actuales*. Frankfurt an Main, 1999. P. 99–118.
23. Rivero M. L. Spanish Quirky Subjects, Person Restrictions, and the Person-Case Constraint // *Linguistic Inquiry*. 2004. № 35. P. 494–502.
24. Samek-Lodovici V. Prosody-syntax interaction in the expression of focus // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2005. Vol. 23. P. 687–755.
25. Vallduví E. Focus constructions in Catalan // C. Laeuffer & T. A. Morgan (ed.). *Theoretical analyses in Romance linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1991. P. 457–479.
26. Zapata G., Sánchez L., Toribio A. J. Contact and contracting Spanish // *International Journal of Bilingualism*. 2005. № 3 (4). P. 377–395.
27. Zubizarreta M. L. *Prosody, Focus, and Word Order*. Cambridge: MIT Press, 1998. 153 p.

References

1. Val'yak K. E. Vyrzhenie kommunikativnoi organizatsii vyskazyvaniya leksiko-sintaksicheskimi sredstvami (na materiale ispanskogo yazyka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.00. Sankt-Peterburg, 2011. 189 s.
2. Vinogradov V. S. Grammatika ispanskogo yazyka: Prakticheskii kurs: uchebnik dlya in-tov i fak. inostr. yaz. Izd. 4-e. M.: Vyssh. shk., 1965. 451 s.
3. Gurova N. V. Mestoimennye voprositel'nye predlozheniya v angliiskom i ispanskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Pyatigorsk, 2005. 260 s.
4. Dzyubina G. S. Poryadok slov v prostykh dvusostavnykh predlozheniyakh v ispanskom yazyke: raspolzhenie glagola i ego aktantov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Minsk, 1982. 22 s.
5. Kalustova O. M. Yavlenie sintaksicheskoi emfazy v sovremennom ispanskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk: 10.00.05. Kiev, 1984. 195 s.
6. Makarchuk E. A. Aktual'noe chlenenie predlozheniya v obuchenii inoyazychnoi rechevoi deyatel'nosti: dis. ... kand. filol. nauk: 10.00.01. M., 1994. 200 s.
7. Ryabova G. N. Kommunikativno-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya v poeticheskom tekste (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Yaroslavl', 2011. 24 s.
8. Smychkovskaya Yu. A. Sintaksis sovremennogo ispanskogo yazyka. Kiev: Vishcha shkola, 1979. 192 s.
9. Chernov G. V. Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda. M.: Vyssh. shk., 1987. 255 s.
10. Alonso Belmonte I. Teaching Word Order to ESL Spanish Students: A Functional Perspective // *Revista de Investigación e Innovación en la clase de idiomas*. Madrid, 1999. № 11. P.12–17.
11. Contreras H. On the position of subjects // Rothstein, S. (ed.). *Perspectives on phrase structure: Heads and Licensing*. Syntax and Semantics Series. New York: Academic Press, 1991. № 25. P. 63–80.
12. Costa J. The emergence of unmarked word order // G. Legendre, J. Grimshaw and S. Vikner (ed.). *Optimality-theoretic syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. P. 171–204.
13. Domínguez L. 2007. The L2 Acquisition of Spanish focus: a Case of Incomplete and Divergent Grammars // Baauw, S., Van Kampen J., and Pinto M. (ed.). *The Acquisition of Romance Languages. Selected Papers from The Romance Turn II*. Utrecht: LOT, Series 8. P. 45–57.
14. Face T., D'Imperio M. Reconsidering a focal typology: Evidence from Spanish and Italian // *Rivista di Linguistica*. 2005. № 17 (2). P. 271–289.
15. Givón T. Topic Continuity in Discourse: An Introduction // *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross – Language Study*. Amsterdam: John Benjamins, 1983. P. 2–41.

16. Gutierrez-Bravo R. Structural markedness and syntactic structure: a Study of word order and the left periphery in Mexican Spanish. New York: Routledge, 2006. 222 p.
17. Hannay M., Martínez Caro E. Last things first: An FDG approach to clause-final focus constituents in Spanish and English // Gómez González, María de los Ángeles, J. Lachlan Mackenzie and Elsa M. González Álvarez (ed.). Languages and Cultures in Contrast and Comparison. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 33–68.
18. Hertel T. J. Lexical and discourse factors in the second language acquisition of Spanish word order // Second Language Research. 2003. № 19 (4). P. 273–304.
19. Nava E. Prosody in L2 Acquisition // Proceedings of the 9th Generative Approaches to Second Language Acquisition. Somerville MA: Cascadilla Proceedings Project, 2008. P. 155–164.
20. Ocampo F. The Word Order of Constructions with an Intransitive Verb, a Subject, and an Adverb in Spoken Spanish // Selected Proceedings of the 7th Hispanic Linguistics Symposium. Somerville MA: Cascadilla Proceedings Project, 2005. P. 142–157.
21. Park K.-S., Lakshmanan U. The Unaccusative-Unergative Distinction in Resultatives: Evidence from Korean L2 Learners of English // Proceedings of the 2nd Conference on Generative Approaches to Language Acquisition North America. Somerville MA: Cascadilla Proceedings Project, 2007. P. 328–338.
22. Pérez-Leroux A. T. Innovación sintáctica en el español del Caribe y los principios de la gramática universal // El Caribe hispánico: perspectivas lingüísticas actuales. Frankfurt an Main, 1999. P. 99–118.
23. Rivero M. L. Spanish Quirky Subjects, Person Restrictions, and the Person-Case Constraint // Linguistic Inquiry. 2004. № 35. P. 494–502.
24. Samek-Lodovici V. Prosody-syntax interaction in the expression of focus // Natural Language and Linguistic Theory. 2005. Vol. 23. P. 687–755.
25. Vallduví E. Focus constructions in Catalan // C. Laeufer & T. A. Morgan (ed.). Theoretical analyses in Romance linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1991. P. 457–479.
26. Zapata G., Sánchez L., Toribio A. J. Contact and contracting Spanish // International Journal of Bilingualism. 2005. № 3 (4). P. 377–395.
27. Zubizarreta M. L. Prosody, Focus, and Word Order. Cambridge: MIT Press, 1998. 153 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2014

МЕДИАЛИНГВИСТИКА MEDIA LINGUISTICS

УДК 811 + 002. 703.0
ББК 80 + 76.120.8

Ирина Викторовна Ерофеева,
доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Концепт «война» в современном медиатексте: репрезентация традиционных моделей

В статье представлен лингвокультурологический анализ концепта «война» в пространстве медиатекста. Сформулирована актуальность проблемы в контексте психологии массовой коммуникации. Дана этимологическая характеристика концепта, обозначена тесная взаимосвязь бинарной оппозиции: война – мир. Репрезентация концепта в доминирующих потоках современных российских СМИ включает основные смыслы национальной картины мира о войне, ярко представленные как в русской классической литературе, так и в публицистике Великой Отечественной войны. Результаты исследования демонстрируют смысловые аналогии и лексические параллели, объединяющие медиатексты различных эпох.

На основе анализа более 200 текстов российских газет и основных телеканалов выявлена множественность и вариативность объективации концептуальной сферы *война*, представлена характеристика наиболее распространённых ключевых фреймов: *абсурд, игра, театр, болезнь, путь, страх, смерть*. Энергетическая ёмкость общего текста СМИ поддерживается также за счёт конструкторов *женщина, ребёнок*. В классических традициях русского нарратива выдержано противопоставление «Мы – Они».

Лейтмотивом общего медиатекста о войне выступает ключевая для российской модели мира духовная парадигма «Падения и Восстания». Война и смерть становятся точкой отсчёта в рассказе о жизни человека, многочисленные медиагерои оцениваются через отношение к войне, в рамках которой резко обостряется борьба добра и зла, возникает насущная необходимость ответа на смыслопорождающие вопросы.

Ключевые слова: концепт «война», медиатекст, репрезентация, ценности, национальная модель мира.

Irina Viktorovna Erofeeva,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: irina-jour@yandex.ru

The War Concept in Modern Media Text: Representation of Traditional Models

The study provides linguoculturological analysis of the concept WAR in space of the media text. Urgency of the issue is presented in the context of mass communication psychology. The author characterizes the concept etymologically and indicates a close interconnection between war and peace in a binary position. Representation of the concept in dominating current Russian mass media includes the basic meanings of the national worldview on the war that are presented in both Russian classical literature and social and political journalism of the Great Patriotic War. Research findings show the meaning analogies and lexical parallels uniting the media texts of different epochs.

The study analyzed more than 200 texts from the Russian newspapers and TV channels and revealed plurality and variability in objectivation of the conceptual sphere of WAR, it also presented the characteristic of the most prevalent key frames such as absurdity,

game, theatre, illness, way, fear, and death. The constructs WOMAN and CHILD support energy capacity of the mass media text as well. Contrasting "We – They" is given in classical traditions of the Russian narrative.

A key spiritual paradigm "Fall and Rise" in the Russian model of peace dominates in general media text. War and death are an anchoring point in stories about human life, numerous media heroes are assessed through their attitude to war within the bounds of which the fight between good and evil escalates and an urgent need to answer the meaning-forming questions arises.

Keywords: the WAR concept, media text, representation, values, national model of peace.

Прошло 70 лет после Нюрнбергского процесса, судившего нацистских преступников за совершенное насилие и смерть миллионов людей. Сегодня каждый день российские СМИ вынуждены рассказывать о новых преступлениях и продолжающейся войне, в которой гибнут близкие нам по крови и истории люди. Тема войны и смерти вместе с массмедиа вошла в наши дома, и не только взрослое население страны втянуто в рассуждение о братоубийственной вражде, подростки на школьных сочинениях предпочитают писать о войне (*Молодёжь волнуют война и любовь*. АиФ. 14 февр.). Профессиональная обработка фактуры журналистами, иногда вполне оправданный в условиях жесткой информационной войны показ мёртвых тел, искусная иконическая вязь и монтаж провоцируют завроженность смертью, за-гипнотизированное её видение, толкающее к идее «обесмысленной жизни».

Лингвокультурологический анализ репрезентации концепта *война* в общем медиатексте современных печатных и электронных СМИ стал целью данного исследования. Первоначально выдвинутая гипотеза о дублировании русского нарратива о войне, а также одновременной объективации духовных кодов нашей культуры в современном информационном пространстве нашла своё оправдание. Медиатекст является пространством репрезентации национальной модели мира языковой личности автора, под которой мы подразумеваем определённую систему духовных ценностей, зафиксированную в языковых системах и обусловленную ментальными представлениями конкретной национальной общности. Эмпирическую базу исследования составили более 200 текстов российских газет 2014–2015 гг. («Российская газета», «Аргументы и факты», «Эффект», «Комсомольская правда», «Взгляд», «Известия») и телеканалов («Первый канал», «Россия 1», «Россия 24», «НТВ»).

Современные рыночные СМИ тяготеют к яркому и интенсивному воплощению теории «чёрных зеркал». Негатив и отрицание в противовес позитивному и созидательному, смерть как антоним жизни, тьма и зло против солнца, света и добра – основные крючки медийного «чёрного квадрата», позволяющего привлечь и удержать внимание аудитории. Тема насилия и смерти пользуется спросом и давно закрепилась в современной политической коммуникации, постмодернистской культуре, кинематографе, шоу-бизнесе. СМИ, будучи зеркалом нашей жизни, в своём рейтинговом ракурсе многократно проявили пугающую медиатопику. «Порнография смерти» (Г. Горер) встроена в идею самоутверждения в роковой культуре («Может, яды выпьешь дважды, мне уже не важно», «Хочешь, я убью тебя, хочешь, я убью соседей»), стала смысловым фундаментом популярных жанров кино (слэшер, ужасы, триллеры, фэнтези), а также способом противопоставления («до» и «после») в рекламе. Образ несовершенного и умирающего тела, подверженного артриту, пародонту, себорее, морщинам, целлюлиту, раку печени, лёгких и т. д., делает очевидными отказ от вредных привычек в социальной рекламе или необходимость определённой покупки в коммерческой.

З. Фре(о)йд полагал, что инстинкт смерти является определяющим мотивом в поведении людей. Известно, что отец психоанализа был восхищён успешной реализацией своего тезиса нацистами в период Второй мировой войны и даже подарил свою книгу Муссолини, назвав его «героем культуры». Армия СС воспитывалась в идее поклонения смерти, которую следовало не столько бояться, сколько боготворить. «Служители смерти» возродили древние культовые ритуалы бога Танатос, создавали лирические стихи – «Мы – женихи смерти». Живому человеку присуще чувство возвышенности над мёртвыми, знакомое тем, кто воевал и убивал.

В рамках классического психоанализа агрессивность есть не просто реакция на раздражение, это импульс, обусловленный природой Homo sapiens, поэтому войны неизбежны, утверждал Фрейд, и отказал Эйнштейну в просьбе подписать обращение учёных, протестующих против начинающейся войны. Враждебность благотворна, считали психолог и его последователи, она позволяет избавиться от «инстинкта драчливости» (В. Макдуггал), способствует стабильности и установлению чувства общности в социуме. В XX в. в политических коммуникациях и в теории информационно-психологической войны появилась аргументированная технология «управляемой ненависти», именно реализация подобной техники в течение 20 лет на Украине породила маниакальное русофобство.

В российском информационном пространстве освещение войны на Юго-Востоке Украины, репрезентация конструктов *насилия* и *смерти* разрушила привычные западные форматы, которые после 90-х гг. вроде бы стали данностью и наших СМИ (программы «Вести. Дежурная часть», «Криминальная Россия», «Фактор страха», «Чрезвычайное происшествие»; печатные издания «Дело №», «Вне закона», «Криминальный курьер»). Сегодня сценарий развёртывания концепта *война* в доминирующих информационных потоках СМИ включает основные смыслы национальной картины мира о войне, ярко представленные в русской классике: М. Лермонтов, Л. Толстой, М. Булгаков, В. Быков, Ю. Бондарев и др. Известные когнитивные модели закреплены в повторе в отечественном медиадискурсе: война – преступление против человечества – бедствие и невозможные утраты – бессмысленная бойня – «слава, купленная кровью» (М. Ю. Лермонтов). Современный контент о войне навеивает, в том числе, откровенные аналогии с публицистикой Великой Отечественной войны. Несомненно, современный медиадискурс и дискурс Второй мировой – пространства разнопорядковые. Тем не менее, в данных текстовых пространствах возможно выделить и обозначить интенсивную активизацию одних и тех же концептов: *патриотизм, соборность, русская земля*.

Неравнодушная аудитория современных российских СМИ, в том числе благодаря искусному информированию о событиях на

Юго-Востоке Украины, несмотря на внешние обстоятельства и экономические трудности в стране объединяется в едином порыве любви к своему Отечеству, демонстрирует «скрытую, как говорится в физике, теплоту патриотизма» (Л. Н. Толстой), что выливается в рамках патерналистской модели взаимоотношений в возрастающий в геометрической прогрессии уровень доверия граждан к президенту. Во время Второй мировой войны патриотизм лёг в основу государственной идеологии, ситуация обязывала к мобилизации всех сил и средств народа на разгром врага. В начале войны в директиве Совнаркома от 1941 года была разработана специальная программа, в которой говорилось о необходимом изменении сознания человека. Отныне редакции не просто информировали о положении дел на фронтах и в тылу, но и обучали искусству победы, воспитывали своеобразную парадигму мышления, которая предполагала особое отношение к человеку, родной земле и её врагу, заряжала людей необходимыми чувствами и стремлением к победе. В информационном пространстве патриотизм – базовый компонент в искусстве побеждать.

Инструментарий по воздействию на сознание людей, используемый в медиатекстах о войне, поражает многообразием и цельностью. Экстремальные ситуации в журналистике обязывают к открытиям и озарениям. Так, медиатекст Великой Отечественной подарил образец удивительного соединения эффективной психотехники, эстетической свободы и художественного вкуса. В журналистику вынужденно пришли талантливые художники слова: А. Толстой, М. Шолохов, К. Симонов, А. Твардовский, Б. Горбатов, И. Эренбург и др.

Репортажи с места событий современных журналистов создаются в колоссальном напряжении физических сил и возможностей, но при этом медиатексты практически лишены клипмейкерства (вырисовывания картинки по принципу «максимум эмоций – минимум сознания»), авторы предлагают осмысление ситуации через судьбы, лица, синхрон. Смыслы и социокоды отечественной культуры органично поддерживают предлагаемый «эффект присутствия»: Александр Рогаткин, Александр Евстигнеев, Николай Долгачёв, Евгений Поддубный, Евгений Решетнёв, Станислав Назаров и др.

Современные журналисты в своих материалах подчёркивают почти мистические переплетения войны на Донбассе с историей Великой Отечественной войны. Встречаются параллели текстовых отрезков: «В пещеру ушла вся берёзовая аллея, вся жизнь», «Канонада не смолкала до утра», «Сергей до войны пахал землю в совхозе, был тракторист – стал артиллерист» (Евгений Решетнёв) – «Вокруг блиндажей берёзы как бы истекают кровью», «Иногда вечером, когда вдруг замолкает дневная канонада», «Музыканты стали сапёрами или миномётчиками» (Илья Эренбург). В целом образная система публицистики Эренбурга перерастает в метод «наглядного изображения» современного ТВ-репортажа: «вместо деревни – трубы», «железо выело воронки», «обломанные осколками мин деревья», «ослепшие глаза окон домов», «чёрные сожжённые города», «вздыхающая старая мать», «лица людей высечены из камня. В глазах суровость, уверенность. Обветренные, обгоревшие, обстрелянные солдаты»¹. Журналисты «Комсомольской правды» Александр Коци, Дмитрий Штешин замечают: «Многие бойцы признавались, что подсознательно чувствуют эту связь времён. Во время той, вроде далёкой войны, Дебальцево также брали два раза... Превращая Дебальцево в укрепрайон, украинские войска повторили оборонительную стратегию немецких генералов» (Комсомольская правда. 2015. 6 февраля).

Конструкт *война* имеет исключительно важную роль в русскоязычной культуре и достаточно подробно представлен в философии, истории, политологии. В лингвистике концепт *война* представляет собой «реально существующую форму бытия культурного феномена» (В. И. Карасик), в немногочисленных исследованиях концепт *война* обозначен как «этнически, культурно обусловленное, сложное, структурно-смысловое, вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в свою архитектуру образ и оценку» [2].

Этимология слова, согласно словарю М. Фасмера, берёт своё начало в родственном индоевропейском языке и включает семы «преследовать, гнаться» (лит. *vejù, výtì*), «охотиться» (лат. *vēnor*, нем. *Weida*). В

толковых словарях трактовка лексемы «война» базируется на двух ключевых семах: «вооружённая борьба между государствами, народами, классами», «борьба, враждебные отношения с кем-либо/чем-либо». Концептуальная сфера *войны* достаточно объёмна и демонстрирует универсальные бинарные оппозиции: война – мир, зло – добро, смерть – жизнь, страх – бесстрашие. Указанная дихотомия структурирует всю полноту повседневно-экзистенциального сознания человека. Расцвет духовного развития и материального благосостояния возможен в мирное время. Война создаёт ситуацию стресса, замыкает гармоничное движение субъекта, это явление – асимметричное, сталкивающее ожидания человека и жестокую реальность в атмосфере страдания. Поэтому *война* и *мир* выступают отправной точкой раздора или объединения народов и стран, а также – душевного хаоса и духовной гармонии. Герои многочисленных медиатекстов градируются либо принадлежностью к миру («Донбасс ждёт мира – настроен на мир – мечтает о мире – ждёт доброй воли» и т. д.), либо зависимостью от войны («партия войны», «президент войны», «война в горячих головах» и т. д.).

В своём исследовании мы не будем останавливаться на традиционных фреймах концептуального поля «война»: *соревнование, экономическая операция, разрушение, наказание, урок*. Обратим внимание лишь на доминирующие в современном медиадискурсе ментальные модели.

Война обнажает истинность мирского бытия, не случайно для обозначения семантического пространства концепта *война* активно используются метафорические модели мирной жизни: театр, игра, болезнь, путь. Аналогом лексемы «война» в медиатекстах являются словосочетания «худой мир», «похабный мир». Суть войны, как некой патологии, лучше воспринимается и соответственно вербализируется с помощью отрицания естественного существования в мире: «Её дом – больше не её крепость»; «Это не те поля, на которых они жали и сеяли», «Война лишила их всего, ждать мира дома у этих людей уже нет сил» (Первый канал). Композиционный рисунок репрезентации *войны* объединяет повторяющиеся словесные комплексы «разрушение общества», «гуманитарная катастрофа», а также детализированные образы хаоса,

¹ Эренбург И. Г. Свет в блиндаже // Война. 1941–1945 / И. Г. Эренбург. М., 2004. С. 322–329.

разрухи, голода, полутёмных подвалов – бомбоубежищ. Лексическая макроструктура текстов разных жанров и каналов коммуникации многократно подчёркивает параллели с Великой Отечественной войной: «Мы всё это видели много раз. Может, в прошлой жизни, может, на фото корреспондентов Великой Отечественной или в киноэпопее «Освобождение»» (Комсомольская правда). Образная сеть текста иллюстрирует сказанное – «горящая Украина», «плачущие женщины и дети», «голодные старики», «дома с зияющими крышами», «разбитые опустошённые здания», «после жёстких боёв город напоминает город-призрак – почти все жители бежали, многие дома разрушены» (АиФ, февраль).

Обострённое противопоставление гештальтов мира и войны, отягощенное пугающим олицетворением, вплетается в многочисленные сенсорные тексты журналистов: «Кроваво-красное зарево было видно за несколько километров» (Россия 1); «Чистенький нарядный колодец в кружеве узоров – ни один осколок не коснулся этой красоты, всё попало в соседние хаты. Плятятся бывшие дома на этот чудный колодец пустыми окнами, обведёнными копотью» (Комсомольская правда. 2014. 4 февраля).

Основным каркасом воспроизведения атмосферы войны в общем медиатексте становится фрейм «война – это абсурд». Происходящее на Украине, реакция отдельных представителей международного сообщества провоцируют когнитивный диссонанс в нашей картине мира. Дисбаланс ныне происходящего и прежде усвоенного укрепляет идею бессмысленности, нелепости, алогичности происходящего. Фактурная плотность хаоса войны заполняется очередным срывом минской договорённости, фальшивыми доказательствами о вторжении российских танков на Украину, бездоказательным обвинением России в крушении «Boeing 777», в обстреле людей таинственными снайперами на Майдане. Лексические репрезентанты «абсурда» многочисленны и разнообразны: «неполиткорректный/полный/элементарный/чудовищный бред», «МИД назвал бреднями заявления СБУ о Суркове», «полная бессмыслица», «чушь и ахинея», «нелепые выпады в сторону Москвы», «нелепость американской политики», «нелепое положение/заявление/заявка/оговорки об истории и т. д.», «расширение санкций – очередная глупость» и т. д.

Конкретизируют атмосферу абсурда символические форматы повествования о войне – страшная сказка и анекдот. Сценарий представления «страшно-смешного» (Л. Н. Толстой) имеет объективную основу. Так, президент Порошенко в Минске вываливает на трибуну осколки «Смерча», а в Мюнхене трясёт паспортами российских офицеров со штрихкодом, которые ставят на загранпаспорта. В других сюжетах оттюнингованный танк Т-34 Великой Отечественной становится настоящим «оружием Победы» и «поднимает дух ополченцев». «Кому это могло прийти в голову ещё пару лет назад?», – задаёт вопрос журналист Александр Рогаткин.

Абсурд, страшная сказка и анекдот передают преобладающую метафорическую модель «война – это *театр*», интертекстуальная фраза «освоение театра военных действий близ российских границ», благодаря многочисленному повтору, превратилась в «интеллектуальный штамп» ввиду своей явной аналогии с известным текстом Л. Н. Толстого: «война разгоралась, и театр её приближался к русским границам».

В военном театре именно *игра*, как форма ложного осознания времени, приобретает глобальный характер и превращается в самостоятельный вид производства определённых смыслов. Фрейм «война как игра» в доминирующих информационных потоках имеет высокую номинативную плотность, аккумулирующую:

1) разнообразные признаковые составляющие: игра – грязная/ страшная/ опасная/ навязанная/ двойная/ глобальная и т. д.;

2) ёмкие гештальты, с помощью которых организуется фактура: стороны играют мускулами, игра в виноватых, игра с огнём, азартные игры новых хозяев, договорная игра в доброго и злого следователя и т. д.;

3) заданные сценарии концептуальной сферы: «все президенты, кроме Путина, лишь играют роль президента» (Известия); «сознательная игра Запада на отрыв Украины от России», «новые правила игры, навязанные Киевом», «Большая игра, набирающая обороты», «Пётр Порошенко перестанет играть отведённую ему роль» (Первый канал, Россия 1), «Европа перестанет играть самостоятельную экономическую и политическую роль», «Игорь Матвиенко: США ведут себя, как пахан на зоне» (АиФ. 2015. 6 февраля).

Игра имманентно предполагает некую вседозволенность, она, по утверждению Й. Хейзинги, есть свобода [12, с. 20], поэтому ценности в концептуализированной схеме *войны* являются объектом игры. Игровое пространство склонно к перформансу (перформация – перекодировка, перемещение), перформансная коммуникация – своеобразный смысловой генератор, процесс порождения смыслов путём снятия закреплённых в сознании табу и запретов. В игровом пространстве мир меняется, многое делается возможным, т. к. украденные у реального мира предметы (П. Ван ден Хевель) призваны рождать новые идеи и подтексты. Перемещаясь, ценности теряют своё истинное содержание – перформируются, переписывается не только политический расклад ценностей, возникает иная интерпретация духовной аксиологии, когда начинают попираются священные социокоды: «слеза невинного ребёнка», «невозможность крови по совести». М. Бахтин писал: «Игра – это мир-перевертыш, инобытие, где жизнь <...> разыгрывает <...> другую свободную (вольную) форму своего существования» [1, с. 263].

Полнота реализации подобной игры возможна при отречении от знаковых скреп памяти, цементирующих ценности. Спектакль демонстрирует «современную социальную организацию паралича истории и памяти», – заметил Г. Дебор [4, с. 159]. В современном медиатексте разных каналов коммуникации дублируется идея «переписывания истории и потери памяти», сопровождающаяся почти маниакальным желанием ничего не видеть, не знать, забыть: «Киев ничего не слышит, ничего не видит»; «венгерская амнезия. Как на Дунае относятся к юбилею освобождения Будапешта» (АиФ); «всё это другая история, которую не хотят знать» (Россия); «чтобы вылечить болезнь, нужно признать её существование» (Взгляд). Метафорический образ *болезни* вписан в сценарное развёртывание концепта «война», совокупностью когнитивных признаков, представляющих данный гештальт, выступают: патология, шизофрения, наркотическая зависимость, бред, метастазы: «патологическая настырность Украины загонять себя в одни и те же ловушки», «Раздвоение личности. Киев призывает к миру, продолжая обстрел Донбасса», «украинские боевики принимают наркотики», «агитационная

болезнь», «неофашизм – болезнь, с которой надо бороться», «культурная болезнь Запада», «раздробленность – не детская болезнь», «бредни, достойные психоневрологической больницы», «бред сумасшедшего», «метастазы государства» и т. д.

Тем не менее, именно принятые в обществе эксплицитные и имплицитные нормы поведения являются ценностной стороной концепта *война*. Война порождает ситуацию выбора. К. Леонтьев, Ф. Достоевский, В. Соловьёв постулировали войну как дар божий, обосновывали её необходимость как части божественного миропорядка, у которого есть свои важные задачи. Мирная и спокойная жизнь, буржуазная цивилизация, капитализм и гедонистическое существование разрушают дух человека, война, напротив, пробуждает его, делает возможным подвиг самопожертвования. «Это страшное зеркало народа, глядя в которое, он ощущает себя не только единым и живым, но и открывает в себе удивительные глубины своей собственной души», – пишет С. А. Глузман [3, с. 138]. На войне, более чем в обычной жизни, человек может быть внезапно зловещим и гуманным.

В информационном пространстве концепты *мир* и *война* перерастают друг в друга. Концептуальное поле *мир* включает не только спокойную жизнь, но и отражает внутреннее состояние человека, его духовную стойкость и душевную гармонию. Одновременно концепт *война* не аналогичен «отсутствию мира», он демонстрирует патологию души и хаос ценностных представлений человека.

Лейтмотивом общего медиатекста о войне становится духовная парадигма **«Падения и Восстания»**. Герои многочисленных текстов пропущены через горнило проверки войной, в которой резко обостряется борьба добра и зла. Данная одна из древнейших дилемм человеческой цивилизации является ядерной для российской модели мира, она определяет вектор толкования всех других ключевых концептов – соборность, патриотизм, правда, аскетизм, любовь, слава и др. О том, что душа России стремится к Абсолюту, писали Н. Бердяев, И. Ильин, К. Леонтьев, Н. Лосский, В. Соловьёв. Лингвист М. В. Пименова отмечает, что «концепт *душа* является характерным для русской языковой картины мира» [10, с. 30], именно по данному концепту можно судить об особенностях

русского менталитета. Классическая для русской литературы тема «душевного человека» выстраивает медиаповествование о тех или иных героях, включённых в войну и находящихся рядом с ней. Война образует перекрёсток духа и плоти, разрастается в таинственную область, «где свершается борьба между зверем и Богом в человеке», по определению Д. Мережковского [7, с. 79].

Дыханье смерти даёт почувствовать себя Человеком, война, обвенчанная со смертью, – самая верная точка отсчёта в жизни – и в этом её парадоксальный гуманизм. Возникает широкое проблемное поле для анализа места и роли человека, кто ты? – жертвенный, скорбящий, страдающий или равнодушный, предающий, циничный, слабый. Волонтёр Виктор рассказывает, что он с болью смотрел, как в Донбассе убивают русских людей, «а точкой кипения стала смерть 4-летней девочки Софии. Тогда я понял, что не смогу остаться в стороне» (АиФ. 2015. 28 ноября).

Положительные и скандальные медиагерои спрашивают, сомневаются, спорят, ругаются, открывают свою правду и представления об истине: А. Макаревич, К. Собчак, В. Ерофеев, Л. Улицкая. На грани жизни и смерти, в непрекращающейся ситуации страха, катастрофы и насилия люди многочисленных сюжетов погружены в нелёгкий процесс ответа на смыслопорождающие вопросы: что есть добро и зло, грех и святость, что надо любить и во что верить. Ирония по поводу попавшего в эмбарго «фуа-гра» и откровение беженца: «Что нужно человеку для счастья? Хлеб и мир» (Россия 1) – вмонтированы в один доминирующий в СМИ смысловой контекст.

В ситуации войны выбор ежесекунден. В газете «Комсомольская правда» жительница Горловки, автор «Фронтového дневника мирного филолога» Елена Лаврова рассказывает, как «гуляя утром <...> нашла на газоне неразорвавшийся снаряд <...> Стояла и думала над ним: что делать? Дети или подростки найдут. Долго ли до беды! Подняла и пошла с этой хренью на блокпост. Шла и думала: а вдруг взорвётся? Но так его оставить нельзя» (Комсомольская правда. 2015. 10 февраля). Герои медиатекстов выбирают свой *путь*, данный фрейм также организует переживаемость концепта *война* и символизирует «движение жизни, поиск истины, самого себя, вектор перемеще-

ния в пространстве и времени». Путь, как центральный мотив русского хронотопа, активно репрезентирован в современном медиатексте, в котором обозначены масштабные направления движения – путь России, путь Америки, путь Украины, путь Европы. В результате слияния и столкновения различных векторов континуума *война* часто позиционируется как «*путь обмана*» (Взгляд). В общем медиатексте встречаются многочисленные упоминания о дороге и пути, как правило, одновременно в прямом контексте (физическое перемещение) и переносном (духовное движение): «многокилометровая вереница беженцев», которым «ждать дома сил уже нет» (Первый канал); «Я сам дойду. МЧС и Фонд Лизы Глинки вывезли из Донецка 6 больных детей»; «Чужой беды не бывает. Волонтёры из Нижнего помогают жителям Донбасса» (АиФ, 12 февраля).

Медиамотив «Падения и Восстания» разворачивается на перекрёстке духа и плоти, в том числе, буквально, демонстрация военных действий, их печальных итогов связана с показом мёртвых тел, изуродованных осколками тел страдающих людей, популярных татуировок свастики у украинских военных. «Мясо войны» запечатлевается в манящих своим ужасом фото-, ТВ-картинках, оно кричит о душевных метаниях. В концептуальной области *война* встречаются тайна духа и тайна плоти. Современные технические инструменты медиа позволяют аудитории стать «тайновидцами плоти» [7, с. 207].

Идея прозрения и пробуждения сознания вплетается в рассуждения о войне, в разнообразные ток-шоу, тексты журналистского расследования, комментарии и реплики. Перестают быть «блистательной неопределённостью» и приобретают отрицательные коннотации многие изначально положительные понятия с обобщающим родовым именем: *демократия, свобода слова, свободный рынок, Евросоюз, толерантность* и др.

Концептуализированная сфера *войны* распадается на полярные коннотативные уровни, аккумулирующие определённый энергетический потенциал. Природа войны кроется в её символическом пространстве (Н. Бердяев), в медиатексте противопоставление выстраивается согласно архетипическим канонам русского мировосприятия:

свет и тьма, верхний и нижний, горний и дольний миры. Предметно-образная сторона концепта *война* представляет собой антиномию противостояния Востока и Запада, русской и иной культуры, сталкиваются два разных аксиологических типа Текста. Ощущение патриотического единства во время войны всегда связано с процессом сравнения и противопоставления двух разнохарактерных сфер: Своё – Чужое; Мы – Они. В СМИ групповой конфликт представлен с помощью технологий «героизации» и «демонизации» (у достойного героя должен быть настоящий враг). Противопоставление «Мы – Они» выдержано в классических традициях дихотомического русского нарратива, в рамках которого враг изображён сугубо отрицательно (такowymi, например, были Батый, Мамай, Тохтамыш, Наполеон, Гитлер и др.). В медиатексте Великой Отечественной войны доброе начало ассоциировалось с образом Советской России, вербализацию которого отличает исключительно положительный коннотативный ореол: страна творчества, победоносная Красная Армия, победоносный Военно-морской флот, Могучая Советская Родина, доблестные воины Красной Армии, Великая Советская держава, растёт и крепнет мощь Советского государства. Другая сфера дихотомии связана с гештальтом фашистской Германии, который воспроизводится с помощью лексики с отрицательной коннотацией: тупое солдафонство, самодовольство, фашистские разбойники и бандиты, изверги, наёмные псы хищных немецких банкиров, гитлеровские людоеды (способные издавать лишь «визгливые крики»)¹.

Современный медиадискурс отражает идентичную полярность образной системы. С одной стороны – бойцы ДНР/защитники своей земли/«люди с характером»/«мученики Донбасса», в характеристике которых используются традиционные модели «Мать – Сыра Земля», «воины, вставшие на защиту самого дорогого: родной матери, земли – невесты²», «один в поле не воин» (*Мы все держимся, надо только держаться вместе*. Россия 1). С другой стороны – боевики Майдана/«фальшивые солдаты против фальшивой власти»/ «отъ-

явленные головорезы»/«киевляне, с герметическими отсеками в головах». Образ Петра Порошенко прочно закрепился в театральном ассоциативном ряду: Клоун, Факир («Хоть факир и не был пьян, но фокус не удался»), Актёр, шоколадный Король. Слабее обозначены ассоциативные связи в репрезентации образов президентов США и особенно России: «Обама – обиженный белодедомовский неудачник, абсолютно новый актёр, с абберацией в мозгах» – «невыносимо мужественный Путин».

Позитивная энергетическая ёмкость общего текста СМИ в последнее время поддерживается за счёт конструкта «**женщина**», которую «на войну может толкнуть только горе» (АиФ, 15 февраля). Женщины воюют на стороне ополченцев, их призывают в украинскую армию, они становятся волонтерами и занимаются поставкой гуманитарной помощи. Женщина архетипически противопоставлена войне, акцентуация внимания на женских образах позволяет журналистам выйти на абсолютные ценности, суммированные в лингвокультурологическом типе женщины: самопожертвование, принятие, принадлежность, сочувствие, милосердие, жалость как любовь. Имеющиеся исключения, как например образ корректировщика огня Надежды Савченко, лишь усиливают пробуждение традиционных смыслов и охотное их восприятие аудиторией СМИ.

Ещё одним мощным энергетическим образом современного медиатекста, в полной мере раскрывающим боль и страдания войны, выступает **ребёнок** – сидящий в подвалах («я уже 23 дня не был на улице. Очень боюсь за своего дедушку!»), голодный, охваченный ужасом, искалеченный. Наше будущее, вечность, надежда, чистота мира поставлены в абсурде войны под сомнение, аксиологический пласт многих текстов о войне центрируется вокруг ребёнка: «дети и война», «всё прошло через детские души», «мы выиграли войну благодаря женщинам и матерям».

Противоположный коннотативный уровень войны насыщен негативной энергией распада, разрушения, **ада**: «филиал ада на земле. Что происходит на Донбассе?», «украинские силовики устроили жителям Донецка фосфорный ад», «зомби на прогулке. Обозреватель передаёт из зоны боёв», «призрак войны», «Майдан пожирает своих детей». Мистическая лексика облегча-

¹ Использованы публикации «Красной звезды» и «Забайкальского рабочего» 1941–1945 гг.

² Ср.: «О, Русь моя! Жена моя! До боли Нам ясен долгий путь!» А. Блок.

ет описание пространства *страха*, Ничто, *смерти*, мрака – «потусторонней страшной дыры» (Д. Мережковский). В народе говорят: Смерть ни на что не глядит, смерть сослепу лютует. Образы смерти вызывают неподдельный ужас и связаны с чувством страха. У здорового человека смерть ассоциируется с чем-то отталкивающим, вызывающим отвращение и отрицание. Боязнь смерти способствовала появлению эвфемизмов, которые позволяют обозначить её вариативно: «приказал долго жить», «уходить из жизни» и др. Жуткие итоги войны, показанные на ТВ-экране, представленные в печатном тексте, порождают испуг, кошмар, панику, ужас: «Донецкий аэропорт накрыло запахом гниющих тел», «У них там смерть. Перед периметром Дебальцево утопили в крови» (НТВ); «Выжженная земля <...> Кажется, что сам воздух в этом городе пропитан *смертью*, *ненавистью* и *страхом*. Взметнувшаяся от разрывов пыль оседает на лицах погибших. Кровавые лужи растекаются по асфальту. Десятки раненых – многих с оторванными руками и ногами – доставляют в переполненные больницы» (*Нас убивают*. Специальный репортаж «АиФ» из Донецка. 2015. 30 января). Мор смерти в медиатекстах часто репрезентируется метафорой пустоты: «зияющая пустота», «зияющая пропасть внутренней пустоты», «ДНР рискует остаться нулём».

Активизация страха – эффективный приём захвата аудитории СМИ. Ю. Степанов отмечает, что внутренняя форма концепта *страх* включает разные этимологии. Русская, старославянская и древнеславянская лексема *страх* содержит тот же корень, что и *страдать*, *страсть* (ср. «про эти места рассказывали страсти») [11, с. 895]. Противоречивые семы слов подчёркивают неоднозначность и глубину когнитивного поля *страх*. Так, конструкт поддерживается эмоциональным релевантом тоски (тоска как страх – стеснение и сжимание сердца, тревожное беспокойство). Тоска обращена к высшему миру, она питается чувством пустоты, ничтожества и тленности земного мира, невозможностью слияния с трансцендентным, необъятной бездной между жизнью и смертью – Ничто. Попытка увидеть своё будущее в модусе НЕ-бытия рождает страх-тоску. В религиозной философии тоска, как греховное чувство, отражает мысли о богооставленности, но именно поэтому

в такой разновидности страха есть надежда, т. к. богоосознание пробудилось. Неизвестный, животный, метафизический страх-тоска, связанный с пространством Ничто, обусловленный знанием человека о своей смертности, – предмет пристального рассмотрения представителей экзистенциальной философии (М. Хайдеггер, А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.). М. Хайдеггер называл смерть «видом бытия», а тоску/тревогу – неременным условием подлинности человека, именно она раскрывает тайну того, что мы выброшены в этот мир, для того, чтобы в нём умереть.

Жизнь и смерть – важные парадигмы любой культуры. Особое значение эта дихотомия имеет в общеславянской культурной традиции. А. С. Пушкин называл жизнь в России «хороводом живых и мёртвых». В отечественной модели мира концепты *жизнь* и *смерть* неразрывно связаны друг с другом, в нашем языке есть много выражений с использованием этих слов: не на жизнь, а на смерть, вопрос жизни и смерти, играть жизнью и смертью. Смерть есть одновременно феномен культуры и нашей мысли, поскольку, убеждает А. В. Демичев, встреча со смертью «происходит на уровне знака, мысли или размышления», философ в своей работе «Гармония жизни и смерти» показал разную степень гармоничности или дисгармоничности этих отношений [5].

Человек в течение своей жизни множество раз осознанно или бессознательно переживает чувство смерти – увядание тела, истончение молодой энергии, исчезновение присущих ранее возможностей. И чем сильнее стремление и воля к жизни, тем ужаснее овладевающий страх смерти. Несмотря на то, что жизнь и смерть признаны антонимами (Эта жизнь хуже смерти; Жизнь надокучила, а к смерти не привыкнешь; Чем жить да век плакать, лучше спеть да умереть), человек способен оценить и то и другое лишь во взаимодействии, он, как опосредующее существо, гармонизирует своё бытие с помощью конструктов *жизнь* и *смерть*. Наличие последней толкает к вечному движению – нельзя стоять, надо жить.

Смерть – критерий важный для обозначения специфики национальных представлений, на Руси смерть всегда воспринималась как некое таинство, непостижимое в этом мире. В отличие от Европы, которая всегда испытывала высокий и чистый ужас

перед смертью, русичи, будучи православными, не боялись её. Покой и лиризм окружали данную тематику в поэзии российских классицистов и романтиков, верящих в спасение души и в перспективу настоящей Жизни за пределами грешного мира («Для Бога все живы»). Наши пословицы и поговорки достаточно оптимистично утверждали: Умирать – не лапти ковырять: лёг под образа и выпучил глаза, и дело с концом; Живи – почёсывайся, умрёшь – свербеть не станет; Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли; Избу крой, песни пой, а шесть досок паси.

В российской модели мира категория *смерть* всегда была тем, к чему обязательно полагается смысл. С одной стороны, смерть внеположена собственно культурному бытию и запредельна к нему, с другой стороны, она оказывает воздействие на кристаллизацию ценностей, делает осмысленным человеческое бытие, разворачивая его в разных аксиологических направлениях, но к единому концу. М. М. Бахтин считал, что смерть позволяет достать смыслы с того мира в этот: «Для чего я живу? Все ли я сделал для любви к другим?» «Мы вырастаем в меру смерти, вне – пребываем в мышинный рост», – говорил Антоний Сурожский [8, с. 85]. Осознание смерти даёт всем и всему подлинную жизнь, укореняет в вечном и незыблемом.

Русская классическая литература, особенно XIX в., постулировала мотив открытия смысла собственной жизни через любовь к другим, что и открывает возможности постижения истинного смысла смерти, именно тогда смерть перестаёт быть чем-то абсолютно невыносимым. В произведениях Л. Н. Толстого, изжившего философию Шопенгауэра изнутри, любовь представлена как путь преодоления страха смерти, в «Записках сумасшедшего» Иван Ильич Головин ищет свой прежний привычный страх смерти и не находит его. «Страх никакого не было, потому что и смерти не было», – делает вывод Ф. М. Достоевский.

Жизнь и смерть выступают между собой в отношении сопоставления, ужас смерти – лишь последствия недостойной жизни,

как лакмусовая бумага, проявляет духовные оттенки бытия человека, что и закреплено в паремиологическом комплексе русского языка: Смерть по грехам страшна; Не бойся смерти – бойся грехов; Неповинная душа не боится смерти; Жив, да не годеи, жив, да покойника не стои; Мудрёна ты на вольном свету, а как-то умирать станешь? «Память о смерти» (А. Сурожский) лишает человека слишком позднего пробуждения в жизни, когда уже невозможно что-то очень важное усвоить, сказать, сделать, ленный критерий «потом и завтра» при наличии этой памяти исключается из бытия.

О. А. Ипанова пишет, что русскому сознанию свойственно представление о том, что между жизнью и смертью есть некое малое пространство, попадать в него очень опасно для человека [6, с. 368]. Апелляция к данным категориям требует особой ответственности от авторов медиатекста, территория преломления конструктов *жизнь* и *смерть* имеет свои законы, табу и ограничения. Проведённое исследование показало, что современный контент о войне преимущественно объективирует исконные модели, не дистанцируется от сакраментального значения смерти в отечественной культуре. Непозволительно данную тему низводить до уровня технологии «захвата внимания реципиента». Всякая смерть на мониторе, фото, в печатном тексте должна иметь смысл, встроенный и прописанный автором, она априори не может предстать обычным виртуальным симулякром. Сегодня в разгаре мощная информационная война, перед журналистами встаёт трудная задача – оказаться в гуще и сердцевине правды, увидеть и ощутить истину, уметь слышать и вглядываться, не плыть по течению «потому что», а оживать в пробуждающем водопаде «ради чего?», поиск смысла во взгляде на жизнь под углом смерти и на смерть под углом жизни не терпит статики и покоя. Авторы медиатекста не могут отказать от информационной борьбы, они сегодня призваны настраивать людей на мировоззренческую победу, они обречены быть суперпрофессионалами. Если смерть есть, то «можно постараться быть» [8, с. 59].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Венедиктова Л. Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительные исследования на материале английского и русского языка): автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2004.

3. Глузман С. А. Ментальное пространство России. СПб.: Алетейя, 2010. 332 с.
4. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 224 с.
5. Демичев А. В. Тематичность смерти. Дискурсы и концепты [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ec-dejavu.net/d-2/Death_Demichev.html (дата обращения: 15. 01. 2015).
6. Ипанова О. А. Жизнь // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Серника. М.: Гнозис, 2007. С. 356–370.
7. Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 618 с.
8. Митрополит Сурожский Антоний. Труды. М.: Практика, 2002. 1080 с.
9. Новикова Н. А. Концептуальная диада «жизнь-смерть» и её языковое воплощение в русской фразеологии, паремииологии и афористике: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Череповец, 2003.
10. Пименова М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на пример эмоциональных концептов) // Вopr. когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 72–90.
11. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2004. 992 с.
12. Хейзинг Й. Homo Ludens (Человек играющий). М.: Эксмо-Пресс, 2001. 352 с.

References

1. Bakhtin M. M. Avtor i geroi. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. 336 s.
2. Venediktova L. N. Kontsept «voina» v yazykovoi kartine mira (sopostavitel'nye is-sledovaniya na materiale angliiskogo i russkogo yazyka): avtoref. dis ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Tyumen', 2004.
3. Gluzman S. A. Mental'noe prostranstvo Rossii. SPb.: Aleteiya, 2010. 332 s.
4. Debor G. Obshchestvo spektaklya. M.: Logos, 2000. 224 s.
5. Demichev A. V. Tematichnost' smerti. Diskursy i kontsepty [Elektronnyi resurs]. Re-zhim dostupa: http://www.ec-dejavu.net/d-2/Death_Demichev.html (data obrashcheniya: 15. 01. 2015).
6. Ipanova O. A. Zhizn' // Antologiya kontseptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sernika. M.: Gnozis, 2007. S. 356–370.
7. Merezhkovskii D. S. Tolstoi i Dostoevskii. Vechnye sputniki. M.: Respublika, 1995. 618 s.
8. Mitropolit Surozhskii Antonii. Trudy. M.: Praktika, 2002. 1080 s.
9. Novikova N. A. Kontseptual'naya diada «zhizn'-smert'» i ee yazykovoe voploshchenie v russkoi frazeologii, paremiologii i aforistike: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Cherepovets, 2003.
10. Pimenova M. V. Tipologiya strukturnykh elementov kontseptov vnutrennego mira (na primer emotsional'nykh kontseptov) // Vopr. kognitivnoi lingvistiki. 2004. № 1. S. 72–90.
11. Stepanov Yu. S. Konstanty: slovar' russkoi kul'tury. Izd. 3-e, ispr. i dop. M.: Aka-dem. Proekt, 2004. 992 s.
12. Kheizing I. Homo Ludens (Chelovek igrayushchii). M.: Eksmo-Press, 2001. 352 s.

Статья поступила в редакцию 20.02. 2015

УДК 821.161.1:654.19
ББК ШЗЗ(2=411.2):Ч603.2

Сергей Николаевич Ильченко,
*доктор филологических наук, доцент, кандидат искусствоведения,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26),
e-mail: tv_and_radio@mail.ru*

Русская классика на телеэкране XXI века: новая реальность

В статье анализируются тенденции экранизации классических произведений отечественной литературы в практике российского телевидения последнего времени. В центре внимания автора статьи – сериалы «Бесы» и «Куприн», премьера которых состоялась летом 2014 года. Анализ проводится на обширном материале, ориентированном как на прошлый опыт экранизаций русской классики, так и на нынешние примеры. Автор приходит к заключению, что современная практика переноса на экран известных текстов, является наглядной иллюстрацией принципов шоу-цивилизации. Это проявляется в том, какой визуальный образ эпохи, отраженной в классике, формируется в ее телеверсиях. В то же время путем адаптации идейного смысла того или иного литературного произведения к уровню восприятия и мышления потенциальных зрителей создателям подобных сериалов удается актуализировать содержательные компоненты первоисточника. Дискуссионным при этом остается ответ на вопрос о справедливости такого подхода к интерпретации русского литературного наследия. Позитивным моментом повышенного внимания к процессу телеэкранизации произведений русской литературы автор статьи считает четко обозначившуюся тенденцию пробуждения к ним читательского интереса после премьерных показов сериалов в эфире.

Ключевые слова: литература, Достоевский, Куприн, телевидение, кинематограф, экранизация, шоу-цивилизация.

Sergey Nikolaevich Ilchenko,
*Doctor of Philology, Associate Professor,
St-Petersburg State University
(26, 1 st line V. O., St. Petersburg, Russia, 199004),
e-mail: tv_and_radio@mail.ru*

Russian Classics on TV of XXI century: New Reality

The article analyzes the trends in the film adaptation of the classic works of the Russian literature in the practice of Russian television of last time. The author focuses on the series "Demons" and "Kuprin"; the premiere took place in the summer of 2014. The analysis is carried out on the extensive material, based on past experience of the film adaptations of the Russian classics and current examples. The author comes to the conclusion that the current practice of transferring on a screen of known texts is a clear illustration of the principles show civilization. This is evident in how the visual image of the era, reflected in the classics, and formed in its televised versions. At the same time, by adapting the conceptual meaning of a literary work to the level of perception and thinking of potential viewers, creators of such series manages to actualize meaningful components of the literary source. Discussion remains the answer to the question about the validity of this approach to the interpretation of the Russian literary heritage. Positive attention to the process of telekinesis works of the Russian literature in the author's opinion clearly discernible tendency to wake him in the reader's interest after the first run of the series.

Keywords: Literature, Dostoevsky, Kuprin, TV, cinema, screen-version, show-civilization.

Отношения литературных произведений с экранной реальностью – один из вечных трендов мировой цивилизации, претерпевающий существенные трансформации на различных этапах её развития. В нынешних условиях доминирования шоу-цивилизации на большинстве направлений существую-

щих коммуникаций мы имеем дело с новым этапом, для которого характерен иной тип взаимоотношений первоначальных классических текстов с тем, каким образом и с каким смыслом происходит их визуализация. Лето 2014 года дважды подарило поклонникам отечественной словесности

возможность увидеть в телеэфире главных российских каналов новые версии произведений Ф. М. Достоевского и А. И. Куприна. На канале «Россия 1» был показан сериал Владимира Хотиненко «Бесы». «Первый канал» презентовал сериал «Куприн» (режиссёры – Влад Фурман, Андрей Эшпай, Андрей Малюков). Обе экранизации выделяются не только тщательной проработкой первоначального литературного материала, но и продуманной логикой построения, подбором исполнителей, деликатным отношением к визуальной составляющей демонстрируемого телепродукта. А потому имеет смысл рассмотреть подробнее их принципиальное отличие как от предыдущих киноверсий тех же произведений, так и новые черты экранной реальности, творимой в эстетике телезрелища.

История отношений экранных искусств с литературными первоисточниками насчитывает уже второе столетие. Динамика их развития напрямую коррелирует с тем, как трансформировалась парадигма отражения эмпирической реальности в медиасфере. В XIX в. воспроизведение реальности посредством СМИ носило достаточно опосредованный характер. Существующие в тот исторический период медиа могли создать иллюзию присутствия человека при каком-то важном событии преимущественно вербальными средствами, которые вторично пересоздавали фактическую сторону произошедшего на плоскости газетного листа, или в устном пересказе очевидцев. Визуальная фиксация могла быть произведена исключительно средствами изобразительного искусства (фотография вошла в обиход массовой культуры несколько позже). Сиюминутная наглядность восприятия события посредством СМИ отсутствовала как факт. Видеть своими глазами битву при Ватерлоо в 1815 году могли только её непосредственные участники. В XIX в. её частичная реконструкция вербальными средствами произошла в романе В. Гюго «Отверженные».

В XX в. последнее сражение Наполеона неоднократно воспроизводилось с помощью креативных возможностей кинематографа. Наиболее известные киноверсии данного исторического события – фильм А. Ганса «Наполеон» (1927) и лента С. Бондарчука «Ватерлоо» (1971). И всё же при всей визуальной иллюстративности и впечатляющей наглядности того, как отраже-

но в этих произведениях кино важнейшее событие мировой истории, мы не можем утверждать, что в точности, вплоть до деталей, увидели его. Миллионам зрителей обеих лент знаменитые постановщики предоставили, скорее, возможность увидеть образ события, чем реальную совокупность фактов, цифр, ситуаций. Точно так же, как очевиден и субъективизм автора «Отверженных» при описании знакового исторического события.

В прошедшем веке литература вступала с эмпирической реальностью в сложные отношения. Тексты произведений уже по умолчанию являлись авторской версией контекстной действительности. Та хронологическая дистанция, которая неизменно возникает при любой попытке переноса классического текста на экран, ещё более усиливает разрыв между историческими и личными обстоятельствами, в которых автор творит текст, и ровно такими же обстоятельствами, в которых создатели кино-, телеверсии создают собственный аудиовизуальный продукт. Можно утверждать, что в данном случае мы имеем фактор субъективности в квадрате. Интерпретация классического сочинения в подобных обстоятельствах, казалось, должна отдалять потенциальную аудиторию от адекватного восприятия смыслообразующих ингредиентов первоначального текста. «Интерпретация, таким образом, воспринимается как насильственный акт искажения интерпретируемого текста; – констатирует современный философ Славој Жижек, – парадоксально, но считается, что искажение намного больше приближает к “истине” интерпретируемого текста, чем его историческая контекстуализация» [4, с. 173].

«Осовременивание» классического произведения, по нашим наблюдениям, в новом веке происходит по двум направлениям. И оба связаны с генеральными тенденциями, которые характеризуют современную шоу-цивилизацию. Первое и самое наглядное связано с созданием визуального отражения реальности на экране, продуцируемого соотношением современного образа конкретной исторической эпохи, складывающегося в массовом сознании зрительской и читательской аудитории, и тем визуализированным зрелищем, которое ему предъявляет экран. И подобная тенденция особенно явно, как мы увидим в дальнейшем,

проявилась при увиденных телеверсиях сочинений русских классиков – Куприна и Достоевского.

Второе направление интерпретации эталонных текстов относится к сфере смыслово-образной трактовки того, что называется содержательным дискурсом, который автор формирует в структуре собственного сочинения. И в этом аспекте сближение экранной интерпретации с тем комплексом идей, которые закладывал автор в текст, может быть более эффективным. Парадокс заключается в том, что намеренная актуализация мотивов классики в некотором смысле может, с одной стороны, упрощать логику восприятия с помощью экранной наглядности. С другой – именно она способствует повышению восприимчивости идеологических моментов, которые несёт в себе любое классическое произведение. «Эта интерпретация, – отмечает уже цитировавшийся нами Славой Жижек, – явно представляет собой случай грубого “осовременивания”, без всякого соблюдения филологических правил, иногда они анахроничны, и часто в них допускаются “фактические неточности”, лишая работу её собственного герменевтического контекста; и тем не менее, именно эти грубые нарушения вызывают захватывающий “эффект истины”, сокрушительное новое видение...» [4, с. 173–174].

Для более адекватного анализа выбранных нами телеверсий отечественной литературной классики следует хотя бы кратко дать обзор отношений интерпретируемых текстов и их авторов с экранной культурой на исходе прошлого столетия и в начале столетия нынешнего.

История отношений десятой музы с романом Фёдора Достоевского «Бесы» достаточно коротка, XX век завершался киноверсиями романа в исполнении Анджея Вайды (1988) и Игоря Таланкина (1992). Новый век открыл не только новую страницу в экранной одиссее одного из самых спорных текстов Достоевского, но и в отношениях писателя и телеэкрана в принципе. Стоит вспомнить превращённые в сериалы романы «Идиот» (2003, режиссёр – Владимир Бортко), «Преступление и наказание» (2007, режиссёр – Дмитрий Светозаров) и «Братья Карамазовы» (2009, режиссёр – Юрий Мороз). Если прибавить к этому списку телесериал «Бесы» 2006 года, снятый сразу тремя режиссёрами (Валерий Аха-

дов, Геннадий Карюк и Феликс Шультеес), то станет очевидным факт доминирующего присутствия автора-классика в отечественном эфирном пространстве.

Можно утверждать, что окончательный разворот в сторону творчества Фёдора Михайловича совершился после премьеры биографического сериала «Достоевский» в 2011 году. Символично, что именно режиссёр Владимир Хотиненко осуществил данный проект. Экранная реальность XXI в. обрела для русского классика и его героев черты, прежде всего, телевизионного зрелища. Размеренность ритма повествования, организация сценарной фабулы по сериальным законам, некая усреднённость визуального решения большинства эпизодов, привлечение на ключевые роли знакомых массовому зрителю медиаперсон – всё это отличительные черты современного Достоевского-ТВ, которые выстраиваются в систему, подчинённую законам и правилам шоу-цивилизации, когда «картинка» становится настолько неброской и иллюстративной, что при возможном сопоставлении эпизодов из разных сериалов «по Достоевскому» их невозможно было бы отличить один от другого. Более того, стилистическая схожесть экранных «драм из старинной жизни» последнего десятилетия в практике российского телевидения коснулась и других проектов, обращённых к прошлому России. Как это случилось, например, с экранизацией тем же Юрием Морозом романа Бориса Акунина «Пелагия и Белый бульдог» (2009).

Помимо создания невнятной и приближительной атмосферы прошлого в кадре все эти попытки «осериалить» классику отмечены желанием авторов проектов втиснуть всю многослойность и философскую глубину, остроту размышлений автора в жесткие жанровые рамки, превращая текст классика в сюжетное переложение криминальных обстоятельств фабулы. Можно сказать, что Достоевский «форматировался» под законы сериальной конструкции. Пожалуй, только «Идиот» Владимира Бортко избежал подобной участи. А вот Владимир Хотиненко пал творческой жертвой именно этого тренда.

Со школьной скамьи мы знаем о том, что у великого русского писателя есть книга, в которых он сказал всю правду о революционерах-радикалах. Правда, не все выпускники школ скандальную книгу читали,

но миф о запретности этого текста сопровождает роман почти полтора века. Его политизация происходит постоянно, независимо от того, какая власть на дворе. И при этом как-то забывают о его художественных особенностях, и о том, что перед нами, прежде всего, литературное сочинение, а не политический памфлет. Мотивы из «Бесов» постоянно проникают в наше культурное сознание. В разное время к этому приложили руку и кинорежиссёр Андрей Тарковский, и композитор Дмитрий Шостакович, и драматург Михаил Шатров. Не говоря уже о таких именах, как Владимир Немирович-Данченко, Лев Додин, Юрий Любимов, Альбер Камю. Традиционно «навязчивая» реклама загодя объявила фильм шедевром, умолчав о том, что в его титрах значится выразительное – «по мотивам». С этого момента, собственно, и начинаются расхождения телезрелища с текстом первоисточника.

Любой выпускник филфака с ходу укажет на десятки отклонений версии Хотиненко от литературного оригинала. Точно так же, как возникнут и вопросы к консультантам по быту. Но всё это можно было бы проигнорировать, получи мы адекватное воспроизведение в кадре того психологического напряжения, нерва людских отношений на грани истерики, к которым был так склонен писатель. В случае «Бесов» ему явно мешали задачи идеологические. Не случайно, что композиционно текст сего романа отличен от того, как написаны другие его знаменитые классические романы. И здесь, как мне кажется, авторы сериала допустили существенный просчет, перекроив сюжет, превратив его в банальное уголовное расследование убийства Шатова. Тем самым упрощается сюжетно-композиционное содержание текста первоисточника, отформатированного под параметры детективной интриги. Появился даже чахоточный следователь Горемыкин (Сергей Маковецкий), ведущий дело. А по сему фабула движется в двух временах – настоящем и прошлом.

Подобные скачки во времени разрушают то нарастание ужаса и страха от власти ложных радикальных идей, которые так ощутимы в тексте. В сериале же мы видим кучку растерянных пошляков и ничтожеств, ведомых, правда, бесами покрупнее – Верховенским-младшим (Антон Шагин) и Ставрогиным (Максим Матвеев). Нас изо всех сил пытаются убедить, что

именно эти люди и толкают всё общество в пропасть, но не получается. Не помогают ни свиньи, пришедшие в фильм из святых книг, ни бабочки, «залетевшие» из «Молчания ягнят», ни гром и молния, ни сцены разъярённой толпы. Всё это – не более чем кинематографический антураж, призванный поддержать попытки актуализировать текст Достоевского в направлении политических ассоциаций.

Только вместо «бесов» получаются какие-то «бесенята» и «чертенята». А вместе с ними на экран и проникает та аморальность, которая так возбуждающе интересовала писателя, рискующего в своих гениальных романах переступить грани нравственных начал в героях. «Бесы» в этом смысле – пограничное сочинение, где даже одну из глав о растлении несовершеннолетних публикуют отдельно от основного текста. Ключ привычного ретродетектива в стиле «а-ля Акунин», к сожалению, не поворачивается в замке, открывающем путь к постижению текста Фёдора Достоевского, хотя многие актеры продемонстрировали неистребимое желание погрузиться в пучины страстей, соблазнов, пороков и кровавых идей. Но не у каждого хватило на то сил и человеческого отчаяния, чтобы до конца отпустить своё сознание и подсознание в бездну, а без этого очень трудно постичь то величие человеческого Зла, с которым всю жизнь бился Достоевский.

Отношения текстов Александра Куприна с отечественным кинематографом были менее драматичными и не столь ярко заметными, как экранизации произведений Фёдора Достоевского. В разные времена отечественные кинозрители увидели экранизации «Поединка» (версии 1957 и 1982 года), «Олеси» (1971), «Гранатового браслета» (1964), «Ямы» (1990). То есть можно, как и в случае с Достоевским, утверждать, что в прошлом веке версии купринских повестей стали явлением исключительно кинематографической практики. Телевидение, тем не менее, ждало своего часа. И он наступил. Мы увидели телесериал «Куприн».

Стоит отдать должное тому, кто придумал этот необычный для телевизионных форматов проект. Формально предложенный экранный продукт имеет все признаки сериала. Однако 12 серий поделены поровну между тремя самостоятельными фильмами по четыре серии каждый. Так мы и

смотрели подряд: «Куприн. Яма», «Куприн. Впотьмах», «Куприн. Поединок». У каждой из частей был свой режиссёр – Влад Фурман, Андрей Эшпай и Андрей Малюков соответственно. Объединяющей все части фигурой стал сам писатель – Александр Куприн, которого сыграл Михаил Пореченков. Приём этот не нов: ещё в картине «Гранатовый браслет» на экране появлялся сам Александр Иванович Куприн, которого сыграл Григорий Гай.

Драматургическая фантазия авторов нынешнего проекта поначалу кажется далёкой от текстов первоисточников, ибо в каждый из фильмов причудливым, а порою очень изящным способом вплетались сюжеты и мотивы «неосновных» экранизируемых новелл. Так, например, история про весёлое заведение в «Яме» была фабульно сопряжена ни с чем иным, как с «Гранатовым браслетом». А в «Поединке» довелось увидеть истории из «Юнкеров» и «Брегета». По сути дела, в течение недели с телеэкрана нам предъявили избранное собрание сочинений Александра Ивановича. И в таком концентрированном виде мысли писателя стали звучать ещё отчётливее. Он искренне верил в позитивное начало в человеческой природе, но как честный творец не мог закрывать глаза на уродливость жизни, которая подталкивала большинство его персонажей, увиденных в реальности и перенесённых на страницы сочинений, к тому, чтобы шествовать по жизни несправедливым путём.

В этом смысле композиция сериала оказалась удачной. От явных грехопадений и мерзости действительности, находящихся в контрасте к романтическим порывам души человеческой в «Яме», через непреодолимую силу рока, «опускающего» героя до положения мерзавца, метасюжет экранного действия движется к ситуациям, где честь и благородство оказываются единственной надеждой автора на спасение человека. К трагическому сожалению, по Куприну такое возможно лишь ценой гибели индивидуума. В фильме обращает на себя внимание значительное количество добровольных и полудобровольных уходов из жизни персонажей. И если при чтении купринских повестей и новелл по отдельности подобное обстоятельство как-то не бросалось в глаза, то в плотном экранном сочленении эти печальные разрешения сюжетов классика

производят временами весьма гнетущее впечатление. Наглядность сюжетных перипетий, которые Куприн в текстах всегда мастерски организовывал, породила требуемый эмоциональный и интеллектуальный эффект.

Многое в такой стилистике зависело от актёрского состава. И хочется порадоваться за то, что большинство из исполнителей оказались, что называется «к месту», сумев преодолеть те шлейфы, которые тянулись за ними из прежних их экранных работ. Двойственность экранных версий новелл русского классика воплотила в себе фигура рассказчика, т. е. самого Куприна. Медийная узнаваемость имиджа Михаила Пореченкова, которому досталась роль не то наблюдателя, не то участника экранизируемых сюжетов, обернулась против его героя. Двойственность как раз противопоставлена такому автору, как Куприн, который большинство своих историй узнавал именно «из жизни». Сочность бытовых подробностей, поражающая и манящая в текстах классика, в сериале получила яркое и доходчивое визуальное решение. Тем самым шоу-цивилизация оказалась «полезной» для визуализации плотной и образной по подробностям купринской прозы.

Нам они были явлены в оригинальном замысле сериала, призванного, видимо, продемонстрировать некую «энциклопедию русской жизни» на самом излёте существования той страны, которая канула в пропасть истории, принявшей облик Первой мировой войны. И как не повторить здесь вслед за другим классиком: «Повсюду страсти роковые, и от судеб защиты нет». Ощущение грядущей и неотвратимой нравственной катастрофы рождается в сериале из общего пасьянса людских историй, который выложил на игровом поле действительности злой Рок и который так неожиданно превратился в экранную реальность, явленную зрителям с телеэкрана наглядно, весомо, зримо.

Перед зрителями предстала новая экранная реальность, порождённая текстами двух русских классиков. Но черты её оказались различными, как различны бывают и проявления ликов шоу-цивилизации, которая «экранизирует» большинство концептуальных и ключевых текстов мировой словесности прошлого и позапрошлого веков. Результаты, явленные на телеэкра-

не, оказываются разными – и по степени воздействия, и по адекватности духу, букве и смыслу литературного первоисточника. Крайне важно в подобных условиях уметь «вычитывать» из экранного зрелища именно те мысли и чувства, которые двигали автором первоначального текста, и тогда, быть может, «увиденный» в рамке телевизионного кадра текст зрелища позволит «прочитать» по-новому классическое сочинение.

Однако нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что проводимая ведущими участниками отечественного телевизионного пространства политика «сериализации» классики имеет и позитивный аспект, связанный с реализацией просветительской функцией важнейшего электронного медиа современности. Правда, постулируется он в несколько парадоксальной форме известного афоризма, характерного ещё для советского школьника и студента: «Я «Войну и мир» Толстого не читал, а смотрел». Зрительский успех сериалов последних лет – «Идиот», «Мастер и Маргарита», «Преступление и наказание», «Золотой телёнок», «В круге первом», «Доктор Живаго» – был зафиксирован медиаизмерителями. Прямым следствием этого стал рост количества покупок изданий экранизированных книг после премьер сериалов, а также повышенный спрос на них в библиотеках. Аудитория предпочла удовлетворение первоначально-

го интереса к произведениям Достоевского, Булгакова, Ильфа и Петрова, Солженицына и Пастернака с помощью наглядной сюжетности телевидения. И только затем возникла необходимость иного, более вдумчивого, основанного на радио, осмысления увиденного, а затем и прочитанного. Хотя в данной ситуации немаловажным фактором был выбор объектов экранизации, каждый из которых практически имеет не только конкретный текст, сюжет, набор персонажей, но и своеобразный мифологический культурный шлейф в массовом сознании. Телевидение создаёт некий аудиовизуальный код экранизируемого текста. Его «дешифровка» (декодирование) происходит уже в момент непосредственного просмотра созданного аудиовизуального продукта в виде сериала. Можно сказать, что ситуация просмотра сериала-экранизации есть факт приобщения индивидуального сознания реципиента к господствующим темам и образам, вербализированным в образцах текстов классической литературы.

Во всяком случае, тенденция «чтение после просмотра» вновь получила подтверждение после эфирных премьер проанализированных нами экранных телеверсий классических текстов Достоевского и Куприна. И в этом аспекте прагматически-познавательную составляющую современной шоу-цивилизации можно только при-ветствовать.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Больц Норберт. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 136 с.
3. Васильев А. Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. М.: Ленанд, 2014. 240 с.
4. Жижек Славой. Чума фантазий. Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. 388 с.
5. Ильченко С. Н. Шоу-цивилизация: конец реальности? СПб.: ИВЭСЭП, 2014. 198 с.
6. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 92 с.
7. Рассадин Ст. Испытание зрелищем. Поэзия и телевидение. М.: Искусство, 1984. 224 с.

References

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s.
2. Bol'ts Norbert. Azbuka media. M.: Evropa, 2011. 136 s.
3. Vasil'ev A. D. Sovremennoe mifotvorchestvo i rossiiskaya televizionnaya sloves-nost'. M.: Lenand, 2014. 240 s.
4. Zhizhek Slavoi. Chuma fantazii. Khar'kov: Gumanitarnyi Tsent, 2012. 388 s.
5. Il'chenko S. N. Shou-tsvivilizatsiya: konets real'nosti? SPb.: IVESEP, 2014. 198 s.
6. Lotman Yu. M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. Tallin: Eesti Raamat, 1973. 92 s.
7. Rassadin St. Ispytanie zrelisshchem. Poeziya i televidenie. M.: Iskusstvo, 1984. 224 s.

Статья поступила в редакцию 29.01.2015

УДК 808.51
ББК 81.411.2

Юрий Владимирович Клюев,
кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(198504, Россия, г. Санкт-Петербург,
Старый Петергоф, ул. Халтурина, 15),
e-mail: klim-yurish@inbox.ru

Публицистичность радиоречи

Актуальность статьи вызвана всё более возрастающим влиянием на современного человека каналов массовой коммуникации. Ключевым инструментом функционирования СМИ является речевая деятельность в письменной (периодическая печать) и устной (радио и телевидение) формах речи. Научный интерес представляет собственно речевой фактор, наиболее ярко проявляющийся в деятельности радиовещания. Именно речевые характеристики общения определяют векторы смыслов и стиль публичной коммуникации, влияют на поведение человека, актуализируют его жизненные ценности. В представленной работе с помощью методов наблюдения, дедукции и когнитивного анализа проанализированы аспекты публицистичности как основного свойства радиовыступлений. Изучены основные категории радиокоммуникации: «текст в радиожурналистике», «радиоречь», «диалогичность». Раскрыты функции публицистического стиля на радио: информационная и воздействующая. Исследованы ключевые характеристики публицистичности радиовыступлений – яркое авторское начало и социальная направленность, комментирование и оценка сообщаемого, нравственная составляющая обращения к аудитории. Отмечено, что усилению публицистичности общения способствует активное интонирование, применение выразительных средств. Выявлена зависимость степени публицистичности речи на радио от жанровых характеристик сообщений. Программы информационного вещания ориентированы на объективное логическое отражение действительности. В аналитических передачах актуальный вопрос исследуется, комментируется, активно применяются выразительные средства и оценка информации. Наивысшей степенью публицистичности обладают авторские передачи с явно выраженным публицистическим началом, экспрессивностью, самобытностью и яркостью речи. В статье дана также характеристика состояния культуры речевого общения на современном отечественном радио.

Ключевые слова: радиовещание, радиожурналистика, радиоречь, диалогичность, публицистичность, интонация.

Yury Vladimirovich Klyuev,
Candidate of Philology, Associate Professor
St. Petersburg State University
(15 Khalturin St., Stary Petergof, St. Petersburg, Russia, 198504),
e-mail: klim-yurish@inbox.ru

Publicist Style on Radio

Relevance of article is caused by more and more increasing influence on the modern person of channels of mass communication. The key instrument of functioning of mass media is the speech activity based on written (periodicals) and oral (radio and television) speech forms. Scientific interest represents actually speech factor which is most brightly shown in broadcasting activity. Speech characteristics of communication define vectors of meanings and style of public communication, influence behavior of the person, reveals its vital interests. In the presented work by means of methods of supervision, deduction and the cognitive analysis aspects of a publicist style as main property of radio performances are analysed. The main categories of radio communication are studied: "the text in radio journalism", "radio speech" and "dialogue". Functions of publicist style on radio are opened: information and influencing. Key characteristics of a publicist style of radio performances are the bright author's beginning and a social orientation, commenting and an assessment reported, a moral component of the address to audience are investigated. It is noted that strengthening of a publicist style of communication is promoted by an active intonation, application of means of expression. Dependence of degree of a publicist style of the speech on radio from genre characteristics of messages is revealed. Programs of informa-

tion broadcasting are focused on objective logical reflection of reality. In analytical transfers topical issue is investigated, commented, means of expression and an assessment of information are actively applied. The most advanced stage of a publicist style author's transfers with obviously expressed publicist beginning, expressivity, originality and brightness of the speech possess. In article also the characteristic of a condition of culture of speech communication on modern domestic radio is given.

Keywords: broadcasting, radio journalism, radio speech, dialogue, publicist style, intonation.

Современную систему массовой коммуникации невозможно представить без радиовещания. Обладая признаками всеохватности, массовости, доступности, радио стало привычным атрибутом жизни современного человека. Стремительное развитие технических средств обеспечивает массовость и вездесущность радиовещания как одного из главных каналов публичной коммуникации.

Радиовещание в современной системе многостороннего информационного взаимодействия не только не утратило своей популярности, но приобрело новые методы (инфотеймент, интерактивность) и практики деятельности (вещательные форматы). Благодаря Интернету радио получило мощный инструмент для расширения масштаба вещания, для дополнительного завоевания популярности слушателей, для воплощения своего организационно-структурного и профессионально-творческого потенциала.

Трудно найти человека, у которого не было бы если не любимой, то хотя бы знакомой ему радиостанции. Как отмечает В. В. Смирнов, радио «знакомит нас с интересными людьми, сообщает немало полезных сведений, расширяет наш кругозор, советует. Мы можем слушать разные радиоканалы, отдавая предпочтение оперативной информации, анализу актуальных событий, компетентному мнению специалиста, музыкально-развлекательным передачам. В эфире всегда можно найти программу на любой вкус, интерес, пристрастие» [14, с. 11]. Современный радиоэфир выступает как мощная разнообразная (диверсифицированная) система вещания, включающая радиостанции разных форм собственности, музыкальных и тематических направлений.

Речь на радио – это устно-ораторская форма воплощения языка говорящим человеком в расчёте на реакцию человека слушающего. Речь в эфире есть звуковая реализация текста, независимо от того, носит она подготовленный или спонтанный – неподготовленный, спорадический

(внезапный) характер. Радиоречь можно рассматривать в трёх ипостасях: 1) процесс пользования вербальным языком радио; 2) конкретное говорение по радио, протекающее во времени; 3) любая звучащая по радио речь.

Речевое общение на радио чаще всего предстаёт как коммуникация в виде диалога или полилога, «обмен текстами, причём каждый текст соотнесён с описываемой им реальной ситуацией общения, с говорящим и слушающим» [7, с. 49]. Материальным выражением устной речи являются звуковые волны. Именно с помощью звуков любое выступление по радио приобретает эфирное звучание, именно звуки, их сочетание составляют живую ткань речевого общения на радио.

Речевое общение в любом СМИ осуществляется с помощью литературного языка. С. Г. Корконосенко выделяет культурную миссию журналистики в организации массовой коммуникации, что возможно при очень бережном отношении к русскому языку: «Пером и устами корреспондента разговаривает целая нация, и это налагает на него ответственность за сбережение и органичное развитие родного языка» [8, с. 134].

Главным фактором формирования текста массовой коммуникации, в том числе по радио, выступает авторское начало, выраженное в отборе фактов, их интерпретации, композиционном построении, личностном (персонифицированном) подходе к отражению действительности, в специальном выделении ее смыслового контекста и средствах достижения цели журналистского произведения. В. В. Егоров пишет: «Установление контакта с аудиторией возможно только в том случае, если журналист, ведущий программу, способен заявить о себе как о личности, предстать в каждом высказывании человеком с определёнными культурными, психологическими характеристиками, обнаружить особенности своего мировосприятия, свои этические и ценностные ориентиры» [4, с. 17].

Задача любого осмысленного текста – целенаправленное влияние на аудиторию, формирование её информационных представлений о реальности. В радио- и теле-вещании с помощью речи формируется особая информационно-коммуникативная среда общения. Она основана на речемыслительной деятельности человека и устном характере речи.

Продуцирование внутренней и внешней речи – эта уникальная способность человеческого мозга активно используется в сфере публичной общественной коммуникации. Каким образом предстаёт в ней журналист, репортёр, ведущий – зависит от уровня его начитанности и общей эрудиции, от умения анализировать текущую жизнь социума, от степени осознания ответственности за свою работу в эфире.

В аудиовизуальных СМИ для успешной творческой деятельности журналиста большое значение имеют внешние характеристики общения – ЧТО и КАК говорит человек. Академик Д. С. Лихачёв отмечал: «Вернейший способ узнать человека, его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит»¹. Почему так важно внимание радиожурналиста к созданию текста и своей речи в эфире? Потому что любое его выступление у микрофона для слушателей становится примером для подражания.

Устное общение онтологически присуще радиовещанию, потому что появилась оно после языка (коммуникации) жестов. И. П. Яковлев отмечает, что «люди вначале использовали жесты, а затем развили устную коммуникацию на основе тесной связи звуков с жестами. Звуковой язык расширил возможности общения между людьми. Возникновение языка связано с обозначением звуковыми символами объектов и явлений, с которыми сталкивался человек. Первичный конкретный язык возникает благодаря деятельности левого полушария головного мозга, а абстрактный – правого. На мозг действуют различные сигналы, связанные с реальными явлениями. Мозг отбирает из них понятие, имеющееся в памяти, и образует символ, который в звуковой форме (языке) выпускается в среду» [15, с. 146–147].

¹Мудрые мысли. Афоризмы, которые изменят вашу жизнь / сост. П. Кошелев. СПб.: Азбука: Веды, 2010. 480 с. С. 369.

Таким образом, отправной точкой порождения текста является мозговая деятельность индивида, без которой невозможным было бы само существование человечества как сообщества разумных существ. Именно благодаря языку, речи и мышлению, способности создавать публицистические и литературные шедевры жизнь человека представляет цивилизованный социальный характер. Мышление и речь отличают человека из животного, биологического мира – как существо самостоятельное и мыслящее.

Текст (от лат. *textum* – «связь, соединение») – это:

- «последовательное расположение знаков, образующих единое семантически завершённое произведение» [11, с. 95];
- «сложное и разнохарактерное системное знаковое образование» [11, с. 99];
- самостоятельное авторское произведение, «выраженное с помощью определенной системы знаков» [6, с. 328];
- «информационное содержание документа, программы, сообщения» [6, с. 328];
- структурообразующий компонент средств массовой коммуникации;
- универсальный компонент (средство) публичного общения.

Текст в радиожурналистике – это специально созданное для передачи по радио журналистское произведение, имеющее устную, ораторскую форму выражения содержания; опирающееся, главным образом, на лексические средства книжного литературного языка, часто имитирующее живую непринуждённую разговорную речь; выражающееся в монологической или диалогической форме. Каждое отдельное произведение, прозвучавшее в эфире, можно назвать микротекстом программы.

Текст на радио можно понимать и в более широком ключе – как весь аудиоматериал, звучащий по радио: музыкальные позывные, джинглы (краткие логотипы радиопередачи или радиоканала), любые нежурналистские выступления (реклама, музыка, представление программы в эфире). Совокупность всех сюжетов и передач эфира конкретной программы (например, утреннего радиоканала, аналитического ток-шоу, беседы или радиожурнала) можно назвать макротекстом программы.

Г. С. Мельник и М. Н. Ким выделили основные функции журналистского текста: эвристическую (познавательная), аксиоло-

гическую, онтологическую, коммуникативную, семантическую, развлекательную [9, с. 99]. Названные функциональные, т. е. органически присущие журналистскому произведению характеристики, в полной мере можно отнести к тексту, предназначенному для звучания по радио.

Исследователи современных речевых практик массовой коммуникации пришли к мнению, что любой медиатекст, в том числе на радио, имеет речевую форму выражения. Поэтому на радио мы встречаемся со специфической формой воплощения текста, а именно – с радиоречью. В предыдущий период (1970–1990-е гг.) учёные рассматривали речевую проблематику на радио, изучая, прежде всего, комплекс его языковых факторов. Исследовались такие научные категории, как «язык радио» (С. И. Бернштейн) [1] и «стиль радиопередач» (М. В. Зарва) [5].

Однако речевая специфика радиокommunikации значительно шире только языкового круга вопросов. Это понимание привело исследователей к выводу, что в аудиовизуальных СМИ в целом (и на радио, и на телевидении) применяется разновидность устной публичной речи публицистического стиля. При этом надо отметить, что речь в электронных СМИ не является ни собственно разговорной, ни собственно письменной формой речи. Хотя и производит впечатлительные синтезы этих речевых форм.

Л. Р. Дускаева отмечает, что «из устного характера радио- и телевыступлений совсем не следует их отождествление с разговорной речью. Как продукт профессиональной журналистской деятельности, радио- и телеречь должны являться произведением осмысленного творчества, с продуманной системой средств воздействия, направленной на достижение запланированного результата, поэтому неправомерно рассматривать язык электронных СМИ разновидностью устной разговорной речи. <...> Используемые здесь средства разговорности служат задачам общепублицистического воздействия. Выступление максимально эффективно, если оно сочетает элементы заранее подготовленного письменного текста с устной формой его реализации» [3, с. 642–643].

Радиоречь (речь, звучащая по радио) – это комплексная система реализуемых посредством звуковых волн (звуков) вер-

бальных, музыкальных, шумовых средств, передаваемых на расстояние с помощью радиотехнического оборудования и сети проводного вещания. Эфирный текст, в отличие от газетно-журнального текста, приобретает яркое, явное и сильное речевое звучание, поскольку каналом его реализации является не периодическая печать, а радиозфир.

Речь можно понимать как психофизиологический феномен. Исследователи отмечают, что «в самой организации речи есть как полностью автоматизированные процессы, так и осознаваемые. Характер и степень осознания зависят от типа речи, уровня развития речевых умений говорящего, социальной ситуации. <...> Говорящим осознаётся содержание речи, иногда осознаётся словесная структура, грамматика, может осознаваться даже звуковая сторона речи, которая, казалось бы, наиболее автоматизирована» [13, с. 27].

Основное свойство используемой на радио речи – публицистичность, она включает, прежде всего, диалогичность, а также устный характер и социальную направленность выступления, ориентированность на конкретную аудиторию. Диалогичность связана с направленностью на адресата и стремлением взаимодействовать с ним, причём это взаимодействие может происходить «с предполагаемыми смысловыми позициями» слушателей. Выступающий должен предугадать реакцию аудитории и суметь ответить на неё. Участникам диалога в эфире необходимо предвидеть различные точки зрения на проблему, аргументируя собственную. Л. Р. Дускаева отмечает, что диалогичности речи способствуют вопросно-ответные комплексы, прямая и косвенная адресованность, побуждения к ментальным и конкретным физическим действиям, использование «мы-конструкций», указывающих на двусторонность коммуникации [3, с. 644].

Диалогичность – свойство любого канала массовой коммуникации, но именно на радио она усиливается признаками естественного живого общения, формирующего ткань акустического образа журналиста и героев его передачи. Вымышленной искусственной интонацией и неискренностью поведения у микрофона обмануть слушателя нельзя. Динамики радиоприёмника всегда раскроют фальшивость настроения неис-

кренного человека, его раздражительность, досаду, обиду, злость, ненависть. Радио со всей откровенностью передаёт слушателю психологическое состояние участников программы, включённых в диалог, – с помощью отражения их культуры речи, этики поведения у микрофона, интонации, темпа и тембра речи.

Как одна из основных тенденций радиожурналистики, диалогичность свидетельствует, что процесс общения посредством радиовещания является живым, динамичным, ориентированным на цельное отражение окружающей действительности: «Радиовещание распахивает двери аудитории в полифонию звучащего мира, отбирая, организуя, укрупняя его фрагменты, находя взаимосвязи и возвращая их аудитории. Авизуальная сущность этого коммуникативного канала, которая является его основным ограничителем в процессе социального общения, значительно активизирует слуховое восприятие, включает воображение и даёт мощный толчок зрительным образам» [2, с. 10].

Диалог как сущностная, неотъемлемая часть любой коммуникативной деятельности пронизывает все сферы массовой коммуникации. Мастерство поддержания диалога в эфире целиком и полностью зависит от радиожурналиста, от того, насколько уверенно держит он бразды эфира. Поэтому важно бережно относиться к программе: заранее подготовить вопросы для интервью, продумать его структуру, проверить, хватит ли времени и сюжетов для заполнения эфира непрерывным вещанием. Непосредственный диалог в эфире рождает опосредованную – психологическую реакцию аудитории на звучащую передачу. В зависимости от степени успешности программы слушатель остаётся у приёмника, или выключает его, или переключает на другой канал.

Нельзя понимать радиоречь как некое хаотическое скопление вербальных компонентов и мыслей автора произведения. Особенность вербальной радиокommunikации заключается в том, что она совмещает в себе разноплановые компоненты речевого общения: устная и письменная речь сочетаются, активно применяется интонация, выступлениям характерны сочетание логики и эмоциональности.

Интонация имеет значение для всех вербальных выступлений и жанров радиожур-

налистики, одно из центральных мест она занимает в жанре радиорепортажа – наиболее динамичного, открытого и детерминированного авторским подходом, открытой композицией и нетривиальной концепцией раскрытия творческой задачи. На радио интонация выполняет акцентную, выделительную функцию в произнесении устного текста, раскрывает самое главное, самое существенное, что журналист хотел бы донести до массовой аудитории. К. Ю. Новиков отмечает: «Репортёр должен научиться следить за интонацией, соблюдать логические ударения, логические паузы. Желательно не допускать такой интонации, благодаря которой одна и та же фраза может быть двояко истолкована» [10, с. 52]. Интонация помогает журналисту раскрыть отношение к происходящему и дать её оценку. Слушатель воспринимает интонацию как внутреннее состояние выступающего, его искренность или неискренность.

Выразительность радиоречи зависит от нескольких критериев [12, с. 642–643]:

– дикция – отчётливое произнесение слов и слогов (наличие хорошей дикции, т. е. ясное для слушателей проговаривание текста – залог коммуникативного успеха журналиста);

– звучность – напряжение голоса (расслабленность, нетренированность голосовых связок не даёт возможность быть услышанным аудиторией, но и перенапряжение вредно сказывается на восприятии речи, поэтому нужна «золотая середина» – достаточно тренированный голос);

– темп – скорость речи (для информационного вещания рекомендуется произносить три слова в секунду, обычный темп речи составляет примерно 110 слов в минуту, большее их количество может превращаться в скороговорку и быть непонятным слушателю);

– высота – тональность голоса (её монотонность или немонотонность, монотонная речь противопоказана для выступлений по радио и телевидению, вызывает психологическое отторжение аудитории);

– тембр – окраска голоса (напряжённость мышц горла, работа челюсти, подвижность языка, губ и мягкого нёба, за тембр отвечают голосовые связки);

– артикуляция – правильное и отчётливое произношение звуков и их комбинаций (за артикуляцию отвечают активные органы

произношения – язык и губы и пассивные органы произношения – зубы, дёсны, мягкое и твёрдое нёбо).

Речь на радио (тактика речевого поведения) характеризуется следующими признаками:

- имитация в большинстве радиовыступлений разговорного стиля – квазиразговорность;
- диалогичность речевого поведения;
- общая приверженность, за некоторыми исключениями, нормам и этике речевого поведения;
- динамичный для восприятия аудиторией темп и ритм воспроизводства текста в эфире;
- соответствующая содержанию и смыслу радиосообщений мелодика высказываний (повышающаяся или понижающаяся);
- активная суггестия – чередование в тексте радиовыступления эмоциональных (экспрессивных) и стандартных (логических) средств воздействия на аудиторию;
- постоянное мировоззренческое (идеологическое) воздействие программ любого радиоканала на аудиторию, независимо от формы собственности вещателя, его информационной политики и содержания передач.

В публицистической речи по радио факты, как правило, всегда выражены с помощью образных и выразительных средств. Благодаря этой особенности аудитория радио окунается в ощущения и настроения автора журналистского произведения, становится участником речевого эфирного взаимодействия, способна реагировать на происходящее у микрофона. Так проявляется уникальность и универсальность особого типа современной вербальной коммуникации – радиопублицистики.

Для публицистического стиля радиокommunikации характерны, прежде всего, информационная и воздействующая функции. При этом воздействующая способность имеет доминирующее значение. Выразительность (экспрессия) радиопублицистики реализуется разными методами. В одном случае экспрессия достигается с помощью полемичности (проблемное интервью, аналитическая корреспонденция, комментарий, обозрение). В другом случае – благодаря максимально сдержанному, строгому информированию (информационное сообщение, хроника, выпуск новостей). В тре-

тьем случае – посредством непринуждённого диалога (беседа, круглый стол, дискуссия).

В зависимости от жанровых характеристик сообщений публицистичность речи на радио дифференцирована. Информационные передачи ориентированы на объективное логическое отражение действительности, речь в них строго структурирована, ей свойственна конкретность и экономия лексических средств – это связано с необходимостью в одном сообщении за малое количество времени дать наибольшее количество информации. Аналитические передачи включают исследование, комментирование актуального вопроса, проблемы, могут представлять дискуссию, что предполагает активное применение выразительных возможностей, оценок сообщаемого. Наивысшей степенью публицистичности обладают авторские передачи с явно выраженным публицистическим началом, экспрессивностью, самобытностью и яркостью речи. Эти программы ориентированы, как правило, на интеллектуально развитого, пристрастного и предвзятого слушателя, которому интересно «путешествовать» по лабиринтам размышлений публициста и, выслушав его, согласиться или не согласиться с его точкой зрения.

Не случайно именно публицистика считается высшей ступенью журналистского творчества. Публицистика многогранна, глубинна, затрагивает актуальнейшие вопросы нравственного бытия человека в ключевых сферах деятельности: политике, экономике, культуре. Публицистика – очень хрупкая субстанция, та часть публичного общения, которая формирует стержень, скелет невидимого понимания и расшифровывания окружающего мира. Она многогранна, не следует общественной моде и конъюнктуре, часто надрытна и нервозна, заставляет человека задавать самому себе неудобные и нелицеприятные вопросы о смысле его существования и о том, как он живёт, как реагирует на острые и злободневные проблемы. Собственно публицистический тип общения – очень редкий, «штучный» вид радиопередач и коммуникативной деятельности. Их мало и, как правило, они не имеют высоких рейтингов, но всегда запоминаются, врезаются в сознание и память аудитории.

Стремительные изменения в современном социуме и эфире радиостанций ведут к трансформациям радиожурналистики, меняют ее. Количественный рост современных радиостанций вызывает необходимость пристального исследования качества их вещания, мотивов и методов общения с радиослушателями.

Радиовещание меняется, как меняется жизнь вокруг нас. Во многих случаях поведение радиожурналистов и диджеев на отечественном радио становится свободнее, непринужденнее, часто легковеснее, бесшабашнее, чем в прежние подцензурные времена. Мода отдельных эфирных «звезд» на скандал, эмоцию, вызывающее поведение и настроение у микрофона – привлека-

тельная, но недолговечная, временная. Для аудитории и для журналистского сообщества актуальными остаются непреложные принципы: трудолюбие, социальная ответственность, профессиональная честь.

Речь человека – это зеркало его души, отражение его мыслей. Работнику любого СМИ, и особенно его аудиовизуального сектора, важно не только тонко чувствовать конъюнктуру мимолетных, «быстрых» запросов аудитории, но и понимать, что каждое выступление в массовой коммуникации формирует его профессиональную культуру, общественную и профессиональную репутацию, сказывается на дальнейшем жизненном пути, влияет на развитие журналистской карьеры.

Список литературы

1. Бернштейн С. И. Язык радио. М.: Наука, 1977. 47 с.
2. Васильева Т. В., Осинский В. Г., Петров Г. Н. Курс радиотелевизионной журналистики. СПб.: Спец. лит., 2004. 288 с.
3. Дускаева Л. Р. Язык и стиль электронных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
4. Егоров В. В. На пути к информационному обществу. М.: Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2006. 192 с.
5. Зарва М. В. Слово в эфире: о языке и стиле радиопередач. 2-е изд. перераб. М.: Искусство, 1977. 179 с.
6. Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: англ.-рус. толковый слов. концепций и терминов (XXI век: информация и общество). М.: МГУ, 2004. 416 с.
7. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 309 с.
8. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 318 с.
9. Мельник Г. С., Ким М. Н. Методы журналистики. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2006. 272 с.
10. Новиков К. Ю. Радиорепортёр и радиорепортаж в XXI веке. История и трансформация жанра, перспективы профессии. М.: Изд-во ВК, 2005. 88 с.
11. Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание: СПбИВЭСЭП, 2000. 272 с.
12. Русский язык и культура речи / под ред. В. И. Максимова. М.: Гардарики, 2001. 413 с.
13. Современный русский язык / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
14. Смирнов В. В. Жанры радиожурналистики. М.: Аспект Пресс, 2002. 288 с.
15. Яковлев И. П. Основы теорий коммуникаций. СПб.: Ин-т управления и экономики, 2001. 230 с.

References

1. Bernshtein S. I. Yazyk radio. M.: Nauka, 1977. 47 s.
2. Vasil'eva T. V., Osinskii V. G., Petrov G. N. Kurs radiotelevizionnoi zhurnalistiki. SPb.: Spets. lit., 2004. 288 s.
3. Duskaeva L. R. Yazyk i stil' elektronnykh SMI // Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoi. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta: Nauka, 2006. 696 s.
4. Egorov V. V. Na puti k informatsionnomu obshchestvu. M.: In-t povysheniya kvalifikatsii rabotnikov televideniya i radioveshchaniya, 2006. 192 s.
5. Zarva M. V. Slovo v efire: o yazyke i stile radioperedach. 2-e izd. pererab. M.: Iskus-stvo, 1977. 179 s.
6. Zemlyanova L. M. Kommunikativistika i sredstva informatsii: angl.-rus. tolkovyi slov. kontseptsii i terminov (XXI vek: informatsiya i obshchestvo). M.: MGU, 2004. 416 s.
7. Kasevich V. B. Semantika. Sintaksis. Morfologiya. M.: Nauka, 1988. 309 s.
8. Korokonosenko S. G. Osnovy zhurnalistiki. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Aspekt Press, 2009. 318 s.
9. Mel'nik G. S., Kim M. N. Metody zhurnalistiki. SPb.: Izd-vo V. A. Mikhailova, 2006. 272 s.
10. Novikov K. Yu. Radioreporter i radioreportazh v XXI veke. Istoriya i transformatsiya zhanra, perspektivy professii. M.: Izd-vo VK, 2005. 88 s.
11. Osnovy tvorcheskoi deyatel'nosti zhurnalista / red.-sost. S. G. Korokonosenko. SPb.: Znanie: SPbIVESEP, 2000. 272 s.
12. Russkii yazyk i kul'tura rechi / pod red. V. I. Maksimova. M.: Gardariki, 2001. 413 s.
13. Sovremennyy russkii yazyk / pod red. L. R. Duskaevoi. SPb.: Piter, 2014. 352 s.
14. Smirnov V. V. Zhanry radiozhurnalistiki. M.: Aspekt Press, 2002. 288 s.
15. Yakovlev I. P. Osnovy teorii kommunikatsii. SPb.: In-t upravleniya i ekonomiki, 2001. 230 s.

УДК 070:454.17
ББК Ч603.247.12

Лидия Камилловна Лободенко,
кандидат педагогических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет
(454080, Россия, г. Челябинск, пр-т им. В. И. Ленина, 76),
e-mail: lobodenko74@mail.ru

Особенности развития концепции и медиатекста сайта регионального телеканала

В статье рассматриваются особенности развития концепции и медиатекста сайта регионального интернет-СМИ. Автор выделяет ключевые критерии оценки интернет-сайта СМИ: содержание, визуальное оформление (дизайн), организационные решения, удобство использования и интерактивность. Выделенные критерии и анализ сайтов ведущих региональных масс-медиа позволил автору разработать концепцию интернет-СМИ. Стратегия функционирования регионального интернет-СМИ, с одной стороны, опирается на существующие концепции традиционных масс-медиа, а с другой – развивается с учётом специфики современного уровня сетевых информационно-коммуникативных технологий. В ходе исследования интернет-СМИ региона было установлено, что в своём содержании они базируются на концепции современного периодического издания (газеты, журнала) и включают такие компонентные модели, как содержательная, оформительская (дизайнерская) и организационная. Автор подчёркивает, что в интернет-пространстве СМИ приобретают такие свойства, как интерактивность, гипертекстуальность и мультимедийность, которые позволяют осуществить дальнейшее развитие их концепции и включить в её состав дополнительно коммуникативную и сервисную компонентные модели. При этом структурные элементы медиатекста рассматривается как основа формирования концепции интернет-СМИ. В качестве базы исследования используются региональное интернет-средство Челябинской области (www.1obl.ru) медиахолдинга «ОТВ» («Областное телевидение»).

Ключевые слова: журналистика, региональное интернет-СМИ, концепция интернет-СМИ, медиатекст, медиаконтент.

Lidia Kamilovna Lobodenko,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
South Ural State University
(76 Lenin avenue, Chelyabinsk, Russia, 454080),
e-mail: lobodenko74@mail.ru

Peculiarities of Conception and Media-Text Development of the Regional TV Channel Site

The article deals with the peculiarities of development of regional web-based media sites. The author reveals the key criteria for evaluation of a web-based media site: the content, visual design, organizational decisions, friendly interface and usability, interactivity. The identified criteria and analysis of mainstream regional media allow the author to develop the conception of web-based media.

Furthermore, the author believes that on the one hand the strategy of the regional web-based medium performance is based upon current conceptions of traditional mass media; on the other hand it develops in accordance with specific features of up-to-date network information-communication technologies.

While conducting the research of regional web-based media it has been discovered that their content is focused on the conception of the modern periodical (a newspaper or a magazine) which incorporates such component models as that of a conceptual, design and organizational ones. The author emphasizes that web-based media acquire such properties as interactivity, hyper-textuality, and multi-mediality which make it possible to realize the further conception development and integrate such component models as communication and service ones. Media text is the basis for the formation of the concept of online media. The regional web-based medium of Chelyabinsk region (the site www.1obl.ru) of the media holding company "ОТВ" – is used as a basis for research.

Keywords: journalism, regional web-based media, web-based media conception, media-text, media content.

В настоящее время в России и за рубежом с каждым днём растёт количество СМИ, имеющих собственное веб-представительство в виде сайта. Причём большинство руко-

водителей масс-медиа уделяют серьёзное внимание качеству информационного наполнения и визуальной привлекательности сайтов. Этому способствуют такие преиму-

щества веб-сайта, как относительно низкая стоимость, огромная потенциальная аудитория, информационная мобильность, возможность размещения больших объёмов информации в различных форматах (текст, графика, видео- и аудио материалы) и интеграции всех информационных потоков на главной странице интернет-СМИ. Тем не менее, до сих пор сохраняется ситуация, когда у сильного, с точки зрения основных медиапоказателей традиционного СМИ (рейтинг, охват аудитории), функционирует малопривлекательный и плохо обновляемый сайт, а медиатексты не соответствуют современным потребностям целевой аудитории. Несмотря на то, что в последние годы проводятся исследования сайтов СМИ, в прессе явно недостаточно публикаций, посвящённых анализу концепции регионального интернет-СМИ и особенностей развития медиатекстов. Многообразие типов медиатекстов, функционирующих в системе интернет-пространства, диктует необходимость исследования не только специфики их содержания, жанровых особенностей, но и составляющих. Целью нашего исследования является рассмотрение особенностей развития концепции регионального интернет-СМИ и структуры медиатекста как её основы.

Очевидно, что в силу различия самих СМИ сайты масс-медиа также могут существенно отличаться по своему содержанию и предназначению. Однако, основываясь на анализе целого ряда сайтов ведущих региональных СМИ Челябинской области, можно прийти к выводу, что основными задачами их создания являются:

- предоставление целевой аудитории оперативной и социально значимой информации о жизнедеятельности общества и региона;

- формирование позитивного имиджа СМИ как «поставщика» качественного медиаконтента, как перспективного партнёра для совместных информационных и коммуникационных проектов;

- обеспечение доступа целевой аудитории к информационным ресурсам, необходимым для удовлетворения различных информационных потребностей;

- обеспечение обратной связи с пользователями и исследование предпочтений постоянных и потенциальных пользователей.

Для анализа сайта, с точки зрения его соответствия поставленным задачам, можно, по мнению автора, применить следующие критерии:

- 1) организационные решения – группа критериев экономико-управленческого и маркетингового характера, обеспечивающих эффективное функционирование сайта. Эти критерии в основном носят закрытый от пользователя характер;

- 2) содержание – информационное наполнение сайта, включающее качественный и интересный медиаконтент, а также медиатексты, привлекающие внимание посетителей, соответствующие тематике и запросам аудитории;

- 3) визуальное оформление (дизайн) – характеристика его внешнего вида. Дизайн предназначен для повышения эстетической ценности сайта и обязан подчёркивать значимость информации, представляемой в медиатекстах. Оформление сайта должно соответствовать фирменному стилю компании, предполагать композиционную сбалансированность макетов страниц, грамотное сочетание цветов и шрифтов, читабельность текста и т. д.;

- 4) удобство использования сайта (от англ. *usability* – «возможность использования», «полезность»). Ключевыми признаками эффективности и организованности сайта являются хорошо продуманная структура и понятная навигация, дополнительно выполняемые сервисные функции;

- 5) интерактивность (диалоговые возможности) характеризует степень взаимодействия с пользователем. Данный критерий предполагает оценку набора средств, обеспечивающих возможность двустороннего обмена информацией с пользователем.

Выделенные критерии и анализ региональных масс-медиа Челябинской области позволили разработать концепцию интернет-СМИ. При этом стратегия функционирования регионального интернет-СМИ, по мнению автора, опирается на существующие концепции традиционных масс-медиа и развивается с учётом специфики современного уровня сетевых информационно-коммуникативных технологий. В ходе исследования интернет-СМИ региона было установлено, что в содержании идёт акцент на концепцию современного периодического издания (газета, журнал), теоретически обоснованную И. М. Дзялошинским [1, с. 7]. Се-

тивные информационно-коммуникативные технологии включают содержательную, оформительскую (дизайнерская) и организационную компонентные модели. Однако в Интернете СМИ обретают свойства интерактивности, гипертекстуальности и мультимедийности, а это, на наш взгляд, позволяет осуществить дальнейшее развитие концепции и дополнительно включить коммуникативную и сервисную компонентные модели. Формирование СМИ в Интернете влечёт за собой различные изменения: подходов к редакционной политике; принципов работы с аудиторией и источниками финансирования, управления редакционным коллективом; методики оценки эффективности деятельности редакции. При этом для полноценного функционирования интернет-СМИ его концепция должна формироваться с учётом многих факторов (цели и задачи издания, типологическая специфика, особенности аудитории и др.). Её составят следующие компонентные модели:

1) организационная – это система подходов и технологий, обеспечивающих медиапредприятию достижение экономических, организационно-управленческих, маркетинговых целей и направленных на достижение положительного финансового результата;

2) содержательная – определяется типом-видовым и проблемно-тематическим характером СМИ, регионом распространения, социально-демографическим составом пользователей, жанровой палитрой и лексико-стилистическими особенностями медиатекстов;

3) оформительская (дизайнерская) – представляет собой «систему принципов художественно-технического оформления (структура номера; композиционные решения; графическое исполнение)» [1, с. 49];

4) сервисная – направлена на многоаспектное удовлетворение информационных потребностей пользователей интернет-СМИ и включает: формирование архива материалов; систему навигации, обеспечивающую различные виды поиска в медиаконтенте; подключение дополнительных сервисов и услуг (например, RSS-рассылка, оплата контента и т. д.) и др.;

5) коммуникативная – построена на принципах активного вовлечения аудитории в процесс создания медиаконтента и реализации двусторонней модели социального взаимодействия при обсуждении проблем, обозначенных в медиатекстах.

На основе представленной концепции в данной статье был проведён анализ сайта *www.1obl.ru*, входящего в состав медиахолдинга «ОТВ» (Государственное предприятие Челябинской области «ОТВ») [4]. Выбор данного интернет-средства является не случайным, т. к. оно выступает в качестве политематического интернет-ресурса и освещает события, происходящие в Челябинской области или на Южном Урале (часто употребляемое название области). Грамотная концепция сайта медиахолдинга «ОТВ» позволяет данному масс-медиа занимать первое место в рейтинге Челябинской области по данным Liveinternet [6] (см. табл. 1). Так количество посетителей за месяц в среднем составляет 308 504 чел., а ядро аудитории – 5 858 пользователей в день. При этом сайт *www.1obl.ru* по данным информационно-аналитической системы «Медиалогия» [8], имеет достаточно высокий индекс цитируемости – 159,61 (см. табл. 2). Перейдём к анализу сайта медиахолдинга «ОТВ» в соответствии с предложенной выше концепцией.

Таблица 1

Рейтинг интернет-СМИ Челябинской области (период с 11.10.2014 по 11.11.2014) [6]

№ п/п	Интернет-медиа	Доля посетителей из Челябинска	Количество посетителей
1	www.1obl.ru – Новости Челябинска и Челябинской области	93 %	308 504
2	Информационно-аналитический портал «Челябинск сегодня»	96 %	53 148
3	Сайт Челябинской области	93 %	34 132
4	Информационное агентство UralDaily.ru \ г. Челябинск	89 %	30 100
5	Информационный портал газеты «Метро-Челябинск»	88 %	7 064

Исследование организационной модели показало, что ГПЧО «ОТВ» было создано в 2002 г. в соответствии с «Областной целевой программой создания областного телевизионного канала и совершенствования муниципального телевидения в Челябинской области на 2002–2004 годы» [1, с. 44]. Телеканал был организован как средство массовой информации Правительства Челябинской области. Он начал вещание в ноябре 2003 года под названием «Област-

ной канал». С 22 августа 2005 года компания сменила название с «Областного канала» на «ОТВ» («Областное телевидение»). Телеканал «ОТВ» получает информационные материалы от 24 телерадиокомпаний Челябинской области. Организовано вещание в 50 населённых пунктах Челябинской области. Осуществление передачи сигнала происходит через сеть собственных и привлечённых передатчиков, а также кабельную сеть.

Таблица 2

Челябинская область: рейтинг СМИ за III квартал 2014 г. (период с 01.07.2014 по 30.09.2014) [8]

ТОП-20 самых цитируемых СМИ Челябинской области				
№ п/п	Перемещение	СМИ	Категория	Индекс цитируемости
1	+1	Chelyabinsk.ru	Интернет	208,63
2	-1	АН Доступ	Информагентство	200,22
3	0	1obl.ru	Интернет	159,61
4	0	Zlatoust74.ru	Интернет	113,49
5	+2	Hornews.ru	Интернет	60,05

Сегодня медиахолдинг «ОТВ» объединяет Челябинскую область в единое информационно-коммуникативное пространство, позволяя всем жителям региона быть в курсе текущих событий. Совместное развитие информационных площадок медиахолдинга (телеканала «ОТВ», интернет-издания *www.1obl.ru* и радиостанций медиахолдинга – «Business FM-Челябинск», «Вести FM-Челябинск», «Ретро FM», «Радио ОТВ», «Радио Дача») происходит целенаправленно. В конвергентной редакции осуществляется создание материалов для разных СМИ – телевидения, радиостудии и интернет-сайта. Успешному решению данной задачи способствует структура медиахолдинга, которая включает следующие подразделения: производственную служ-

бу; телевизионную службу; службу радиовещания; службу интернет-издания; отдел управления персоналом и социальной политики; отдел стратегического развития и контроля; коммерческую службу; службу продвижения и PR и др. [4]. При этом численность работников составляет 130 чел., а финансирование деятельности компании осуществляется за счёт государственного заказа – субсидии в размере 80 % от объёма затрат [3]. Средний объём собственного вещания составляет 6 ч в сутки.

Редакционная политика медиахолдинга строится в соответствии со спецификой целевой аудитории. В настоящее время совокупная аудитория «ОТВ» составляет 87 % от населения Челябинской области, т. е. более 3,5 млн чел.

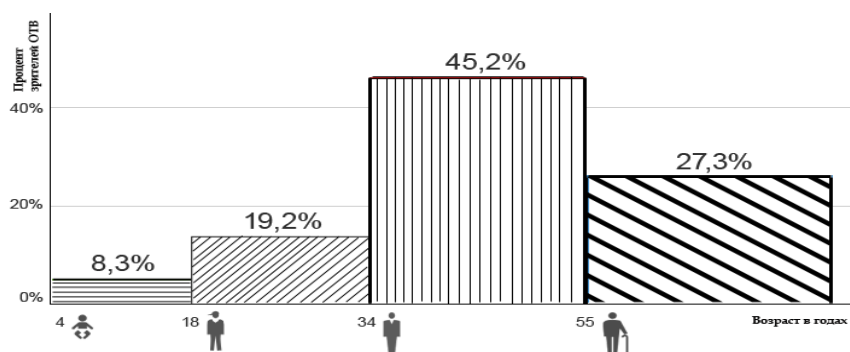

Рис. Аудитория «ОТВ» (по данным TNS Gallup Media) [4]

Анализ состава аудитории (см. рис.) показывает, что пользователи распределяются по возрасту следующим образом: 4–17 лет – 8,3 %; 18–33 года – 19,2 %; 34–54 года – 45,2 %; 55+ – 27,3 %. Соотношение женской и мужской аудитории медиацентра – один к одному (50/50). Ядром аудитории являются люди старше 34 лет со средним и высшим образованием. При этом самый активный сегмент потребителей новостного содержания находится в возрастной категории 34–54 лет (45,2 % от общей аудитории), это деловые, трудоустроенные люди, которые отдают предпочтение информационным выпускам «ОТВ» именно в прайм-тайм. Чуть меньше процент от общей аудитории составляет возрастная категория 55+ лет (27,3 %), т. е. люди зрелые, со сформированным мировоззрением и четкой точкой зрения. Молодые люди в возрасте от 18 до 33 лет обращаются к новостным ресурсам медиахолдинга «ОТВ» чуть реже (19,2 %), но тем не менее регулярно. Это тот сегмент, что обладает самой активной гражданской позицией и социальной инициативностью.

В 2009 г. закономерным продолжением информационной политики медиахолдинга «ОТВ» стало создание собственного интернет-СМИ – *www.1obl.ru*, – которое сразу начинает действовать как самостоятельное массмедиа (свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77–38704 от 23.01.2010 г., выдано Роскомнадзором РФ). Данный сайт предлагает потребителю быструю доставку актуальной информации. ВидеонОВОСТИ появляются на сайте *www.1obl.ru* значительно раньше, чем в эфире ТВ. Ежедневно на сайт выкладываются до 40 свежих новостей о жизни Челябинска, Челябинской области и соседних регионов.

Исследование рекламной политики сайта показало, что она не носит агрессивный характер. Как положительный момент необходимо отметить небольшое количество медийной рекламы на сайте. Например, фоновая реклама носит статичный характер и размещается на всех страницах в шапке сайта (баскетбольный клуб «Динамо» г. Челябинск). В свою очередь, динамичные флеш-баннеры размещаются справа в нижней части сайта и обеспечивают переход на сайт рекламодателей (Международный чемпионат по тхэквондо, ГК «ДНК

Клиника» и др.). В то же время отсутствие большого количества рекламы на сайте влияет на приток финансовых средств.

Анализ сайта, с точки зрения содержательной модели, показал, что *www.1obl.ru* – профессиональное интернет-СМИ с оригинальной информационной политикой и собственным программированием, ориентированное на интересы жителей Челябинской области. В структуру информационного сайта «Первый областной» интегрировано вещание телеканала «ОТВ». При этом собственные корреспонденты телеканала создают более 15 уникальных авторских программ ежемесячно, среди них информационные, аналитические и публицистические. Они отражают все аспекты жизни региона – медицину, образование, экономику, политику, спорт и др. Новостные выпуски выстраиваются по принципу панорамы, которая включает и широкий географический охват населенных пунктов области, и разнообразие информационных поводов. Сторонний медиаконтент составляют художественные и документальные фильмы, различные телешоу и сериалы.

Тематическая структура отражена в рубриках сайта. Интернет позволяет наглядно представить информацию и отразить её иерархию. Оптимально организованная рубрикация влияет на глубину просмотра, длину сессии, время, проведенное на сайте, а значит, формирует лояльность аудитории и поддерживает бизнес-модель издания [2, с. 245].

Основу содержательной модели сайта *www.1obl.ru* составляет главное и вспомогательное меню. Основным направлением развития сайта стала лента новостей, отражаемая в главном меню и включающая медиатексты, сформированные в следующие тематические разделы: «Происшествия», «Политика», «Общество», «Интересное», «Бизнес», «Хоккей», «Спорт», «Культура», «Обзоры», «Мировые новости», «Южный Урал», «Совет Федерации». Презентации данных разделов отводится центральная часть страницы. При этом главная страница сайта включает новостные публикации, которые разбиваются на несколько частей: 1) «Главные новости Челябинской области – “Первый областной”» – это анонс четырёх главных новостей; 2) «Новости онлайн» – это новости текущего дня, которые делятся по разделам (более 20 анонсов

публикаций); 3) «Популярные новости» – это новости, наиболее заинтересовавшие пользователей.

Необходимо отметить, что интернет-СМИ как средство массовой коммуникации формирует новые требования к созданию медиатекстов. Медиатексты интернет-СМИ являются специфическими лингвизуальными феноменами и состоят из разных семиотических систем, соединяющих вербальную и невербальную части. В теории современной лингвистики данные тексты получили название креолизованных. Под креолизованными текстами следует понимать тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [2, с. 180]. Креолизованный медиатекст можно рассматривать как сложное образование, включающее как единицу естественного языка – базовый текст, так и другие знаковые системы (графические, цветовые, звуковые, аудиовизуальные и т. д.), в комплексе образующие функционально и визуальное единое целое.

Медиатексты сайта «Первый областной» являются креолизованными, они имеют краткую и развернутую форму представления. Для краткого анонса сообщения обязательно приводится фото- или видеоматериал, заголовок, дата и время публикации. На иллюстрации, сопровождающей новость, в левом верхнем углу указывается название раздела, к которому эта новость относится. В свою очередь, развернутая форма медиатекста включает следующие структурные элементы: заголовок, подзаголовок, лид-абзац; ключевые слова (для организации тематического поиска); дату и время публикации; фото-, видеоматериалы, инфографику, слайд-шоу; основной текст с гиперссылками; ссылку на персональную страницу автора публикации; интерактивные элементы (возможность обсудить новость на форуме или «поделиться» ею в социальных сетях); дополнительный анонс публикаций по данной теме.

Особое значение в условиях современного интернет-пространства приобретает изучение специфики создания базового текста. Это связано с тем, что меняется характер чтения информации в направлении «беглого просмотра» и «выхватывания»

главной идеи. Соответственно, текст, предназначенный для размещения в интернет-СМИ, адаптируется для системы быстрого просмотра или развернутого чтения в зависимости от предпочтений аудитории.

Процесс написания базового текста для интернет-СМИ предполагает процесс «сжатия» текста и одновременного максимального сохранения информативной составляющей, структурирование содержания, акцентирование внимания на значимых моментах. При этом особое значение уделяется таким приемам, как принцип «перевернутой пирамиды», когда текст начинается с вывода; построение структуры текста по принципу «от общего к частному» или «от простого к сложному»; особое строение абзацев (концентрируется только одна идея); упрощение синтаксиса с целью более легкого восприятия смысла передаваемого содержания; тщательная работа с лексикой и пояснение специальных терминов; выделение ключевых слов; стилистическое единообразие каждого текста и сайта в целом; постановка акцентов с помощью элементов форматирования текста.

Также значимым элементом медиатекста становится разработка логической системы ссылок. Как показал анализ сайта *www.1obl.ru*, гиперссылки носят информационный характер, и их количество внутри медиатекстов небольшое (две-три). Например, в статье «На южноуральца завели уголовное дело за ловлю рыбы в озере» (23.11.2014 г.) дается гиперссылка на слово «штраф», и при нажатии появляется список публикаций по данной теме [5].

Все перечисленные элементы медиатекста направлены на то, чтобы адресат ознакомился с предлагаемой информацией в полном объеме и используются в качестве основы для создания различных компонентных моделей концепции интернет-СМИ.

Сайт *www.1obl.ru* имеет не только ленту новостей, в которую входят медиатексты, созданные специально для Интернета, но и раздел «Телепередачи»¹, содержащий тематические подгруппы видеоматериалов, вышедших в эфире телеканала «ОТВ», среди них:

¹ Телепередачи: раздел сайта «ОТВ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1obl.ru/tv/> (дата обращения: 03.01.2015).

– телепроект «Весь хоккей» – это программа о хоккее, рассказывающая о командах Челябинской области: «Трактор», «Белые медведи» и «Челмет»;

– тележурнал «Время здоровья», состоящий из нескольких сюжетов-рубрик и включающий: рассказ о новейших методах диагностики, советы ведущих специалистов Челябинской области по лечению и профилактике хронических заболеваний, «домашние» рецепты профилактики сезонных заболеваний и т. д.;

– специальный проект «Все чудеса Урала», созданный 6 лет назад, как ответ «Всероссийскому списку чудес». В рамках данной телепередачи зрители знакомятся с самыми разными природными и рукотворными чудесами области, уникальными туристическими маршрутами;

– программа-расследование «Дело особой важности», в рамках которой вместе с ведущим зритель погружается в обстоятельства и подробности конкретного уголовного преступления, следит за тем, как ведётся следствие;

– ток-шоу «Есть вопрос», в котором в доступной и понятной форме обсуждаются социально значимые вопросы (проблемы экологии, работы коммунальных служб, строительство дорог и объектов социальной сферы);

– телепередача «Зарядка +» – это программа о том, как в обычных домашних условиях можно добиться хороших спортивных результатов. Опытные инструкторы известных фитнес-клубов Челябинска представляют различные комплексы упражнений, а специалисты медицинских центров и салонов красоты делятся своими рецептами по здоровому питанию, фитотерапии и косметологии;

– программа «Наш сад» – это проект для тех, кто увлекается садоводством, ландшафтным дизайном, цветоводством и растениеводством. На программе проводятся мастер-классы, предлагаются самые новые идеи, лучшие сорта любимых овощей и фруктов;

– «Что купить?» – это пособие для покупателей. Структура телепередачи включает две части: первая содержит полную информацию о составе ингредиентов и пользе конкретного продукта, о том, как в домашних условиях определить качество продук-

та; во второй части программы осуществляется подведение итогов в виде заметок в записной книжке покупателя и др.

Таким образом, как показал анализ содержания, телепередачи, создаваемые специалистами телеканала «ОТВ», нацелены на реализацию идеи, что интересно для потребителя, т. к. представленную информацию (в области медицины, отдыха и туризма, спорта и т. д.) он может использовать для удовлетворения различных информационных потребностей.

Что касается анализа жанровой палитры медиатекстов тематических разделов сайтов, то среди публикуемых материалов преобладает жанр информационной заметки. Именно новостные заметки определяют основную долю посещаемости сайта. Однако на сайте присутствуют и более сложные жанры, относящиеся к аналитическим и художественно-публицистическим жанрам (интервью, обзоры, репортажи, аналитические статьи, журналистские расследования, очерки и т. д.).

В целом необходимо отметить, что содержательная модель данного сайта интегрирует, с одной стороны, медиатексты, посвящённые проблемам региональной и государственной власти, экономики, культуры и спорта, а с другой – включает большое количество материалов, «оживляющих» медиаконтент (например, онлайн-трансляции хоккейных матчей, фоторепортажи и т. д.).

Данное интернет-СМИ содержит достаточно интересную сервисную модель, включающую несколько направлений. Значимым направлением является обеспечение потребителя возможностью максимально оперативного и комфортного использования медиаконтента и медиатекстов. Среди таких возможностей можно выделить: систему навигации по разделам проекта; формирование поискового запроса по различным темам в окне «Поиск»; архив новостей за период с 2010 г. по 2015 г. в формате календаря. Также пользователь может выбрать форму представления контента, например: через регистрацию в поле «Подписаться», которое обеспечивает подписку на новости; трансляцию материалов для пользователей iOS (iPhone, iPad); просмотр телевидения в разделе «Эфир ОТВ» с программой телепередач; онлайн-трансляции хоккейных матчей. Особый интерес представляет рубрика «Кино», содержащая ре-

кламу художественных фильмов, сериалов, музыкальных передач, документальных и реалити-шоу.

Из составляющих стандартного сервиса на сайте представлена самопрезентация компании в виде вспомогательного меню, в которое входят разделы «Медиахолдинг ОТВ», «Вакансии ОТВ», «Сотрудничество», «Закупки предприятия», «Приватизация» и «Редакция». Эта информация направлена на то, чтобы сделать работу компании «прозрачной», сформировать доверие пользователей, привлечь внимание партнёров и рекламодателей.

Также сервисная модель включает раздел «Проект»¹, содержащий информацию о социальных и PR-проектах медиахолдинга. Среди них можно выделить: уникальный проект телеканала «ОТВ» в партнёрстве с газетой «Вечерний Челябинск», представляющий золотую коллекцию программы «Все чудеса Урала» на 7 DVD дисках; социальный проект «Время дарить чудо: Пасхальная радость!», организованный телеканалом «ОТВ» в партнёрстве с газетой «Аргументы и факты – Челябинск» и фондом «Искорка» с целью оказания помощи онкобольным детям и др.

Таким образом, сервисная модель направлена не только на формирование комфортных условий для использования предоставляемого медиаконтента и медиатекстов, но и создание имиджа интернет-СМИ как социально ответственного субъекта медиабизнеса.

Оформительская (дизайнерская) модель сайта имеет функциональный характер и направлена на комплексное представление медиаконтента. Формат вёрстки страницы сайта меняется в зависимости от раздела. Так, главная страница сайта делится на четыре колонки, что позволяет представить большее количество анонсов медиатекстов. В свою очередь, формат страницы тематического раздела включает три колонки с выделением дополнительной площади для размещения публикаций.

Также данная модель строится с учётом того, что канал имеет статус государственного. В соответствии с этим базовыми цветами фирменного стиля являются красный, синий и белый. Однако данные базовые

цвета дополняют голубой, оранжевый, зелёный, фиолетовый и т. д. Дополнительные цвета используются для выделения и более чёткой идентификации различных новостных разделов.

Логотип и слоган размещаются в верхнем левом углу шапки сайта. При этом в логотипе используется обозначение категории информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет – цифра «16» со знаком «плюс». Тип используемого рекламного слогана можно обозначить как связанный, т. к. он включает наименование сайта и звучит следующим образом: «Узнай первым на “Первом областном”».

Дизайн сайта отличает единообразие и сочетаемость всех компонентов интерфейса; лаконичный дизайн веб-страниц; использование тёмного шрифта на светлом фоне в основном тексте. В качестве иллюстраций, привлекающих внимание к медиатексту, используются фотографии, графические рисунки и видеоматериалы.

В целом необходимо сказать, что отсутствие визуальной перегруженности страниц сайта позволяет решать основную задачу – способствовать наилучшему восприятию журналистских, рекламных и PR-медиатекстов.

К положительным особенностям сайта относится его интерактивность, составляющая основу коммуникативной модели. В рамках данного интернет-СМИ используются несколько способов взаимодействия с пользователями:

– указывается контактная информация (адрес, телефон, факс) в разделе сайта «Редакция» для всех СМИ, входящих в состав медиахолдинга;

– устанавливается обратная связь с пользователями в рамках раздела «Форум», включающего подразделы «Книга жалоб и предложений», «Обсуждение новостей» и «Обратная связь» (сайт «Первый областной», «Телевидение ОТВ», радио «Бизнес ФМ-Челябинск»). В книге жалоб и предложений содержатся вопросы, просьбы и пожелания по работе медиахолдинга, а в подразделе «Обсуждение новостей» отражаются комментарии и количество просмотров различных медиатекстов. Например, новость по теме «Отчим Елены Патрушевой: Кирилл Планков пытался меня запугивать» получила 5 комментариев и 29 517 просмотров [6]. Все комментарии

¹Проекты: раздел сайта «Первый областной» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1obl.ru/our-projects/> (дата обращения: 03.01.2015).

модерируются в соответствии с установленными правилами, которые опубликованы на сайте в разделе «Правила модерации комментариев»¹: *«Уважаемые пользователи сайта 1obl.ru! В связи с ужесточением правил, установленных Роскомнадзором и законодательством РФ, редакция разъясняет, каким образом производится публикация ваших комментариев к новостям и статьям. В первую очередь, напоминаем, что на сайте отсутствует премодерация. Вы можете писать что угодно и когда угодно, комментарий сразу же отражается на интернет-странице. Однако всё, написанное вами, не должно вступать в противоречие законодательству РФ. Для полного соблюдения законодательства редакция 1obl.ru оставляет за собой право на постмодерацию...»*;

– медиатексты транслируются в социальные сети («Одноклассники», «Facebook», «Google+» и др.). Наибольшее количество участников входит в социальную сеть «ВКонтакте». Данная группа имеет более 23 085 пользователей, среди которых: 59 % – женщины и 40 % – мужчины; по возрасту – до 18 лет – 12 %, 18–25 – 40 %, 25–35 – 35 %, от 35 лет – 10 %. На стене группы 25 823 записи, 1979 видеозаписей и 6 фотоальбомов. Все медиатексты посвящены главным новостям Челябинской

области. При этом публикации находят живой отклик у пользователей. Например, по теме *«Челябинцы устроили автопробег в поддержку снижения цен на бензин до 25 рублей»*² было получено 3 комментария и 35 участников отметили данную публикацию в режиме «Понравилось».

В целом необходимо отметить, что модераторы как в режиме обратной связи, так и в ресурсе социальной сети оперативно отвечают пользователям и придерживаются соответствующего стиля общения, не опускаются до фамильярностей.

Таким образом, эффективное функционирование регионального СМИ в интернет-пространстве предполагает определение его основных функций и структуры сайта с целью максимально полного удовлетворения информационных и коммуникативных запросов целевой аудитории. Это предполагает разработку концепции сайта на основе интеграции содержательной, организационной, оформительской, коммуникативной и сервисной компонентных моделей и усложнение структуры медиатекста. Вместе с тем реализация данной концепции *www.1obl.ru* позволяет достигать основной цели – давать подробную информацию жителям области обо всех событиях региона и социально-экономической политике Южного Урала.

1

Список литературы

2. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Концепция современного периодического издания: учеб.-метод. пособие. М.: МедиаМир, 2012. 342 с.
2. Интернет-СМИ: Теория и практика: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. М. М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2010. 348 с.
3. Информация о ГПЧО «Первый областной» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.1obl.ru/mediakholding-otv/privatization/> (дата обращения 03.01.2015).
4. Медиахолдинг «ОТВ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.1obl.ru/mediakholding-otv/index.php> (дата обращения: 03.01.2015).
5. На южноуральца завели уголовное дело за ловлю рыбы в озере (23.11.2014): [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/na-yuzhnouraltsa-zaveli-ugolovnoe-delo-za-lovlyu-ryby-v-ozere/> (дата обращения: 01.12.2014).
6. Отчим Елены Патрушевой: Кирилл Планков пытался меня запугивать [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.1obl.ru/forum/forum1/?PAGEN_2=443 (дата обращения: 20.01.2015).
7. Региональные СМИ в условиях конвергенции (на примере Челябинской области) / сост. Л. П. Шестёркина. Челябинск: ЮУрГУ, 2014. 260 с.
8. Рейтинг интернет-СМИ Челябинской области: данные сайта Liveinternet [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/rating> (дата обращения: 01.12.2014).
9. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
10. Челябинская область: рейтинг СМИ за III квартал 2014 г. (данные ИАС «Медиалогия») [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mlg.ru/ratings/regional_media/3339/38/2014/3/ (дата обращения: 03.01.2015).

¹ Правила модерации комментариев ГПЧО «ОТВ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/pravila-moderatsii-kommentariev/> (дата обращения: 03.01.2015).

² Челябинцы устроили автопробег в поддержку снижения цен на бензин до 25 рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://1obl.ru/news/o-lyudyakh/chelyabintsy-ustroili> (дата обращения: 20.01.2015).

References

1. Dzyaloshinskii I. M., Dzyaloshinskaya M. I. Kontsepsiya sovremennogo periodicheskogo iz-daniya: ucheb.-metod. posobie. M.: MediaMir, 2012. 342 s.
2. Internet-SMI: Teoriya i praktika: ucheb. posobie dlya stud. vuzov / pod red. M. M. Luki-noi. M.: Aspekt Press, 2010. 348 s.
3. Informatsiya o GPChO «Pervyi oblastnoi» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.1obl.ru/mediakholding-otv/privatization/> (data obrashcheniya 03.01.2015).
4. Mediakholding «OTV» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.1obl.ru/mediakholding-otv/index.php> (data obrashcheniya: 03.01.2015).
5. Na yuzhnoural'tsa zaveli ugovornoe delo za lovlyu ryby v ozere (23.11.2014): [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/na-yuzhnoural'tsa-zaveli-ugovornoe-delo-za-lovlyu-ryby-v-ozere/> (data obrashcheniya: 01.12.2014).
6. Otchim Eleny Patrushevoi: Kirill Plankov pytalsya menya zapugivat' [Elektronnyi re-surs]. Rezhim dostupa: http://www.1obl.ru/forum/forum1/?PAGEN_2=443 (data obrashcheniya: 20.01.2015).
7. Regional'nye SMI v usloviyakh konvergentsii (na primere Chelyabinskoi oblasti) / sost. L. P. Shesterkina. Chelyabinsk: YuUrGU, 2014. 260 s.
8. Reiting internet-SMI Chelyabinskoi oblasti: dannye saita Liveinternet [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.liveinternet.ru/rating> (data obrashcheniya: 01.12.2014).
9. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya. M.: Nauka, 1990. S. 180–186.
10. Chelyabinskaya oblast': reiting SMI za III kvartal 2014 g. (dannye IAS «Medialogiya») [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.mlg.ru/ratings/regional_media/3339/38/2014/3/ (data obrashcheniya: 03.01.2015).

Статья поступила в редакцию 02.02.2015

УДК 81'42
ББК Ш105.51

Борис Яковлевич Мисонжников,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7–9),
e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com

Читательский комментарий в сетевой версии газеты как метатекст (на материале публикаций немецкого таблоида «Bild»)

В статье речь идёт о том, что в связи с развитием мультимедийных систем и появлением сетевых версий бумажных изданий стала широко использоваться форма читательского комментария, чего раньше не было. Тексты читательских выступлений воссоздают мощное метатекстовое пространство, насыщенное важной семантикой: с одной стороны, они имеют самостоятельное значение, а с другой – дополняют и объясняют многие положения исходного текстового материала. Реципиент в настоящее время приобрёл статус пользователя мультимедийной системой, как и сотрудники издания, получил даже гарантированную площадь для своего выступления. В статье даётся оценка этого уникального явления, исследуются читательские комментарии, опубликованные в крупнейшем немецком таблоидном издании Bild. Кроме того, анализируются тексты читателей в отношении их социально-политической позиции, что выражается через их высказывания в газете. Уделено внимание методологии использования лексического материала. Высказывания читателей носят в известной мере репликовый характер и чётко выражены интенционально. Они легко выстраиваются в систему, образуя единый, хотя формально и мозаичный, дискурс, который становится контрарным элементом по отношению к первоначальному, провоцирующему полемику тексту.

Ключевые слова: таблоид, медиатекст, комментарий, дискурс, реплика, читатель.

Boris Yakovlevich Misonzhnikov,
Doctor of Philology, Professor,
St. Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com

Reader Comment in the Online Version of the Newspaper as Metatext (Based on Publications of the German Tabloid "Bild")

In the article we talk about that in connection with the development of multimedia systems and the emergence of the network version of paper publications was widely used form of reader comments, which were not there before. The texts in the reader's performances recreate powerful meta-textual space, rich in important semantics: on the one hand, they have their own significance, and on the other, complement and explain many of the provisions of the original text material. The recipient now has acquired the status of a user's multimedia system, as the magazine's staff, received even guaranteed an area for his speech. The article assesses this unique phenomena, investigates readers' comments published in the biggest German tabloid publication Bild. Moreover, there is an analysis of the readers' texts in relation to their socio-political position, which is expressed through their statements in the paper; the attention is paid to the methodology of using lexical material. Readers' statements are to a certain extent replicopy character and are clearly expressed intentionally. They are easily built into the system, forming a single, although formally and mosaic discourse, which becomes contranym element in relation to the original, provocative polemic text.

Keywords: tabloid, media text, comment, discourse, remark, reader.

С развитием мультимедийных систем и появлением сетевых версий бумажных изданий стала широко использоваться форма читательского комментария, чего раньше не могло быть в принципе. Читатель теперь

обрёл возможность мгновенного комментирования прочитанного материала или описанного в нем события, высказывая, таким образом, своё мнение и более активно выступая в роли продуцента – одного из

субъектов создания медиапроизведения. Само собой разумеется, что читатель и раньше был вовлечён в процесс текстотворчества: он воздействовал на типологические приоритеты издания, на то, какие тематические, жанровые и содержательные предпочтения оказывали журналисты в процессе своей профессиональной деятельности, поскольку они не могли не учитывать информационного запроса аудитории. Не оправдать её ожидания было делом рискованным и привело бы к нарушению принципа релевантности, важнейшего во всей журналистской практике. Существующая диалогичность в отношениях читателя газеты и автора помогала найти ориентиры для взаимопонимания и оптимизации журналистской деятельности. Правда, эта диалогичность была в значительной мере условна и опосредованна: автор полагался в основном на интуицию в определении читательских предпочтений, формировал своё мнение на основе нечастых визитов в редакцию отдельных представителей читательской аудитории, а также их телефонных звонков и писем.

Размещение газетных материалов в Интернете способствовало налаживанию непосредственного сотрудничества читателя с редакцией: реципиент приобрёл статус пользователя, как и сотрудники издания, получил даже гарантированную площадь для своего выступления. Разумеется, нельзя вести речь о паритетных отношениях между редакционными работниками и читателями, выступающими с комментариями, но следует признать развитие их партнёрских отношений. Так, немецкая бульварная газета *Bild*, издаваемая медиахолдингом *Axel Springer AG*, уделяя работе с читательской аудиторией самое большое внимание, открыла на своём портале *Bild.de* раздел *FAZIT (Итог)*, приглашая читателей высказаться после публикации каждого материала. Здесь же предельно ограниченный по формату раздел *Ihre Reaktion zu diesem Thema* (Ваша реакция на эту тему): пользователю достаточно навести курсор на один из индексов: *LACHEN (Смех)*; *WEINEN (Плач)*; *WUT (Ярость)*; *STAUNEN (Удивление)*; *WOW (Вау)*. Сразу после ночного размещения материалов очередного сверстанного номера на портале *Bild.de* сотни, а порой и тысячи людей стремятся выразить своё отношение к теме публикации, не

только кратко зафиксировав своё мнение при помощи данных индексов, но и разместив собственный развёрнутый комментарий. Таким образом, редакция формирует мощное метатекстовое пространство.

Обратимся к материалам номера газеты от 07 февраля 2015 г., поскольку этот день был насыщен во многом драматичными событиями и рождал надежду на выход из кризиса на Украине в связи с визитом в Москву лидеров Франции и ФРГ Ф. Олланда и А. Меркель. Уже первая полоса отличалась высокой экспрессией. На ней были опубликованы портреты озабоченных А. Меркель и сенатора США Дж. Маккейна с разделяющей их цитатой из выступления последнего: «ХДС должен извиниться перед семьями убитых украинцев!» Текст подан методом инверсии: надпись воспроизведена белым шрифтом на тёмно-коричневом, почти черном, фоне, крупным кеглем, с резким увеличением слова «извиниться!» Яркий вариант поликодового текстообразования срабатывает безупречно и с максимальным эффектом. Подоплёка этого высказывания заключается в противодействии многих лидеров Европейского союза, включая и канцлера А. Меркель, намерению руководства США передать Киевским властям летальное высокоточное оружие, скорее всего, противотанковые управляемые ракеты.

Далее тема отчётливо артикулируется и ещё больше заостряется: с резким комментарием в этом же номере выступает Э. Элитц, известный берлинский журналист, в недавнем прошлом директор немецкого радио. Заголовок его публикации – «Сейчас же извинитесь, мистер Маккейн» – содержит призыв и реализует перформативную функцию. Это не просто мнение и просьба – это императивная форма общения, экспликация действия и требование ответного действия. Журналист обвиняет американского политика: «Что за позор: в то время как Ангела Меркель и Франсуа Олланд ведут борьбу с Владимиром Путиным, сенатор США Маккейн поносит канцлера: она, мол, смотрит на то, как „убивают“ людей! И не помогает им!»

И вот в разделе *COMMUNITY* редакция приглашает читателей: «Поделитесь с нами вашим мнением!» Довольно яркими и эффектными текстовыми поликодовыми средствами проведена подготовка и сформировано семантическое пространство, в

котором не хватает очень важного компонента – читательского мнения. Будучи полифункциональным, оно, однако, решает очень важную утвердительную задачу. Читатель высказывается, как правило, на основе прочитанного материала и на основе своего предыдущего опыта, не прибегая к сложным логическим действиям. В редакции могут предположить, какую позицию займёт реципиент, и стараются с максимальным результатом использовать его выступление. В этом случае нарративная цепочка получает очень важное звено: на какое-то время читатель перестаёт быть читателем и становится автором, усиливает потенциал продуцентов комплексного медиапроизведения. «Новый» автор формулирует эксплицитные ассертивные высказывания, которые «в той или иной степени отмечены аксиологической модальностью», или обращается и к имплицитной форме ассерции, которую «можно назвать косвенной ассерцией» [2, с. 74, 75]. Читательские высказывания обычно имеют форму завершающей и часто безапелляционной констатации: логическую функцию до читателя уже выполнили аналитики издания, специально подготовленные в профессиональном плане и глубоко исследующие проблему. Читатель получает уже обработанный и сбалансированный в отношении аксиологических принципов материал, и ему предоставляется возможность окончательного суждения – ассертивного высказывания, т. е. такого, при котором человек проявляет достаточную самостоятельность в выражении своего мнения и может брать на себя ответственность. Это, конечно, в идеале, т. к. в реальной ситуации на индивида воздействует слишком большое количество разных факторов.

Посмотрим комментарии в связи с высказыванием Дж. Маккейна и критическим выступлением Э. Элитца. Это своего рода комментарии комментария, причём они подписаны обычно полным именем и фамилией. Даже если это и псевдонимы (именно так часто бывает), в них выражается уважение, прежде всего, к людям, которые будут читать их тексты (читатели читателей), а также к тому, что они делают сами. Подпись – это уже часть творческого процесса, она интегрирована в формируемый дискурс, дополняет семантику основного

текста. Подпись становится «знаком, характеризующимся особой красноречивой уникальностью» [1, с. 133].

Нельзя не обратить внимания на серьёзный тон высказываний, здесь практически отсутствует ёрничаение, не говоря уже об избыточной языковой экспрессии, которая зачастую наблюдается в комментариях, поскольку к этому располагает их анонимность. Высказывания носят в известной мере репликовый характер и чётко выражены интенционально. Они легко выстраиваются в систему, образуя единый, хотя формально и мозаичный, дискурс, который становится контрарным элементом по отношению к первоначальному, провоцирующему полемику тексту. Коммуникативным компонентом здесь выступает «репликовый шаг» – «**единица диалогического взаимодействия партнёров**». Данный дискурс формируется «в виде целостного конструктивного образования, которое представляет собой **обмен репликовыми шагами** по правилам типовой разновидности иллокутивной функции доминанты, репрезентирующей намерения собеседников, чьи прагматические знания и эмоциональные состояния могут изменяться, когда заканчивается их вербальное воздействие друг на друга по окончании коммуникативной ситуации» [5, с. 66].

Итак, ниже приведены некоторые из комментариев читателей в переводе на русский язык с максимальным сохранением стилистики высказываний и даже графического оформления. Андреас Каульферш: «Он (т. е. Маккейн. – Б. М.) перепутал всё на свете. Именно США должны были бы попросить прощение у семей убитых. Вследствие их поддержки режима, который путём путча привёл к власти США, бомбардирует свой народ». Ханс Химмель: «Вот моё слово. Пожалуй, нет другой страны (речь идёт о США. – Б. М.), которая принесла бы этому миру больше страданий». Хэви ГЕР: «Самое дурное, что могло бы произойти с американским народом, и уже произошло, это существование у него руководящего слоя, который полагает, что США стоят над всем остальным миром (в отношении военном, экономическом и прежде всего МОРАЛЬНОМ)». Слово берёт снова Ханс Химмель: «И кто их уполномочил на это? Кто дал им на это право? Никто. Если кто-нибудь оказывается у них на пути, так тот уже и враг.

Будь то Путин, или Хусейн, или Каддафи, или ХДС. Возражения не принимаются. И это наш партнёр». Снова Хэви ГЕР: «Со времён Второй мировой войны США продавали оружие всем, кто мог платить. Солдат посылали на другие континенты для участия в боевых действиях и за всеми шпионили (всё равно, друг это или враг)». Юанита Эсперанца: «И прежде всего, сожжены их собственные солдаты! Это началось уже с Вьетнама – война!»

Эти комментарии идут подряд. Как видим, их авторы единодушны в порицании властей США, что спровоцировано в немалой степени глупым и хамским по сути своей высказыванием политика-республиканца Дж. Маккейна. Редкие критические реплики по адресу руководства России тонут в этом потоке жёсткого антиамериканизма. Для шпрингеровской печати ситуация, особо подчеркнём, вообще беспрецедентная. Это побудило даже некоторых участников полилога выразить своё личное впечатление именно в связи с этим фактом. Муло Мулински: «Эмансипация в отношении главного партнёра Вашингтона. Она должна воспрепятствовать тому, что США станут для Европы проблемой. Вау, для меня все это является полной неожиданностью. С каких это пор шпрингеровская газета пишет так открыто о том, что политика ФРГ по отношению к США до сих пор была политикой чисто исполнительной?» Следом идёт текст близкой по содержанию реплики. Франк Мюллер: «Россию надо, мол, побороть <...> так много честности я не ожидал здесь от этой газеты <...>».

Публикуемые комментарии в данном случае демонстрируют огромную заинтересованность читателей в обсуждаемых вопросах. Это обуславливает и выдержанную стилистику текстов, и серьёзность большинства суждений. Некоторые чрезмерно экспрессивные высказывания не слишком характерны для рассматриваемого полилога. Например, следующее. Владислав Катцап: «Страх перед США, ради чего этот вой?» Встречаются тексты, которые являются, по сути, краткими лозунгами. Зина Бланк: «Ami Go Home! Вон из Германии!» Примечательно то, что многие высказывания взаимосвязаны и воссоздают довольно крупные по объёму совокупные тексты с хорошо просматриваемой попыткой подвергнуть анализу современную ситуацию в

мире. Не обходится и без троллинга. Это явление обрело уже соответствующие устойчивые методологические формы, хотя, в принципе, и не является новым: «Неизменность сути тролления ныне наложилась на многократно увеличившиеся возможности троллящего, которые даёт Сеть. Ныне начинающий сетевой тролль, сетевой рыбак имеет куда больше возможностей, чем его предшественники. Обычным орудием слабых спорщиков против троллинга является запрет доступа троллю к площадке, где происходит спор, – бан (*to ban* – “изгонять, ссылать”))» [4, с. 180]. В рассматриваемом полилоге основным объектом тролления стала, пожалуй, канцлер А. Меркель. Её упрекают в слабой активности и в отсутствии реального результата деятельности. Вернер Гросс: «Итак, ничего. Помпезный полёт туда и возвращение ни с чем оттуда, – грандиозное выступление фрау Меркель. Путин умирает со смеху. Я бы мог тоже». Критику подхватывает Зина Бланк: «Фрау Меркель стала неважной. Россию больше не интересует, что Европа делает или думает. Дорога к Китаю, БРИГС и Азии проложена. СПАСИБО, МЕРКЕЛЬ!»

Комментирующие тексты в лингвистическом отношении исключительно разнообразны. Они могут воспроизводить стиль обычной газетной публикации, и «в них естественно присутствует некоторое количество клишированных соединений, употребление которых совершенно необходимо для описания современных политико-экономических реалий. <...> Наряду с узуально-клишированными словосочетаниями встречается также достаточное число общеязыковых клише и устойчивых коллокаций» [3, с. 198]. Есть примеры научного стиля: комментарии, подписанные «Хельмут Пётткер», содержат точные исторические данные об агрессии США в разных регионах планеты в XIX–XX вв. Преобладает всё же разговорный стиль. В целом читательские тексты не просто прекрасно дополняют основной текст, но и создают особое семантическое и психозстетическое пространство, и «в любом случае метатекст выполняет прагматическую функцию и образует прагматическое обрамление текста. Создаётся прагматическая “оправа”, которая, обладая признаками метатекста, вербализует такие явления, как прагматический дейксис, пресуппо-

зиции адресанта и др.» [5, с. 88]. Авторы эксплицируют не только и даже не столько информационный материал, а через слово передают своё отношение к проблеме, выражают чувства, анализируют факты, что

воссоздаёт сложную структуру прагматической пресуппозиции, и выводят многие факторы, существующие в матричном тексте имплицитно, в актуализированное дискурсное пространство.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М.: Академ. Проект, 2007. 335 с.
2. Диалектика текста: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. И. Варшавской. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с.
3. Добросклонская Т. Г. Язык британской качественной прессы: новости, комментарий, публицистика // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г. Я. Солганик. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 232 с.
4. Новокшенов Д. Е. Публицистическая война в блогах и троллинг // Публицистика в современном обществе: материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе)» (Санкт-Петербург, 14 ноября 2013 г.) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2014. 227 с.
5. Романов А. А., Белоус Н. А. Основы дискурса: учеб. пособие. Ульяновск: Изд-во Ульян. гос. ун-та, 2009. 290 с.
6. Шаймиев В. А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте (на материале лингвистических текстов) // Российско-американский журнал по русской филологии / гл. ред. М. Я. Дымарский. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена: Канзас. ун-т: ун-т шт. Нью-Гэмпшир, 1996. 204 с.

References

1. Bodriyar Zh. K kritike politicheskoi ekonomii znaka / per. s fr. D. Yu. Kralechkina. M.: Akadem. Proekt, 2007. 335 s.
2. Dialektika teksta: v 2 t. T. 1 / pod red. A. I. Varshavskoi. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. 328 s.
3. Dobrosklonskaya T. G. Yazyk britanskoi kachestvennoi pressy: novosti, kommentarii, pub-litsistika // Yazyk sovremennoi publitsistiki: sb. st. / sost. G. Ya. Solganik. 3-e izd. M.: Flin-ta: Nauka, 2008. 232 s.
4. Novokshonov D. E. Publitsisticheskaya voina v blogakh i trolling // Publitsistika v sovremennom obshchestve: materialy nauch.-prakt. seminaru «Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov (tragediya publitsistiki v informatsionnom obshchestve)» (Sankt-Peterburg, 14 noyabrya 2013 g.) / отв. red. B. Ya. Misonzhnikov. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2014. 227 s.
5. Romanov A. A., Belous N. A. Osnovy diskursa: ucheb. posobie. Ul'yanovsk: Izd-vo Ul'yan. gos. un-ta, 2009. 290 s.
6. Shaimiev V. A. Kompozitsionno-sintaksicheskie aspekty funktsionirovaniya metateksta v tekste (na materiale lingvisticheskikh tekstov) // Rossiisko-amerikanskii zhurnal po russkoi filologii / gl. red. M. Ya. Dymarskii. SPb.: Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gertsena: Kansas. un-t: un-t sht. N'yu-Gempshir, 1996. 204 s.

Статья поступила в редакцию 10.02.2015

УДК 004.738.5 + 659.44 + 070
ББК Ч600

Екатерина Николаевна Пескова,
кандидат филологических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
(454080, Россия, г. Челябинск, пр-т им. В. И. Ленина, 76),
e-mail: en-peskova@yandex.ru

Дискурс веб-сайта: взаимодействие с другими типами дискурса, жанровые особенности

Интернет-коммуникация является наиболее активно развивающимся сегментом массовой коммуникации. В этой связи автору видится актуальным исследование такого коммуникативного феномена, как интернет-дискурс. Достаточно острой остаётся проблема научного осмысления соотношения данной категории с медиадискурсом, а также вопрос разнообразия её видов и особенностей функционирования в интернет-пространстве.

Особый интерес для исследования в рамках данной статьи представляет дискурс веб-сайта. Жанровое своеобразие этого типа дискурса обусловлено использованием на одной коммуникативной площадке палитры публицистических, рекламных и PR-жанров. Анализ классификаций рекламных текстов, выполненных современными отечественными исследователями, показал, что существует ряд спорных моментов, связанных с отнесением отдельных жанров рекламы к той или иной группе. По мнению автора представленной работы, это вызвано относительной новизной рекламной коммуникации для российской науки. В отношении жанровой системы журналистских и PR-текстов сложились общепринятые подходы, сформировались определённые авторитетные точки зрения, т. к. эти сферы деятельности человека более ранние и эмпирически подтверждённые.

Таким образом, дискурс веб-сайта имеет ряд особенностей, вызванных специфическими характеристиками интернет-страницы как средства коммуникации. Это, прежде всего, технические возможности сайта, его интерактивность, специфические особенности восприятия информации интернет-аудиторией и т. п.

Основные выводы, к которым пришёл автор, могут быть полезными для научной сферы в ходе дальнейшего изучения особенностей дискурса веб-сайта различных отраслей деятельности общества, а также обозначенные результаты позволят практикующим специалистам повысить эффективность взаимодействия с целевой аудиторией посредством веб-текста и разнообразить его контент с точки зрения комплекса применяемых жанров.

Ключевые слова: медиадискурс, компьютерный дискурс, интернет-дискурс, дискурс веб-сайта, публицистический дискурс, рекламный дискурс, PR-дискурс, жанры журналистики, рекламы и PR.

Ekaterina Nikolayevna Peskova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
South Ural State University
(National Research University)
(76 Lenin Pr., Chelyabinsk, Russia, 454080),
e-mail: en-peskova@yandex.ru

The Website Discourse: Interaction with Other Types of Discourse, Genre Features

Internet communication is the most rapidly developing segment of mass communication. In this regard, the author is seen as essential in the study of such a communicative phenomenon as Internet discourse. Enough remains the problem of scientific understanding of the correlation of this category with meta-discourse, and the question of diversity of species and functioning in the Internet space.

Of particular interest for research in this article is the discourse of the web site. Genre originality of this type of discourse is caused by the use of one communication platform palette journalistic, advertising and PR-genres. Analysis of the classifications of advertising texts, made by the modern Russian researchers, showed that there are a number of controversial issues related to the assignment of individual genres of advertising to one group

or another. According to the author of the presented work, this is due to the relative novelty of advertising communication for Russian science. In relation to the genre of journalistic and PR-texts generally accepted approaches, have formed some authoritative point of view, because these spheres of human activity are earlier and empirically validated.

Thus, the discourse of the web site has a number of features, which are the result of the unique characteristics of the web page as a communication instrument. This is primarily the technical capabilities of the site, its interactivity, the specific features of perception of the Internet audience, etc.

The main conclusions reached by the author, may be useful for scientific sphere in the course of further study of the features of the discourse of the web site of various sectors of society, and also the results will help practitioners to improve the efficiency of interaction with the target audience through the web of text and diversify its content from the point of view of the whole range of genres.

Keywords: meta-discourse, computer discourse, Internet discourse, web site discourse, journalistic discourse, advertising discourse, PR discourse, genres of journalism, advertising and PR.

Веб-сайт является визитной карточкой организации в интернет-пространстве, информируя потенциального потребителя о возможностях, достижениях, услугах, событиях компании. Именно поэтому его можно рассматривать как инструмент имиджевой рекламы, журналистики и связей с общественностью, т. е., выполняя рекламно-информационную функцию, сайт обладает рядом характеристик и жанровых особенностей, свойственных различным формам массовой коммуникации. Попадая на веб-страницу, пользователь становится активным участником процесса: он может не просто получать информацию, а принимает решение о необходимости ознакомления с тем или иным материалом в определённый период времени, а также имеет возможность выбрать подходящий вид информации (аудиальная, визуальная, аудиовизуальная). В ситуации интерактивного общения посетитель веб-сайта может выражать свою точку зрения относительно обсуждаемого вопроса, влиять на мнение других и т. д. Возникает уникальная коммуникативная ситуация, требующая детального изучения и введения такого понятия, как «дискурс веб-сайта», но прежде обратимся к более глобальной категории – «медиадискурс».

При осуществлении коммуникации между лицами или группами лиц медиа обеспечивают обработку, хранение и передачу информации целевой аудитории, а значит, при помощи телевидения, радио, журналов, газет, книг, кинематографа, компьютерных систем и т. д. реализуется возможность рассмотрения тематического, жанрового и лингво-прагматического выбора участников коммуникативного процесса с учётом социологических, культурных, психологических и других факторов.

Традиционно исследователи медиадискурса обозначают два подхода к его определению [5; 7; 9]. С одной стороны, авторы говорят, что к обозначенному типу дискурса можно отнести функционирование языка в информационном поле масс-медиа. В этой связи предлагается считать медиадискурс одним из видов институционального дискурса, наряду с политическим, научным, религиозным и т. д.

С другой стороны, исследователи считают, что любой тип дискурса, реализуемый в сфере массовой коммуникации, является медиадискурсом, т. е. можно говорить в этой связи о политическом медиадискурсе, научном и т. д.

В данной статье мы придерживаемся второй точки зрения и определяем медиадискурс как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в массмедийном пространстве» [5, с. 16].

Отмечая непосредственную связь медиадискурса с жанрово-функциональными особенностями медиапространства, Е. А. Кожемякин выделяет такие его разновидности, как новостной, рекламный и промоционный (PR); информационный, аналитический, публицистический; идентифицирующий, репрезентирующий, идеологический и т. д. [5].

Для дальнейшего исследования дискурса веб-сайта мы возьмём за основу типологию медиадискурса, предложенную Н. Н. Оломской: 1) с учетом коммуникативных функций, автор выделяет публицистический, рекламный и PR-дискурс; 2) по каналам реализации – телевизионный, радио- и компьютерный. В связи с тем, что веб-сайт доступен для пользователя только

при наличии компьютера и его системного обеспечения, целесообразно рассмотреть особенности компьютерного дискурса [7]. В данном случае мы не можем говорить о нём как о самостоятельной категории человеческой деятельности, т. к. следует учитывать ориентированность создателей веб-сайта на массовую аудиторию и функционирование указанного инструмента коммуникации в медиaprостранстве. Важным моментом также является то, что получение подобного рода информации невозможно без сети Интернет, поэтому правильнее обратиться к понятию «компьютерный интернет-дискурс» (как разновидность медиадискурса). Именно это отражает ситуацию общения как пользователей друг с другом, так и отдельной личности с текстами, сообщениями, изображением и т. д. Таким образом, вслед за Е. В. Гориной, под интернет-дискурсом мы понимаем «совокупность сетевых продуктов, созданных и существующих в виртуально-реальных условиях, в рамках лингвистического и паралингвистического контекста и воспринимаемых адресатом с учетом реализующейся коммуникативной и когнитивной деятельности» [2, с. 65].

Технические особенности интернет-дискурса влияют на его жанровую систему. Изучив данный вопрос, Е. Ю. Распопина выразила мнение о том, что следует выделять жанры компьютерного интернет-дискурса с учётом многочисленных сфер человеческой деятельности (как пользователей), выделяя следующие блоки: 1) основные услуги, т. е. самостоятельные услуги интернет-пространства, которыми можно воспользоваться без помощи других услуг (к данной сфере относится и веб-сайт); 2) дополнительные услуги – те, которые недоступны пользователям непосредственно, они могут быть использованы после того, как в этом возникла необходимость при использовании первой группы услуг; 3) услуги, использующие дополнительные технологии – те, которые изначально не принадлежат разработчикам Интернета [8, с. 129].

В соответствии с целями, функциями, стратегиями и технологиями речевого поведения субъектов интернет-дискурса обозначенные сферы Е. Ю. Распопина подразделяет на жанры: 1) информационные (формируют у пользователей технологии и стратегии получения информации разного характера) – веб-сайт, интернет-до-

кумент, википроект, поисковые системы и т. д.; 2) коммуникативные (отвечают за стратегии обмена информацией и опытом, а также за стремление изменить состояние той сферы, в которой находится адресат, вызвать у него поведенческую реакцию) – электронные письма, системы мгновенного обмена сообщениями, социальные сети; 3) развивающие (реализуют развивающую функцию) – игровые миры и игры онлайн; 4) замещающие (предполагают технологические способы выполнения определённых речевых операций для использования тех или иных сервисов, услуг) [8, с. 130–131].

Однако в рамках данного исследования мы считаем веб-сайт не жанром, а инструментом, ресурсом интернет-дискурса (т. к. большее значение имеет форма, а не содержание), обладающим при этом своеобразной жанровой системой. Ближе к нашему пониманию точка зрения Н. Н. Оломской, которая выделяет такие жанры компьютерного дискурса, как электронная почта, синхронные и асинхронные чаты, виртуальные миры, веб-тексты (последние нас интересуют прежде всего) [7]. Их можно транслировать и на сферу функционирования интернет-дискурса.

Рассмотрим особенности и характеристики таких видов дискурса, как публицистический (журналистский), рекламный и PR-дискурс, т. к. именно их жанровая система является основой концепции жанров компьютерного интернет-дискурса.

Публицистический дискурс предполагает как информирование о чём-либо или ком-либо, так и оценку происходящего, причём в данном случае не имеет значения, произошло событие недавно или относится к прошлому, будущему. Говоря о жанровом многообразии данного типа медиадискурса, необходимо указать, что он опирается на традиционную классификацию журналистских текстов, т. е. можно выделить следующие жанры: 1) информационные (хроника, заметка, расширенная информация, отчёт, репортаж, интервью и др.); 2) аналитические (корреспонденция, статья, колонка, рецензия, обозрение, обзор печати, комментарий и др.); 3) художественно-публицистические (очерк, зарисовка, эссе, а также жанры, содержащие сатиру, – фельетон, памфлет и др.). Данный ряд можно продолжать, т. к. подходов к классификации жан-

ров в журналистике весьма много, что объясняется высоким темпом развития общества и технологий.

Своеобразно отражаются явления действительности и в жанровой системе рекламного дискурса, способствуя проявлению отношения автора к происходящему. Существует множество типологий как рекламы, так и рекламных текстов. Так, например, Н. Г. Иншакова упоминает различные основания выделения видов рекламы, рассматриваемые в работах некоторых исследователей:

- по способу восприятия: зрительная (визуальная), слуховая (аудиальная) и зрительно-слуховая (аудиовизуальная) реклама;

- по цели воздействия на потребителя: информативная, увещательная (стимулирующая), напоминающая (реклама стабильности), престижная;

- по цели воздействия: первоначальная, конкурентная, сохраняющая;

- по характеру содержащейся информации: коммерческая, политическая и социальная;

- по каналу распространения рекламы: радиореклама, телевизионная, реклама в прессе, в Интернете, наружная реклама, реклама в мобильной сети [4].

По цели воздействия на потребителя К. А. Иванова выделяет такие виды рекламы: информативную, напоминающую (подкрепляющую), разъяснительную, престижную [3].

Именно ориентированность на адресата позволяет определить жанровые особенности рекламного текста, а вслед за этим – и рекламного дискурса (т. к. учитываются экстралингвистические факторы реализации текста в сфере рекламы). В работе Ю. С. Бернадской обозначен следующий подход к данному вопросу – автор выделяет три типа жанров: 1) информационные (отвечают на вопросы что? где? когда? кто участники?) – рекламная заметка, рекламное интервью, рекламный отчёт, рекламный репортаж; 2) аналитические (отвечают на вопросы что? где? когда? кто участники? почему?) – рекламная корреспонденция, рекламная статья, рекламная рецензия, рекламный комментарий, рекламный обзор; 3) публицистические жанры (отвечают на вопросы что? где? когда? кто участники? как? каким образом?) – рекламная зарисовка, рекламный очерк [1, с. 105–108].

Как мы видим, данная классификация схожа с системой жанров журналистики, что указывает на взаимосвязь рекламного и публицистического дискурса в медиапространстве.

Интересным является также взгляд на жанровую палитру рекламы авторов, которые считают, что основанием для определения жанра являются функциональное назначение и тематическое содержание рекламного обращения [10]. В соответствии с этим ими обозначены: жанры печатной рекламы (рекламное объявление, развёрнутое рекламное обращение, житейская история, консультация специалиста, каталог, прейскурант, афиша, анонс, листовка); жанры радиорекламы (краткое призывное обращение, реплика, развёрнутое радиообъявление, радиоанонс, радиоафиша, мини-беседа, консультация специалиста, радиоспот, рекламная песенка); варианты телеобращений (телевизионное объявление, рекламный ролик, телеанонс, телеафиша, рекламный видеofilm, рекламная телепередача, рекламный видеосюжет); жанры интернет-рекламы (текстовое сообщение, рекламный видеоролик, баннер, e-mail-реклама, рекламно-информационный сайт). Отдельным блоком В. В. Ученова и другие авторы рассматривают информационные жанры (рекламная заметка, рекламный отчёт, рекламный репортаж, рекламное письмо, рекламные публикации «Вопрос-ответ»); аналитические жанры (рекламное интервью, рекламная корреспонденция, рекламный обзор, рекламная рецензия); художественно-публицистические жанры (рекламная зарисовка, рекламный очерк, рекламный памфлет). Таким образом, они подчеркнули пограничное состояние данных единиц и связь рекламы с журналистикой в информационном пространстве массовой коммуникации.

Глубокое изучение в данной системе имеют также плакат (торговый, зрелищный, социальный, туристический и т. д.); рекламирование на местах продаж (POS-материалы) – вывеска, витрина, информационные POS-материалы (листовка, буклет, плакат, ценник, wobлер, шелфтокер, этикетка, упаковка и др.) и сувенирная продукция (календарь, ручка, зажигалка, футболка, кожгалантерея и т. д. с изображением логотипа компании). Несмотря на масштабность и подробное описание жанров, не

все составляющие данного подхода мы берём в работе за основу. Так, жанр «плакат» предлагаем рассматривать в блоке печатных материалов или наружной рекламы (которая в представленной классификации не обозначается). Также мы придерживаемся общепринятой точки зрения, что POS-материалы и сувенирная продукция относятся к носителям рекламы, не содержат значимого объёма информации и являются средством рекламы.

Рассматривая жанры PR-дискурса многие исследователи за основу берут классификацию PR-текстов А. Д. Кривоногова, в которой представлены базисные PR-тексты и смежные (слоган, резюме, пресс-ревью) [6]. Базисные, в свою очередь, автор делит на первичные и PR-медиатексты (имиджевая статья, имиджевое интервью, кейс-стори). Группа первичных PR-текстов основана на комбинированных (пресс-кит, ньюслеттер, проспект, брошюра, буклет) и простых PR-текстах, последние можно представить в таких блоках, как образно-новостные (пресс-релиз, приглашение), исследовательско-новостные (бэкграундер, лист вопросов-ответов), фактологические (заявление для СМИ), образно-новостные (байлайнер, поздравление, письмо).

Иначе строится система жанров связей с общественностью в работе К. А. Ивановой: она выделяет контролируемые письменные материалы и неконтролируемые [3]. К первым относятся тексты, которые доходят до целевой аудитории в том виде, в каком их подготовила служба по связям с общественностью базисного субъекта PR: письмо, информационный релиз, приглашение, буклет и проспект, брошюра, листовка, заявка и предложение, текст речей и выступлений. В особую группу в разряде таких PR-материалов автор предлагает выделять внутрикорпоративные письменные тексты: отчёт, информационный листок, ньюслеттер, бюллетень, медиаплан, медиакарта, пресс-дайджест.

Неконтролируемыми письменными материалами К. А. Иванова считает такие, которые являются основой для работы редакций СМИ, и относит к ним письмо в редакцию, заявление для СМИ, медиа-, ньюс-, пресс-релиз, бэкграундер, биографическую справку, статью, факт-лист, пресс-кит.

Таким образом, уже основываясь на показателях представленных классификаций PR-текстов, можно сделать вывод о взаимопроникновении черт, особенностей журналистики, рекламы и PR, что учли авторы и отразили в своих подходах.

Ранее мы уже отмечали, что веб-сайт является инструментом интернет-дискурса, а значит, дискурс веб-сайта можно считать его разновидностью, имеющей свои тематические, структурные и жанровые особенности (причём последний признак строится также на лингва-прагматической специфике веб-текста, т. е. материала, созданного для использования в Интернете).

Тематика контента сайта всегда обусловлена сферой функционирования компании и целью намеченного взаимодействия с целевой аудиторией в интернет-пространстве. Если говорить о структуре веб-сайта организации, то А. Н. Чумиков (совместно с коллективом авторов) выделяет следующие обязательные блоки: история организации, обращение к посетителям сайта первого лица организации, профиль деятельности и выполняемые функции, структура управления и руководство, новости из жизни организации, официальные пресс-релизы и публикации СМИ об организации, анонсы проводимых компанией мероприятий, архив (информационная база) документов и материалов [11, с. 7]. Конечно, данный перечень может пополняться, но необходимо помнить о том, что каждый блок требует своего контента, т. е. правильно подобранного жанра размещаемых на сайте веб-текстов. У дискурса веб-сайта нет своей особенной жанровой системы, он заимствует существующую базу публицистического, рекламного и PR-дискурса, которая, безусловно, изменяется в связи с перенесением из реальной плоскости в виртуальную, технически организованную. В настоящее время сложно говорить о систематизированности жанров дискурса веб-сайта, т. к. следует изучать их специфику в отдельно взятой области человеческой деятельности. Только в этом случае можно будет отметить определённые тенденции, традиции, обобщения или дифференциацию этого явления науки.

Таким образом, дискурс веб-сайта, являясь разновидностью интернет-дискурса (как типа компьютерного медиадискурса), взаимодействует с такими категориями, как пу-

блицистический, рекламный и PR-дискурс (как видами медиадискурса). Опираясь на их классификацию жанров, копирайтер веб-сайта (SEO-копирайтер) использует тот или иной жанр журналистского, рекламного или PR-текста, но преломляет его в отношении веб-текста, изменяя и лексико-прагматические характеристики.

Также можно отметить, что комплекс жанров, наполняющих контент веб-сайта, может меняться в зависимости от сферы деятельности организации, которую представляет данный инструмент в интернет-пространстве, от целей, которые необходимо реализовать, и от групп массовой целевой аудитории сайта в каждом частном случае.

Список литературы

1. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032401 (350700) *Реклама*. М.: Юнити-Дана, 2012. 288 с.
2. Горина Е. В. Дискурс Интернета: определение понятия и методология исследования // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 11(41). Ч. 2. С. 64–67.
3. Иванова К. А. Копирайтинг: секреты составления рекламных и PR-текстов. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010. 120 с.
4. Иншакова Н. Г. Рекламный текст: редакторский взгляд. М.: МедиаМир, 2007. 288 с.
5. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: методология исследования // *Научные ведомости. Сер. «Гуманитарные науки»*. 2010. № 12 (83). Вып. 6. С. 13–21.
6. Кривonosов А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью. СПб.: Питер, 2010. 384 с.
7. Оломская Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // *Научный диалог. Сер. «Филология»*. 2013. № 5 (17). С. 250–259.
8. Распопина Е. Ю. Дифференциальные и жанровые особенности компьютерного интернет-дискурса // *Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та*. 2010. № 1. С. 125–132.
9. Стеценко Н. М. О соотношении понятий текст – медиатекст – медиадискурс // *Учёные записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации»*. 2011. № 4. Т. 24 (63). Ч. 2. С. 372–378.
10. Ученoва В. В., Гринберг Т. Э., Конаныхин К. В. *Реклама: палитра жанров*. М.: Гелла-Принт, 2004. 248 с.
11. Чумиков А. Н., Бочаров М. П., Тишкова М. В. *Современные PR-технологии работы в Интернете*. Рязань: Асмин Принт, 2011. 135 с.

References

1. Bernadskaya Yu. S. *Tekst v reklame: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 032401 (350700) Reklama*. M.: Yuniti-Dana, 2012. 288 s.
2. Gorina E. V. *Diskurs Interneta: opredelenie ponyatiya i metodologiya issledovaniya* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 11(41). Ch. 2. S. 64–67.
3. Ivanova K. A. *Kopiraiting: sekrety sostavleniya reklamnykh i PR-tekstov*. 3-e izd. SPb.: Piter, 2010. 120 s.
4. Inshakova N. G. *Reklamnyi tekst: redaktorskii vzglyad*. M.: MediaMir, 2007. 288 s.
5. Kozhemyakin E. A. *Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: metodologiya issledovaniya* // *Nauchnye vedomosti. Ser. «Gumanitarnye nauki»*. 2010. № 12 (83). Vyp. 6. S. 13–21.
6. Krivonosov A. D., Filatova O. G., Shishkina M. A. *Osnovy teorii svyazei s obshche-stvennost'yu*. SPb.: Piter, 2010. 384 s.
7. Olomskaya N. N. *K voprosu o zhanrovoi klassifikatsii mediadiskursa* // *Nauchnyi dialog. Ser. «Filologiya»*. 2013. № 5 (17). S. 250–259.
8. Raspopina E.Yu. *Differentsial'nye i zhanrovye osobennosti komp'yuternogo in-ternet-diskursa* // *Vestn. Irkut. gos. lingv. un-ta*. 2010. № 1. S. 125–132.
9. Stetsenko N. M. *O sootnoshenii ponyatii tekst – mediatekst – mediadiskurs* // *Uchenye zapiski Tavrich. nats. un-ta im. V. I. Vernadskogo. Ser. «Filologiya. Sotsial'nye kommuni-katsii»*. 2011. № 4. T. 24 (63). Ch. 2. S. 372–378.
10. Uchenova V. V., Grinberg T. E., Konanykhin K. V. *Reklama: palitra zhanrov*. M.: Gella-Print, 2004. 248 s.
11. Chumikov A. N., Bocharov M. P., Tishkova M. V. *Sovremennye PR-tekhnologii raboty v Intenete*. Ryazan': Asmin Print, 2011. 135 s.

Статья поступила в редакцию 09.02.2015 г.

Алла Николаевна Тепляшина,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(195426, Россия, г. Санкт-Петербург, Индустриальный пр-т, 13),
e-mail: a-nik@list.ru

Медиатекст деловой газеты как субъект развития ресторанного бизнеса

Статья посвящена обоснованию перспективности ресторанной критики в деловой прессе. Анализ печатных СМИ показывает, что ресторанный бизнес стал рассматриваться как самостоятельное тематическое направление деловой журналистики не так давно. Особую популярность приобрёл тип медиатекста (МТ) с коммуникативным блоком «ресторанная критика». Целью статьи является рассмотрение места ресторанной критики в практиках СМИ, где она предстаёт перед адресатом в виде совокупности медиатекстов, событийной основой которых является посещение журналистом ресторана с целью профессиональной критики специфической кухни, винной карты, интерьера и атмосферы заведения общественного питания. В статье доказывается, что ресторанная критика не только акцентирует преимущества или недостатки заведения, но и формирует его образ, является неотъемлемым компонентом привлечения посетителей, а, следовательно, стимулирует бизнес. В средствах массовой информации уделяется всё больше внимания бизнес-тематике, а значит, шире представлен гастрономический дискурс. Посещение ресторана рассматривается в социологии в качестве досуговой деятельности, а в медиатексте, который является журналистским продуктом, присутствуют развлекательные интенции. Таким образом, данный тип медиатекста находится на стыке деловой и досуговой журналистики.

Ключевые слова: медиатекст, ресторанная критика, фрейм, слот, дискурс, коммуникативный блок, национальная кухня.

Alla Nikolayevna Teplyashina,
Doctor of Philology, Professor,
St. Petersburg State University
(13 Industrialny Pr., St. Petersburg, Russia, 195426),
e-mail: a-nik@list.ru

Media Text of Business Newspaper as a Subject of the Restaurant Business Development

Restaurant business is considered as a focal area of business journalism. Restaurant criticism appears to the recipient as a set of media texts. Event basis of media texts is a journalist's visiting to the restaurant. The purpose of the visit is the professional critic of specific cuisine, wine list, interior and catering atmosphere. In the restaurant critic minimized the history of material culture of the country. Information about food is one of the important components and volume information flow. An important aspect of the consumer society becomes a gastronomic hedonism. Mass-information discourse is the discourse of a particular type. This is a gastronomic discourse that is verbalized in different texts. Gastronomic discourse verbalized in the texts of the restaurant strategies. These texts reflect the specific business communications. The food is a good reason for communication. On this basis, the vast paradigm of human perception of the world and of human activity was built. Restaurant criticism is a marker of identity and self-identification of different catering establishments. Journalists use this type of speech as a description. The description is used to generate information about the services of a restaurant, which specializes in national cuisine. Elements of the national cuisine are the other countries' stereotypes.

Food plays an important role in the mass-information discourse. Food is an essential tool for intercultural communication. Gastronomic discourse is extensive and multifaceted. Gastronomic discourse is a sign system. In a sign system concentrated class and gender characteristics, national identity, subjective attitude (taste), cultural capital. Journalistic texts provide information about the national cuisine, especially its components, the process of consumption, cooking. In addition to the restaurant, critic estimation emerges a clear picture of the country, ranging from geographic and climatic conditions, ending with agriculture and local traditions.

Keywords: media text, restaurant critic, frame, slot, discourse, communication unit, national cuisine.

Ресторанный бизнес стал рассматриваться как самостоятельное тематическое направление деловой журналистики не так давно. Особую популярность приобрёл тип медиатекста (МТ) с коммуникативным блоком «ресторанная критика». Ресторанная критика предстаёт перед адресатом в виде совокупности медиатекстов, событийной основой которых является посещение журналистом ресторана с целью профессиональной критики специфической кухни, винной карты, интерьера и атмосферы заведения общественного питания.

На протяжении веков у разных народностей формировалась особая кухня, на становление которой в любую эпоху оказывает влияние совокупность условий порождения той или иной материальной и духовной национальной культуры (географические, климатические, исторические, религиозные). Следовательно, в ресторанной критике в свёрнутом виде представлена история материальной культуры страны, без знакомства с кулинарными традициями и предпочтениями которой выбор стратегий развития бизнеса нельзя считать оптимальным. Сведения о еде являются одной из немаловажных и объёмных составляющих информационного потока наших дней, обнаруживая при этом тенденцию к постоянному возрастанию качественно-количественных характеристик, в чём нельзя не увидеть проявления гедонистической ориентации современного общества. Важной стороной общества потребления становится гастрономический гедонизм, подтверждением чего является существование в рамках массово-информационного дискурса особого типа – гастрономического дискурса, который может быть вербализован в различных текстах, в том числе и в текстах о ресторанных стратегиях, отражающих специфику бизнес-коммуникаций. В отличие от кулинарного блока медиатекстов тревел-журналистики, посвящённых национальным кухням зарубежных стран, дискурс гастрономической критики в российской деловой журналистике сосредоточен на стратегиях ресторанного бизнеса.

Пища – первичная физиологическая потребность человека и одно из главнейших условий существования. Наряду с жильём, одеждой, географической средой она является универсальной категорией жизнеобеспечения. С одной стороны, пища – биоло-

гическая субстанция, необходимая человеку для обеспечения жизнедеятельности, но с другой – имеет мощную семиотическую проекцию в национальной культуре. Еда наделяется различными признаками – сакральными, эстетическими, политическими, социальными и этнокультурными, из чего вытекает многообразие практических и символических функций еды. Еда является базовой потребностью человека и одновременно частью материальной культуры, субъектом и объектом производственной деятельности.

Пища является элементом сложного процесса социализации. Социологи П. Бергер и Т. Лукман в исследовании «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» развивают мысль о том, что на выбор питания в большей степени влияют социальные факторы, нежели биологическая потребность. Базовые человеческие инстинкты, основанием которых являются биологические влечения, обретают пластичность: физиологическая потребность в питании и сексуальной разрядке не диктует то, что человек должен выбрать для удовлетворения данных потребностей. «Сексуальность и питание канализируются по особым направлениям – скорее, социально, чем биологически. <...> Так, успешно социализированный индивид не способен к сексуальному функционированию с “ложным” сексуальным объектом, и его может стошнить при встрече с “ложной” пищей. <...> Социальная канализация деятельности представляет собой сущность институционализации, которая является фундаментом для социального конструирования реальности. Можно сказать поэтому, что социальная реальность детерминирует не только деятельность и сознание, но в значительной мере и функционирование организма» [3, с. 291].

В своём трактате немецкие социологи делают вывод о том, что процесс потребления пищи и выбор продуктов имеет тесную взаимосвязь с положением человека в социуме [3, с. 301]. Пища дифференцируется в зависимости от социального статуса человека. Процесс идентичности личности носит гендерный, классовый, религиозный характер. Пища, являясь символически нагруженным феноменом, соотносена с иерархией благ и является признаком положения человека в обществе. «При этом дело не исчер-

пывается ограничениями, ибо суть в том, что привычка к той или иной пище предполагает наличие вполне определённого телесного габитуса. Социальные свойства личности, как и сам процесс аккультурации, – это, прежде всего, не интеллигибельная (умопостигаемая, познаваемая, мыслимая), а телесная практика» [15, с. 793].

М. Монтанари в монографии «Голод и изобилие» рассматривает историю цивилизации, многие аспекты которой (экономические, социальные, политические, культурологические) всегда имели связь с проблемами питания, через историю еды, производства и моделей потребления, аргументируя свой подход тем, что мировая история и еда неотделимы, т. к. ежедневное поддержание жизни является первейшей и неизбежной человеческой потребностью. Учёный также рассматривает отношения власти и социальное неравенство, в основе которых лежит наслаждение. Обществом движут не только физиологические потребности в пище, но и гедонистические. М. Монтанари аннотирует свой труд следующим образом: «История голода и изобилия, в которой решающую роль играет образный мир культуры» [9, с. 3].

«Что может быть более массовым, нежели информация о пище (еде), питании и способах (культуре) питания? Питание неотъемлемо от сути и существования человека как вида. Прежде всего, это источник его жизни: именно поэтому весь окружающий человека материальный мир дихотомичен по признаку “съедобное – несъедобное”» [11, с. 392]. Известный тезис о бытии, определяющем сознание, указывает на одну из главных фобий человечества – потерю ресурсов продолжения жизни, каковыми являются пища и вода. Именно пища оказывается тем основанием, на котором выстраивается обширная парадигма человеческого мировосприятия и человеческой деятельности. (Это означает, что данная область бытия не может не быть описана при помощи инструментов семиотики и, соответственно, – языковыми знаками) [11, с. 392]. Поэтому в рамках массово-информационного дискурса существует особый тип дискурса – гастрономический.

Выводы А. В. Олянича интересны не только потому, что характеризуют место ресторанной критики во всём массово-информационном дискурсе, но и потому, что

раскрывают особенности восприятия еды с точки зрения национальной самоидентификации, культурных особенностей разных стран и процесса глуттонической коммуникации. А. В. Олянич выделяет коммуникативные функции, которые исполняют лингвистические знаки гастрономического дискурса: «1) *тоническую или собственно денотативную*, связанную с закреплением в сознании коммуникантов образа еды, её качества, места и способа её приготовления, а также субъектов действий, связанных с приготовлением еды; 2) *директивную, или инструктивную*, описывающую структуру процесса приготовления пищи и регулирующие его качественные, количественные, разрешительные и запретительные характеристики; 3) *кваликативно-оценочную*, характеризующую социальное отношение к процессу приготовления и потребления пищи, а также формирующую культурные приоритеты в самом этом процессе; 4) *презентационную*, связанную с ритуализацией и драматизацией процесса глуттонической коммуникации» [11, с. 401].

Ресторанная критика является маркером идентификации и самоидентификации разных заведений общественного питания. Журналисты используют такой тип речи, как описание в формировании представления об услугах того или иного ресторана, специализирующегося на национальной кухне. Элементы национальной кухни становятся стереотипами восприятия других стран: «Знаки самоидентификации и национальной идентификации в полной мере описываются пословицей “О нас можно судить по тому, что мы едим” (англ. *We are what we eat*). Пища очень часто представляет собой свидетельство национальной самоидентификации и идентификации: англичане ассоциируют себя с ростбифом, бифштексом и пудингом; французы во всём мире именуются “лягушатниками”, поскольку лягушки – изысканная, но вполне доступная всем слоям французского общества еда; итальянцы – “макаронниками”, ибо макароны – широко известный стереотип всеобщего национального потребления, приписываемый итальянцам. Почему русские получили репутацию пьяниц? Прежде всего, потому, что за национальной принадлежностью закрепился образ потребителя водки. Почему латиноамериканские народы прозваны “самыми горячими ребятами” (*most hot guys*)?

Потому, что их типической пищей является острая еда (*hot spiced food*). Отсюда такие эмотивные (презрительные) номинации, как «банановая республика», «страна сыроедов» (Чукотка, Аляска)» [11, с. 403].

Также национальная самоидентификация тесно связана с религиозными стереотипами: угодность определённой пищи Богу – «кашерность», а также воздержание от определённых видов пищи в определённый период, религиозно обозначенный (христианский пост, мусульманский пост – Рамадан).

Мы живём в гедонистическом обществе, в котором еда становится не только необходимым элементом существования человека, но и важным аспектом, удовлетворяющим гедонистические потребности. Потребление пищи не сводится лишь к удовлетворению физиологических потребностей, также важной стороной потребления является гастрономический гедонизм – получение удовольствия от процесса еды. Потребление еды – процесс, который также может немало рассказать о национальных особенностях страны, жизненном укладе, т. к. в разных странах сформирована своя культура потребления.

«Рассуждая о культурной принадлежности пищи, можно с уверенностью заявить, что она представляет собой весьма важную сторону культуры потребления. <...> Так, для американской культуры потребления характерно прагматическое отношение к еде, что лингвистически выражается такими знаками, как «fast food» («быстрая еда»), «catering» («быстрое массовое питание»), «junk food» («питание на скорую руку, всухомытку»)» [11, с. 401]. Еда занимает важное место в массово-информационном дискурсе, являясь неотъемлемым инструментом межкультурной коммуникации.

«Массово-информационный дискурс также оказывается регулятором взаимодействия национальных культур, распространяя информацию о способах приготовления и манере потребления пищи разными нациями и народностями, формируя при этом предпочтения потребителя и напоминая ему о его национальной принадлежности, тем самым, способствуя его национальной самоидентификации. Здесь необходимо сказать о транснациональной тенденции в массовой коммуникации разворачивать вектор внимания к той или иной культуре,

в том числе, и в области потребления пищи в связи с социально и политически важными событиями. По данным экономического телеагентства «Bloomberg TV», вступление Китая в ВТО (Всемирную торговую организацию) и широкое освещение этого факта в средствах массовой информации резко увеличили посещаемость китайских ресторанов по всему миру. Вскользь произнесённое признание Владимира Путина о его приверженности японскому блюду из рыбы «суши» сделало это блюдо самым модным в ресторанах Москвы» [11, с. 425].

Гастрономический дискурс обширен и многогранен, он представляет собой знаковую систему, в которой сконцентрированы и классовые, и гендерные характеристики, национальная самоидентификация, субъективное отношение (вкус) и культурный капитал.

Ресторан национальной кухни отражает целостный образ страны. Благодаря журналистским текстам, можно получить информацию о национальной кухне, особенностях её компонентов, процессе потребления, приготовления пищи. В ресторанной критике помимо оценки заведения вырисовывается отчётливая картина страны, начиная от географических и климатических условий, заканчивая сельским хозяйством и местными традициями.

В средствах массовой информации всё больше уделяется внимания бизнес-тематике, а значит, всё шире представлен гастрономический дискурс. Посещение ресторана рассматривается в социологии в качестве досуговой деятельности, а в медиатексте, который является журналистским продуктом, присутствуют развлекательные интенции, таким образом данный тип медиатекста находится на стыке деловой и досуговой журналистики. В научных разработках В. И. Шаргородского [15, с. 37], Л. Р. Дускаевой [5, с. 10], В. И. Конькова [7, с. 132], И. В. Анненкова [1, с. 114] исследуются особенности текстов, создаваемых в сфере досуговой журналистики, авторы также уделяют внимание социокультурным процессам досуговой сферы – становлению развлекательности как ведущей доминанты медиадискурса, коммерциализации досуга, культуре гедонизма в обществе, – что непременно находит отражение в журналистском творчестве, а также в формировании актуальных тем и содержании текстов. Дело-

вая журналистика создаёт бизнес-дискурс, при этом авторы предоставляют адресату информацию не только о стратегиях ресторанного бизнеса, но и о возможностях, которые открывает посещение ресторана – бизнес-ланч, обед или ужин, во время которого устанавливаются деловые контакты, заключаются сделки. Главная задача журналиста – дать представление о ресторане как объекте переговоров, как месте культурного проведения досуга, а также воздействовать на адресата так, чтобы он захотел посетить данное заведение, и более того – стать его постоянным клиентом. Соответствующий медиатекст является элементом гастрономического дискурса. Содержательной основой данного дискурса является посещение журналистом заведения общественного питания с целью его объективной оценки. Медиатекст появляется в результате межкультурной коммуникации: главная задача его автора – дать информацию о ресторане, оценить его конкурентные преимущества, описать особенности кухни, интерьера и т. д. Соответственно текст ресторанной критики рассматривается также как инструмент межкультурной коммуникации, способствует инкультурации адресата.

В медиатексте деловой газеты реализуется просветительская функция. Независимо от целеустановки автора и типа текста с его помощью неинкультурированный адресат приобретает новые знания, получая новую информацию о разных национальных блюдах, заполняя ранее пустовавшие слоты и тем самым расширяя свою картину мира. Для читателя, уже имеющего сложившееся собственное представление о стране, просветительская функция также реализуется, поскольку текст углубит и скорректирует это представление, он воспринимает текст диалогически: ему интересно сравнить собственные впечатления и суждения о стране, с теми, которые он находит в тексте [12, с. 78].

Медиатекст с блоком ресторанной критики является полиинтенциональным. В нём сочетаются такие интенции, как информирование, развлечение, убеждение, а также рекламирование. С учётом данных интенций и того факта, что МТ с блоком ресторанной критики присутствует в разных типах периодических изданий, а его автор обладает разными коммуникативными намерениями, выделим следующие его типы:

- информационно-познавательный;
- информационно-популяризирующий;
- информационно-рекламный.

Поскольку в тексте о ресторанном бизнесе, вербализующем представляемую реальность, языковые единицы – символические знаки – являются заместителями предметов и событий, можно говорить о дейктической стороне МТ.

Дейксис – это «указание как значение или функция языковой единицы, что выражается лексическими и грамматическими средствами» [8, с. 103]. Согласно Н. Д. Арутюновой, дейксис принадлежит к сфере прагматики, поскольку он связан с контекстом, с ситуацией речи. Сфера дейксиса включает в себя «указание на участников речевого акта (ролевой дейксис) – говорящего и адресата; указание на предмет речи; указание на степень отдаленности объекта высказывания; указание на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта (хронотопический дейксис)» [2, с. 216].

Дейксис является предметным аспектом МТ, выступая характеристикой отражаемой ситуации. Дейктические элементы текстов о ресторанном бизнесе многокомпонентны. Предмет текста рассматривается как фрейм «критика». В словаре иностранных слов «фрейм» (от англ. *frame* – «рамка, схема») определяется как «информационная структура, предназначенная для представления стереотипной ситуации; минимальное описание какого-либо явления, факта или объекта, представленное таким образом, что удаление любой составляющей разрушает это описание» [6, с. 759]. Фрейм представляет собой систему образующих его слотов. Слот характеризует «некоторое свойство или связь описываемого фреймом понятия или объекта» [10, с. 288]. В тексте слоты выступают как самостоятельные, взаимосвязанные элементы. В совокупности слоты позволяют автору создать текстовую репрезентацию соответствующего объекта. В МТ фрейм «ресторанная критика» состоит из следующего ряда слотов:

- объекты (заведения общественного питания);
- ресторанная кухня;
- фирменные блюда;
- винная карта;
- интерьер;
- культура обслуживания;
- музыкальное сопровождение;

- транспортное сообщение;
- парковка;
- цены.

Модальность МТ двупланова и представляет собой сочетание объективности в представлении ресторана как элемента реальной действительности и субъективности в восприятии её журналистом или персонажем МТ, однако автор качественного МТ стремится к балансу этих составляющих, следуя принципу достоверности журналистики, а также стремясь к реализации её просветительской функции. Однако в МТ коммуникативным намерением автора является не только информирование, но и установление длительного контакта с адресатом, поскольку у последнего формируется позитивное впечатление об описываемом заведении общественного питания, благодаря которому должно возникнуть желание его посетить. Важно, чтобы моделируемый в сознании потребителя информации образ автора-критика не вызывал у него отторжения.

Медиатекст многокомпонентен, и его дейктическая составляющая (слоты фрейма «ресторанная критика») обширна и, как правило, вербализует слот «национальная кухня».

Слот «национальная кухня» присутствует в большинстве МТ. Гастрономия и кулинария сегодня являются активно развивающимися направлениями и неразрывно связаны с деловыми встречами и одновременно досугом, в том числе с путешествиями. Субъекты обязательно сталкиваются с физиологической потребностью приёма пищи и употребляют блюда, либо приготовленные жителями принимающей страны, либо приготовленные из продуктов, производимых/произрастающих в данной конкретной стране, и тем самым знакомятся с национальной кухней и пищевыми предпочтениями её жителей. «Если ты путешественник, то обязан попробовать еду народа, у которого ты в гостях» [4, с. 121].

Национальная кухня представляет целостный образ страны. Кухни разных регионов и этнических групп эксклюзивны и не имеют аналогов, поэтому в МТ для обозначения элементов национальной кухни часто используется безэквивалентная заимствованная лексика – экзотизмы. Такие слова являются для адресата знаками чужой культуры и обеспечивают тексту повышенное внимание читателя.

Для анализа эмпирической базы с целью определения роли национальной кухни, а также для выявления интенциональных особенностей её представления в МТ следует придерживаться метода коммуникативно-смыслового членения текста на коммуникативные блоки.

Коммуникативный блок – текстовая функционально-смысловая единица, представляющая собой результат языковой материализации одного или нескольких коммуникативно-познавательных действий (смыслов), функционирующая в качестве структурного элемента содержания и характеризующаяся коммуникативной направленностью на выражение актуальной для автора и читателя информации [13, с. 267].

Таким образом, коммуникативный блок является единым, последовательно объединённым смысловым фрагментом текста. Безусловно, на сегодняшний день существуют и другие методы членения текста как с синтаксической (членение текста на предложения), так и с графической стороны (членение текста на абзацы), однако для реализации поставленных задач наиболее эффективным нам представляется членение текста с функционально-смысловой точки зрения на смысловые и коммуникативные блоки.

Определение и описание коммуникативного блока как текстовой единицы является результатом целого комплекса факторов: наличия программы информирования читателя посредством экспликации коммуникативно-познавательных операций автора, возможности реализации когнитивными действиями одновременно нескольких функций в процессе формирования смысловой структуры текста [13, с. 268]. К основным функциям абзацного деления относят логико-смысловую, экспрессивно-эмоциональную, а также акцентно-выделительную. Очевидно, что функции могут совмещаться полностью или частично. Основное назначение абзаца – расчленение текста с целью выделения его компонентов для расстановки акцентов. В свою очередь, коммуникативный блок определяется иными функциями – экспликацией наиболее важных для автора и читателя операций когнитивного процесса, формированием структуры смыслового содержания, участием в развёртывании целого текста.

Ресторанная критика не только акцентирует преимущества или недостатки заведения, но и формирует его образ, является неотъемлемым компонентом привлечения посетителей, а, следовательно, стимулирует бизнес. Ресторанная критика выступает маркером идентификации заведений как мест деловых контактов и культурного отдыха, наделена мощной символической

ролью, является инструментом транслирования национальной культуры. Медиатекст полиинтенционален. Представление национальной кухни в МТ зависит от типа издания, его интенциональных особенностей, а также коммуникативных намерений журналиста, представляющего редакцию делового издания.

Список литературы

1. Анненков И. В. Риторика гедонизма в современных СМИ // Досуговая журналистика в России: материалы межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2009. С. 114–117.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Вокруг Света. 2012. № 10 (2865). 272 с.
5. Дускаева Л. Р. Досуговое направление в Российской журналистике: подходы к типологизации // Досуговая журналистика в России: материалы межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2009. С. 10–13.
6. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо-Пресс, 2006. 1308 с.
7. Коньков В. И. Дискурс досуга // Досуговая журналистика в России: материалы межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2009. С. 130–133.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Больш. Рос. энцикл., 2002. 507 с.
9. Монтанари М. Голод и изобилие: история питания в Европе. СПб.: Александрия, 2009. 286 с.
10. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2003. 320 с.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
12. Редькина Т. Ю. Трэвел-текст: просвещение, убеждение или развлечение? // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: материалы 50-й Междунар. науч. конф. /отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2011. С. 77–79.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003. 696 с.
14. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. 840 с.
15. Шаргородский В. И. О соотношении понятий «досуг» и «досуговая журналистика» // Досуговая журналистика в России: материалы межвуз. науч.-практ. конф. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2009. С. 34–39.

References

1. Annenkov I. V. Ritorika gedonizma v sovremennykh SMI // Dosugovaya zhurnalistika v Rossii: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2009. S. 114–117.
2. Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988. 341 s.
3. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.
4. Vokrug Sveta. 2012. № 10 (2865). 272 s.
5. Duskaeva L. R. Dosugovoe napravleniye v Rossiiskoi zhurnalistike: podkhody k tipologizatsii // Dosugovaya zhurnalistika v Rossii: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2009. S. 10–13.
6. Komlev N. G. Slovar' inostrannykh slov. M.: Eksmo-Press, 2006. 1308 s.
7. Kon'kov V. I. Diskurs dosuga // Dosugovaya zhurnalistika v Rossii: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2009. S. 130–133.
8. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Bol'sh. Ros. entsikl., 2002. 507 s.
9. Montanari M. Golod i izobilie: istoriya pitaniya v Evrope. SPb.: Aleksandriya, 2009. 286 s.
10. Nelyubin L. L. Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'. M.: Flinta, 2003. 320 s.
11. Olyanich A. V. Prezentatsionnaya teoriya diskursa. Volgograd: Paradigma, 2004. 507 s.
12. Red'kina T. Yu. Trevel-tekst: prosveshcheniye, ubezhdeniye ili razvlecheniye? // Sredstva massovoi informatsii v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya: materialy 50-i Mezhdunar. nauch. konf. /otv. red. S. G. Koronosenko. SPb., 2011. S. 77–79.
13. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoi. M.: Flinta, 2003. 696 s.
14. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'. M.: Sov. entsikl., 1983. 840 s.
15. Shargorodskii V. I. O sootnoshenii ponyatii «dosug» i «dosugovaya zhurnalistika» // Dosugovaya zhurnalistika v Rossii: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, 2009. S. 34–39.

Статья поступила в редакцию 02.02.2015

УДК 801.73
ББК (Ш)81

Никита Вячеславович Часовский,
аспирант,
Челябинский государственный университет
(454084, Россия, г. Челябинск, пр-т Победы, 162в),
e-mail: nikita-nox@mail.ru

Интернет-мем как особый жанр коммуникации

Статья посвящена анализу мемов как особого жанра интернет-коммуникации. Рассматриваются их важнейшие характеристики и особенности функционирования. Автор утверждает, что иконический компонент мема отвечает принципу визуализации как доминантной характеристике интернет-общения и необходим для максимально быстрой и точной передачи не только содержащейся в нём информации, но и отношения к ней участника коммуникации (его эмоций, переживаний, впечатлений, часто носящих остроумный и иронический характер). Вербальный компонент мема также подчинён особенностям виртуальной коммуникации, поэтому характеризуется неофициальностью, непринуждённостью, вписанностью в конситуацию, свободой в использовании языковых средств. В целом в исследовании выделяются такие жанровые признаки интернет-мема, как спонтанность, стремление заинтересовать и охватить как можно большее количество пользователей, «кратко-живучесть» в сочетании с потенциалом дальнейшего развития, развлекательный характер, нацеленность на привлечение и удержание внимания, быстрая распространяемость (при условии популярности). Отмечается, что внешне коммуникация с помощью мемов носит односторонний характер: автор публикует в Интернете созданный им текст, а остальные участники коммуникации оценивают его специальными средствами комментирования.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, интернет-мем, визуализация, жанр.

Nikita Vyacheslavovich Chasovskiy,
Postgraduate Student,
Chelyabinsk State University
(V 162 Pobeda Pr., Chelyabinsk, Russia, 454084),
e-mail: nikita-nox@mail.ru

The Internet-Meme as a Special Genre of Communication

This article analyzes the meme as a special genre of Internet communication. The most important characteristics and operational features are considered. The author claims that the iconic meme component corresponds to the principle of visualization as a dominant characteristic of Internet communication and is essential for the most rapid and accurate transmission of not only the information it contains, but also the attitude of the communication participant to it (his emotions, feelings, impressions, often having witty and ironic character). The verbal component of the meme is also subordinated to the features of virtual communication is therefore characterized as informal, ease, inscribed in con-situation, having the freedom of using the linguistic resources. In general, in the research, such genre features of the internet meme like spontaneity, aspiration to interest and cover the largest possible number of users, "short-living" in conjunction with the potential for further development, the entertainment purposes, focus on attracting and retaining the attention, the fast spreading (provided the popularity) are allocated. It is noted that external communication via memes is one-sided: the author publishes in the Internet the created text, and the other participants of communication rate it with the special means of commenting.

Keywords: virtual communication, internet meme, visualization, genre.

Коммуникация в Интернете имеет ряд специфических особенностей, одной из которых является насыщенность визуализированными образами. При довольно скудном наборе невербальных элементов общения в сети пользователи всё активнее

стремятся выразить свои эмоции, переживания, впечатления, отношение к собеседнику или ситуации.

В связи с этим вполне закономерно появление интернет-мемов, под которыми в широком смысле понимаются любые визуаль-

ные сегменты электронной коммуникации: высказывание, картинка с вербальным компонентом, видео- или звукоряд, распространённые в сети Интернет и несущие какую-либо информацию [7]. Как правило, информация, заключённая в меме, носит остроумный и иронический характер, благодаря чему мем приобретает популярность среди интернет-пользователей и спонтанно распространяется ими в сети.

В настоящей статье термин «интернет-мем» используется в узком значении: мы понимаем под ним креолизованный текст, поэтому будут анализироваться мемы, в которых вербальный и невербальный компонент (картинка, изображение) составляют нерасторжимое единство. Подобный текст, по сути, является тем же словесным оформлением ситуации социального взаимодействия, но дополнен иконическим элементом для максимально быстрой и точной передачи не только информации как таковой, но и отношения к ней автора.

На наш взгляд, интернет-мем следует рассматривать в качестве особого жанра коммуникации. Под жанром при этом подразумевается совокупность существенных свойств, содержательных и формальных параметров коммуникативного взаимодействия, на основе которых возможно группировать и дифференцировать соответствующие разновидности текстов. Наиболее важными являются такие параметры коммуникации, как цель и мотивы общения; статусно-ролевые характеристики коммуникантов; модальность, или тональность, общения (официальное, нейтральное, дружеское); способ коммуникации (устный/письменный, контактный/дистантный) [2, с. 34]. Именно жанры, по нашему мнению, выступают главным средством организации социального взаимодействия людей в различных сферах.

Специфику интернет-мема составляют два основных момента: функционирование в виртуальном пространстве (сети Интернет) и креолизованный характер (взаимодействие характеристик вербального и визуального компонентов).

Виртуальное общение в сети, безусловно, обладает рядом отличительных признаков. Так, Е. И. Горошко выделила следующие характеристики компьютерно-опосредованной коммуникации:

– наличие в текстах гиперссылочного аппарата и гипермедиа;

– особенности собственно электронного письма (которое, по сути, является ещё одной формой речи наряду с устной и письменной);

– протекание коммуникативного процесса в условиях постоянно меняющейся среды с колеблющимся объёмом информации в текстовом, визуальном и в звуковом форматах;

– достаточно высокую степень креолизованности электронного текста с возможностью «включения» аудиовизуальной информации (при этом с приходом технологий второго веба эти возможности увеличиваются экспоненциально);

– высокую значимость параграфемических средств [6];

– всё расширяющиеся возможности в выборе дизайна текста (шрифт, цвет, размещение текстовой информации на электронной странице и способы навигации по ней);

– компактное хранение больших объёмов различной семиотической информации, включая текстовую;

– временные особенности развёртывания текста перед коммуникаторами (лента чата, форума или последовательность комментариев в блогах);

– возможности постоянной правки текста и коллективное авторство многих текстов (например, вики-проекты во втором вебе);

– осуществление практически мгновенного тиражирования текстового материала, высокая скорость распространения и редактирования электронного текста, одновременная работа с текстом большого количества людей, интеграция текста с другими семиотическими системами [3, с. 17].

Будучи частью виртуальной коммуникации, интернет-мем выступает разновидностью «естественной письменной речи» и обладает такими признаками, как *неофициальность* (зачастую социальные рамки в Интернете полностью стираются); *спонтанность* (между возникновением желания/необходимости довести до собеседника какую-либо информацию и его осуществлением проходит незначительный промежуток времени; часто смысл отправленного сообщения, наличие в нём грамматических и/или стилистических, речевых ошибок осознаётся уже после его отправки); *непрофессиональность* (авторы интернет-мемов

являются обычными пользователями, как и миллионы других), а также характеризуется «непринуждённостью, непосредственностью, вписанностью в конситуацию, в психологическое и социальное бытие автора» [4, с. 9].

Важной особенностью рассматриваемых текстов выступает отсутствие каких-либо требований к оформлению информации: выбор используемой лексики (в том числе нецензурной), стиля, художественных средств, темы и способов её преподнесения зависит исключительно от желания автора и его ориентированности на ту или иную аудиторию.

Таким образом, можно выделить следующие особенности интернет-мема как жанра:

- спонтанность;
- стремление заинтересовать и охватить как можно большее количество пользователей [1; 5];
- «кратко-живучесть», но при этом наличие большого потенциала для дальнейшего развития и распространения;
- развлекательный характер;
- нацеленность на привлечение и удержание внимания;
- быструю распространяемость (при условии высокой популярности).

Стоит отметить, что процесс коммуникации с помощью интернет-мемов внешне проявляет себя как односторонний. Автор интернет-мема публикует своё творение,

а пользователи (получатели информации) просматривают материал, оценивая его комментариями, «лайками» (от англ. *to like* – «нравиться») или «дислайками» (от англ. *dislike* – «не нравится»), «репостами» (от англ. *repost* – «переотправка»). Реципиент имеет также возможность не оценивать сообщение ни положительно, ни отрицательно.

Наглядным примером выстраивания подобной коммуникации может служить рис. 1, где публикация автором во многом провокационной картинкой вызвала бурную реакцию, перешедшую из разряда «автор – читатель» в «читатель – читатель» (когда пользователи, поддерживая или оспаривая взгляд автора, вступают в коммуникацию друг с другом) [8].

Популярность любой публикации в Интернете определяется количеством откликов, не важно, положительных или отрицательных. В данном случае наглядно продемонстрирована «жизнь» интернет-мема, который «жив», пока интересен. На рис. 1 представлен мем в день его публикации, отмечено большое количество «лайков», «дислайков» и комментариев. На рис. 2 представлен тот же мем через 22 дня, где видно, что количественные параметры, отражающие популярность мема, изменились: число «лайков» увеличилось с 722 до 975, «дислайков» – с 330 до 455, комментариев – с 192 до 330.

Рис. 1. Интернет-мем в день его публикации

Рис. 2. Интернет-мем через 22 дня

Таким образом, характерные особенности функционирования интернет-мемов подтверждают, что они являются самостоятельным жанром коммуникации. Дальней-

шее изучение интернет-взаимодействия с помощью мемов позволит выявить динамику этого феномена и особенности его влияния на коммуникантов.

Список литературы

1. Голованова Е. И. Бдыжь, Блондинко, Мастер йода... и другие (о стратегиях автономии в Интернете) // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: VI Междунар. науч. конф. (Днепропетровск, ДНУ им. Олесья Гончара, 22–23 апреля 2013 г.): материалы. Днепропетровск: Нова идеология, 2013. С. 73–76.
2. Голованова Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 1 (292). С. 32–35.
3. Горошко Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов, 2009. С. 11–27.
4. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю. Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: КРАСАНД, 2011. 256 с.
5. Мечковская Н. Б. Лингвистический киберпанк в русском Интернете: функции и виды языковой игры с английскими заимствованиями // Slavistična revija. 2007. № 1–2. Р. 47–65.
6. Попова Т. В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива. Екатеринбург, 2009. С. 147–176.
7. Часовский Н. В. Самопортрет студента в Интернете (на примере мема «Веселый студент») // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2014. № 10 (339). Вып. 90. С. 151–153.
8. Пикабу [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pikabu.ru/story/kak_myi_v_rossii_plokho_zhivem_2663939. 21.10.2014

References

1. Golovanova E. I. Bdyzh', Blondinko, Master ioda... i drugie (o strategiyakh avtonomina-tsii v Internete) // Leksiko-grammatische innovatsii v sovremennykh slavyanskikh yazykakh: VI Mezhdunar. nauch. konf. (Dnepropetrovsk, DNU im. Olesya Gonchara, 22–23 aprelya 2013 g.): ma-terialy. Dnepropetrovsk: Nova ideologiya, 2013. S. 73–76.
2. Golovanova E. I. Professional'nyi diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noi kom-munikatsii: sootnoshenie ponyatii // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2013. № 1 (292). S. 32–35.
3. Goroshko E. I. Internet-zhanr i funktsionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii // Zhanry rechi. Vyp. 6. Zhanr i yazyk. Saratov, 2009. S. 11–27.
4. Lebedeva N. B., Zyryanova E. G., Plaksina N.Yu. Zhanry estestvennoi pis'mennoi rechi: studencheskoe graffiti, marginal'nye stranitsy tetradei, chastnaya zapiska. M.: KRASAND, 2011. 256 s.
5. Mechkovskaya N. B. Lingvisticheskiy kiberpank v russkom Internete: funktsii i vidy yazykovoi igry s angliiskimi zaimstvovaniyami // Slavistična revija. 2007. № 1–2. P. 47–65.
6. Popova T. V. Kreolizovannye derivaty kak element russkoi pis'mennoi kommunikatsii rubezha KhKh–KhKhI vv. // Lingvistika kreativa. Ekaterinburg, 2009. S. 147–176.
7. Chasovskii N. V. Samoportret studenta v Internete (na primere mema «Veselyi stu-dent») // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Ser. «Filologiya. Iskusstvovedenie». 2014. № 10 (339). Vyp. 90. S. 151–153.
8. Pikabu [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://pikabu.ru/story/kak_myi_v_rossii_plokho_zhivem_2663939. 21.10.2014

Статья поступила в редакцию 16.11.2014

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ ORIENTAL STUDIES

УДК 294.321
ББК Э355

Андрей Александрович Базаров,
доктор философских наук,
Центр восточных рукописей и ксилографов,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670042, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: bazarow_andr@mail.ru

Праджня-парамита тексты (XV–XX вв.) в бурятских монастырях¹

В статье рассматривается развитие тибетоязычной литературы Парчин XVI–XX вв. в монастырской системе Бурятии. Археографический анализ сформирован на базе данных коллекции буддийской схоластической литературы «Чойра» тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН и традиционных библиографических справочников «гарчаки» крупнейших буддийских центров Бурятии (XIX – нач. XX в.). В статье зафиксирован факт того, что в системе буддийского образования в бурятских монастырях в области литературы Парчин XVI–XX вв. базовым автором являлся Гунчен Джамьян Шепа – основатель учебной традиции факультета Гоман [sGo mang] монастырского комплекса Дрепунг [‘Bras sprung] в Лхасе и учебной традиции монастыря Лавран [Bla brang] в Амдо. Всех авторов данного периода можно рассматривать как его предшественников и как его последователей. В статье подтверждается тот исторический факт, что благодаря всплеску творческого потенциала представителей данных регионов в буддийской культуре всей Внутренней Азии произошёл своеобразный ренессанс тибетской схоластики. Особую роль в этом сыграли амдоские монастыри Лавран и Гумбум, монгольский Гандан, Гомандацан лхасского монастыря Дрепунг, бурятские монастыри современной Бурятии и Забайкальского края.

Ключевые слова: литература Парчин, буддийская схоластическая культура, Бурятия, Внутренняя Азия.

Andrey Aleksandrovich Bazarov,
Doctor of Philosophy,
Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of IMBTS SB RAS
(6 Sachyanovskay St., Ulan-Ude, Russia, 670042),
e-mail: bazarow_andr@mail.ru

Texts of Prajna-Paramita (the XV–XX Centuries) in the Buryat Monasteries

The article discusses the development of the Parchin literature (the XV–XX centuries) in the monastic system of Buryatia. The book analysis has been done on the DB of Buddhist scholastic literature “Choira” collection of the Center of Oriental manuscripts and xylographs (IMBTS SB RAS) and traditional bibliographic catalogues (garchaks) of the largest Buddhist centers of Buryatia (the XIX – beginning of the XX centuries). The paper reveals the fact that Jamyang Shepa (1648–1722) [‘Jam dbyangs bzhad pa ngag dbang brtson grus] was the basic author in the Parchin literature (XV–XX centuries AD) in the education system of the Buryat monasteries. He was the founder of the educational tradition of the Goman Faculty [sGo mang] in Lhasa and educational tradition of the Labran [Bla brang] monastery in Amdo. All authors of this period can be looked upon as his predecessors and his followers. The article confirms the fact that due to hard work of scholars of this period the renaissance of Buddhist scholasticism has occurred in the Inner Asia. The Amdo monasteries Labran and Gumbum, Lhasa monastery – Drepung, Mongolian – Gandan, Buryat monasteries – Tsugol and Aga have played important role in this historical event.

Keywords: literature Parchin, Buddhist scholastic culture, Buryatia, Inner Asia.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Реалии буддийской книжности: между философией и ритуалом». Проект № 14–03–00379. The paper was compiled through financial support of Russian Foundation for Humanities (Grant 14–03–00379).

Обращаясь к изучению буддийского литературного наследия XV–XX вв.¹ в области *праджня-парамита* в бурятских монастырях, необходимо указать на тот исторический факт, что последователи великого реформатора Цзонхавы – гелукпинцы, связанные с регионом, объединяющим Амдо, Монголию и Бурятию, сформировали в XV–XX вв. единую школьную систему северо-восточного направления развития тибето-буддийской схоластики. Особое место в этом процессе сыграл выдающийся представитель «исторической области Амдо» – Гунчен Джамьян Шепа (1648–1722) [‘Jam dbyangs bzhad pa ngag dbang brtson grus]. Бурятские ученые-монахи традиционно рассматривают его в качестве основателя учебной традиции факультета Гоман [sGo mang] монастырского комплекса Дрепунг [‘Bras sprung] в Лхасе и учебной традиции монастыря Лавран [Bla brang] в Амдо. Контекст данного имени настолько важен для местных схоластов, с точки зрения преемственности традиции, что после ближайших учеников Цзонхавы всех авторов XV–XX вв. они рассматривают либо в качестве предшественников, либо современников, либо последователей – создателя «амдоской традиции» в тибетском систематическом образовании. Хотя в своём исследовании мы не собираемся полностью следовать данному представлению, тем не менее, будем от него отталкиваться в изучении тибетской схоластической литературы в области *праджня-парамита*.

Что касается предшественников Джамьян Шепы, иначе, авторов, чьи работы присутствуют в коллекции чойра ИМБТ СО РАН и которые жили с середины XV до середины XVII в., то первым является основатель факультета Че монастыря Сера [Se-ra byes grwa tshang] – Палжор Лхундуб [Dpal ‘byor lhun grub, 1427–1514]. Его работа «Светильник ученья» [тиб. Rgyal ba’i gsung rab kyi drang nges ‘byed pa’i rnam bshad legs bshad snying po’i don gsal bar byed pa’i bstan pa’i sgron me]² посвящена комментированию проблемы «относительного и абсолютно-

го» в речи Будды. Также к плеяде «предшественников» можно отнести выдающегося представителя школы Гелук – Сонам дагпу [тиб. Bsod nams grags pa, 1478–1554]. Его сочинение «Освещающий светильник» [тиб. Shes rab kyi pha rol tu phyin pa’i man ngag gi bstan bcos mngon par rtogs pa’i rgyan ‘grel pa dang bcas pa’i snying po rgyan gyi don legs par bshad pa yum don gsal ba’i sgron me, TCh-2901], хранящееся в коллекции Чойра, является базовым комментарием по предмету *праджня-парамита* на факультете Лосалинг монастыря Дрепунг. К сожалению, место издания текста определить не удалось. В коллекции Чойра был обнаружен четвёртый раздел базового учебного компендиума для факультета Ме [тиб. smad grwa tshang] монастыря Сера – «Проявление сущности украшения...» [тиб. Bstan bcos mngon par rtogs pa’i rgyan rtza ‘grel gyi spyi don rnam bshad snying po rgyan gyi snang ba zhes bya ba las skabs bzhi pa, TCh-0315], автором которого является известный учёный Гедун данпа дэя [тиб. Dge ‘dun bstan pa dar rgyas, 1493–1568]. Место издания текста определить не удалось. У представителя монастыря Сера – Чокьи Гялцан [тиб. Chos kyi rgyal mtshan, 1469–1544/46] несколько работ. Первая – это «Ожерелье мудрости» [тиб. Dge ‘dun nyi shu’i mtha’ dpyod rje btzun chos kyi rgyal mtsan dpal bzang po’i gsung rtzom dri ma med pa mkhas pa’i mgul rgyan, TCh-0722], эта работа посвящена специальной теме «двадцать шравака-пудгала-крамас» из Абхисамаяаламкара. Другая его работа – «Драгоценная гирлянда» [тиб. Rje btsun chos kyi rgyal mtshan gyis mdzad pa’i drang nges nam ‘byed kyi spyi don rgol ngan tshar gcod rin che’i phreng ba, TCh-2539] посвящена комментированию проблемы «относительного и абсолютного». Следующее сочинение Чокьи Гялцан – «Ожерелье мудрости» [тиб. Rten ‘brel gyi thal phreng mkhas pa’i mgul rgyan ces bya ba rje btsun chos kyi rgyal mtshan dpal bzang po’i gsung rgyun bzhin du, TCh-2666] – посвящено разбору буддийской теории пратитья-самутпада («зависимого происхождения»). Место издания текстов Чокьи Гялцан определить не удалось, два последних произведения отпечатаны на русской бумаге. Замыкает группу авторов, живших до Джамьян Шепы, первый панчен-лама Лобсан чокьи гялцан [Blo bzang chos kyi rgyal mtshan, 1570–1662]. Его работа «Толкование сущностных тем из первого раздела Абхисама-

¹ Анализ данного наследия основан на коллекции буддийской схоластической литературы «Чойра» (КЧ), хранящейся в тибетском фонде ИМБТ СО РАН [1], и комплексе библиографических справочников, связанных с издательской деятельностью буддийских монастырей Бурятии [2; 3].

² Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0445, TCh-2890.

яламкара» [Shes rab kyi pha rol tu phyin pa'i man ngag gi bstan bcos mngon par rtogs pa'i rgyan gyi snying po'i snying po gsal bar legs par bshad pa'i rgya mtzo las skabs dang po nam par bshad pa] вызывает значительный научный интерес¹.

Далее в коллекции Чойра ИМБТ СО РАН мы встречаем произведения самого Гунчен Джамьян Шепы. В области праджня-парамита литературное наследие великого учёного впечатляет своим многообразием и фундаментальностью. В первую очередь, необходимо выделить энциклопедический труд Чжамьян Шадпы «Комментарий на драгоценные чётки» [Bstan bcos mngon par rtogs pa'i rgyan gyi mtha' dpyod shes rab kyi pha rol tu phyin pa'i don kun gsal ba'i rin chen sgron me zhes bya ba legs pa]², имеющий 8 частей, соответствующие комментарии индийского учёного VIII в. н. э. Харибхадры и посвящённый толкованию восьми разде-

лов из Абхисамаяламкара. В коллекции представлены в основном экземпляры, изданные в Цугольском дацане [3, с. 85]. Далее большой интерес вызывает небольшая работа «Критический комментарий на восьмой раздел парчин» [Phar phyin skabs brgyad pa'i mtha' dpyod bsam 'phel yid bzhin nor bu'i 'phreng mdzes skal bzang mig 'byed]³. Это своеобразное переложение восьмой части предыдущего произведения, изданное в Агинском дацане [2, с. 58]. Следующее сочинение из коллекции – это «Комментарий на Легшед ньипо» [Drang ba dang nges pa'i don nam par 'byed pa'i mtha' dpyod 'khrul bral lung rigs beed'ur dkar po'i gan mdzod skal bzang re ba kun skong]⁴, что является оригинальной презентацией работы Цзонхавы по поводу неаярта и нитарта (относительного и абсолютного). Произведение в основном представлено изданиями Цугольского [3, с. 85] и Гусиноозёрского дацанов [3, с. 79]. В коллекции можно обнаружить более краткую форму комментария на вышеуказанную работу Цзонхавы «Ожерелье пояснений» [Drang nges nam 'byed kyi mtha' dpyod mdor bsdus blo gsal mgrin rgyan]⁵, отпечатанного в Анинском дацане, указание в колофоне. Ещё одно произведение на предыдущую тему «Замечания» ['Jam dbyangs bzhad pa'i rdo rjes mdzad pa'i drang nges nam 'byed kyi zin bris]⁶ было отпечатано в Гусиноозёрском [3, с. 79] и Агинском дацанах [3, с. 83]. Затем необходимо отметить две работы, посвящённые теме чатурдхьянас (четыре медитации) как на уровне рупадхату (реальность формы), так и на уровне арупадхату (реальности не-формы). Это «Пропедевтическое толкование» [Bsam gzugs kyi snyoms 'jug rnam kyi rnam par bzhag pa'i bstan bcos thub bstan mdzes rgyan lung dang rigs pa'i rgya mtso skal bzang dga' byed]⁷ и

¹ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0298, TCh-0307, TCh-0635.

² Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: (1) TCh-0347, TCh-0468, TCh-0561, TCh-0563, TCh-0592, TCh-0614, TCh-0662, TCh-0723, TCh-0790, TCh-0898, TCh-2657, TCh-0956, TCh-2699, TCh-2815, TCh-2818, TCh-2882, TCh-3061; (2) TCh-0348, TCh-0396, TCh-0469, TCh-0564, TCh-0572, TCh-0593, TCh-0615, TCh-0663, TCh-0688, TCh-0704, TCh-0772, TCh-0774, TCh-0791, TCh-0804, TCh-0810, TCh-0882, TCh-2492, TCh-2545, TCh-2578, TCh-2607, TCh-2658, TCh-2669, TCh-2700, TCh-2731, TCh-2819, TCh-2883, TCh-2904, TCh-3054, TCh-3077; (3) TCh-0349, TCh-0397, TCh-0470, TCh-0565, TCh-0594, TCh-0616, TCh-0664, TCh-0689, TCh-0773, TCh-0792, TCh-0805, TCh-0883, TCh-0957, TCh-2493, TCh-2546, TCh-2579, TCh-2590, TCh-2670, TCh-2676, TCh-2718, TCh-2757, TCh-2820, TCh-2884, TCh-2905, TCh-3055; (4) TCh-0350, TCh-0398, TCh-0562, TCh-0566, TCh-0595, TCh-0617, TCh-0665, TCh-0706, TCh-0797, TCh-0803, TCh-0938, TCh-2591, TCh-2677, TCh-2821, TCh-2885, TCh-2906, TCh-2980, TCh-2986, TCh-2987, TCh-3056, TCh-3136; (5) TCh-0351, TCh-0389, TCh-0399, TCh-0472, TCh-0567, TCh-0596, TCh-0618, TCh-0667, TCh-0793, TCh-0813, TCh-0877, TCh-0884, TCh-0958, TCh-2495, TCh-2548, TCh-2580, TCh-2592, TCh-2583, TCh-2678, TCh-2683, TCh-2719, TCh-2732, TCh-2756, TCh-2822, TCh-2886, TCh-2907, TCh-3057, TCh-3116; (6) TCh-0352, TCh-0362, TCh-0400, TCh-0619, TCh-0794, TCh-0802, TCh-0814, TCh-0878, TCh-0959, TCh-2581, TCh-2593, TCh-2608, TCh-2679, TCh-2758, TCh-2823, TCh-2887, TCh-2908, TCh-2996, TCh-3058; (7) TCh-0353, TCh-0401, TCh-0474, TCh-0569, TCh-0570, TCh-0598, TCh-0620, TCh-0669, TCh-0744, TCh-0795, TCh-0801, TCh-0816, TCh-0879, TCh-0960, TCh-2497, TCh-2544, TCh-2594, TCh-2609, TCh-2680, TCh-2759, TCh-2824, TCh-2888, TCh-2995, TCh-3059; (8) TCh-0354, TCh-0402, TCh-0464, TCh-0475, TCh-0571, TCh-0599, TCh-0621, TCh-0666, TCh-0685, TCh-0796, TCh-0800, TCh-0815, TCh-0880, TCh-0961, TCh-2498, TCh-2550, TCh-2610, TCh-2727, TCh-2825, TCh-2889, TCh-2909, TCh-2925, TCh-2997, TCh-3060, TCh-3114.

³ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-2505, TCh-2637, TCh-2701, TCh-2720.

⁴ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0296, TCh-0344, TCh-522, TCh-0588, TCh-0780, TCh-0826, TCh-0866, TCh-0936, TCh-1005, TCh-1020, TCh-1126, TCh-2702, TCh-2804, TCh-2985, TCh-3098.

⁵ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0601, TCh-0825, TCh-1022, TCh-2845, TCh-2992, TCh-3066, TCh-3099.

⁶ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0590, TCh-0860, TCh-0947, TCh-0998, TCh-1006, TCh-1007, TCh-1023, TCh-1068, TCh-1121, TCh-2513, TCh-2964, TCh-3067.

⁷ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0356, TCh-0517, TCh-1004, TCh-1082, TCh-1097, TCh-2611, TCh-2649, TCh-2799, TCh-2892, TCh-3042, TCh-3083, TCh-3117, TCh-3130.

«Синтетическое изучение» [Bsam gzugs kyi 'bel gtam tzinta ma ni'i 'phreng mdzes rigs pa smra ba'i mgul rgyan mkhas nams dga' byed, TCh-0716]. Первая работа издана в Цугольском дацане [3, с. 85], место издания второй не определено. В коллекции есть сочинения, посвященные отдельным проблемам предмета праджня-парамита: «Ответы на трудные доктринальные вопросы» [Dris lan tzinda ma ni'i 'phreng ba']¹; «Презентация пратитьясамутпада» [Rten 'brel gyi mtha' dpyod lung dang rigs pa'i gter mdzod blo gsal dga' ba bskyed pa'i phreng mdzes]², «(Укороченная) презентация пратитьясамутпада» [Zab mo rten cing 'brel bar 'byung ba'i mtha' dpyod rje bla ma 'jam dbyangs bzhad pa'i rdo rje'i gsung rgyun dri ma med pa]³. Все три работы изданы в Агинском дацане [2, с. 58; 3, с. 81]. «Комментарий на три (практики): слушание, размышление и сосредоточение» [тиб. Thos bsam sgom gsum gyi rnam bzhag]⁴ издан в Анинском дацане [3, с. 104]; «Комментарий на семьдесят значений восьми тем (Абхисамаяаламкара)» [Dngos po brgyad don bdun cu'i rnam bzhag legs par bshad pa mi pham bla ma'i zhal lung]⁵ издан в Цугольском дацане [3, с. 85]; «Перечисление 108 групп концептов, связанных с праджня-парамита» ['Grel rkang brgya rtza brgyad kyi 'dren tsul 'di ni rje 'jam dbyangs bzhad pas gsungs, TCh-0644 TCh-3228] – издание Агинского дацана [2, с. 58]. В результате необходимо подчеркнуть, что в бурятских монастырях произведениям Гунчен Джамьян Шепы в области праджня-парамита придавали перво-степенное значение.

Вслед за творческим наследием Гунчен Джамьян Шепы в коллекции представлены работы его учеников и современников. Первым можно упомянуть знаменитого Галдан-ширету-хутухту Лобсан Данби Ньи-

ма [Blo bzang bstan pa'i nyi ma, 1689–1762], являющегося учеником Джамьян Шепы. Его фундаментальный комментарий на восемь частей Легшед «Критическое толкование на ожерелье мудрости» [Legs par bshad pa mkhas pa'i mgul rgyan zhes bya ba ... mtha' dpyod]⁶ хранится в коллекции. Необходимо также упомянуть небольшую работу Заяпандиты Лобсан Тинлэй [Dza ya paNDi ta Blo bzang 'phrin las, 1642–1708] «Список содержания» [Sh'aka btsun blo bzang 'phrin las kyi, ngag nams phyogs su bsgrigs pa las, spyi bshad rgyas tzam sngon 'gro ba'o, po ti lnga yi sa bcad, TCh-0625]. Также вызывает большой интерес двухтомник первого Пурбучока Наванг Жампы [Phur bu lcog Ngag dbang byams pa, 1682–1762] «Океан Будды» [Bstan chos mngon par rtogs pa'i rgyan 'grel pa dang bcas pa'i rgya cher bshad pa legs bshad gser gyis 'phreng ba dang rnam shad snying po rgyan gnyis kyi spyi don legs par bshad pa skal bzang klu dbang gi rol mtsho, (1) TCh-0682, (2) TCh-0683], посвященный комментированию работ Цзонхавы. Данный трактат изучался на факультете Чо монастыря Сера. Следующий автор – это Джамьян Данбиньма [Khri chen rgya nag pa 'jam dbyangs bstan pa'i nyi ma, 1686–1738] из монастыря Лавран. Его две работы «Драгоценное зеркало» [Dge 'dun nyi shu'i rnam bzhag gi tsi'ng nyung go bde don gsal nor bu'i me longs, TCh-0383, TCh-0433] и «Светильник, освещающий Легшед» [Dbus dang mtha' rnam par 'byed pa'i bstan bcos kyi 'grel pa mi pham dgongs zab gsal ba'i legs bshad sgron me, TCh-0952], отпечатанные на русской бумаге (точное место издания определить не удалось), хранятся в коллекции. Далее мы можем обратиться к произведениям Тугсре Наванг Таши [тиб. Thugs sras Ngag dbang bkra shis, 1678–1738], яркого представителя лавранской схоластической традиции и ближайшего ученика Джамьян Шепы. Известны три его работы: «Открытие драгоценных врат» [Bsam gzugs kyi mtha' dpyod legs bshad mdzod kyi sgo 'byed]⁷, посвященная теме чатурдхьянас (четыре медитации); «Океан Легшеда» [Zab mo rten cing 'brel bar 'byung ba'i mtha' dpyod legs par bshad pa'i

¹Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0376, TCh-0948, TCh-0968, TCh-1692, TCh-2198, TCh-2521, TCh-3159.

²Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0318, TCh-0325, TCh-0329, TCh-0892, TCh-0919, TCh-0942, TCh-0944, TCh-1103, TCh-1107, TCh-2685, TCh-2983.

³Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0316, TCh-0428, TCh-0492, TCh-0798, TCh-0846, TCh-0900, TCh-0920, TCh-0945, TCh-1106, TCh-2556, TCh-2622, TCh-2684, TCh-2984.

⁴Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0372, TCh-0416, TCh-0425, TCh-0771, TCh-0983, TCh-1075, TCh-2628, TCh-2970, TCh-3087, TCh-3111, TCh-3165.

⁵Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0199, TCh-0647, TCh-0984, TCh-2508, TCh-2509, TCh-2510, TCh-2582, TCh-2655, TCh-2709, TCh-2744, TCh-2747, TCh-2835, TCh-2849, TCh-3002, TCh-3052, TCh-3147.

⁶ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: (1) TCh-0456, TCh-2668; (2) TCh-0457; (3) TCh-0458; (4) TCh-0459; (5) TCh-0460; (6) TCh-0461; (7) TCh-0462.

⁷ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0333, TCh-0361, TCh-0775, TCh-1083, TCh-1109, TCh-1116, TCh-1120, TCh-1799, TCh-2875, TCh-2891, TCh-2893, TCh-3043, TCh-3115, TCh-3132.

rgya mtsho]¹, посвящённая теме пратитьясамутпада; «Вхождение в счастье» [Zhugs pa dang gnas pa'i 'phags pa'i dge 'dun gyi nam gzhag gi mtha' dpyod skal bzang 'jug ngogs]², посвящённая двадцати темам праджня-парамиты. Два первых произведения опубликованы в Чесанском дацане [3, с. 95], место издания третьего определить не удалось. В коллекции можно обнаружить работу Дагпы Шедуба [Grags pa bshad sgrub, 1675–1748], крупнейшего представителя факультета Ме монастыря Сера «Упорядочивание собрания значений» [Las nam par 'byed pa'i mdo sogs dang tse mtha'i mdo'i don bsdus nas bkod pa, TCh-2934], посвящённую систематизации тем из сутр (кармического действия и неограниченной жизни). Также представителем монастыря Сера является Лобсан тцетан [Lo bzang tshe brtan, род. в XVIII в.] – автор небольшого труда «Ожерелье ответов» [Dris lan blo gsal mgul rgyan, TCh-0673]. Преподаватель из Амдо – Лобсан Гелек [Blo bzang dge legs, род. в XVIII в.] написал работу «Зерцало отражения» [Drang ba dang nges pa'i don nam par 'byed pa'i bstan bcos legs par bshad pa'i snying po'i dgongs pa'i don gsal bar byed pa'i me long, TCh-1086], посвящённую теме относительного и абсолютного. Две работы Лондо ламы Наванг лобсана [Klong rdol bla ma ngag dbang blo bzang, 1719–1794], выходца из провинции Кхам (Чамдо), представляющего факультет Че монастыря Сера, находятся в КЧ. Первая работа – это «Краткое объяснение 108 тем, которые рассматриваются в Шатасакхасрика-праджня-парамита» ['Bum gyi 'grel rkyang brgya rtza brgyad ngos 'dzin]³, вторая – «Сборник терминов из праджня-парамиты» [тиб. Phar phyin las byung ba'i ming gi nam grangs, TCh-2859]. Место издания всех вышеуказанных работ определить не удалось. Далее идут сочинения по праджня-парамите, авторы которых жили в XVIII–XX вв. Этот период можно назвать возрождением тибетской схоластики, поскольку именно в данное время появляется большое количе-

ство комментаторских работ. Предположительно, всплеск схоластической активности объясняется известными политическими изменениями на пространстве Внутренней и Восточной Азии: расцветом Цинской империи и поддержкой развития тибетского буддизма маньчжурскими императорами. К данному периоду относятся работы третьего гунтанга Кончок Тенпе Дронме [Dkon mchog bstan pa'i sgron me; 1762–1823]. В 1792 г. после завершения образования в Гоман-дацане монастыря Дрепунг он становится 21-м настоятелем монастыря Лабранг Ташикьил. Кончок Тенпе Дронме оставил после себя большое литературное наследие. В схоластической традиции Бурятии он известен как создатель небольших комментариев на базовые учебные темы. В КЧ находится его работа «Сущность четвёртого раздела (шарвакабхисамбодха из праджня-парамиты)» [Skabs bzhi pa'i bsdus don rgyal mkhan po grags pa rgyal mtshan pa la gnang ba, TCh-2805], написанная в честь перерождения Гьял Кханпо Дагпы Гьялцана и изданная в Агинском монастыре, на что указывает запись в колофоне данного экземпляра текста. Также в КЧ есть его работа «Освещающий сущность светильник: сборник комментариев на праджня-парамиту» ['Grel pa don gsal gyi steng nas rgyas 'bring bsdus gsum mngon rtogs rgyan rtsa 'grel sogs mdo rgyan sbyar ba'i gzab bshad kyi zin bris sbas don gsal ba'i sgron me]⁴, изданная в Агинском дацане. Другая работа автора «Дверь вхождения в мудрость» [Yid dang kun gzhi'i dka' gnas nam par bshad pa mkhas pa'i 'jug ngogs]⁵ комментирует работу Цзонхавы относительно мановиджняна и алаявиджняна. Часть экземпляров издана в Цугольском дацане [3, с. 85]. В коллекции представлены его следующие работы: «Толкование раздела йогачарья из Легшед ньипо» [Bstan bcos legs par bshad pa'i snying po las sems tsham skor gyi mchan 'grel rtzom 'phro nam rig gzhung brgya'i snang

¹ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0306, TCh-0326, TCh-0334, TCh-0371, TCh-0719, TCh-0904, TCh-0916, TCh-0922, TCh-0941, TCh-1101, TCh-1105, TCh-2596, TCh-2691, TCh-2832, TCh-2899, TCh-3094.

² Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0339, TCh-0842, TCh-0843, TCh-0844, TCh-0845, TCh-0896, TCh-1096, TCh-1110, TCh-1539, TCh-2789, TCh-2836, TCh-2900, TCh-2958, TCh-2961, TCh-3012, TCh-3093, TCh-3105, TCh-3107, TCh-3108.

³ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0679, TCh-1841, TCh-2860, TCh-2861, TCh-3113.

⁴ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0417, TCh-0422, TCh-0440, TCh-0495, TCh-0514, TCh-0626, TCh-0636, TCh-0937, TCh-0964, TCh-1079, TCh-2491, TCh-2501, TCh-2663, TCh-2796, TCh-2808, TCh-2817, TCh-3021.

⁵ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0297, TCh-0332, TCh-0426, TCh-0432, TCh-0482, TCh-0493, TCh-0519, TCh-0677, TCh-0783, TCh-1093, TCh-2588, TCh-2662, TCh-2730, TCh-2829, TCh-2916, TCh-2956, TCh-2982, TCh-3008, TCh-3010, TCh-3014, TCh-3095, TCh-3128, TCh-3151.

ba]¹; «Толкование теории тривимокшамукха (три двери освобождения)» [тиб. Rnam thar sgo gsum gyi rnam par bzhag pa legs bshad rgya mtsho'i rba rlabs]²; «Толкование теории пратитьясамутпада» [Rten 'brel gyi rnam gzhag lung rigs bang mdzod]³; «Сущность Легшед ньипо» [Drang nges rnam 'byed kyi dka' 'grel rtsom 'phro legs bshad snying po'i yang snying]⁴; «Аннотация на первый раздел (работы Джамьян Шадпы относительно) праджня-парамиты» [Phar phyin skabs dang po'i mtha' dpyod kyi mchan 'grel rtsom 'phro]⁵. Также необходимо отметить представителя монастыря Гумбум [sku 'bum byams pa gling] Чжанчжа Гава Лодой [a kyA yongs 'dzin dbyangs can dga' ba'i blo gros, 1740–1827], его работа «Пояснение к сомнениям, возникшим в отношении трёх поворотов учения» [Chos 'khor gyi dogs gcod som nyi'i mun sel, TCh-2965] хранится в коллекции в качестве небольшого манускрипта. В коллекции есть работы монгольских авторов: сочинение Дандара Алашаньского [Ngag dbang bstan dar, 1759–1831] «Презентация отрицания существования Единственного или Множественного» [Gcig du bral gyi rnam bzhag legs bshad rgya mtsho las btus pa'i 'khrul spong bdud rtsi'i gzegs ma, TCh-2711], сочинение Дондуб Еши Данби гялцан [Don grub ye shes bstan pa'i rgyal mtshan, рубеж XVIII–XIX вв.] «Комментарий на Легшед» [Dge ldan thun mong ma yin pa drang ba dang nges pa'i don rnam par phye ba'i bstan bcos legs bshad snying po'i rgya cher bshad pa drang nges

¹Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0448, TCh-0502, TCh-0513, TCh-0828, TCh-0832, TCh-0867, TCh-1003, TCh-1018, TCh-1123, TCh-2534, TCh-3040, TCh-3068, TCh-3120.

²Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0358, TCh-0381, TCh-0746, TCh-0747, TCh-0827, TCh-0946, TCh-0971, TCh-0987, TCh-1008, TCh-1019, TCh-1124, TCh-1537, TCh-2512, TCh-2564, TCh-2728, TCh-2738, TCh-2944, TCh-2975, TCh-3009, TCh-3013, TCh-3102, TCh-3129.

³Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0321, TCh-0322, TCh-0327, TCh-0341, TCh-0370, TCh-0478, TCh-0580, TCh-0782, TCh-0858, TCh-0859, TCh-0918, TCh-0909, TCh-0940, TCh-1104, TCh-2113, TCh-2560, TCh-2565, TCh-2626, TCh-2627, TCh-2639, TCh-2656, TCh-2690, TCh-2739, TCh-2879, TCh-2990, TCh-2993.

⁴Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0465, TCh-0587, TCh-0602, TCh-0678, TCh-0681, TCh-0696, TCh-1024, TCh-1122, TCh-1125, TCh-1572, TCh-1684, TCh-2847, TCh-3037, TCh-3069.

⁵Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0343, TCh-0359, TCh-0363, TCh-0441, TCh-0477, TCh-0500, TCh-0504, TCh-0505, TCh-0603, TCh-0718, TCh-0721, TCh-0875, TCh-0963, TCh-2570, TCh-2646, TCh-2698, TCh-3019, TCh-3075, TCh-3122.

bzhi 'dril, TCh-0854, TCh-2878], а также работы Наванг Палдана [khal kha Ngag dbang dpal ldan, 1797–1864] «Инструкции (к изучению) учебных пособий по предметам Парчин и Ума (учебных программ) Гоман и Лосалинг» [Blo gsal gling dang bkra shis sgo mang grwa tshang gi dbu phar gyi yig cha'i bshad tshul bkod pa blo gsal dga' ston, TCh-0299], «Устранение сомнений...» ['Grel ba don gsal gyi dgos 'brel gyi mtshams sbyor la dogs pa gcod pa]⁶, «Прояснение пустоты...» [Rnam rig pa'i blta ba'i rnam bzhag gnyis stong gsal byed, TCh-0527], «Светильник, освещающий места плохо выговариваемые» [Su nyid rdo rams pa legs tshogs kyi rtod yig gi lan gsal bar bkod pa smra ngan mun sel sgron me zhes bya ba]⁷, «Ответы Жигме Дорже» ['Jigs med rdo rje'i dris lan, TCh-2791, TCh-2922], «Анализ трудных мест в (работе Жамьян Шадпы) Великая чатурдхьянас (рупадхату и арупьядхату)» [Bsam gzugs chen mo'i dka' gnas kyi dogs dpyod]⁸.

В коллекции также есть сочинения великих представителей монастыря Лавран ташичил. Это работы Гончок жигме ванпо [Dkon mchog 'jigs med dbang po, 1728–1791] «О пратитьясамутпада» [Rten 'brel rtsom 'phro sogs ljags rtsom 'phro can gyi skor]⁹, «Анализ пяти путей (панча-маргас) и десяти уровней бодхисатвы (даса-бхумис)» [Sa lam gyi rnam bzhag theg gsum mdzes rgyan]¹⁰, «Собрание кратких толкований концептуальных категорий (из канонических произведений по праджня-парамита)» [Dngos brgyad don bdun cu'i rnam bzhag mdor bsdus pa, TCh-0640, TCh-1091], «Собрание кратких аналитических работ относительно восьми разделов праджня-парамиты» [Phar phyin skabs brgyad pa'i mtha' dpyod mdor bsdus pa, TCh-0661, TCh-2624, TCh-2708], «Стебель белого лотоса (как толковать тексты праджня-парамиты)» [Mkhyen gsum gyi

⁶Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0379, TCh-0525, TCh-0839, TCh-0881.

⁷Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0380, TCh-0528, TCh-0967, TCh-1114, TCh-2946, TCh-3156.

⁸Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0768, TCh-2897, TCh-3085, TCh-3166.

⁹Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0317, TCh-0323, TCh-0481, TCh-0490, TCh-0604, TCh-0907, TCh-0939, TCh-1111, TCh-2522, TCh-2586, TCh-2644, TCh-3160.

¹⁰Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0338, TCh-0641, TCh-0643, TCh-0645, TCh-0764, TCh-0776, TCh-0985, TCh-1076, TCh-2139, TCh-2511, TCh-2710, TCh-2749, TCh-2850, TCh-2940, TCh-2967, TCh-3017, TCh-3018, TCh-3053, TCh-3104, TCh-3161, TCh-3256.

rnam pa brgya dang don gsum gyi rang bzhin yang dag par brjod pa legs bshad padma dkar po'i 'khri shing]¹, а также сочинения Гончок кьялцана [Dkon mchog rgyal mtshan, 1764–1853], «Порядок садханы в связи с «Великими классами познания»» [Rig grwa chen mo'i mjug tu 'phrin las kyi 'phros gzhang rgyas pa gcod tshul, TCh-2762], «Краткое содержание тем из Абхисамаяаламкара и комментарии Харибхадра» [Bstan bcos mngon rtogs rgyan 'grel pa dang bcas pa'i sa bcad, TCh-2620], «Комментарий на украшение сутр» [Mdo sde'i rgyan gyi 'grel pa thub bstan rgyas pa'i me tog, TCh-2667]. Произведение другого представителя Амдо (местность Нгава) из монастыря Зотге зонг – Шераб Гьятцо [A khu ching shes rab rgya mtsho, 1803–1875], «Содержание тем, трактуемых в Абхисамаяаламкара» [Bstan bcos mngon par rtogs pa'i rgyan gyi tshig gis mtshams nam par brgyan pa gzhang don lta ba'i mig 'byed]² хранятся в КЧ. В КЧ также находятся произведения Джамьян Тинлая [Tho yon 'jam dbyangs 'phrin las] «Ответы на утверждения...» [Rje btsun red mda' ba'i gsung ngag dris lan, TCh-0483]. К сожалению, место издания вышеуказанных работ определить не удалось.

Также в коллекции существует множество работ, авторы которых не были идентифицированы. Это Лобсан рабсал [Blo bzang rab gsal] со своими произведениями: «Драгоценный светильник» [Srid pa'i yan lag bcu gnyis khyad par mdo tsam gsal bar byed pa'i rin chen sgron me]³, «Гирлянда белых лотосов» [Bsdus don zur phud mdzes pa'i pad dkar phreng ba]⁴, «Сумасшедшая игра павлина» [Dris pa'i lan legs par bshad pa rigs pa'i rma bya myos pa'i zlos gar, TCh-0699], «Праздник радости от ясного постижения» [Drang ba dang nges pa'i don las brtsams pa blo gsal rol ba'i dga' ston]⁵, «Хрустальное зеркало» [Gnas

skabs pa'i rten 'brel gyi rang bzhin rab tu gsal ba'i shel dkar me long]⁶, «Ожерелье банзика» [Pad dkar 'phreng ba mdzes byed ban dzi ka'i do shal]⁷. Это Лобсан Джигме со своей работой «Толкование на работу представителя Лаврана – Лодой Гьятцо, «Комментарий на мановиджняна и алаявиджняна»» [Yid dang kun gzhi'i rtsa ba'i mchan 'grel gser gyi lde mig ces bya ba legs par]⁸. Особый интерес вызывает многотомный комментарий на работу Джамьян Шадпы по парчину автора из Халха Монголии Чойдзад Данпа рабгья доме [Chos mdzad bla ma bstan pa rab rgyas sgron me] «Золотое вступление» [Kun mkhyen 'jam dbyangs bzhad pa'i phar phyin gyi yig cha'i mchan 'grel gser gyi lde mig]⁹.

В результате необходимо подчеркнуть, что на основе аналитического обзора части праджня-парамита коллекции Чойра ИМБТ СО РАН можно показать масштабность процессов, происходивших в XVIII–XIX вв. в области написания и издания схоластических работ в Бурятии, Монголии и Амдо. Наш анализ проблемы авторства текстов, сформированных в Бурятии, Монголии и Амдо, может лишь подтвердить тот исторический факт, что благодаря всплеску творческого потенциала представителей данных регионов в буддийской культуре всей Внутренней Азии произошёл своеобразный ренессанс тибетской схоластики. Особую роль в этом сыграли амдоские монастыри Лавран, Гумбум, монгольский Гандан, Гоман-дацан

⁶ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0908, TCh-0921, TCh-2561, TCh-2688, TCh-2991.

⁷ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0639, TCh-0990, TCh-0993, TCh-2504, TCh-2633, TCh-2755, TCh-2972.

⁸ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0649, TCh-0650, TCh-2587, TCh-2584, TCh-2623, TCh-2833, TCh-2864, TCh-2955, TCh-3096.

⁹ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: (1) TCh-0364, TCh-0449, TCh-0507, TCh-0737, TCh-0861, TCh-2490, TCh-2598, TCh-2621, TCh-2681, TCh-2800, TCh-2837, TCh-2948, TCh-2999, TCh-3142; (2) TCh-0365, TCh-0450, TCh-0508, TCh-0738, TCh-0862, TCh-1119, TCh-2535, TCh-2599, TCh-2602, TCh-2671, TCh-2721, TCh-2801, TCh-2949; (3) TCh-0366, TCh-0451, TCh-0509, TCh-0624, TCh-0739, TCh-0863, TCh-2517, TCh-2536, TCh-2600, TCh-2603, TCh-2618, TCh-2672, TCh-2673, TCh-2722, TCh-2723, TCh-2794, TCh-2950; (4) TCh-0367, TCh-0452, TCh-0510, TCh-0740, TCh-0752, TCh-2506, TCh-2604, TCh-2674, TCh-2724, TCh-2951, TCh-2994; (5) TCh-0368, TCh-0453, TCh-0511, TCh-0518, TCh-0741, TCh-0864, TCh-2519, TCh-2537, TCh-2601, TCh-2675, TCh-2725, TCh-2754, TCh-2806, TCh-2952; (8) TCh-0369, TCh-0454, TCh-0512, TCh-0742, TCh-0865, TCh-2520, TCh-2538, TCh-2605, TCh-2619, TCh-2726, TCh-2795, TCh-2807, TCh-2953.

¹ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0324, TCh-0485, TCh-0777, TCh-0799, TCh-1074, TCh-2361, TCh-2645, TCh-2705, TCh-2706, TCh-2712, TCh-2716, TCh-2856, TCh-2917, TCh-2976, TCh-3000, TCh-3148, TCh-3152.

² Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0387, TCh-0975, TCh-2567, TCh-2802, TCh-3038.

³ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0320, TCh-0923, TCh-1456, TCh-2689, TCh-2974, TCh-3157, TCh-3255.

⁴ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0384, TCh-0638, TCh-0646, TCh-0986, TCh-1693, TCh-2524, TCh-2715, TCh-2966, TCh-2971.

⁵ Тибетский фонд ИМБТ СО РАН: TCh-0830, TCh-2577, TCh-2713, TCh-2814.

лхасского монастыря Дрепунг, бурятские монастыри современной Бурятии и Забайкальского края. Хочется предположить, что представители исторической области Амдо (территории, где совместно проживали ти-

бетцы и монголы), этнической Монголии и Бурятии в указанные века создали культуру массового написания учебно-философской литературы.

Список литературы

1. Bazarov A. Introduction. Catalogue of the collection of Tibetan manuscripts and xylographs 'Chos grwa' (Parts: Tshad ma, Grub mtha') of The Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Russian Academy of Sciences (Siberian Branch). Compiled by Andrey Bazarov. Tibeto-Mongolian Series – 1. Varanasi: CIHTS, 2008. P. V-XXV.
2. Bethlenfalvy G. A Tibetan catalogue of the blocks of the lamaist printing house in Aginsk // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXV. F. 1–3. 1972. P. 53–75.
3. Rinchen B. Catalogue of printing blocks of Buddhist monasteries in Transbaikalia. Four Mongolian historical Records // Sata-Pitaka Series. Vol. 11. 1959. P. 79–121.

References

1. Bazarov A. Introduction. Catalogue of the collection of Tibetan manuscripts and xylographs 'Chos grwa' (Parts: Tshad ma, Grub mtha') of The Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Russian Academy of Sciences (Siberian Branch). Compiled by Andrey Bazarov. Tibeto-Mongolian Series – 1. Varanasi: CIHTS, 2008. P. V-XXV.
2. Bethlenfalvy G. A Tibetan catalogue of the blocks of the lamaist printing house in Aginsk // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXV. F. 1–3. 1972. P. 53–75.
3. Rinchen B. Catalogue of printing blocks of Buddhist monasteries in Transbaikalia. Four Mongolian historical Records // Sata-Pitaka Series. Vol. 11. 1959. P. 79–121.

Статья поступила в редакцию 16.02.2015

УДК 391/393 (571. 5)
ББК 63/5 (2Р54)

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова,
доктор исторических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru

Арюна Станиславовна Суворова,
учитель,
Хуртэйская средняя общеобразовательная школа
(671464, Россия, Республика Бурятия, Кижингинский р-н, с. Хуртэй),
e-mail: aryunasuvorova@mail.ru

О погребении и меморизации бурятских буддийских священнослужителей

После изучения значительного количества источников авторы пришли к следующим результатам. Определена специфика погребальной обрядности буддийских священнослужителей (лам) Бурятии с сер. XIX в. до настоящего времени, характеризующаяся стереотипностью и несклонностью к динамике и трансформациям. Выявлены два типа погребения: кремация и грунтовое погребение в специальном коробе в позе медитации монахов, обладающих тайным знанием. Факты использования праха лам при изготовлении ца-ца, буддийских культовых предметов, символов космического тела Будды подтверждают отношение к ламам как одной из трёх драгоценностей буддизма. Выявлены факты активной эксгумации захоронений лам советского периода в постсоветское время для кремации, а в случае нетленности тела – для помещения в дацан в качестве буддийской святыни. Обнаружена отложенная во времени меморизация выдающихся лам советского времени в именных мемориалах, буддийских ступах посредством включения праха в число драгоценностей. В результате исследования сделан вывод о том, что факты меморизации лам играют важную роль в формировании этнической и религиозной идентичности социума и индивидуума, создании исторической памяти, исторического образа малой родины, благоприятной витальной территории, его туристической привлекательности. Создание подобных мемориалов является одной из новых граней современных этнических процессов в постсоветском бурятском буддийском обществе.

Ключевые слова: буряты, буддийские священнослужители, погребальная обрядность, кремация, ингумация, эксгумация, меморизация.

Sesegma Gendenovna Zhambalova,
Doctor of History, Associate Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the RAS
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru

Aryuna Stanislavovna Suvorova,
Teacher,
Khurteyskaya Secondary School
(Khurtey, Kizhinginsky District of the Republic of Buryatia, Russia, 671464),
e-mail: aryunasuvorova@mail.ru

On the Burial and Memorization of the Buryat Buddhist Clergy

The article considers specificity of funeral rites of Buddhist priests (lamas) in Buryatia from the middle of the XIX century to the present time. This specificity is known to be stereotypical and the processes of transformation have not been witnessed. Two types of burials have been identified: cremation and clay burial (inhumation) in a special box in a meditation pose for monks who had the secret knowledge. The facts of using lamas' ashes in the manufacture of tsa-tsa (Buddhist religious objects, symbols of the cosmic body of Buddha) confirm that lamas have been treated as one of three jewels of Buddhism.

Evidences of exhumations of lamas' graves of the Soviet period for their subsequent cremations in the post Soviet era according to lamas' wills have been found. And in case of bodies' incorruptibility they were placed in datsans as Buddhist objects of veneration. The hypothesis is that Lamas anticipated revival of Buddhism as a result of the collapse of the Soviet regime. Delayed in time memorization of prominent Lamas of the Soviet era in memorials (Buddhist stupas) as jewels has been detected. The study concludes that the facts of stereotypical burial of Lamas and their subsequent memorization play an important role in formation of ethnic and religious identity of society and individual, creating historical memory, historical image of the homeland. Establishment of such memorials is one of the new faces of contemporary ethnic processes in the post-Soviet Buryat Buddhist society.

Keywords: Buryats, Buddhist clergy, funeral rites, cremation, inhumation, exhumation, memorization.

Задача статьи – исследовать специфику погребальной обрядности бурятских буддийских священнослужителей (лама) в Бурятии с сер. XIX в. до настоящего времени. Актуальность этой довольно закрытой, малоизученной темы обусловлена возрождением религии в России, в т. ч. буддизма, ростом интереса к нему в стране и мире. Изучение темы позволит выявить новые грани современных этнических процессов в постсоветском бурятском буддийском обществе, охарактеризовать истоки, обосновать природу происхождения и факторы становления, возрождения и развития некоторых буддийских традиций на территории Республики Бурятия.

Настоящая статья базируется на литературных данных, полевых материалах, собранных по большей части среди лам Иволгинского дацана РБ в 2011–2013 гг., в ней используются сведения из публицистики и электронных ресурсов. Важным источником явилась архивированная рукопись Б. Бамбаева «Описание погребального обряда и его происхождение» [19].

Историография темы не столь обширна. Опубликованной работы по данной теме нет, правда, некоторый задел имеется в диссертации А. С. Суворовой, одной из соавторов данной статьи [28]. Отдельные сведения о способе погребения лам имеются в книге В. Паршина, изданной в 1844 г. [24]. Наибольшей информативностью обладает статья 1904 г. А. Д. Корнаковой «Похороны Ханцинъ ламы гелюна» [12]. Н. Л. Жуковская в постсоветское время опубликовала статью о «феномене Итигэлова» [9]. Некоторые элементы погребальных обрядов лам у калмыков освещены в работе И. А. Житецкого [4], у тувинцев – В. П. Дьяконовой [3]. Погребение и меморизация перерожденцев-хубилганов Монголии описаны А. М. Позднеевым и опубликованы в 1887 г. [7].

Кремация – один из традиционных типов погребения бурят наряду с воздушным (небесным), наземным, грунтовым. С распространением буддизма у забайкальских бурят кремация становится в данной этно-территориальной группе возможной только для погребения лам, при этом она воплощает обряд вознесения. В середине XIX в. это отмечает В. Паршин: «Кремация – честь, делаемая немногим избранным святошам: дым грешника, они думают, осквернит небо» [6, с. 59]. Эта традиция распространена у всех буддистов России. По сведениям И. А. Житецкого, в конце XIX в. у астраханских калмыков обряду кремации, как наиболее почётному и полезному для загробной жизни, подвергались только ламы и зайсаны. Он пишет, что великое счастье, если кому выпадет на долю сожжение [4, с. 29]. У калмыков, видимо, кремации могли подвергаться и сановитые члены социума, зайсаны. Подобная картина наблюдается у монголов. А. М. Позднеев отмечал, что у них предают огню не очень многих, «а трупы бедняков положительно никогда не сжигают» [7, с. 468]. У предбайкальских бурят-шаманистов кремация – предпочтительная форма погребения простых людей преклонного возраста до настоящего времени.

Возможно, кремация и последующая меморизация перерожденцев-хубилганов Монголии, буддийских святых, являлась идеальной моделью погребальной обрядности для других буддийских священнослужителей, в т. ч. бурятских, которые находятся на более низкой ступени буддийской иерархии. А. М. Позднеев подробно описал способы погребения хубилганов. Существовало два типа: кремация и бальзамирование. При кремации, более распространённом типе, проводимом через три дня, а иногда через месяц, тело сразу усаживают в молитвенную позу с подогнутыми ногами, правую руку с буддийским символом под-

нимают. На второй день тело бальзамируют натиранием благовоний и спиртовых растворов, обмазывают составом из соли, можжевельника и других веществ. За трое суток до обряда тело очищают, одевают, выносят во дворец для поклонения народа. К кремации готовят так: с ног до головы обёртывают полотном, смоченным растопленными смолой и маслом, пеленают, поверх обматывают просмолённой ватой, на макушке делают фитиль в виде рожка. Назавтра ранним утром тело усаживают на носилки, покрывают белой тканью и в сопровождении народа везут к месту погребения. Процессия движется в таком порядке: впереди несут на носилках старшего ламу, за ним на носилках тело хубилгана, затем следуют духовенство и народ. На месте кремации заранее приготовлена широкая яма с большой сковородой на дне, на ней таган. Вокруг сковороды до устья ямы сложены поленицы дров. По прибытии читают молитвы, для этого тело устанавливают между ямой и сидениями лам. По завершении богослужений звонят в колокольчик, затем старейшины и почётные гэлунги помещают тело на таган в позе медитации. Старший лама, главный распорядитель, зажигает фитиль на голове хубилгана, другие представители высокого духовенства поджигают дрова. Хувараки подбрасывают смолу, берёсту, шерсть, сухую траву, льют растопленное масло и другие горючие вещества, увеличивая силу огня. Когда огонь набирает силу, после кратких молитв и тихого пения ламы уходят, остаются специально назначенные. Из пепла, собранного со сковороды, с примесью хорошей, специально подготовленной глины с клейкими веществами делают небольшие статуэтки бурханов, которые будут помещены в кумирни и построенную на месте погребения часовню. Есть хубилганы, прах которых отвозят в Тибет или Утайшань [7, с. 272–274].

Второй тип погребения – бальзамирование – позволяет сохранить тело в состоянии мумии *шарил*. В этом случае тело бальзамируют более сильными средствами, накалывая тоненьким шильцем, затем полностью засыпают солью и оставляют на два месяца. Совершенно высохшее тело очищают, покрывают позолотой, рисуют брови, усы и губы, глаза оставляют закрытыми. Его усаживают в серебряный субурган и с

торжественным богослужением устанавливают в кумирне или часовне и поклоняются, как божеству [7, с. 274–275].

Мы располагаем материалами советского времени о кремации ламы. Он был в гробе кубической формы с двухскатной крышей, до кладбища его несли на паланкине. Процессию возглавлял духовой оркестр. Ламу кремировали в специально сложенной печке. Позже соорудили памятник для погребения праха [19, л. 55]. Как видно, в результате компромисса традиционных и советских ритуалов образовалась синкретическая обрядность, в которой главными продолжают оставаться канонические буддийские, по основным критериям приближающиеся к ритуалу погребения хубилгана. Безусловно, покойный лама пребывал в позе медитации, об этом свидетельствует форма гроба, он кремирован, а прах погребён в своеобразном мемориале-реликвировании.

Традиция кремации буддийских священнослужителей сохраняется у бурят-буддистов до настоящего времени. Современные буддийские священнослужители думают так: способ погребения зависит от завещания ламы, изъявляемого при жизни; кремация ламы возможна в силу его особого статуса, сакральность огня не позволяет кремировать обычных людей – они осквернят огонь. Кремация духовных лиц обозначается словом «хайлуулха» (плавиться, растворяться), слово «дууро» (сгореть) нельзя употреблять в данном случае, это правило сохраняется в отношении сгоревшего дацана – «хайлаа» (расплавился, растаял) [ПМА].

После кремации осуществляется цикл обрядов по меморизации духовного лица. На следующий или третий день собирают прах: пепел костей, прошедших очистительный огонь, становится «драгоценностью из драгоценностей» [24]. Традиция практиковалась в конце XIX в., И. А. Житецкий пишет: «<...> на другой день после кремации ламы из золы выбирают кости. Кости пережжённые толкут и наполняют ими сделанные из теста сосуды в виде храмов и хранят в ящиках как святыню, и потом раздают этот костяной порошок, конечно, в самых маленьких частях есть больным» [4, с. 30]. Использование праха может быть разным, он может быть развеян в качестве благодати над землёй и водами, храниться в дацанах и субурганах, ступах в виде святых мощей

[24]. Места кремации великих буддийских лам становились пригодными для наземного погребения ординарных людей [2, с. 82].

Прах ламы входит в состав ингредиентов массы для формования ца-ца, культовых предметов буддийских храмов и домашних алтарей, их также закладывают в субурганы. Это своего рода миниатюрные ступы, символы космического тела Будды. Существуют специальные буддийские тексты по практике изготовления ца-ца, которая состоит из трёх частей – предварительной, основной и завершающей. Их делают для живых и умерших людей, посвящают гуру, родителям в широком буддийском смысле слова, самому практикующему и т. д. В. М. Монтлевич разделяет ца-ца на два основных типа: тибетский, отличающийся компактностью форм, и монгольский, обильно украшенный орнаментацией, не чуждый китайского влияния [16, с. 93]. Со слов информантов, изготовление ца-ца с включением праха ламы обусловлено сакральностью духовного лица. С другой стороны, он помещается в ца-ца для защиты души ламы, для помощи обрести ей более высокое возрождение или встать на путь освобождения – ца-ца закрывает ворота в нижние миры [ПМА].

Имеются достоверные свидетельства о другом типе погребения бурятских буддийских священнослужителей – грунтовым. В начале XX в. такое погребение зафиксировано А. Д. Корнаковой, непосредственной участницей похорон Ханцин гэлунг ламы, священника высокого сана. При выборе способа погребения ламы, на наш взгляд, ключевую роль играет его ранг и степень духовного просветления. Поэтому необходимо отметить, что гэлунг, гелун, гэлун – третья монашеская степень в ламаизме, её носитель принимает 253 обета, в отличие от банди – низшей монашеской степени, послушника, принявшего 5 обетов, гецула, второй монашеской степени, принимающего 36 обетов [8, с. 44, 99, 103].

А. Д. Корнакова обращает внимание на позу ламы: «Он сидел в кресле из тонких досок с молитвенно сложенными руками с подогнутыми под себя ногами в позе молящегося или медитирующего буддиста. Выбор места погребения произведён посредством гадания: главный лама подбрасывал три игральные кости в чашке, считая при каждой остановке количество очков. Он до-

бывался троекратного выпадения нечётного числа, чётное число считается неблагоприятным. В избранном месте воткнули стрелу и расстелили войлок. Могила на этой площадке выкопали там, где помочилась одна из присутствующих на обряде лошадей» [12, с. 7, 9].

Следующий этап – обряд «испрашивания земли» у духов-хозяев местности – подробно описан исследовательницей. «Ламы разложили на войлок своеобразную плату за землю духам-хозяевам местности, это девять разных предметов по девять штук: кушаки, хадаки, небольшие кусочки кирпичного чая, чашки со сладостями, мотки разного шёлка, пачки благовоний, наборы пуговиц. Посредине войлока положили два куса серебра и на ниточке несколько кораллов, пучок шерсти от девяти баранов и девяти коз. Поставили восемь медных чашек с мукой, зерном, водой, пять фигур с головами животных и перед каждым по маленькой крашеной пирамиде – ца-ца. По обеим сторонам войлока, к востоку и западу, положили баранью и медвежью шкуры. На каждой из них посередине из хлебных зёрен были сделаны крестообразные знаки, свастики, своеобразные печати, которыми скреплялся договор о покупке у духов-хозяев местности земли для погребения. Затем ламы после молитв очертили рогом антилопы землю вокруг войлока, а гроб поставили прямо на том месте, где была воткнута стрела» [12, с. 13].

Таким образом, похороны бурятского буддийского духовенства осуществляются двумя способами – кремацией и грунтовым погребением ламы в молитвенной позе – и сопровождается ритуальными действиями, чтением заупокойных молитв и пр. Можно выдвинуть гипотезу: второй тип погребения предпочтителен для лам высокого сана, владеющих тайными знаниями, умеющими войти в состояние вечной медитации, самадхи, последней ступени восьмеричного пути, подводящей человека к нирване. Доказательства данной гипотезы находят объяснение в следующих материалах о меморизации буддийских священнослужителей.

История буддизма в Бурятии связана с именами выдающихся буддийских монахов, чья жизнь и посмертная память являются легендарными. Важным моментом их биографии, которая не заканчивается со смертью, является эксгумация по их

собственному завещанию и последующая меморизация. Речь идёт о ламах, покинувших мир в советское время и вернувшихся в виде святынь в постсоветское пространство. Это, несомненно, гарант перспективы длительного сохранения их имён в исторической памяти народа, нередко сопровождающегося мифологизацией их образов.

В первую очередь, это история XVII Пандито хамбо ламы Л.-Н. Дармаева, стоявшего у истоков возрождения буддизма в Бурятии в советское послевоенное время, реально воплотившегося в строительстве и открытии в декабре 1945 г. Иволгинского дацана. В 2001 г. в районной газете опубликованы воспоминания о его похоронах. Его родственница из с. Нижний Бургултай Джидинского р-на РБ рассказала, как Л.-Н. Дармаев, будучи престарелым, незадолго до смерти вернулся на малую родину в с. Нижний Бургултай. Он завещал после смерти его кремировать. Умер он в апреле 1960 г. в позе, в которой читал молитвы – сидел, сложив обе руки на коленях. В таком положении тело находилось в доме двенадцать суток и, несмотря на тёплую погоду, его лицо не изменилось. Через восемь дней приехали десять лам из Иволгинского дацана, они стали ждать знака о наступлении смерти. На двенадцатый день погружения в созерцание из носа закапала кровь, что ламы истолковали как момент смерти. Во время похорон его понесли по улице в кубическом гробе в том же сидячем положении, а другую половину пути к месту погребения везли на телеге. Руководители колхоза и родственники в то советское время побоялись организовать кремацию, поэтому последняя воля ламы не была исполнена [14].

Только 31 августа 2008 г. вблизи с. Нижний Бургултай группа бурятских лам эксгумировала останки Л.-Н. Дармаева. Скелет обнаружен в полной сохранности в позе медитации, словно она не прерывалась полвека, на костях сохранились остатки мышечных тканей и кожи без признаков разложения, несмотря на то, что он находился в деревянном коробе всего в 50 см от поверхности земли, не был обложен солью и подвергался нашествию насекомых, разрушительному воздействию кислорода, температурных перепадов и влаги. После кремации прах хамбо ламы разделили между его родовым Сартул-Булагским и Иволгинским дацанами [24].

Журналист А. Махачкеев, написавший статью о хамбо ламе Л.-Н. Дармаеве, отмечает: «Между тем бурятские ламы действительно обладают тайным знанием контролируемого способа перехода сознания в иное состояние. <...> Все они сумели в момент смерти уйти в состояние глубокого созерцания Пустоты, когда становится возможным переместить сознание в лучшие перерождения или освободиться от круговорота Сансары или достигнуть высшего Просветления. Их духовный подвиг интересен не столько сам по себе, а сколько степенью воздействия на умы людей, как руководство к действию и посыл к самопознанию» [24].

С 1980-х до 2000-х гг. в Бурятии похоронены ламы высокого ранга, родившиеся еще до революции, все они прожили жизнь, полную лишений, но даже ссылки и лагеря не заставили их отказаться от учения Будды. Многие преданы кремации. В 1995 г. в Забайкальском крае на горе восточнее Цугольского дацана кремирован ширетуй лама Ж.-Ж. Эрдэнеев. В 1999 г. кремировали Чернин ламу 94 лет, часть его праха вложили в субурган на территории дугана, другую оставили в местности Угнасай у с. Арзгун в Курумканском р-не РБ, где по пророчеству Соодэйн ламы в начале XXI в. построен буддийский храм. Имеются достоверные сведения об обряде кремации Чернин ламы, они свидетельствуют о том, что на поляне 2×3 км приготовили место для совершения обряда вознесения и две машины дров, из которых сложили погребальный костёр, куда уложили тело, обёрнутое в саван, над ним соорудили шатёр из поленьев. Кремировали утром, а к вечеру собрали прах [ПМА].

Имеются современные материалы, выявляющие следующий тип погребения лам высокого сана – в грунте в специальной позе, за которой также следует эксгумация, кремация и заложение праха в субурган, в своеобразный мемориал. В 2004 г. в Забайкальском крае в окрестностях Агинского дацана при эксгумации тела XIX Пандито хамбо ламы Ж.-Д. Гомбоева, который покинул мир в позе спящего льва – лёжа на боку, было обнаружено тело хорошей сохранности [24]. Информанты рассказали, что останки были кремированы, а прах заложен в субурган, воздвигнутый в его честь в мест-

ности Аса-Шибирь у с. Таптанай Дульдургинского р-на Забайкальского края, откуда он родом [ПМА].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. у бурят, как и у других народов постсоветского пространства, начинается возрождение исторической памяти. Это время характеризуется активным восстановлением буддийских ступ – мемориалов выдающихся деятелей буддизма, сознательно разрушенных в советское время. В 1990-х гг. в с. Хара-Шибирь Заиграевского р-на РБ реконструирован субурган в память об Агване Доржиеве [13, с. 33]. В 1992 г. в 5 км от с. Усть-Орот Кижингинского р-на РБ в местности Соорхой по инициативе Ю. К. Лаврова восстановлены две ступы в честь А. Силнама, отца Б. Д. Дандарона. Они были сооружены в 1920 г. под руководством Л.-С. Цыденова, реформатора буддизма, руководителя Балагатского движения. В левой ступе тело ламы Агвана Силнама, умершего в 1920 г. в плену у атамана Семёнова, в правой – останки семи бурят, погибших от рук семёновцев. В 1922 г. ступы разрушили. В конце 1960-х гг. Б. Д. Дандарон предпринимал попытку их восстановления, однако их вновь сломали [15, с. 198].

В постсоветское время набирает обороты строительство новых субурганов в память буддийских священнослужителей. По мнению некоторых информантов, воздвижение ступы в честь того или иного ламы во многом зависит от учеников ламы [ПМА]. В 2004 г. воздвигнута ступа в память о Б. Д. Дандароне. Его последователь Ю. К. Лавров приехал на место смерти Б. Д. Дандарона в Выдрино, извлёк из могилы его прах и поместил в основание ступы [17, с. 105].

Отдельного внимания заслуживает погребение и меморизация Пандито хамбо лам. Некоторые исторические факты их жизни и смерти мы привели выше. Однако имеются другие интересные материалы о строительстве субурганов в их честь. На месте кремации настоятеля Баргузинского дацана Ц. Соодоева в местности Баруун-Хунтэй Баргузинского р-на РБ, ставшей культовой, восстановлен деревянный субурган, разрушенный в советское время [1, с. 112]. В 1963 г. после смерти XVIII Пандито хамбо ламы Е.-Д. Ширапова на территории Иволгинского и Агинского дацанов построены субурганы с вложением его пра-

ха [20]. В честь 300-летия I Пандито хамбо ламы Д.-Д. Заяева в 2002 г. на его малой родине в с. Цаган-Челутай Кяхтинского р-на РБ возведён субурган «Жанчуб» с неугасимой лампадой, которую поддерживают жители села. Рядом установлена ступа II Пандито хамбо ламы С. Хэтэрхеева. В 2008 г. в местности Талын Харгана Селенгинского р-на РБ подняли субурган «Намжил» в память о Д.-Д. Заяеве [22].

В советское и постсоветское время буддисты использовали прах буддийских священнослужителей при изготовлении скульптурных изображений. Скульптуры известных бурятских лам с удивительным портретным сходством хранятся в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова. Такие же появляются в новых дацанах, есть они в Музее Агвана Доржиева при Ацагатском дацане в Заиграевском р-не РБ. Мы считаем, что при их изготовлении использовалась толика праха этих личностей.

У тюркоязычных этносов Южной Сибири, в частности, у тувинцев, зафиксированы аналогичные сведения, которые уточняют и дополняют приведённые бурятские данные. В. П. Дьяконова пишет, что после кремации ламы решали по специальной священной книге и по определённым признакам, как поступить с пеплом. В одном случае делали портрет духовного лица, в другом – скульптурное изображение. Рисунок делался пеплом покойного, а затем покрывался золотой и красной краской. При изготовлении скульптуры почти натуральной величины в сидячем положении пепел примешивали в глину, в качестве красителей использовали золотой и серебряный порошки [3, с. 116].

В любом случае, традиции бурят-буддистов и тувинцев-буддистов идентичны. В то же время В. А. Кисель сомневается в наличии традиции в Туве погребения праха выдающихся лам в субурганах, считая, что тувинские буддисты никогда не достигали тех рангов, которым такое захоронение предписывалось по канону [5, с. 43]. Если исследователь подразумевает канонические захоронения хубилганов в субурганах, описанные А. М. Позднеевым [7, с. 274], то такого погребения лам в Бурятии, возможно, также не было из-за отсутствия в бурятском буддизме института хубилганов.

Обращает на себя внимание активная, состоявшаяся по завещанию лам эксгумация их тел в постсоветское время, за ко-

торой следуют кремация и меморизация в ступах. Эти факты позволяют уверенно выдвинуть гипотезу, что ламы с начала зарождения советской власти и воинствующего атеизма предвидели конец тоталитарного режима, поэтому в постсоветское время наблюдается запланированное ими возвращение в родные места в виде святынь. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением А. Махачкеева, который считает, что лам перед кремацией обязательно нужно захоронить в земле [24].

Как видно, меморизация буддийских священнослужителей связана с воздвижением ступы, в которой погребаются мощи святых и буддийских священников наряду с другими символическими драгоценностями буддизма. Это одно из заметных буддийских реликвивариев в современном ландшафте этнической территории бурят-буддистов. На территории Бурятии ступы воздвигались либо в комплексе из восьми ступ, либо по отдельности [20]. Информанты считают, что наиболее часто на территории Бурятии строят субурганы Пробуждения, которые являются символом преодоления всех препятствий и всех завес [10, с. 29]. Другая распространённая – ступа Мудрости. Ступы строили дацанские мастера, владеющие строительным делом и тонкостями изобразительного искусства, принявшие определенные монашеские обеты, дающие право заниматься этим делом. О возведении субургана буряты обычно говорят, что воздвигается тело Будды (*бурханай бэе бутэнэ*) [17, с. 99]. Современные жители Бурятии, инициаторы возведения субурганов, считают, что они приносят благодать и счастье всем живым существам, потому что символизируют тело, ум и дух Будды, а излучают благо за счёт заложенных в них реликвий. Лама, достигший духовных высот и святости, может стать буддой [ПМА].

Как видно, с течением времени буддийская погребальная обрядность сохраняет канонические формы. Способы погребения буддийских монахов России и дальнейшая их меморизация, а они, безусловно, стандартны для бурят, калмыков и тувинцев, возрождаются в неизменном традиционном виде, возможно, с некоторыми локальными особенностями. Сохранение и возрождение традиций строительства субурганов обусловлено верой буддистов в их благотворную и исцеляющую силу, благодаря зало-

женным в нём драгоценностям, в т. ч. праха ламы, хотя известно, что не во все ступы закладывается прах ламы.

Нетленное тело XII Пандито хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова стало одной из святынь буддизма. Об этом историческом событии написано много, особенно в электронных ресурсах и публицистике. Поэтому мы здесь остановимся на основных моментах, имеющих отношение к теме исследования. В Янгажинском дацане 15 июня 1927 г. 75-летний хамбо лама Д.-Д. Итигэлов попросил лам прочесть для него молитву-благопожелание уходящему (*хуга намши*). Ламы побоялись читать такую книгу живому человеку. Тогда он начал читать сам, а ламам пришлось присоединиться. После обряда Д.-Д. Итигэлова поместили в позу лотоса в кедровом саркофаге и схоронили в местности Хухэ-Зурхэн на кладбище лам [11, с. 136]. А могилу сравнивали с землёй, чтоб её не смогли найти [28].

XII Пандито хамбо лама Д.-Д. Итигэлов завещал извлечь его дважды, через 30 и 75 лет. В 1955 г. ламы во главе с хамбо ламой Л.-Н. Дармаевым вскрыли саркофаг, убедились в хорошей сохранности тела, провели обряды и богослужения, сменили одежду, засыпали соль и вновь поместили в короб. В 1973 г. XIX Пандито хамбо лама Ж.-Д. Гомбоев с ламами осмотрел тело, обнаружил, что оно в сохранности и захоронил в коробе так, чтобы его было непросто найти. В 2002 г. по инициативе хамбо ламы Д. Аюшеева состоялась экспедиция по поиску и эксгумации тела Д.-Д. Итигэлова, в нём приняли участие ламы и местные жители [11, с. 136, 138]. Осенью, 7 сентября 2002 г., А. Д. Дабаев, старожил с. Гильбира Иволгинского р-на РБ, 1914 г. р., показал место захоронения в местности Хухэ-Зурхэн. Оpozнание провёл 96-летний учёный Б. Д. Цыбиков [29]. При эксгумации обнаружили в кедровом гробу Д.-Д. Итигэлова в хорошем состоянии. Патологоанатомы были уверены, что через три-четыре часа после подъёма тело превратится в тлен [23].

В Иволгинском дацане Д.-Д. Итигэлова поместили в стеклянный саркофаг. Согласно двум актам судмедэкспертизы никаких следов бальзамирования на теле ламы не выявили [25]. Эксперты сходятся в том, что такое состояние не относится ни к одному из трёх известных после физической смерти. Учёные называют феномен Д.-Д. Ити-

гэлова четвёртым состоянием смерти [26, с. 48]. Поза лотоса, в которой в течение 75 лет он находился в кедровом коробе, сохраняется без использования каких-либо поддерживающих и фиксирующих приспособлений [21].

Так называемый «феномен Д.-Д. Итигэлова» бурятские ламы объясняют по-своему. По утверждению Гэлэк-Балбар ламы из Иволгинского дацана, хамбо лама находится в состоянии медитации самадхи, что доступно только великим учителям, которые могут процесс смерти, угасания жизненных функций тела держать под сознательным контролем. Настоятель Кыренского дацана Тункинского р-на РБ Балдан лама считает, что Д.-Д. Итигэлов достиг состояния божества из сострадания к людям [27]. Б. Д. Мархаев думает, что сознание хамбо ламы Д.-Д. Итигэлова находится в других мирах, но поддерживает связь с телом [ПМА].

Н. Л. Жуковская, довольно подробно остановившись на истории жизни и ухода из него Д.-Д. Итигэлова, верно замечает: «Но “феномен Итигэлова” пока остаётся загадкой. Хотя смотря для кого. <...> Для рядовых верующих, которые десятками тысяч приходят ему поклониться и получить благословение в праздничные дни в Иволгинском дацане <...>, его нетленное тело – это чудо <...>, случившееся на их родной земле, и, как любое чудо, в объяснениях не нуждающееся» [9, с. 270–271]. Она отмечает, что в природе известны случаи самомумификации, обычно это происходит с человеком, находящимся в русле религиозной традиции и буддизма, и христианства – путь в духовное бессмертие с сохранением физического тела [9, с. 263–264].

В 2007 г. хамбо лама Д. Аюшеев озвучил такую версию. В 1920-х гг. Д.-Д. Итигэлов провёл ритуал вложения пяти священных сосудов для духов земли, хозяев местности. При этом он ни разу не коснулся земли: попросил учеников, которые во время ритуала несли его на руках, не отпускать его на землю. По этой причине стихия земли хранит его тело. Согласно буддийским представлениям, он достиг постижения Пустоты, великой реальности всех явлений, смог в состоянии медитации очистить тело до той степени, что оно сохраняется даже сейчас [26, с. 48].

Для создания достоверной картины погребальной обрядности буддийского духовенства на длительном пространственно-временном континууме считаем необходимым подробно остановиться на погребении молодого ламы, нашего современника. В 2012 г. покинул этот мир Пандэ лама (П. Жигжитов), 1977 г. р., по мнению хамбо ламы Д. Аюшеева, достигший высоких познаний в буддийской философии. Ламы определили по специальной книге все детали обряда погребения, выявили человека, который может подготовить тело и поджечь. Кремация, на которой израсходовали около 70 л топлёного масла, проводилась в 8 км от Иволгинского дацана в местности Улан-Губэ и длилась девять часов с обеда до ночи. Ламы оставались до конца кремации. На следующий день, не прикасаясь голыми руками, собрали прах [ПМА]. Из праха сформовали семь ца-ца, одно передали родственникам, второе отправили на место рождения Пандэ ламы, остальные хранятся в Иволгинском дацане для последующего вложения в выстроенный именной субурган [ПМА].

В статье, подготовленной на основании многих источников, получены следующие результаты. Определена специфика погребальной обрядности буддийских священнослужителей Бурятии с середины XIX в. до настоящего времени, характеризующаяся стереотипностью и отсутствием заметной динамики. Выявлены два типа погребения: кремация и грунтовое погребение в специальном коробе в позе медитации монахов, обладающих тайным знанием. Факты использования праха буддийского духовенства при изготовлении ца-ца, буддийских культовых предметов, символов космического тела Будды подтверждают отношение к ламам как одной из трёх драгоценностей буддизма. Выявлены факты активной эксгумации захоронений лам советского периода в постсоветское время для кремации, а в случае нетленности тела – для помещения в дацан в качестве буддийской святыни. Обнаружена отложенная во времени меморизация выдающихся лам советского времени в именных мемориалах, буддийских ступах посредством включения праха в число буддийских драгоценностей. В результате исследования сделан вывод о том, что факты меморизации лам играют важную роль в формировании этнической и религиозной идентичности

социума и индивидуума, в создании исторической памяти, исторического образа малой родины, благоприятной витальной территории, его туристической привлекательности.

Создание подобных мемориалов является одной из новых граней современных этнических процессов в постсоветском бурятском буддийском обществе.

Список литературы

1. Гомбоев Б. Ц. Культурные места Баргузинской долины. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 287 с.
2. Гомбожапов А. Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX–XX в.: истоки и инновации. Новосибирск: Наука, 2006. 184 с.
3. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 163 с.
4. Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. Волчанинова, 1893. 111 с.
5. Кисель В. А. Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII – начало XXI в. СПб.: Наука, 2009. 142 с.
6. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М.: Тип. Н. Степанова, 1844. Ч. 1. 143 с.
7. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
8. Буддизм: слов. / Л. Л. Абаева [и др.]. М.: Республика, 1992. 287 с.
9. Жуковская Н. Л. «Феномен Итигэлова»: версии религиозные, научные, антинаучные и другие // О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011 / Н. Л. Жуковская. М.: Ориенталия, 2013. С. 262–276.
10. Крючкова Е. В. Загадка субургана // Буддийская культура и мировая цивилизация: сб. ст. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2006. С. 29–31.
11. Амоголонова Д. Д. Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова в контексте постсоветской десекуляризации общественного сознания // *Tartaria Magna*. 2012. № 1. С. 128–147.
12. Корнакова А. Д. Похороны Ханцинь ламы гелюна // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. 1905. Т. 7. Вып. 1. С. 6–31.
13. Миронова Г. А. Агван Доржиев и ступа, возведённая в честь учителя Далай ламы XIII // *Вестн. Бурят. гос. ун-та*. 2012. № 7. С. 33–35.
14. Раднаева М. Интервью с Ц. Ж. Банзаракцаевой // *Джидинская правда*. 2001. № 56.
15. Баяртуева Д. Л. Восстановление буддийских культовых сооружений в Бурятии // *Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: материалы III Междунар. симп. (Улан-Удэ, 9–10 ноя. 2006 г.)*. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. Т. 1. С. 197–198.
16. Монтлевич В. М. О символике ламаистских субурганов // *Центральная Азия и Тибет: материалы к конф.* Новосибирск: Наука, 1972. С. 91–94.
17. Базарова Э. Б. Генезис и эволюция ступы в истории северного буддизма: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2009. 241 с.
18. Суворова А. С. Погребальная обрядность бурят: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Улан-Удэ, 2014. 26 с.
19. Бамбаев Б. Описание погребального обряда и его происхождение // *ЦВРК ИМБТ СО РАН*. Ф.11. Оп. 1. Д. 13. Л. 81.
20. Базарова Э. Б. Исторические традиции воздвижения субурганов (буддийских ступ) в северном буддизме [Электронный ресурс] // *Рос. экон. интернет-журн*. М.: АТиСО, 2009. Режим доступа: <http://www.globecsi.ru/Articles/2008/Bazarova.pdf> (дата обращения: 05.05.2012).
21. Будаев Б. Возвращение Итигэлова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.buddhism.ru/vozvrashhenie-itigelova/> (дата обращения: 17.03.2013).
22. Гармаев Ф. Б. О великом земляке первом Пандито хамбо ламе Д. Д. Заяеве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://etegelov.ru/conf-1/reports/60-doc-13> (дата обращения: 15.03.2013).
23. Иволгинский дацан и нетленный Хамбо Лама Итигэлов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cherry.gorod.tomsk.ru/index-1345465565.php> (дата обращения: 15.05.2013).
24. Махачкеев А. Пробившийся к ясному свету [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://burunen.ru/articles/detail.php> (дата обращения: 09.02.2015).
25. Немира В. Ученые изучают «вечно живого ламу» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.prs.ru (дата обращения: 17.05.2013).
26. Панов Е. Д. Резонанс Итигэлова: отчёт по экспедиции в Бурятию [Электронный ресурс] // *Устойчивое развитие: наука и практика: междунар. электрон. журн*. 2010. Вып. 1 (4). С. 48. Режим доступа: www.yrazvitie.ru/wp...2010/07/3 (дата обращения: 19.02.2015).
27. Рязанов Д. Чудесное явление Пандито Хамбо Ламы Д.-Д. Итигэлова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shalagram.ru/knowledge/itigelov/conclusion.htm> (дата обращения: 19.03.2013).
28. Тельнов Г. Святой лама победил смерть (11 июля. 2012 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/1082479/post227545963/> (дата обращения: 18.03.2013).

Список информантов

1. Гунчен лама, Иволгинский дацан РБ.
2. Жамбал лама, Иволгинский дацан РБ.
3. Жамбалов Г. Ю., Иволгинский дацан РБ.
4. Жаргал лама, Иволгинский дацан РБ.
5. Жаргал лама, с. Кижинга, Кижингинский р-н РБ.
6. Мархаев Б. Д., 1981 г. р., Иволгинский дацан РБ.
7. Мунхэ лама, Иволгинский дацан РБ.

8. Радна лама, с. Кижинга, Кижингинский р-н РБ.
9. Цырендоржиев Ц. Б., Иволгинский дацан РБ.

References

1. Gomboev B. Ts. Kul'tovye mesta Barguzinskoj doliny. Ulan-Ude: FGOU VPO VSGAKI, 2006. 287 s.
2. Gombozhapov A. G. Traditsionnye semeino-rodovye obryady aginskikh buryat v kontse XIX–XX v.: istoki i innovatsii. Novosibirsk: Nauka, 2006. 184 s.
3. D'yakonova V. P. Pogrebal'nyi obryad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskii istoch-nik. L.: Nauka, 1975. 163 s.
4. Zhitetskii I. A. Ocherki byta astrakhanskikh kalmikov. Etnograficheskie nablyudeniya 1884–1886 gg. M.: Tip. Volchaninova, 1893. 111 s.
5. Kisel' V. A. Poezdka za krasnoi sol'yu. Pogrebal'nye obryady Tuvy. XVIII – nachalo XXI v. SPb.: Nauka, 2009. 142 s.
6. Parshin V. Poezdka v Zabaikal'skii krai. M.: Tip. N. Stepanova, 1844. Ch. 1. 143 s.
7. Pozdneev A. M. Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. 512 s.
8. Buddizm: slov. / L. L. Abaeva [i dr.]. M.: Respublika, 1992. 287 s.
9. Zhukovskaya N. L. «Fenomen Itigelova»: versii religioznye, nauchnye, antinauchnye i drugie // O buddizme i buddistakh. Stat'i raznykh let. 1969–2011 / N. L. Zhukovskaya. M.: Orientaliya, 2013. S. 262–276.
10. Kryuchkova E. V. Zagadka suburgana // Buddiiskaya kul'tura i mirovaya tsivilizatsiya: sb. st. Elista: Izd-vo Kalm. gos. un-ta, 2006. S. 29–31.
11. Amogolonova D. D. Vozvrashchenie Khambo-lamy Itigelova v kontekste postsovetsoj de-sekulyarizatsii obshchestvennogo soznaniya // Tartaria Magna. 2012. № 1. S. 128–147.
12. Kornakova A. D. Pokhorony Khantszin' lamy gelyuna // Tr. Troitskosavsko-Kyakhtinskogo ot-deleniya Priamurskogo otdela RGO. 1905. T. 7. Vyp. 1. S. 6–31.
13. Mironova G. A. Agvan Dorzhiev i stupa, vozvedennaya v chest' uchitelya Dalai lamy XIII // Vestn. Buryat. gos. un-ta. 2012. № 7. S. 33–35.
14. Radnaeva M. Interv'yu s Ts.Zh. Banzaraktsaevoi // Dzhidinskaya pravda. 2001. № 56.
15. Bayartueva D. L. Vosstanovlenie buddiiskikh kul'tovykh sooruzhenii v Buryatii // Kul'-turnoe prostranstvo Vostochnoi Sibiri i Mongolii: materialy III Mezhdunar. simp. (Ulan-Ude, 9–10 noya. 2006 g.). Ulan-Ude: FGOU VPO VSGAKI, 2006. T. 1. S. 197–198.
16. Montevich V. M. O simvolike lamaistikh suburganov // Tsentral'naya Aziya i Tibet: materialy k konf. Novosibirsk: Nauka, 1972. S. 91–94.
17. Bazarova E. B. Genezis i evolyutsiya stupy v istorii severnogo buddizma: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03. Ulan-Ude, 2009. 241 s.
18. Suvorova A. S. Pogrebal'naya obryadnost' buryat: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.07. Ulan-Ude, 2014. 26 s.
19. Bambaev B. Opisanie pogrebal'nogo obryada i ego proiskhozhdenie // TsVRK IMBT SO RAN. F.11. Op. 1. D. 13. L. 81.
20. Bazarova E. B. Istoricheskie traditsii vozdvizheniya suburganov (buddiiskikh stup) v severnom buddizme [Elektronnyi resurs] // Ros. ekon. internet-zhurn. M.: ATISO, 2009. Re-zhim dostupa: <http://www.globecsi.ru/Articles/2008/Bazarova.pdf> (data obrashcheniya: 05.05.2012).
21. Budaev B. Vozvrashchenie Itigelova [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.buddhism.ru/vozvrashchenie-itigelova/> (data obrashcheniya: 17.03.2013).
22. Garmaev F. B. O velikom zemlyake pervom Pandito khambo lame D. D. Zayaeve [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://etegelov.ru/conf-1/reports/60-doc-13> (data obrashcheniya: 15.03.2013).
23. Ivolginskii datsan i netlennyy Khambo Lama Itigelov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://cherry.gorod.tomsk.ru/index-1345465565.php> (data obrashcheniya: 15.05.2013).
24. Makhachkeev A. Proivshiiysya k yasnomu svetu [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://burunen.ru/articles/detail.php> (data obrashcheniya: 09.02.2015).
25. Nemira V. Uchenye izuchayut «vechno zhivogo lamu» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: www.prs.ru (data obrashcheniya: 17.05.2013).
26. Panov E. D. Rezonans Itigelova: otchet po ekspeditsii v Buryatiyu [Elektronnyi resurs] // Ustoichivoe razvitie: nauka i praktika: mezhdunar. elektron. zhurn. 2010. Vyp. 1 (4). S. 48. Rezhim dostupa: www.yrazvitie.ru/wp...2010/07/3 (data obrashcheniya: 19.02.2015).
27. Ryazanov D. Chudesnoe yavlenie Pandito Khambo Lamy D.-D. Itigelova [Elektronnyi re-surs]. Rezhim dostupa: <http://www.shalagram.ru/knowledge/itigelov/conclusion.htm> (data obrashcheniya: 19.03.2013).
28. Tel'nov G. Svyatoi lama pobedil smert' (11 iyulya. 2012 g.) [Elektronnyi resurs]. Re-zhim dostupa: <http://www.liveinternet.ru/users/1082479/post227545963/> (data obrashcheniya: 18.03.2013).

Spisok informantov

1. Gunchen lama, Ivolginskii datsan RB.
2. Zhambal lama, Ivolginskii datsan RB.
3. Zhambalov G. Yu., Ivolginskii datsan RB.
4. Zhargal lama, Ivolginskii datsan RB.
5. Zhargal lama, s. Kizhinga, Kizhinginskii r-n RB.
6. Markhaev B. D., 1981 g. r., Ivolginskii datsan RB.
7. Munkhe lama, Ivolginskii datsan RB.
8. Radna lama, s. Kizhinga, Kizhinginskii r-n RB.
9. Tsyrendorzhiev Ts. B., Ivolginskii datsan RB.

Статья поступила в редакцию 17.02.2015

УДК 811.512
ББК 81(5Мо)

Амгалан Дашиевич Жамсоев,
аспирант,
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
(670042, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: tiirgen@gmail.com

Категория склонения в языке летописи «Ацагатский очерк о хори-бурятах»

Статья посвящена проблеме исследования языка письменных памятников бурят, написанных на старописьменном монгольском языке. В статье анализируются падежные аффиксы в тексте «Ацагатский очерк о хори-бурятах». Данный очерк был написан в начале XX в. неизвестным автором. Исследование выявило, что аффиксы генитива на '-giin' и аффикс комитатива '-tay=a/-tey=e' являются следствием влияния разговорного хори-бурятского диалекта. Также выяснено, что старая форма аффикса дательного-местного падежа '-dur/-tu' используется редко, как и форма комитатива на '-luγ=a/-lüge', разговорный аффикс на '-tai/-tei'. Текст «Ацагатский очерк» также обнаруживает сохранение «неустойчивого -n» при использовании аффиксов инструментального падежа на '-bar/-ber и -iyar/-iyer, в отличие от современного бурятского языка. Для исследования использовались следующие источники и материалы: транслитерированный текст очерка, тексты бурятских песен второй половины XIX в., материалы из исследования хори-бурятского говора А. Д. Руднева (1905).

В целом текст очерка написан по правилам старописьменного монгольского языка, в то же время находящегося под влиянием разговорного бурятского языка.

Ключевые слова: бурятские летописи, падежные аффиксы, категория склонения в монгольских языках, разговорный бурятский, письменные памятники.

Amgalan Dashievich Zhamsoyev,
Postgraduate Student,
IMBTS SB RAS
(6 Sachyanovskay St., Ulan-Ude, Russia, 670042),
e-mail: tiirgen@gmail.com

The Category of Case in the Language of Chronicle "Khor-Buryats Written in Ačayad"

This article is devoted to the problem of the studying the language of the Buryats' written monuments in the Old Mongolian language. This article will discuss the cases in text of the "Chronicle on khori-buryats written in Ačayad". This chronicle was written at the beginning of the XX century by unknown Buryat author. The research has revealed that affixes "-giin" and "-tay=a/-tey=e" are phenomenon of the colloquial khori-buryat dialect. Also it was find out that old forms of dative-locative case -dur/-tur are used less, as so form of comitative case -luγ=a/-lüge uses significantly less than forms with affixes -tai/-tei. The text of chronicle also reveals the preservation of "unstable n" when using the forms of instrumental case -bar/-ber and -iyar/-iyer, in contrast to the modern Buryat language. Use was made of the following sources and materials: transliterated text of the chronicle, texts of Khor-Buryat songs of the second half of the XX century and materials from the study of colloquial khori-buryat speech, produced by A. Rudnev in 1905.

In general the text of the chronicle written in accordance with the rules of the classical Mongolian language, but at the same time, there are many deviations under the influence of colloquial Buryat language.

Keywords: language of Buryat written monuments, cases, declension, Old Mongolian language, colloquial buryat, written monuments.

Одной из актуальнейших задач исследования по истории развития современного бурятского языка, равно как и сравнительно-исторических исследований монгольских языков, является изучение языка письменных памятников бурят на старомонгольской письменности,

одним из которых является «Ацагатский очерк о хори-бурятах», предположительно написанный после 1917 г. [9, с. 80].

В данной статье рассматриваются падежные аффиксы хоринской летописи «Ацагатский очерк о хори-бурятах».

Как утверждает А. А. Зализняк, «конкретный падеж в узкоформальном понимании (у существительных) в первом приближении можно описать так: это некоторый набор словоформ, каждая из которых способна выражать, помимо своего основного, предметного значения, один или несколько падежей в семантическом понимании» [5, с. 55].

Изучение падежных форм «Ацагатского очерка...» (АО) позволит получить материал для сравнительного изучения категории склонения в монгольских языках. Перспективным направлением также является анализ отражения особенностей разговорного языка хори-бурят в письменных памятниках, созданных на старописьменном монгольском языке.

Материалом для исследования послужил транслитерированный текст летописи АО.

Именительный падеж в языке АО совпадает с основой слова, а основы, имеющие «неустойчивый» *-л*, обнаруживают его факультативное чередование с нулём. Например:

<i>sūū</i>	<i>sačuli</i>	<i>sačuday</i>
молоко	окропление	окропляет

Родительный падеж в указанной летописи представлен многочисленными примерами и имеет показатели:

1) *-u/-ū* после *n*-х основ (спорадически отмечается *-u*) и после основы, оканчивающейся на *-ng*:

(а)	<i>amin</i>	-	u	<i>albatu</i>	
	жизнь	-	GEN	подданные	
	личные подданные;				
(б)	<i>᠋ᠵᠢᠩᠪᠢᠯ</i>	<i>᠋ᠭᠠᠰᠠᠩ</i>	-	u	<i>ger</i>
	Дэмбил	Галсан	-	GEN	дом
	дом Дэмбила Галсанова;				

2) *-un/-ün* после основ, оканчивающихся на другие согласные:

<i>nuur</i>	-	un	<i>dergede</i>
озера	-	GEN	возле
возле озера;			

3) *-yin/-giin* после основ, оканчивающихся на гласный:

<i>qurim</i>	<i>degere</i>	<i>juur=a</i>	-	yin
свадьба	на (послелог)	момент	-	GEN
на свадьбе.				

Аффикс *-giin* употребляется после основ на долгие и «орфографически» крат-

кие гласные, которые в живой речи стянулись в долгую гласную (*burū < buruūyū*). Таким образом, употребление данного аффикса явно указывает на долготу предыдущего гласного основы. Судя по текстам записей хори-бурятских песен второй половины XIX в., данный аффикс бывал в живой речи: Нар. П. М. *᠑ᠢᠨᠨᠡᠭᠢᠨ*¹, однако к началу XX в. стал употребляться двойственно: *-bā*, *-bīᠨ*, *-iᠨ*, *-ᠨ²*, например: *ulābā* (*<ulay=a-yin*). Из вышесказанного следует, что употребление аффикса *-giin* является следствием влияния живой разговорной речи хори-бурят:

<i>Ana-a</i>	-	giin	<i>čilayun</i>	<i>dačang</i>
Анаа	-	GEN	каменный	дацан
Анинский каменный дацан.				

Данный показатель также зафиксирован в «*Sira tuyuji*», а также в архивных документах [4, с. 208–209], в других хори-бурятских летописях (в частности, в летописи Вандана Юмсунова, встречаясь больше 30 раз) [1]. Наблюдаются и правильные написания: *Erkūū-yin olan buriyad nar* – ‘множество иркутских бурят’ и т. д., что говорит о несистемности в употреблении.

Винительный падеж в исследуемой нами летописи представлен аффиксами *-yi/-i*, употребляясь после соответствующих основ, оканчивающихся на гласный и согласный:

а)	<i>törü</i>	-	yi	<i>tūsijū</i>	<i>yabuysan</i>	
	государство	-	ACC	поддерживая	ходили	
	служили опорой стране;					
б)	<i>kündü</i>	<i>kereg-eče</i>	<i>busu</i>	-	yi	<i>siidkekü</i>
	сложные дела + ABL	остальные	-	ACC	решать	
	решать все дела, за исключением сложных.					

В АО не наблюдается использование показателя *-i* в значении родительного падежа.

Следующими показателями, которые мы постараемся исследовать, будут *-dur²/-tur²/-du²/-tu²*, выражающие **дательные-местные отношения** между членами предложения:

а)	<i>᠋ᠵᠠᠩᠰᠤ</i>	-	dur	<i>oruᠷᠦᠯᠪᠠᠢ</i>
	записи	-	DAT-LOC.	завели
	занесли в счётные книги;			

¹ Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племён. Народные песни монголов. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1880. С. 246.

² Руднев А. Д. Хори-бурятский говор (опыт исследования, тексты, перевод и примечания). Петроград: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. Вып. 1. С. 30.

(б) *süni-yin nayadum - du bayiyad*
ночь+GEN игрища - **DAT.-LOC.** побывав
побывав на ночных игрищах.

Показатели *-du²/tu²* значительно преобладают над *-dur²/tur²*, как и в других бурятских летописях [9, с. 346–347].

Следует заметить, что в языке летописи не встречаются архаичные показатели на *-da²/ta²*. Изредка наблюдается показатель архаичного местного падежа на *-a/-e*:

geyikü - yin čaγ - a
рассветать + GEN время - **LOC**
на рассвете.

Зафиксированы и формы с притяжательным склонением, в поздней форме на

-tayan/-tegen: noyad tūsimed-tegen – ‘ноёмнам и чиновникам’; *uul nutuy-tayan* – ‘на исконные земли’.

Исходный падеж в АО образуется с помощью показателей *-ača/-eče*:

а) *tusiyal - ača talbiydaba*
должность - **ABL** освободить
освободили от должности;

б) *tülüberi - eče čilügelegdebei*
уплата - **ABL** освободить
освободили от уплат.

Единственный раз встречается слитный показатель *-ča*:

gem-iyen nadača asaγuytun
вина+POSS я+**ABL** спросите
спросите у меня свою вино.

Показателями *-iyar²/-bar²* обозначается **орудный падеж**, например:

а) *olan toyatu mal - nud - tai - bar*
множество с численностью скот - **PLUR** - **COM** - **INSTR**
с многочисленным скотом;

б) *tayiša tusiyal - du boljur ügei - ber - batulaydaba*
тайша должность - **DAT.-LOC.** срок без - **INSTR** - утверждён
был досрочно утверждён на должность тайши.

Совместный падеж в летописи представлен аффиксами *-tai/-tei* и *-luγ=a/-lüge*. При присоединении аффикса *-tai/-tei* в боль-

шинстве случаев неустойчивый *-n* основы выпадает. Встречаются и формы двойного падежа:

(а) *terigüšüül bolun jon - tai - yin müngke - ejlegürin-e ögbe*
главы народ **DAT.-LOC.** срок вечный - владением+**LOC.** отдали
отдали в вечное пользование главам и народу;

(б) *bi luus - un qaγan -u ökin bölüge*
я Лус- **GEN** правитель -**GEN** дочь являюсь
я дочь правителя Лусов.

В тексте АО также обнаружена композитная форма *-tai=a/-tei=e*. Например:

а) *ayimay albatu - tai=a adayasu mal-iyen tayuba*
род подданные - **COM+POSS** скот скот+**POSS** погнали
с родом и своими подданными, скотом отправился в путь;
ср. сов. бур.: *Шэлдэй зангиниинь гэр бүлэнэрээр аймаг албататайяа адууһа малаа тууба (переложение А. Ж.);*

б) *Qori aq=a degüner - tei=e qamturan sayuqu küselteb*
Хори родственники **COM+POSS** вместе жить желание+**COM+PART**
Хочу жить вместе со своими хоринскими родственниками;
ср. сов. бур.: *Хори аха дүүнэртээ хамтаран һууха хүсэлтэйб (переложение А. Ж.).*

Несмотря на то что данная форма может показаться композитной формой совместного падежа с показателем местного падежа, подобно халхаским книжным формам *магадтайя* (<*maγadtaɣ=a* – ‘верно, определённо’), *лавтайя* (<*labtaɣ=a* – ‘наверняка, несомненно’), на наш взгляд, данная форма является композитной формой комитатива с частицей притяжания на *-a*, вместо классического притяжания на *-ban/-ben*. Данное предположение также подтверждается и смысловым построением соответствующих предложений. Материалы хори-бурятских песен второй половины XIX в. показывают сохранение согласного после дифтонга комитатива – *тайгā*, *тэйгэ¹*. В современном

же бурятском, аффикс комитатива с частицей притяжания употребляется двояко²: *тайгаа* ~ *таяа*. Употребление формы на *-taɣ=a/-teɣ=e* наблюдается также в более ранних хори-бурятских хрониках Шираб-Нимбу Хобитуева и Вандана Юмсунова. На наш взгляд, развитие данной композитной формы шло следующим образом: *tāya*:<**taiya*:<**taiya*:<**taiyan*<**tai-ban*³ [8, с. 38].

Проведённое исследование в плане категории склонения показывает что АО является классическим письменным памятником письменного языка бурят начала XX в., выявляющим влияние разговорной стихии, выражающейся в отмирании старых форм на *-dur²/-tur²*, *-a²*, *-luɣ=a/-lüge*.

Список литературы

1. Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова – памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2007. 394 с.
2. Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. 202 с.
3. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 403 с.
4. Доржиев Д. Д. Старобурятский язык. Улан-Удэ, 1992. 244 с.
5. Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. 53–87 с.
6. Краткая грамматика монгольского книжного языка / сост. О. Ковалевский. Казань: Univ. тип., 1835. 202 с.
7. Поппе Н. Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л.: АН СССР, 1937. 200 с.
8. Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: опыт исследования, тексты, перевод и примечания. Петроград: Тип. В. О. Киршбаума, 1913. Вып. 1. 137 с.
9. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 656 с.
10. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 147 с.
11. Цыбиков Г. Ц. Грамматика бурят-монгольского письменного языка. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. 119 с.
12. Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит. РАН, 1996. 152 с.
13. Schmidt I. J. Schmidt Grammatik der Mongolischen Sprache. St. Petersburg: Gedruckt in der Buchdruckerei der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1831. 179 p.
14. Poppe N. Geserica: Untersuchung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der mongolischen Version des Gesser Khan // AM. 1926. Vol. 3. H. 1. P. 1–32.
15. Činggeltei. Mongγul kelen-ü jüi // Činggeltei-yin jokiyal бүтүгел-үн тегүбүри (1). Kökeqota: Nigedüger boti, 2010. 3 qa.

References

1. Badmaeva L. B. Letopis' Vandana Yumsunova – pamyatnik pis'mennoï kul'tury buryat XIX v. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2007. 394 s.
2. Badmaeva L. B. Yazyk buryatskikh letopisei. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2005. 202 s.
3. Bobrovnikov A. A. Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka. Kazan', 1849. 403 s.
4. Dorzhiev D. D. Staroburyatskii yazyk. Ulan-Ude, 1992. 244 s.
5. Zaliznyak A. A. O ponimanii termina «padezh» v lingvisticheskikh opisaniyakh // Problemy grammaticheskogo modelirovaniya. M., 1973. 53–87 s.
6. Kratkaya grammatika mongol'skogo knizhnogo yazyka / sost. O. Kovalevskii. Kazan': Univ. tip., 1835. 202 s.
7. Poppe N. N. Grammatika pis'menno-mongol'skogo yazyka. M.; L.: AN SSSR, 1937. 200 s.
8. Rudnev A. D. Khori-buryatskii govor: opyt issledovaniya, teksty, perevod i primecha-niya. Petrograd: Tip. V. O. Kirshbauma, 1913. Vyp. 1. 137 s.
9. Tsydendambaev Ts. B. Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye. Ulan-Ude: Bu-ryat. kn. izd-vo, 1972. 656 s.

¹ Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племен (народные песни монголов). СПб., 1880. С. 201.

² Грамматика бурятского языка (фонетика и морфология). М., 1962. С. 97.

³ Приведённая нами ступенчатая реконструкция основывается на записи А. Д. Руднева «Хори-бурятский говор», где он также отметил краткость гласного показателя притяжания (*хамбантэя*, *ахэмтэя*)

10. Tsydendambaev Ts. B. Grammaticheskie kategorii buryatskogo yazyka v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii. M.: Nauka, 1979. 147 s.
11. Tsybikov G.Ts. Grammatika buryat-mongol'skogo pis'mennogo yazyka. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1993. 119 s.
12. Yakhontova N. S. Oĭratskii literaturnyi yazyk XVII veka. M.: Vost. lit. RAN, 1996. 152 s.
13. Schmidt I. J. Schmidt Grammatik der Mongolischen Sprache. St. Petersburg: Gedruckt in der Buchdruckerei der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1831. 179 p.
14. Poppe N. Geserica: Untersuchung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der mongolischen Version des Gesserkhan // AM. 1926. Vol. 3. H. 1. P. 1–32.
15. Činggeltei. Mongyul kelen-ü jüi // Činggeltei-yin jokiyal bütügel-ün tegübüri (1). Kökeqota: Nigedüger boti, 2010. 3 qa.

Статья поступила в редакцию 28.01.2015

УДК 811.51.512.3
ББК (Ш) 81

Ирина Александровна Ламожалова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: Lamira76@mail.ru

Антропонимические изоглоссы в монгольских языках

Статья посвящена определению антропонимических изоглосс в монгольских языках. Комплексная методологическая база – анализ экстралингвистических основ формирования системы личных имён – позволила выявить зоны на материале антропонимикона бурятского, монгольского, калмыцкого языков. Материалом исследования послужило антропонимическое пространство, представленное в родословных записях монгольских народов.

Выделяются четыре антропонимические зоны (территории, изоглоссы) в монгольских языках: I. Территория, где на протяжении многих веков исповедуют буддизм. Эту зону представляет антропонимическая система собственно монголов, бурят Монголии, монголов аймака Монголжин (на границе Китая и Монголии), система личных имён селенгинских, хоринских, баргузинских бурят. II. Территория (зона) кратковременного распространения буддийского вероучения – антропонимия аларских, боханских бурят Иркутской области. Антропонимикон бурят Присаянья можно отнести в эту зону. III. Калмыцкая антропонимия представляет собой своеобразную систему как исконных личных имён, так и форм имён буддийского происхождения. IV. Зона, где мотивированность номинаций имеет шаманистический характер, а также это зона христианских вкраплений – территория проживания бурят в Иркутской области, кроме указанных во второй зоне.

Ключевые слова: антропонимы, монгольские языки, изоглоссы, экстралингвистические факторы, буддизм.

Irina Alexandrovna Lamozhapova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: Lamira76@mail.ru

Anthroponomical Isoglosses in the Mongolian Languages

The article is dedicated to definition of anthroponomical isoglosses in the Mongolic languages. The comprehensive methodological basis (an analysis of extra-linguistic bases of formation of personal names' system), based on the anthroponymycon of the Buryat, Mongolian, Kalmyk languages, allowed to find out zones. The material of research is the anthroponomical space represented in genealogical records of Mongolian-speaking people.

There are 4 anthroponomical zones (areas, isoglosses) in the Mongolic languages: I. The area where during many centuries Buddhism is confessed. This zone is represented by the anthroponomical system of Mongols themselves, Buryats of Mongolia, Mongols of Mongoljin aimag (on the border of China and Mongolia), the system of personal names of Selenga Buryats, Khorin Buryats, Barguzin Buryats. II. The area (zone) of short-term spread of Buddhism school- anthroponym of Alar Buryats, Bokhan Buryats of Irkutsk area. The anthroponymicon of Buryats who live in the area of Sayan Mountains can be also referred to this zone. III. the Kalmyk anthroponym can be described as a peculiar system of original personal names and forms of names with Buddhism background. IV. The zone where the motivation to give names is based on Shamanism and also is based on Christianity – that is the territory of Buryats' residence in Irkutsk area except that Buryats who were denoted in the second zone.

Keywords: anthroponym, Mongolic languages, isoglosses, extralinguistic factors, Buddhism.

В основе формирования антропонимических систем монгольских народов лежат историческое расселение, религиозное

воззрение, распространение грамотности и другие экстралингвистические факторы. Важное историческое событие – принятие,

распространение, следование буддийскому вероучению – выступает главным экстралингвистическим условием определения антропонимических изоглосс в монгольских языках. К данному явлению в историческом прошлом у монголов, бурят, калмыков мы обращаемся в соответствии с вышеозначенной темой.

С XVI–XVII вв. среди монголов получают массовое распространение имена тибетского происхождения, когда официально был принят в Монголии ламаизм по идеологическим мотивам. Т. Д. Скрынникова сообщает, что в условиях, когда господствовал шаманизм с массой родовых и территориальных культов, требовалось политическое единство всех монгольских племён и родов, и монгольские ханы Дзасакту и Тушету ввели ламаистскую церковь как интегрирующий фактор [18, с. 210]. Также автор пишет, что буддизм получил широкое и глубокое проникновение в общество монголов, особенно в высших слоях, среди феодальной власти.

Такое изменение в монгольском обществе ярко отражается на антропонимическом корпусе как по языку-источнику, так и в структуре. Так, в родословной таблице бурят рода доргоши галзут на 72 единицы тибетизмов приходится только 8 исконных. У моотгон харгана на 448 единиц тибетизмов – 86 исконных [20, с. 165–178]. В словаре личных имён монголов Ч. Соднома приводится следующее соотношение между исконными и тибетскими именами – 4277 на 2362. В структурном плане личные имена монголов получили многокомпонентность, включают в себя до шести компонентов: Лувсан-чойдов-наван-балжий-даш-цэрэн [19, с. 38].

Многочисленные монгольские роды и племена в Средневековье и позднее время переселялись по территории Китая, Прибайкалья, а также по приволжским просторам. В книге «Монголджин-у монгол обог кигед айил-ун нерес-үн судулал» говорится, что монгольские роды переселялись на территорию Китая в район Монголжин со времён Золотой Орды до XVII в., даётся список 147 родов. Так, переселение чахаров происходило под предводительством Тарайсан-хана, начиная с 1547 г., с ними же прибывали сунид, хэшигтэн, онгнигуд, адха, саган татар, хорчин [12, с. 1–3].

Интересно привести сведения о роде хорчин по данным летописей. В древние

времена хорчины в результате вытеснения звенками населяли Баргузин. В Хорчинском (Хорцинском) аймаке Внутренней Монголии Китая основное население – хорчины. Ветвь хорчин значится в составе второй сартольской группы селенгинских бурят [16, с. 37, 65, 66]. Там же указывается, что хорчины являются борджигинами. Хорчин есть и в самой Монголии. Интересно, что у бурят встречается имя *Хорчин*, от которого образована и функционирует фамилия *Хорчинов* (с. Сохондо Забайкальского края). Основные особенности системы личных имён таковы. Маньчжурская (Цинская) империя в истории монголов отразилась и на системе именования людей. Монголам насильственно присваивали фамилии по китайской традиции. Монгольские звуки оформлялись китайскими иероглифами, фамилии составляли по первому слогу генонима. Так, потомкам рода *хонгирад* присваивалась фамилия *Хонг*. Основу генонима (этнонима) переводили на китайский язык. Например, представителям ветви *агууладууд* присваивали фамилию *Шан*, поскольку в основе генонимического названия монгольское слово *агула* – «горы, скалы», а на китайский язык оно переводится как *шан*. Отсюда омонимичная данному слову фамилия [12, с. 25, 28, 65]. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на подобные явления со стороны Китая, система личных имён сохранила свои исконные традиции именования. Это подтверждается по родословным таблицам. Китайские имена составляют всего 97 единиц на фоне буддийских имён в 1491 единицу, исконные – 1386, маньчжурские – 181.

Далее расскажем об эволюции имени бурят в связи с принятием буддизма. Так, селенгинские буряты – объединённые группы выходцев из Предбайкалья и Монголии. У первых – харанутов, ользоновцев, чернорудцев и других – сформировался северно-селенгинский говор, у последних – сартулов, сонголов, атаганов и других – южно-селенгинский говор. В современный период они исповедуют ламаизм. Вместе с тем по составу имен следует отметить, что проникновение буддизма в XVII–XVIII вв. не было триумфально лёгким. Инициировали принятие буддизма предводители родов. Бесспорно, исконные религиозные традиции народ меняет не одновременно. Также буряты стояли перед выбором между тремя

религиями. Это положение подтверждается фактами из «Бурятских летописей». Летописцы писали, что многие шаманы уверены, что следование Будде бесполезно, зло, горе направляют черти и онгоны [5, с. 14]. Сложное положение усугублялось в результате столкновения буддизма и царского правительства: «После посещения в 1871 году нашего края <...> сенатором Синельниковым были учинены многочисленные преследования буддистов. В этот промежуток времени русские миссионеры и крещенные инородцы (буряты) предали сожжению обо и бумханы <...>» [Там же, с. 52]. Также случалось такое, что некоторые священнослужители выходили из ламаистского сословия и принимали христианство (православие) [Там же, с. 113]. Однако их новые православные имена не приводятся.

Все эти осложняющие события наглядно отображаются в корпусе антропонимов в плане их языковых источников. Например, брат настоятеля Онон-Цугольского буддийского монастыря принял католицизм [Там же, с. 119], но его новое имя не значится. Замечается замена старого новым верованием в родословных коленах, например, *Павел Доржижабай* (буддизм на христианство), *Зандан Василиин*, *Юмжаб Иваанай*, *Галсан Нихитын* (христианство на буддизм) [Там же, с. 115, 125]. У священнослужителя Дамба-Даржа Заягын шаманистическое имя отца – *Зая*. Вероятно, *Зая* = *Зая(н)* «судьба». Среди верхоленских бурят, представителей рода шоно в то время было имя *Заяхай* с антропоформантом *-хай*.

Подобную картину можно увидеть у хоринцев и агинцев: *Тарба Жэгжэдэй* (буддизм на шаманизм), *Ринчин-Доржо* (он же *Николай*) – двоеверие, *Бадма Павлай* (православие на буддизм). Примечательно, у настоятеля дацана исконное имя – *Тунгалаг Шолхойн* [Там же, с. 119], бурят. *тунгалаг* – «прозрачный, светлый, ясный, чистый» и *шолхо(гор)* + формант *-ой* – «обвислый, обрюзгий (о лице)».

Имена буддийского происхождения среди селенгинских бурят широко распространяются в последующих поколениях. В двух-трёх поколениях современности чаще присваиваются исконно бурятские имена и русизмы. Однако частотность номинации типа *Нимаев Даба Дагбаевич* сохраняется.

Среди представителей хоринского племени (Забайкалье) буддизм начал распро-

страняться с середины XVIII в., в то время как среди селенгинских бурят буддизм получил более раннее распространение. Начали строиться дацаны, и это строительство продолжалось до XX в. [8, с. 44].

Многокомпонентные формы, в составе которых наличествуют только тибетизмы, показывают, что широкое распространение нашли буддийские имена во многих последних поколениях: так, в пос. Хоринск – *Дашеев Намбар Дугарович* (1966 г. р.), *Дашинимаева Хандама Дымбрыловна* (1954 г. р.), *Гатыпов Гунгар Гармаевич* (1934 г. р.). С 30-х годов появляются заимствования – русизмы: *Чайбсонова Валентина Гуржаповна* (1930 г. р.), *Дондоков Демьян Дугарович* (1936 г. р.).

В Восточном Прибайкалье буддийское вероучение сохраняет основополагающую роль в процессе номинации людей. Инициативное созидательное применение буддийских канонов содействовало развитию культуры бурят, в частности, развитию старомонгольской письменности. Эта культура сказалась на антропонимии бурят Забайкалья, где наличествуют формы с формантом родительного падежа старомонгольского письменного языка *-о/-он/-ун* (*Рабдано*, *Жалсабон*) наряду с исконным формантом *-ай, -эй, -э* (*Бадмажабай*, *Эрдэмэ*), эти форманты имеют значение принадлежности (отцу). В западном Прибайкалье подобные формы редки (*Хадааханэ*, *Тумахани*).

О бурятах Присаянья (Окинский, Тункинский, Закаменский районы Республики Бурятия) отметим следующее. На данной территории многочисленными являются хонгодоры. В исторической и лингвистической науке детально исследуют их происхождение. Есть версия, что хонгодоры – это монголы [9, с. 10], другая версия – хонгодоры являются омонголившимися тюрками [6, с. 230], третья версия языковедов – хонгодоры – это буряты, аборигены Прибайкалья [15, с. 159, 160; 21, с. 156]. В данной ситуации более чем уместной становится методологическая идея Г. Ф. Миллера, которой руководствуются лингвисты при выдвижении своей версии: «Характеристическое различие народов, – писал он, – состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо всё это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки

сходные, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплемённости» [10, с. 31]. Ж. А. Зимин подтверждает версию о бурятском происхождении, указывая, что в родословных таблицах хонгодоров практически отсутствуют тибето-буддийские имена, которые в середине XVII в. были распространены в Монголии [7, с. 108].

В той или иной мере бурятский генезис хонгодоров поддерживается компонентами системы личных имён. В верхних поколениях родословий наличествуют исконно бурятские имена. Кроме того, стоит привести только один яркий пример: имя *Ухин* – «девушка, девица», где инициалом выступает переднерядный *у*, как и в его бурятской антропооснове, в то время как в монгольском языке ему соответствует *Охин*, а в калмыцком антропонимиконе – *Окн* [окън].

В родословных таблицах хонгодоров наличествуют имена тибетского происхождения в отрезках от двух до пяти колен, начиная со времени строительства дацанов на территориях их проживания. Так, Аларский дацан был построен в 1814 г., Кыренский (Тункинский) – в 1817 г., Койморский – в XX в. [8, с. 44]. И имена-тибетизмы присваивались в промежутках двух – пяти поколений, однако не во всех семьях. Также заметим, что в структурном плане они оригинальны по сравнению с восточно-бурятскими и монгольскими именами. Так, *Лобсон // Лубсан, Баваасан // Баасан, Панзар // Банзар, Ириншэй // Ринчин, Сагжа // Шагжа, Сэрэдэ // Сэрэн, Гомбол // Гомбо, Сэвээлэй // Сэвээн, Будал // Буда*.

Затем в последующих поколениях устоявшийся на фоне выше упомянутых событий антропонимикон у представителей хонгодорского племени круто меняется, исконные и тибетские имена уступают место русизмам.

Подобная картина эволюции антропонимикона у закаменских хонгодоров. В верхних коленах родословий имена предков только исконно бурятские [2]. В 90-х гг. простекала такая стадия развития их именика, что тибетско-санскритские имена отходили в пассив, сменяясь русизмами и исконно бурятскими компонентами [1, с. 217].

В некоторых семьях тункинских хонгодоров имена-тибетизмы сохраняются до 50-х гг. У семьи Комиссаровых, представителей родовой группы шоно (с. Хужир Тункинского

района Республики Бурятия), родословное древо выглядит так: *Тэбхэ → Шобхо → Баабуушха* (жен.) → *Комиссаар → Шүлтэм → Дагба → Дари* (жен., 1916 г. р.) → *Намсарай → Лобсон, Сэбэг-Доржо*. Далее следуют в основном русские имена, в настоящее же время есть тенденция присвоения исконно бурятских и тибетских имен (из беседы с информантом, потомком рода В. Д. Патаевой в г. Улан-Удэ в 2008 г.).

Если проводить параллель в одних и тех же временных отрезках в верхних поколениях, то в родословных таблицах как у хонгодоров, у бурят Западного Прибайкалья, так и у бурят Монголии и монголов Китая, можно выявить следующее: у первых – преобладание исконных, у последних – тибетско-санскритские формы. Вместе с тем у монголов чуть раннего периода, Средневековья, тибетизмы единичны, как свидетельствует об этом «Сокровенное сказание монголов» (*Их-Цэрэн*, § 154).

Джидинские сартулы переселились на территорию современного проживания в XVIII в. [4, с. 109] – они были буддистами ещё во время пребывания в пределах Монголии, 1749 год – время построения Джидинского дацана, т. е. он был построен после их переселения. Генеалогическая таблица сартулов свидетельствует об этом. Так, родословная таблица представителей сартульского рода Аюши и Рабдана, составленная Цыбик-Бадмой Лайдаповым в 1976 г., начинается с имён-тибетизмов. Она отражает вкрапления новых элементов в условиях бурятско-русского билингвизма. Соотношение имен по языку-источнику из общего количества в 848 именовании таково: бурятских – 191, русских – 32, буддийских – 625. Фиксируются русские параллели наряду с бурятскими и тибетскими формами у одного и того же денотата: *Аламжа* и *Александр, Доржи-Ханда* (жен.) и *Лида* (жен.). Приведём материалы генеалогической таблицы первого бурятского ученого Доржи Банзарова, потомка рода сартул [3, с. 223–224]. Имена раннего периода восходят к аппелятивным основам бурятского языка. Например, *Батан* – *бата* – «крепкий, надёжный, верный, постоянный»; *Далай* – «море, океан», *Табангут*, ср. *табан* – «пять». В последующих коленах представлены тибетско-санскритские имена. Интересно, что в следующем за Доржи

поколении значится имя *Занту*, ср. бурят. *зантуу* – «железное ведро, жестяной чайник», перен. бранное «дубина».

Дацан в Баргузине был построен в 1818 г. [8, с. 44], и с этого времени на протяжении пяти поколений наряду с бурятскими антропонимами наличествуют имена буддийского происхождения в системе личных имён баргузинских и курумканских бурят.

В генеалогических записях бурят, переселившихся из Верхоненья, Баяндая Иркутской области, ныне проживающих в Кижингинском районе Республики Бурятия, имена в верхних поколениях с шаманистической мотивацией, т. е. имеют в основе исконно бурятские апеллятивы (*Атарай*, *Баяндай*), в более поздние времена наличествуют в большом количестве тибетско-санскритские формы.

В 1912, 1918 гг. были построены дуганы в Боханском, Ольхонском районах Иркутской области [8, с. 44]. Однако буддийские имена немногочисленны в их родословиях. К примеру, представитель рода Буян Дурлай Семён присвоил сыновьям имена тибетского языкового происхождения *Сэбэг* и *Сэрэн* (1913 г. р.), а Алганай сына назвал именем *Доржо*, остальные его 8 детей имеют русские и бурятские имена, время их рождения – с 1908 по 1929 гг.

Построение Бильчирского дугана в Боханском районе в 1912 г. отразилось незначительно: среди бурят с. Бильчир тибетизмы – весьма раритетное явление. Например, *Иринсэй*, имя его сына *Ириншэн*; а *Цэбэг* назвал дочерей *Пооля*, *Ниина*, сыновей – *Саанька* и *Сереожо*.

Антропонимическая система эхиритских бурят не подверглась сколько-нибудь заметному влиянию тибетского ламаизма. В 1912 г. был построен Кырменский дуган, в 1918 г. – Харацинский, и в 1919 г. – Муринский [8]. У Иминохоевых с. Харбатово фиксируются имена типа *Доржо*. Именник эхиритов удерживает исконный пласт до начала XX столетия, которое знаменуется установлением власти советов, ликбезом, коллективизацией сельского хозяйства и т. д., которые принесли массу имён из русского антропонимикона.

С начала XVII в. предки современных калмыков переселяются из исконной родины Джунгарии, населяют степи Нижней Волги, Предкавказья и северную часть Ставропольского плато [22, с. 28]. Этноге-

нез калмыков характеризуется иноплеменными тюркскими и другими вкраплениями, которые подвергались ассимиляции западно-монгольской ойратской культурой. В духовном, т. е. религиозном плане, ойраты следовали буддийскому вероучению ещё до их переселения в европейскую часть России, т. е. во время пребывания на исконной территории Монголии.

И буддийские имена нашли своё распространение среди предводителей калмыцких родов и т. д. У. Э. Эрдниев даёт об этом исторические сведения. *Дондок-Омбо* женился на кабардинке *Джане* [Там же, с. 45]. Во главе со старшим сыном *Чакдоржапа*, внуком *Аюки Баксадаем Дорджи* в 1744 г. переселились три тысячи калмыков. Калмыцкий предводитель принял крещение и получил имя *Петра Тайшина* [Там же, с. 49]. А. М. Позднеев приводит весьма ценное свидетельство. Буддийские священнослужители присваивали оригинальные имена людям избранным из высшего сословия. Так, дочери халхасского хана Тушету дали имя *Данар*, которое священнослужители образовали от начальных слогов названий месячного гарака луны *да-ва* и звезды *нарма*, правившей в момент рождения девочки. Также имя *Данар* носила младшая сестра калмыцкого хана *Дондук-Даши* [14, с. 420]. При чтении исторической, этнографической литературы о калмыках благодаря наличию в них буддийских имён возможно судить о состоянии именника того времени.

Современное состояние калмыцкого именника характеризуется сравнительно небольшим количеством имён тибетско-санскритского происхождения. В словаре М. У. Монраева [13] подсчитано нами 167 тибетизмов из общего числа в 2415 единиц.

В результате краткого обзора исторических явлений, имевших значительное место в жизни монгольских народов, – расселения, верований – можно прийти к следующим выводам. Сначала нужно отметить, что предметом нашего исследования являются антропонимические системы только сложившихся наций – монгольской, бурятской, калмыцкой.

Религиозные воззрения (распространение, принятие, вероисповедания), а также историческое расселение, освоение земель монгольских народов имеют сложную в плане познания картину. Буддийское вероисповедание на протяжении с конца

XVI – начала XVII в. по настоящее время у одних закономерно повлекло за собой замену большей части исконных имён, у которых в основе образования и выбора для новорождённых шаманистическая мотивация, поклонение буддизму в течение всего лишь двух – пяти колен, в то время как сохранялась исконная религия и происходило принятие христианства православного толка. Массово проникали в состав антропонимикона имена-русизмы. И закономерным оценивается возникновение необходимости классификации системы номинации в монгольских языках, «вычерчивания» в них зон, изоглосс. Профессор А. Г. Митрошкина разграничила антропонимические зоны или диалекты в бурятском языке [11, с. 15–21], выявила общебурятские личные имена, а также имена или формы имён, характерные только для конкретного региона. Общебурятские или имена, распространённые по всей территории этнической Бурятии, являются инвариантной, постоянной, универсальной, т. е. интегрирующей частью всей системы личных имён бурят. Автор выделяет два антропонимических диалекта в бурятском языке: восточно-бурятский (территория, где исповедуется буддизм) и западно-бурятский (буряты Предбайкалья в основной массе сохраняли исконную религию – шаманизм, а также это территория, где имело место распространение христианства).

На материале нарицательной лексики в монголистике были попытки определения изоглосс, диалектов, классификация монгольских языков в целом. С начала XX в. по настоящее время монголоведы обращают внимание на проблему классификации монгольских языков. Г. Д. Санжеев отмечает, что проведённая классификация на восточную, западную и северную группу монгольских языков и диалектов не выдерживает оппонирования в плане обоснования, такие представители монгольского мира, как дагуры, монголы, дунсяне, баоане и афганские монголы, пребывали и пребывают в абсолютной обособленности от других монгольских народов, а их языки оказались под исключительно сильным влиянием окружа-

ющих их языков. И их представление в изоглоссах должно быть рассмотрено в особом порядке [17, с. 95, 96].

Разграничение зон, изоглосс в системе личных имён у монгольских народов лучше проводить с учётом уже имеющихся классификаций языков, территориальных диалектов на основе структурных особенностей: фонетических, грамматических и лексических. На наш взгляд, как сказано выше, оптимальным обоснованием для определения антропонимических изоглосс в монгольских языках должны выступать расселение и вероисповедания: имятворчество и номинация личными именами у них носит религиозную мотивированность.

Итак, можно выделить четыре антропонимические зоны (территории, изоглоссы) в монгольских языках, а в основе данного разделения – время продолжительности буддийского вероисповедания: I. Территория, где на протяжении многих веков исповедуют буддизм. Эту зону представляет антропонимическая система собственно монголов, бурят Монголии, монголов аймака Монголджин (на границе Китая и Монголии), система личных имён селенгинских, хоринских, баргузинских бурят. II. Территория (зона) кратковременного распространения буддийского вероучения – антропонимия аларских, боханских бурят Иркутской области. Антропонимикон бурят Присяянья можно отнести в эту зону. III. Калмыцкая антропонимия представляет собой своеобразную систему как исконных личных имён, так и форм имён буддийского происхождения. IV. Территория (зона), где мотивированность номинаций имеет шаманистический характер, а также это зона христианских вкраплений – территория проживания бурят в Иркутской области, кроме указанных во второй зоне. Когда предпринимается сравнительное исследование исконного пласта личных имён у монгольских народов, антропонимическая зона IV для нас является оригинальным эталоном. Антропонимия дагуров, монголов, дунсян, баоаней, афганских моголов является предметом специального научного исследования.

Список литературы

1. Бабуев С. Д. Из антропонимии закаменцев // Филологический сборник. Улан-Удэ, 1998. С. 216–218.
2. Бабуев С. Д. Из родословных закаменских бурят. Закаменск, 1993. 24 с.
3. Банзаров Д. Собрание сочинений. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1997. 239 с.
4. Бураев И. Д. Сартульский говор // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. Вып. 1. С. 108–150.

5. Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. 198 с.
6. Дугаров Д. С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 207–235.
7. Зимин Ж. А. К вопросу о выходе хонгодоровских родов из Монголии и их расселение в Алари // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 102–113.
8. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова [и др.]. Новосибирск: Наука, 1983. 235 с.
9. Мельхеев М. Н. Карты расселения и перемещения бурятских родоплеменных групп по данным топо- и этнонимии // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1974. Вып. 6. С. 3–27.
10. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. 607 с.
11. Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск, 1987. 224 с.
12. Монголджин-у монгол обог кигед айил-ун нерес-үн судулал / ред. Гоолбагана, Тогтанбаяр, Агула, Тунггалан, Гэрэлту. Улагананда, 1991. 603 н.
13. Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: Герел, 2012. 253 с.
14. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887. 493 с.
15. Рассадин В. И. Присаянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 217 с.
16. Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи. Улан-Удэ, 1956. 100 с.
17. Санжеев Г. Д. Изоглоссы в монгольских языках // Mongolica: памяти академика Б. Я. Владимирцова (1884–1931). М.: Наука, 1986. С. 91–96.
18. Скрынникова Т. Д. О политической организации Халхи (вторая половина XVI–XVII в.) // Mongolika: памяти академика Б. Я. Владимирцова (1884–1931). М., 1986. С. 201–212.
19. Содном Ч. Монгол хүний нэрийн тухай // Монголын судлалын зарим асуудал (Studia Mongolika, T. IV. F. 14). Улаанбаатар, 1964. Н. 27–134.
20. Сумьяабаатар. Буриадын угийн бичгээс (Studia Ethnografica. T. III. F. 2). Улаанбаатар, 1966. 315 н.
21. Цыдендамбаев Ц. Б. Этническое прошлое закаменских бурят по данным исторических легенд // Краеведение Бурятии. Улан-Удэ, 1979. С. 153–156.
22. Эрдниев У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста, 1980. 284 с.

References

1. Babuev S. D. Iz antroponii zakamentsev // Filologicheskii sbornik. Ulan-Ude, 1998. S. 216–218.
2. Babuev S. D. Iz rodoslovykh zakamenskikh buryat. Zakamensk, 1993. 24 s.
3. Banzarov D. Sbranie sochinenii. Ulan-Ude: BION SO RAN, 1997. 239 s.
4. Buraev I. D. Sartul'skii govor // Issledovanie buryatskikh govorov. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1965. Vyp. 1. S. 108–150.
5. Buryatskie letopisi. Ulan-Ude, 1995. 198 s.
6. Dugarov D. S. K probleme proiskhozhdeniya khongodorov // Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1993. S. 207–235.
7. Zimin Zh. A. K voprosu o vykhode khongodorovskikh rodov iz Mongolii i ikh rasselenie v Alari // Etnicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi mongol'skikh narodov. Ulan-Ude, 1983. S. 102–113.
8. Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala XX veka. Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoi si-stemy / G. R. Galdanova [i dr.]. Novosibirsk: Nauka, 1983. 235 s.
9. Mel'kheev M. N. Karty rasseleniya i peremeshcheniya buryatskikh rodoplemennyykh grupp po dannym topo- i etnonimii // Etnograficheskii sbornik. Ulan-Ude, 1974. Vyp. 6. S. 3–27.
10. Miller G. F. Istoriya Sibiri. M.; L., 1937. 607 s.
11. Mitroshkina A. G. Buryatskaya antroponimiya. Novosibirsk, 1987. 224 s.
12. Monggoldzhin-u monggol obog kiged aiil-un neres-yn sudulal / red. Goolbagana, Tog-tanbayar, Agula, Tunggalan, Gerelty. Ulagananda, 1991. 603 n.
13. Monraev M. U. Kalmytskie lichnye imena (semantika). Elista: Gerel, 2012. 253 s.
14. Pozdneev A. M. Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva Mon-golii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu. SPb., 1887. 493 s.
15. Rassadin V. I. Prisyanskaya gruppa buryatskikh govorov. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 1996. 217 s.
16. Rumyantsev G. N. Barguzinskie letopisi. Ulan-Ude, 1956. 100 s.
17. Sanzheev G. D. Izoglossy v mongol'skikh yazykakh // Mongolica: pamyati akademika B.Ya.Vladimirtsova (1884–1931). M.: Nauka, 1986. S. 91–96.
18. Skrynnikova T. D. O politicheskoi organizatsii Khalkhi (vtoraya polovina XVI–XVII v.) // Mongolika: pamyati akademika B.Ya. Vladimirtsova (1884–1931). M., 1986. S. 201–212.
19. Sodnom Ch. Mongol khynii neriin tukhai // Mongolyn sudlalyn zarim asuudal (Studia Mongolika, T. IV. F. 14). Ulaanbaatar, 1964. N. 27–134.
20. Sum'yaabaatar. Buriadyn ugiin bichgees (Studia Ethnografica. T. III. F. 2). Ulaanbaatar, 1966. 315 n.
21. Tsyendambaev Ts. B. Etnicheskoe proshloe zakamenskikh buryat po dannym istoricheskikh legend // Kraevedenie Buryatii. Ulan-Ude, 1979. S. 153–156.
22. Erdniev U. E. Kalmyki: istoriko-etnograficheskie ocherki. Elista, 1980. 284 s.

Статья поступила в редакцию 13.01.2015

УДК 94(5)
ББК 63.3

Снежана Сергеевна Цыпилова,
кандидат исторических наук,
Центр восточных рукописей и ксилографов,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: ai_qing@mail.ru

Положение женщины в современном китайском обществе

В статье на основе изучения исторической литературы, статистических данных рассмотрены некоторые аспекты положения женщины в современном китайском обществе. Автором отмечены основные черты положения женщины, характерные для традиционного китайского общества. Социально-экономические процессы, начавшиеся в Китае в конце 80-х гг. XX в., привели к значительным изменениям в структуре китайского общества. Современная китайская женщина активно участвует в общественно-политических и социально-экономических процессах. В статье более подробно рассматривается положение женщины в экономической, семейной сферах, здравоохранении и образовании на современном этапе. Отмечается, что женщины продолжают встречаться с проявлениями дискриминации при трудоустройстве. Наблюдается тенденция концентрации женщин в низкооплачиваемых и неформальных секторах экономики. В брачно-семейных отношениях женщины стали более свободны и независимы. Происходит переоценка системы традиционных ценностей: брак, семья, дети отходят на второй план, в то время как получение образования и профессии, карьерный рост, финансовая независимость становятся не менее важными в жизни женщины. Облик китайской женщины на современном этапе значительно изменился под влиянием социально-экономических преобразований и западной системы ценностей.

Ключевые слова: китайская женщина, семья, общество, положение женщины.

Snezhana Sergeyevna Tsybilova,
Candidate of History,
Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of
the Institute of Mongolian Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS
(6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude, Russia, 670047),
e-mail: ai_qing@mail.ru

The Women's Position in Contemporary Chinese Society

The article is based on the study of historical literature; statistical data discusses some aspects of the women's position in contemporary Chinese society. The author shows the main characteristic features of women's position, typical for traditional Chinese society. Socio-economic processes that began in China at the end of the 80s – the 20th century are resulted in significant changes in the structure of the Chinese society. Modern Chinese women are actively involved in the socio-political and socio-economic processes. In the article the position of women in economy, family, healthcare and education are discussed in detailed. It is revealed that women continue to meet with discrimination in employment. There is a tendency of concentration of women in low-paid and informal sectors of economy. In marriage and family relations women have become more free and independent. In modern society to the former traditional value orientations of the girls (marriage, family, and children) new ones have been added: obtaining education and profession, career and financial independence. Women are focused on equal rights relations in the family, sharing housework and childbearing. The image of the Chinese women at the modern time has greatly changed under the influence of socio-economic transformation and western values.

Keywords: Chinese woman, family, society, position of women.

Характерной особенностью является то, что в традиционном китайском обществе не было такого явления, как феминизм. Женщины никогда открыто не боролись за свои

права, не требовали политических и экономических свобод. Однако с образованием Китайской Народной Республики в 1949 г. государство само провозгласило равенство

всех граждан, независимо от половой, национальной и прочей принадлежности. За короткое время была создана нормативно-правовая база, обеспечивающая защиту интересов женщин. Юридически был узаконен новый статус женщины в китайском обществе. Вместе с тем реализация этих прав на практике остаётся под вопросом, т. е. женщины получили права, но условия и возможности их реализации существуют не всегда.

Для понимания того, насколько изменилось положение женщины в китайском обществе на современном этапе, дадим характеристику традиционным китайским представлениям о месте и роли женщины в обществе.

Положение женщины в традиционном китайском обществе

Положение женщины в традиционном китайском обществе и семье предопределялось уже с момента рождения. Считалось, что у каждого своё, установленное Небом предназначение, и такого понятия, как «неравенство мужчин и женщин» в китайском обществе не существовало. Мужчина управлял «внешним», что включало в себя работу в поле, участие в военных действиях, работу чиновником и т. д. Женщина управляла «внутренним», т. е. заботилась о детях, готовила пищу, занималась рукоделием, уборкой и другими делами в доме и не должна была заниматься общественной деятельностью. Задачей общественных установлений было поставить мужчину и женщину на соответствующие им места в человеческом микрокосмосе.

В зависимости от пола новорождённого определялся дальнейший статус ребёнка и отношение к нему. В одной из песен «Шицзина» («Книге песен» XI–XIII вв. до н. э.) кратко описываются обычаи, связанные с рождением ребёнка:

Коль сыновья народятся, то спать
Пусть их с почётом кладут на кровать,
Каждого в пышный оденут наряд,
Яшмовый жезл как игрушку дарят.
Если ж тебе народят дочерей,
Спать на земле уложи их скорей,
Пусть их в пелёнки закутает мать,
В руки им даст черелицу играть!
Зла и добра им вершить не дано,
Пищу варить им да квасить вино [5].

Отношение древних китайцев к девочке, а потом уже к женщине достаточно хорошо проявляется в данном отрывке. Женщина

ценилась, поскольку была необходима для функционирования семьи и обеспечения домашнего быта. Ей отводилась второстепенная роль, т. к. как при вступлении в брак она утрачивала связь с родной семьёй и не могла продолжать род и поддерживать могилы предков.

Статус жены увеличивал круг обязанностей женщины, которая продолжала оставаться бесправным членом семьи мужа. Жена, у которой не было детей или рождались только девочки, становилась злом в семье, если не было финансовых возможностей купить для усыновления мальчика или взять ещё вторую жену или наложницу. Мать почиталась в традиционном обществе как хранительница семьи, распорядительница во всех вопросах, касавшихся отношений в семье.

В средневековом китайском праве было закреплено главенствующее положение мужа в семье. За неподобающее обращение с мужем, оскорбление или причинение вреда свёкру/свекрови, за убийство мужа по ошибке жена несла тяжкое наказание. В то время как за подобные действия по отношению к жене муж нес небольшое наказание.

Муж имел ряд законных оснований на развод: отсутствие детей, неверность жены, ревность к мужу со стороны жены, тяжёлое заболевание жены; воровство, совершённое женой [3, с. 68]. Если муж, не имея ни одного повода к разводу, всё же разводился с женой, то он наказывался полутора годами каторжных работ. Лишь в трёх случаях муж не мог развестись со своей женой: 1) у жены не было ни отца, ни матери, которым её можно вернуть; 2) жена носила траур в течение трёх лет после смерти своего свёкра или свекрови; 3) муж становился состоятельным человеком после женитьбы [3, с. 69]. Развод мог состояться и по взаимному согласию супругов.

Согласно китайскому праву, после смерти отца имущество семьи считалось равно унаследованным всеми его сыновьями. Но имущество, данное семьёй жены, разделу не подлежало. Вдова имела право на управление имуществом семьи после смерти мужа и на долю из него на свои похороны. Замужние дочери лишались наследства; незамужние покупали половинную долю братьев [3, с. 70].

Таким образом, женщины в традиционном китайском обществе не играли никакой общественно-политической роли. Весь круг их интересов и обязанностей был сосредоточен в семейной сфере, где китайская женщина чаще всего оставалась бесправным и молчаливым членом семьи.

Положение женщин на современном этапе

Социально-экономические процессы (политика реформ и открытости, модернизация экономики), начавшиеся в Китае в конце 80-х гг. XX в., привели к трансформации социальной структуры китайского общества и традиционных ценностей, имущественному и социальному расслоению населения, изменению модели поведения молодёжи. Трансформация общества наблюдается на всех социальных уровнях, включая семью, и другие малые и большие социальные группы. Её проявления распространяются практически на все сферы частной и общественной жизни, являются копиями западной морально-этической системы ценностей. Современная китайская женщина является активной участницей общественно-политической, экономической, социальной, правовой деятельности. Рассмотрим подробнее роль женщины в некоторых сферах деятельности.

Женщины и экономика

Изменилась роль женщин в экономической жизни общества. За последние 10 лет количество женщин-предпринимателей возросло на 17 %, составив более 50 % от общего числа трудоустроенных женщин Китая. Более 20 млн женщин владеет индивидуальным хозяйством или частным предприятием¹. В преодолении бедности и достижении устойчивого человеческого развития важную роль играет частный сектор как инструмент для создания рабочих мест и увеличения благосостояния. Поэтому свободный доступ женщин к самозанятости и предпринимательству – неотъемлемый элемент устойчивого социального развития и экономического роста.

По данным статистики, с 1998 г. более 5800 тыс. попавших под сокращение женщин благодаря Всекитайской федерации

женщин прошли переподготовку². Федерация помогла более 2600 тыс. женщин создать собственный бизнес. Для них были организованы курсы по изучению основ предпринимательства, созданы информационно-консультативные центры по вопросам ведения индивидуального хозяйства. В то же время ускоренное экономическое развитие в Китае сопровождается ростом давления в области трудоустройства женщин (повышенные требования к профессиональным качествам женщин-предпринимателей, дискриминация женского пола и др.).

Наблюдается тенденция концентрации женщин в низкооплачиваемых и неформальных секторах экономики, таких как мелкая торговля, сфера услуг или фермерство. Занятость молодых женщин, как и женщин более зрелого возраста, сокращается. В целом женщины зарабатывают 70 % от того, что зарабатывают мужчины.

Современный облик сельских женщин также претерпел изменения: они имеют меньше детей, более свободный доступ к образованию и услугам здравоохранения, лучше адаптированы к переменам. Многие стали возглавлять семейные фермы, малые предприятия на селе и небольших городах. Но такой результат одинаков не для всех.

Проблема внутренней миграции негативно сказывается на положении сельских женщин. Миграция в основном имеет чёткую тенденцию движения из менее развитых западных провинций в сторону процветающего восточного побережья. Мигрируют, как правило, мужчины, для устройства на работу в шахтах или на стройках. В результате в сельских районах увеличилось число женщин: им приходится не только заботиться о домашних делах, воспитании детей, об уходе за больными и престарелыми, но и работать в поле, выполняя обязанности фермеров. Тяжёлые физические и эмоциональные нагрузки ведут к росту психологических проблем у женщин. Недостаток образования не позволяет им эффективно справляться со своими проблемами.

Наряду с обозначенными проблемами и негативными явлениями имеются и позитивные тенденции. Китайские женщины добиваются значительных успехов в об-

¹ В распределении доходов китайских семей доминируют женщины [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/3387509.html> (дата обращения: 15.09.2014).

² Всекитайская федерация женщин [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.cri.cn/chinaabc/chapter12/chapter120201.htm> (дата обращения: 20.09.2014)

ласти бизнеса. По данным издания 2014 *Hurun China's Women Rich List* («Список богатых женщин Китая по версии Hurun, 2014») китайские женщины-миллиардеры в основном представлены в финансовой отрасли и на рынке операций с недвижимым имуществом. Отмечено, что список богатых женщин Китая имеет свою специфику. Так, 28 % женщин достигли успеха в сфере недвижимости, 14 % – в финансовой отрасли, в то время как данные отрасли в общем списке занятости составляют 20 и 10 % соответственно. Большинство мужчин-миллиардеров представлено в обрабатывающей промышленности, женщин в данной отрасли вдвое меньше, в основном они заняты в индустрии питания и одежды¹.

Большинство женщин-миллиардеров достигли финансовых успехов собственными усилиями, а не в результате получения наследства. Многие женщины работают в Шэньчжэне, ранее самым крупным городом по числу женщин-миллиардеров был Пекин. Средний возраст женщин составляет примерно 48 лет и старше. 35 человек из 50 (70 %) начинали свой бизнес с нуля. Возглавляет список 33-летняя Ян Хуэйянь с состоянием в 44 млрд юаней (\$ 7 млрд), затем следует 73-летняя Фу Ва с 40 млрд юаней (\$ 6,1 млрд) и 57-летняя Чжан Инь на третьем месте с 29 млрд юаней (\$ 5,1 млрд)².

Женщины: здравоохранение и образование

За последние годы значительно улучшилась ситуация в области здравоохранения китайских женщин. К 2002 г. коэффициент здравоохранения китайских беременных женщин достиг 86 %; коэффициент китайских женщин, рожавших в больницах, достиг 78,8 %, что на 12 % выше показателя 5-летней давности. Коэффициент смертности среди беременных снизился с 0,0636 % в 1997 г. до 0,0502 % в 2011 г. [2]. Средняя продолжительность жизни женщины составила 77,37 лет, что на 4,99 лет выше по сравнению с мужчинами [8]. В Китае в основном создана система медицинского обслуживания в сельских районах. С 2000 по 2001 г. центральное и местное правительства провели в жизнь в 12 провинциях

западных районов, автономных районов и городов центрального подчинения программу по снижению коэффициента смертности среди беременных и уничтожения столбняка среди грудных детей. Проводится строительство родильных отделений в поселковых здравпунктах, значительное внимание уделяется подготовке медицинских кадров. Одновременно проводятся меры по укреплению работы по лечению обычных заболеваний женщин, повышению уровня медицинского обслуживания при деторождении. К 2002 г. в Китае насчитывалось 3067 ведомств здравоохранения и 80 тыс. коек в больницах³.

За последние годы значительно возрос уровень получения образования китайскими женщинами. В 2002 г. число школьниц Китая составило 46,7% от общего числа всех учащихся в школах. Число студенток составило 44 % от общего числа всех студентов университетов [1]. Данный показатель вырос на 6% по сравнению с показателем 5-летней давности. К 2010 г. число школьниц Китая составило 47,96 % от общего числа всех учащихся в школах. Число студенток составило 46,5 % от общего числа всех студентов колледжей и вузов [8]. Получение образования для женщин стало важным шагом к реализации своих возможностей, получению профессии, достойной работы.

Женщина: брак и семья

Современная китайская семья, как один из основополагающих институтов, претерпела значительные изменения в русле общих тенденций развития всего китайского общества. Трансформации в структуре и характере брачно-семейных отношений наиболее заметны в городах, где проживает примерно половина населения страны, в сельской местности данные изменения происходят более медленными темпами.

Современная модель семьи в Китае имеет характерные черты: нуклеарность, равенство супругов, билатеральность родственных связей. Некоторые формы современной семейной организации не существовали в традиционном обществе. Например, неполные семьи; бездетные семейные пары; пожилые пары, проживающие

¹ Female Chinese Billionaires Focus On Real Estate and Finance October 23, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.womenofchina.com.cn/html/report/7566-1.htm> (дата обращения: 20.10.2014).

² Там же.

³ Участие женщин в политической деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.cri.cn/chinaabc> (дата обращения: 11.09.2014).

отдельно от детей; супруги, встречающиеся исключительно в выходные и праздничные дни («семьи выходного дня»); немолодые семейные пары, заключившие повторный брак (в традиционном обществе отрицательно относились к повторным бракам овдовевших людей, особенно женщин), и другие формы семейной организации [6]. Также в последнее время в КНР появилось много одиноких людей, к 2010 г. доля людей, не состоявших ни разу в браке, составила 20,4% [8]. По данным на 2000 г., в КНР насчитывалось 348,37 млн семей, средний размер семьи составлял 3,44 чел.; в 2005 г. эти показатели составляли 398,98 млн и 3,13 чел. соответственно [7]. В современной семье взаимодействие между родителями и детьми (отцом и сыном) утрачивают своё первостепенное значение, структурообразующими становятся взаимоотношения между мужем и женой как двумя равными партнёрами.

Многие из указанных новых тенденций являются результатом как влияния западной системы ценностей на китайское общество, так и объективным следствием модернизации социально-экономических процессов, протекающих в современном китайском обществе. Роль человека, его значение в системе производственных отношений и в обществе изменилась, что непосредственно отразилось на институте семьи.

В современном китайском обществе к традиционным ценностным ориентациям девушек (брак, семья, дети) добавились новые: получение образования и профессии, карьера, финансовая независимость. Девушки ориентированы на равноправные отношения в семье, совместное ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Положение женщины в семье совершенно изменилось. Получение образования, возможность иметь работу и обретение финансовой самостоятельности позволили женщине стать более свободной и независимой в семейных отношениях.

Изменился возраст вступления в брак женщин. С одной стороны, это является результатом повышения уровня образования среди женщин, а с другой – связано с возрастающей миграцией женщин из села в город в поисках работы, более перспективного партнёра и другими причинами [4].

Одной из острых проблем семьи остаётся проблема насилия в семье. Она имеет свои особенности, отражающие различия между городом и сельской местностью. В городах женщины, имеющие низкий уровень образования, чаще сталкиваются с насилием со стороны мужа, а в сельской местности женщины с высшим образованием чаще подвержены насилию, чем женщины с начальным или средним уровнем образования [4].

В целом вслед за изменениями в экономической сфере и повышением качества уровня жизни населения возрастает удовлетворённость китайских женщин брачно-семейными отношениями. Они получили относительную независимость в таких вопросах, как любовь, право участвовать в принятии решений в семье и личных делах. Политика ограничения рождаемости, повсеместная оснащённость бытовой техникой уменьшили количество времени, затрачиваемого на домашний труд.

Таким образом, оценивая современное положение женщин в стране, можно сказать, что произошли значительные изменения в облике китайской женщины: теперь она самостоятельно отстаивает свои права и интересы, имеет активную гражданскую позицию, более свободна в семейных отношениях. Однако часто встречаются случаи, когда женщины сталкиваются с дискриминацией, насилием. Психология подчинённости, сохранявшаяся веками, не позволяет им на равных конкурировать с мужчинами и занять достойное место в обществе. Для решения данной проблемы необходимо изменить не только отношение общества к женщине, но и отношение женщины к себе самой, воспитывая в ней чувство достоинства, веру в собственные силы.

Список литературы

1. Прогресс Китая в защите прав человека (Белая книга) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russian.china.org.cn> (дата обращения: 10.09.2014).
2. Ситуация в области человеческих ресурсов в Китае (Белая книга) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [russian.china.org.cn](http://www.russian.china.org.cn) (дата обращения: 10.09.2014).
3. Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный дом, 2002. 201 с.
4. Емельянова Т. Китай: женщина и общество [Электронный ресурс] // Человек и труд. 2001. № 9. Режим доступа: http://www.chelt.ru/2001/9/china_9.html (дата обращения: 16.09.2014).

5. Книга песен «Шицзин» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.daolao.ru/Confucius/Shijing/shijing3.htm> (дата обращения: 15.09.2014).
6. Почагина О. В. Семья: новые формы – иные ценности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=44&article=1688> (дата обращения: 10.09.2014).
7. China Statistical Yearbook 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2006/indexeh.htm> (дата обращения: 22–10–2014).
8. China Statistical Yearbook 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2012/indexeh.htm> (дата обращения 17.10.2014).

References

1. Progress Kitaya v zashchite prav cheloveka (Belaya kniga) [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.russian.china.org.cn> (data obrashcheniya: 10.09.2014).
2. Situatsiya v oblasti chelovecheskikh resursov v Kitae (Belaya kniga) [Elektronnyi re-surs]. Rezhim dostupa: [russian.china.org.cn](http://www.russian.china.org.cn) (data obrashcheniya: 10.09.2014).
3. Bichurin N.Ya. Kitai v grazhdanskom i npravstvennom sostoyanii. M.: Vostochnyi dom, 2002. 201 s.
4. Emel'yanova T. Kitai: zhenshchina i obshchestvo [Elektronnyi resurs] // Chelovek i trud. 2001. № 9. Rezhim dostupa: http://www.chelt.ru/2001/9/china_9.html (data obrashcheniya: 16.09.2014).
5. Kniga pesen «Shitszin» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.daolao.ru/Confucius/Shijing/shijing3.htm>(data obrashcheniya: 15.09.2014).
6. Pochagina O. V. Sem'ya: novye formy – inye tsennosti» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.strana-oz.ru/?numid=44&article=1688> (data obrashcheniya: 10.09.2014).
7. China Statistical Yearbook 2006 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2006/indexeh.htm> (data obrashcheniya: 22–10–2014).
8. China Statistical Yearbook 2012 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2012/indexeh.htm> (data obrashcheniya 17.10.2014).

Статья поступила в редакцию 17.02.2015

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ VOCATIONAL EDUCATION

УДК 81
ББК Ш 100

Мария Николаевна Ахметова,
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: galia.akhmetova@bmail.com

Метапредметные цели урока как поиск философско-нравственного смысла слова, искусства, природы, жизни, узнавания собственного «Я»

Статья обращена к идее осмысливания эстетических и этических проблем с позиций философии. Раскрывается понятие метапредметных целей урока. Соотношение факта и метафакта позволяет воспринимать учебный материал (смысл слова, искусства, природы, жизни, собственного «Я») как философско-нравственные идеи прошлого и настоящего. Метапредметные цели урока позволят учителю анализировать надпредметные ситуации. В статье отмечается значимость концептуального подхода 2014 года. Меняется направленность образования: «Учу ребёнка». Цели урока обращены к творчеству ребёнка. Содержание включает обучающихся в активную умственную и эмоциональную деятельность. Школьники осмысливают философскую идею единства «живого» и «неживого» мира, сопоставляют явления и факты, вовлекаются в ситуации личностного переживания. Привлекает надпредметность ситуации. В такой ситуации школьник действует без подсказки учителя. Мастерит, рисует, моделирует. Идёт от образа и мысли к действию (метадействию). В статье приводятся конкретные примеры постановки метапредметных целей урока и их решение. Такие цели меняют отношение школьника к себе, к людям, к миру. Обучение становится «размышляющим». Метапредметные цели урока предполагают «живое» знание, восприятие и общение школьника на уровне философского **осмысления жизни**.

Ключевые слова: метапредметные цели урока, надпредметные ситуации, «педагогически не стимулированная» деятельность.

Mariya Nikolayevna Akhmetova,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Meta-Subject Purposes of Lesson as a Search of Philosophical and Moral Sense of Word, Art, Nature, Lives, And Own “I” Recognition

Article is turned to idea of comprehension of esthetic and ethical problems from philosophy positions. The concept of the meta-subject purposes of lesson reveals. The ratio of the fact and the meta-fact allows to perceive a training material (sense of word, art, nature, life, own “I”) as philosophical and moral ideas of the past and the present. The meta-subject purposes of lesson will allow the teacher to analyze over-subject situations. In article the importance of conceptual approach of 2014 is noted. The education orientation changes: “I teach the child”. The purposes of lesson are turned to child’s creativity. The contents include trained in vigorous intellectual and emotional activity. School students comprehend philosophical idea of unity of “live” and “lifeless” world, compare phenomena and facts, are involved in situations of personal experience. In such situation the school student acts without teacher’s help. Pupil makes, draws, models, and goes from image thought to action (meta-action). In article concrete examples of statement of the meta-subject purposes of lesson and their decision are given. Such purposes change the school student’s attitude towards themselves, towards people, to the world. Training becomes “reflecting”. The meta-subject purposes of lesson assume “live” knowledge, perception and communication of the school student at the level of philosophical judgment of life.

Keywords: meta-subject purposes of lesson, over-subject situations, “pedagogically not stimulated” activity.

Ведущая идея нашей статьи – побудить учителя с позиций философии осмысливать и оценивать эстетические и этические проблемы, весь массив гуманитарной культуры. Учителю сегодня надо быть в большей степени человеком ищущим, «со всеми его взлётами и ошибками, свершениями и промахами» (В. Давидович). Необходимо развивать эмоциональность, творческое воображение, чтобы проектировать и прогнозировать «загадочный мир Ребёнка, не переставая удивляться открытиям его новых граней», что и характеризует сегодняшнюю «педагогику, освещённую идеями философии» (В. Давидович). Философские системы улавливаются в «озарениях Л. С. Выготского», в метафорических высказываниях А. Маслоу, Э. Фрома и ряда других учёных прошлого и настоящего. Между тем, как справедливо пишет П. Положевец, наши стратегии – жёсткие, неподвижные, нединамические конструкции, готовые рассыпаться под вызовами неопределённости. Но именно стратегии являются искусством импровизации, меняющейся в зависимости от обстоятельств. Таково определение Морено. Для каждого факта, по справедливому замечанию М. М. Чхеидзе, человеку требуются метафакты, сообщающие о том, каким образом и когда их можно использовать. Осмысливая восприятие с позиций философии, человек получает возможность взглянуть на многие педагогические явления по-новому, переосмыслить в метафорическом виде понятия с тем, чтобы эти понятия означались в новом педагогическом ракурсе.

Чтобы формулировать метапредметные цели урока, учителю надо самому уметь видеть и понимать философско-нравственный смысл слова, искусства, природы, жизни, собственного «Я». Не копировать методики новаторов, а самому создавать технологии, утверждающие философско-нравственные идеи сегодняшнего времени. Раскрывать смысл этих идей в художественном тексте, видеть в искусстве великое творение, возвышающее человека, ощущать себя частью Природы, красота и величие которой соотносимы с Жизнью, где человек – Личность.

Идея предполагает преобразование, отражая связь прошлого, настоящего и будущего. Итак, философия предстаёт как «высшее ориентирование, временное выражение смыслов и ценностей, указание на стратегическую цель нашего пребывания в мироздании» [3, с. 4].

Метапредметные цели урока должны способствовать проникновению в бытие, погружению «в бездонные основания человеческого существования» [Там же, с. 8]. Интеллектуальное образовательное пространство сегодня находится «в беспредельной компетенции философии». Только педагогическими категориями нельзя описать, например, момент рождения «педагогически не стимулированной деятельности» школьников как творческой. Можно лишь ближе подойти к этой грани, чтобы зафиксировать возникновение мысли – афористичной, метафорической, эссеистической. Мысли, выражающей ценностные ориентации: «Я – кто?», «Я с кем?» Меняется смысловая направленность образования: «Учу ребёнка». Таковы изменения концептуального подхода (2014), при котором средством достижения главной цели образования является развитие ребёнка на основе его осмысленного, активного и инициативного включения в учебную деятельность. Обучающийся обретает целостный системный взгляд на мир.

Концептуальный подход 2014 года нацеливает учителя даже не на проблемный поиск решения, а на «овладение алгоритмом мыслительных операций при определении авторской идеи». Подбираются учебные задания, предполагающие ситуации, тщательно инспирированные учителем, но воспринимаемые школьниками как открытия. Построенные на философских и нравственных основах, они помогают видеть целостную картину Мира, оценивать свои действия и мнения, осознавать собственное «Я». Выполнение таких заданий – это минуты вдохновения, когда школьник буквально захвачен моментом творчества, он весь «здесь и сейчас», как говорит А. Маслоу [6, с. 73]. Что происходит с человеком в такие минуты? «Мы становимся» свободнее, обретаем независимость от других людей, становимся самими собой: воплощаемся в наше реальное «Я» [Там же, с. 76].

Назовём две ситуации из опыта учителей наших школ (г. Чита). *Ситуация первая.* Учитель выводит свой класс в поле и просит каждого ученика взять в руки горсть земли. Что вспоминается? Что подумает каждый? *Ситуация вторая.* Учитель приносит в класс камень, просит каждого поддержать его в руках. Может, это камень, который нашли археологи возле потухшего костра в глубокой пещере? Какие картины

представились детям? О чём «расскажет» этот камень, пролежавший, возможно, столетие?

М. К. Мамардашвили в статье «Как я понимаю философию» [5, с. 58–59] пишет: «Человек создаётся непрерывно, снова и снова создаётся. Создаётся в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий <...> То есть человек есть такое существо, возникновение которого непрерывно возобновляется. С каждым индивидуалом и в каждом индивидууме». Люди всё время находятся в пространстве событий. Человеческий мир есть взаимодействие множества деятельностей, ценностный мир.

Вот почему причастными к уроку могут быть цветок, камень, дерево, животное, небесное светило... Всё, что характеризует так или иначе жизнь людей. Это позволяет включить детей в активную умственную и эмоциональную деятельность. Надо учить детей видеть и чувствовать мир. Так, урок о творчестве С. Есенина начинается с неожиданного: учитель заходит в класс с букетом цветов, который кладёт к портрету поэта: «Сегодня Есенин. Я не могу без цветов» (г. Чита). Эмоциональное поле высокого напряжения создаётся сразу же, после объявления темы урока. Известен метод перцептивного эксперимента как необычного технологического решения: «Опишите, что вы видите, слышите, чувствуете в словах: “хлеб”, “дом”, “страна”, “жизнь?” Данное технологическое решение показывает, как на значение слова влияют чувственный опыт ребёнка, образцы художественной культуры.

Единство «живого» и «неживого» мира улавливают школьники в своих сочинениях. Виталий Р. называет своё сочинение-миниатюру «Осенний вечер». Восьмиклассник пишет: «Темно. Тихо-тихо. Подмораживает. Город, как шубой, укутался дымкой. Голые деревья парка молчат. Не услышишь ни шелеста листьев, ни крика птиц. Сосны теснее прижимают к стволу ветви, мохнатые лапы, прикрывая собой мелкие кусты ягодников. Чем-то недовольная Луна разливает неясный свет. Сумрачно, тревожно. Облака, чуть-чуть посеребренные луной, медленно проплывают по небу. Звёзды, весёлые, не унывающие светлячки, и те смотрят холодно, равнодушно. Вдруг маленькая звезда сдвинулась с места и быстро-быстро побежала по широкому космическому проспекту. Может быть, она сказала своим сёстрам

какое-нибудь волшебное слово? Не знаю. Но звёзды заискрились и стали переливаться разными цветами: красным, синим, жёлтым, голубым, зелёным. Кажется, они смеются, переговариваются о чём-то, подмигивают. И Луна поднялась повыше и радостно засияла: “Ну, что нам осень? Разве время сейчас унывать? Летят в космос межпланетные корабли. И недалеко то время, когда мы познакомимся поближе. Так ярче сияйте, указывайте кораблям новый и светлый путь” (Чита, школа № 4).

По С. Д. Франку, природа – непостижимая глубина. «Переживать» – значит воспринимать окружающую жизнь как событие и действие, фактически соучаствовать в ней. Создаётся совершенно новое, психологическое поле для действия метапредметного характера, в котором происходит «выпрямление» человека, где рождается опыт эмоционально-ценностного отношения, личного отношения к явлениям мира. Таким образом, метапредметные цели урока предполагают философские и нравственные выводы; явления и факты как сопоставимые; собственный взгляд на события; эмоционально-нравственное восприятие текста художественного произведения как личностного переживания, философского осмысления содержания.

Восьмиклассник Владимир Е. описывает осенний вечер: «Вдруг подул ветерок. Он сорвал с дерева листок и, пронеся в воздухе, положил на землю. Я поднял его. Он был покрыт кристалликами снега, которые блестели и переливались. Я вспомнил строку стихотворения Тютчева: “Мы же лёгкое племя, цветём и блещим и краткое время на сучьях гостим...”. На дереве были толстые почки. И я подумал, что деревья верят в грядущую весну... А жизнь звала. И вдруг ужас как захотелось поскорее вырасти и окунуться в настоящую жизнь» (Чита, школа № 4). Таков процесс взаимодействия с собственным текстом (мы называем такой текст метапоэтическим, представляющим мировоззренческий аспект). Метапредметные цели урока предполагают философское осмысление явлений, идей, построение знаний в ситуациях перехода от образа и мысли – к действию в условиях эмоционального восприятия мира. Свои действия ученик определяет сам, становясь «над ситуацией». Он – субъект этой деятельности, творит, эмоционально раскрашивая мир.

Лучше всего это понимают поэты; осмысливая свой личный мир и мир другого, дорогого человека. Учёные называют этот мир «личным пространством». Поэтесса Татьяна Проскурина так описывает «параллельные миры»: «Твой мир – как остывший и пеплом наполненный кратер <...> Вторжение в твой мир иногда оставляет осколки. <...> В моём мире <...> немножечко тёплого солнца, бессонных стихов ледяные следы... В моём мире есть Ты. В твоём мире есть Я. Жаль, что наши миры параллельны» [8, с. 41–42].

Учитель может и должен представлять личное пространство своего воспитанника. По возможности изменять его, если в нём «немножечко тёплого солнца...». Это сложная, долгая работа. И делать её легче всего с помощью искусства. При этом этапы движения осмысливаются и реализуются самими обучаемыми. Метапредметными целями урока становятся такие действия, как самостоятельное восприятие и оценка ситуации, которая глубоко захватывает ребёнка уже потому, что не входит в планы учителя, ситуация оказывается надпредметной, новой, интересной. Как разрешить ситуацию, что надо сделать для её решения и, главное, как это сделать самому, без подсказки учителя? Что придумать, что нужно, чтобы увидеть и понять главное – проблему, представить целостную картину решения, какой материал может помочь, как его можно представить в схеме, рисунке? Или как из образного описания сделать вывод о возможных действиях с тем, чтобы эти действия были на уровне философских выводов? Творческий процесс «не лежит на поверхности», его нельзя сотворить искусственно. «В нашем глубинном “Я”, – замечает А. Г. Маслоу, – живёт наша способность играть, радоваться, фантазировать, смеяться <...>, быть спонтанным и, что особенно важно, креативным» [6, с. 97]. Необходимое условие креативности – достижение полного единства и согласия между человеком и миром. При этом философско-нравственный поиск смысла слова, искусства, природы, жизни, узнавание собственного «Я» и есть метапредметная цель урока: школьник забывает о том, что он «трудится». Это простор способностей и возможностей, полная концентрация на каком-то деле, явлении, «очарование его сущностью» («Какая красивая задача» – такая мысль приходит не всегда, а если приходит, то это суждение –

показатель глубокого интереса к деятельности в условиях «надситуативных» решений и поисков). Увлечённость заставляет забыть о возможных неудачах. А если они всё-таки случаются, то воспринимаются как возможность нового поиска. Главное условие формирования метапредметных целей урока, по В. П. Зинченко, – формирование образа мира. Учёный пишет: «Человек строит образ не только реального, но и вымышленного мира (возможных Миров), а иногда и поселяется в нём. <...> Образ мира избыточен в том смысле, что содержит в себе то, чего в мире нет, ещё не случилось даже то, чего не может быть никогда» [4, с. 66]. Воображение – инструмент понимания, предвидения, фантазии, мечты, планирования. Так считает Б. Бим-Бад. Именно воображение способствует реконструкции процедуры преобразования иллюстративного материала в образ. Такие цели урока русского языка называет Ю. В. Сенько. Учитель представляет ситуацию: «Буква. Как она пишется? Какой звук? Как представляется в рисунке? Нарисуйте». В уроке с метапредметными установками рождаются эмоциональные стимулы, своеобразная загадка. И это делает урок привлекательным, необычным, где главное – действия и мысли самого ученика, его поиск. Невозможно снова не обратиться к мыслям А. Маслоу: это высшее переживание, поглощённость делом, погружённость в настоящее, оторванность от времени и места. Что происходит со школьником в такие минуты? Отказ от любого контроля. Нужна свобода, независимость мнения от других. Обучаемому хочется быть самим собой, воплотиться в реальное «Я». «Увлечённость, – замечает А. Маслоу, – не оставляет места страху ошибиться, сказать или сделать что-то не так. Простор способностям и возможностям – путь к проявлению уникальности».

Реализуется необычная цель – изменение отношений школьника к себе, к людям, к миру. Выявление скрытых связей делает обучение «размышляющим». Учитель может обратиться к необычным «историям», рассказанным забайкальским писателем А. Н. Гордеевым [2, с. 12–41]. Каждая «история» заканчивается размышлением философского и нравственного смысла, которое следует из содержания метапредметного текста. Приведём примеры:

1-я история. «Первый шаг к примирению всегда следует делать не правому, а

сильному. По-настоящему силен тот, кто переступает не только через собственную обиду, но и через обиду других».

2-я история. «Посмотрите на людей, ругавших меня. Разве вы хотите, чтобы такие люди меня хвалили?»

3-я история. «... мне кажется, она храбрая ещё и от того, что не побоялась прикоснуться к своему чувству и изменить его».

4-я история. «... богов и покровителей не выбирают. Выбирая, можно ошибиться. Всё истинное приходит само».

Итак, важно обретение целостного, а не фрагментарного восприятия метапредметного художественного текста, понимание того, как, опираясь на приобретённые научные знания, решать мировоззренческие проблемы. Сложность состоит в том, что учитель вместе с учеником «проживает» ситуацию освоения «картины мира» и одновременно предоставляет ученику возможность самостоятельно мыслить и действовать, меняться и развиваться, приобретая способность к критическому самоанализу.

Необходим метапредметный подход-новация современного образовательного процесса. Как и любая новация, метапредметность входит в школьную практику в сложной форме, поскольку «живёт в различных смысловых контекстах». Учёным

ещё предстоит разграничить технологии постановки проблемных целей урока и метапредметных.

Заметим, что в условиях метапредметного подхода система «склеивающих» технологий представлена метафоричностью восприятия мира с его ценностями и мировоззренческими идеями. Метафоричность создаёт условия для комплекса проблем – интеллектуальных, духовных, эмоциональных; является способом объединения понятийных сфер на уровне системно-образных решений. Образная функция метафоры в дискурсивном диалоге способствует созданию условий открытости человека общественным явлениям, способствует формированию внутренней готовности к поиску новых ресурсов личностного становления человека через обретение высших духовных ценностей [1, с. 175–179].

За человеком остаётся свобода выбора, свобода творчества. Человек, как считает В. В. Налимов, пристально вслушивается в то, что созревает в планетарном сознании. Именно вслушиваясь в шёпот судьбы, он сам принимает решения [7, с. 9–10]. Метапредметный подход – «живое» знание, предполагающее выход учеников за пределы обычного понимания жизненных явлений, эмоциональное раскрашивание мира и обретение системного взгляда, в основе которого – дальнейшее саморазвитие и самообразование.

Список литературы

1. Ахметова М. Н. Системно-образующая функция метафоры как способа объединения понятийных сфер, принципов миромоделирования // Учёные записки ЗабГГПУ. Сер. «Филология, истории я, востоковедение». 2012. № 2. С. 175–179.
2. Гордеев А. Н. Истории // Встречи: литературно-художественный журнал. Чита: ЗабГУ, 2014. № 2 (14). С. 12–41.
3. Давидович В. Судьба философии на рубеже тысячелетия // Alma Mater. Vestn. vyssh. shk. 2003. № 3. С. 4–19.
4. Зинченко В. П. Живое знание: психологическая педагогика. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 1998. 295 с.
5. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. Изд. 2-е. М., 1992. 368 с.
6. Маслоу А. Г. Дальние просторы человеческой психики. СПб., 1999. 432 с.
7. Налимов В. В. Разбрасываю мысли: в пути и на перепутье. М., 2000. 340 с.
8. Поют любовь вам ангелы-поэты: стихи о Любви. Рязань: Поверенный, 2009. 142 с.

References

1. Akhmetova M. N. Sistemno-obrazuyushchaya funktsiya metafory kak sposoba ob'edineniya po-nyatiinykh sfer, printsipov miromodelirovaniya // Uchenye zapiski ZabGGPU. Ser. «Filologiya, istorii ya, vostokovedenie». 2012. № 2. S. 175–179.
2. Gordeev A. N. Istoriy // Vstrechi: literaturno-khudozhestvennyy zhurnal. Chita: ZabGU, 2014. № 2 (14). S. 12–41.
3. Davidovich V. Sud'ba filosofii na rubezhe tysyacheletiya // Alma Mater. Vestn. vyssh. shk. 2003. № 3. S. 4–19.
4. Zinchenko V. P. Zhivoe znanie: psikhologicheskaya pedagogika. 2-e izd., ispr. i dop. Sama-ra, 1998. 295 s.
5. Mamardashvili M. K. Kak ya ponimayu filosofiyu. Izd. 2-e. M., 1992. 368 s.
6. Maslou A. G. Dal'nie prostory chelovecheskoi psikhiki. SPb., 1999. 432 s.
7. Nalimov V. V. Razbrasyvayu mysl: v puti i na pereput'e. M., 2000. 340 s.
8. Poyut lyubov' vam angely-poety: stikhi o Lyubvi. Ryazan': Poverennyi, 2009. 142 s.

Статья поступила в редакцию 01.10.2014

УДК 070.1
ББК 4602.47

*Людмила Александровна Коханова,
доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 9),
e-mail: l_kokhanova@mail.ru*

**Принципы исследования содержательной модели региональной прессы
(из опыта подготовки журналистов
филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в Севастополе)**

В статье обобщаются результаты исследования региональной прессы, проведённого в восьмидесяти четырёх субъектах Российской Федерации с целью стимулирования интереса молодёжи к общественно-политической жизни страны. Автор выделяет ряд принципов, позволяющих эффективно структурировать исследование, среди них: у газеты есть будущее, но она становится другой; требуется новое поколение газетчиков, обладающих технологическими компетенциями; наблюдается «ренессанс» газетного содержания, однако формируются новые подходы к подаче информации; региональная пресса – это пресса молодых профессионалов, владеющих журналистским мастерством и новыми информационными технологиями. На базе указанных принципов проводится анализ содержательной модели газеты. Формулировка данных принципов позволила структурировать само исследование и сфокусировать внимание на анализе содержательной модели региональных периодических изданий за 2004–2015 гг.

Особый акцент делался на филологической составляющей. Как показала практика, содержательная модель изданий отражает общие закономерности прессы, которая состоит из следующих компонентов: тематическая направленность, жанровая палитра, модальность материалов (знак информации), локальность материалов, источник информации, лексико-стилистические особенности. В ходе исследования были выделены ключевые темы, освещаемые региональными изданиями.

Автор отмечает, что обобщение полученных данных позволяет отметить существенную трансформацию региональной прессы, активно осваивающей онлайн-овое пространство, но при этом текст, а не графика продолжает оставаться его основой. Структура текста, его компоненты и характеристики, лексико-стилистические особенности постепенно выходят на первый план.

Ключевые слова: журналистика, региональная пресса, медиатекст, содержательная модель, лексико-стилистические особенности, жанр.

*Lyudmila Aleksandrovna Kokhanova,
Doctor of Philology, Professor,
Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
(9 Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009),
e-mail: l_kokhanova@mail.ru*

**Research Principles of Conceptual Model of the Regional Press
(from Educational Training Experience of Journalists in Sevostopol Branch
of Moscow State University named after M. V. Lomonosov)**

The article summarizes the results of study of the regional press, conducted in eighty-four subjects of the Russian Federation in order to stimulate the interest of young people in public and political life of the country. The author identifies a number of principles to effectively structure the investigation, among them: the newspaper has a future, but it becomes another; requires a new generation of newsmen who have technological competence; there is a “renaissance” of newspaper content, but the formation of new approaches to presenting information; regional press is a press of young professionals who owns journalistic skills and new information technologies. On the basis of these principles there is an analysis of the content model of the newspaper. The wording of these principles will help to structure the study itself and focus on the analysis of the content model of regional periodicals for 2004–2015.

Particular emphasis was placed on a philological component. Experience has shown that substantial model publications reflect the general laws of the press, which consists of the following components: thematic focus, genre palette modality materials (information sign), the local materials, and source of information, lexical and stylistic features. The study highlights the key themes covered in the regional editions.

The author notes that the generalization of the data allows you to mark a significant transformation of the regional press, actively explore the online space, but the text, not graphics continues to be its primary. The structure of the text, its components and features, lexical and stylistic features gradually come to the fore.

Keywords: journalism, regional press, media texts, meaningful model, lexical and stylistic features, genre.

Актуальность предпринятого исследования региональной прессы 84 субъектов Российской Федерации обусловлена тем, что российской периодике как никогда нужно новое пополнение. Молодёжь же, которая больше ориентирована на технологию информационного производства, предпочитает электронные средства массовой информации и не видит в работе в газетной редакции для себя возможностей в реализации собственных планов на жизнь. Как следствие во многих вузах кафедры печатных СМИ начинают испытывать дефицит в студентах, которые предпочитают специализацию на кафедрах телевидения, радио и интернет-СМИ.

Очевидно, что это не так, и такой дисбаланс в выборе журналистской специализации неправомерен. Но для этого молодому поколению журналистов надо показать, что на сегодня представляет собой пресса, каковы тенденции возрождения газетной отрасли после действительно тяжелейшего для неё периода в свете новых технологических реалий.

Начало этому исследованию было положено в 2004 г., когда пресс-служба Совета Федерации Федерального собрания РФ организовала Всероссийский конкурс «Современная Россия глазами молодых», который затем проводила несколько лет подряд. Он был ориентирован на молодых журналистов региональных изданий и ставил своей целью стимулировать интерес молодёжи к общественно-политической жизни страны, активизировать участие молодёжных СМИ и журналистов. Так как желающих участвовать в конкурсе оказалось много, студентам факультета журналистики было предложено помочь в отборе и анализе присылаемых на конкурс материалов. Результатом этого взаимодействия с пресс-службой СФ стало написание ряда курсовых и дипломных работ по региональной прессе. Затем уже в самостоятельном режиме это исследование

было продолжено на отделении журналистики филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе. В результате общими стараниями студентов и выпускников этого вуза, а также преподавателей кафедры журналистики филиала было собрано и проанализировано большое количество публикаций, напечатанных в периодической печати нашей большой страны в течение 2004–2015 гг.

Данное исследование базируется на ряде принципов, которые были выработаны в ходе работы и позволили его структурировать. Прежде всего, мы исходим из того, что у газеты есть будущее. Газета не умерла, как предсказывали в 90-е гг. XX в., но она становится другой. Это первый принцип предпринятого исследования.

В последние десятилетия у издателей газет, редакторов и журналистов, которые в них работали, было достаточно причин для беспокойства. Им пришлось приспособиться к сокращению рынка газетной бумаги, к стремительному падению тиражей, к уменьшению читательской аудитории и её старению.

Новое средство доставки информации – Интернет, который недавно расценивался многими издателями газет как прямая угроза, со временем превратился для них в дополнительный источник новых возможностей. «Где бы мы ни оказывались, повсюду ощущалась новая эра и решимость при вступлении в новое столетие развивать уникальные возможности газет. Возможно, мы забыли урок истории: ведь новые СМИ никогда не заменяли уже существующие формы распространения информации, – отмечает Бенгт Браун, Президент WAN. – Возможно, мы просто недостаточно верили в собственные силы» [2, с. 9].

Пожалуй, для нас главное то, что в собственные силы начинают верить и редак-

торы и журналисты российской прессы. По данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), в 2010 г. в России зарегистрировано 6435 средств массовой информации, в том числе 4193 печатных, 1053 электронных, 1028 электронных периодических (распространяемых в Интернете), 161 информационное агентство.

Согласно отчётным документам Службы, на 01.01.2015 общее количество зарегистрированных СМИ составляло 867 943, из них печатных – 65 596, электронных – 15 694, электронных периодических изданий – 6220, информационных агентств – 1663 [8].

Как видим, в регионах России по-прежнему выходит несколько тысяч газет, в которых начались процессы трансформации. Газетная региональная индустрия осторожнее, чем федеральная, но вростает в онлайн-реалии. Прежде всего, она использует онлайн-инструментарий при сборе и обработке информации. Но постепенно многие российские газеты начинают повторять опыт западных коллег и инвестировать свои онлайн-проекты и делают это для собственного продвижения на новые рынки. Как следствие, в регионах начинают возникать и развиваться мультимедийные редакции. Они требуют специалистов, обладающих новыми компетенциями, прежде всего, технологического плана.

Специалисты считают, что новые технологии открывают их читателям новые способы поиска информации. Однако получаемый в результате огромный информационный массив лишь стимулирует спрос на молодых и профессиональных журналистов. «Исследования убеждают, что во многих странах растёт доля читающей газеты молодёжи. Интересно и то, что молодые люди, работающие с компьютерами и имеющие доступ в Интернет, потребляют больше (а не меньше!) газет, чем остальное население», – говорит Т. Болдинг [2, с. 18].

Собственно, чтобы газеты сохранились не только на ближайшее будущее, но и на века, им нужно новое поколение газетчиков. Оно должно обладать технологическими компетенциями и быть способным говорить на одном языке с молодым читателем, предпочитающим интернет-пространство. Это следующий, второй принцип, на кото-

ром строится данное исследование. Региональной прессе нужны профессионалы, выросшие уже в другую, технологически оснащённую эпоху.

Их нужно готовить, в том числе и на примере научных исследований. Причём это можно делать в процессе обучения профильным дисциплинам, что лишь стимулирует их изучение, заставляет обращаться к учебникам и специализированной литературе. Студентам надо показывать возможности газеты, варианты реализации себя в печатной журналистике.

Более того, специалисты рекомендуют журналистам «готовиться к «ренессансу» газетного содержания, что должно дать им значительные преимущества в продолжающейся информационной революции» [2, с. 10]. Это позволит им занять должное место в информационно-коммуникативном пространстве страны в целом, и на поле онлайн-информации в частности.

Но при этом надо учитывать, что в этом новом расширенном пространстве меняются и требования к тому, как подаётся информация. Такой подход позволяет реализовать третий принцип данного исследования, т. к., по мнению специалистов, «никому, кроме работающих “по старинке” журналистов, не интересен текст, изложенный сухим, канцелярским языком. Людей интересует “история” (*story*), у которой есть завязка, развитие, кульминация и развязка. Людей интересуют не сухие цифры, а человеческие судьбы. Любое событие человек “примеривает” на себя, осмысливает его через свою призму. Людям интересны подробности, даже мелкие, которые иногда вообще не заслуживают того, чтобы попасть в пресс-релиз. Но именно это люди и запоминают! Образ чего угодно складывается из мелких деталей и подробностей, чаще всего, эмоциональных» [4].

Сегодня становится возможным возвращение к отечественным ценностям, т. к. в стране по-прежнему издание газет – не просто бизнес. Это попытка донести до читателя правдивую информацию. Об этом свидетельствуют события последних дней, когда постоянно приходят сообщения о том, что кто-то из журналистов в регионах заплатил самую высокую цену за честный материал.

Анализ большого массива публикаций региональных изданий показывает, что за десятилетний период исследования нема-

ло событий произошло в мире и в нашем обществе. Многие из этого нашли своё отражение в прессе 84 субъектов Российской Федерации. Безусловно, это отражение разное.

Профессионализм и сегодня имеет огромное значение. Есть множество примеров, когда сильная личность, талант и тяжёлый труд позволяли переломить негативные тенденции и сохранить газету в регионе. Есть примеры в сегодняшней истории региональной журналистики, когда потрясающий успех районной газеты достигался исключительно за счёт профессионализма её сотрудников. Соответственно, молодым журналистам, которые выбрали региональное издание, надо помочь стать профессионалами. Поэтому следующий, не менее знаковый принцип: региональная пресса – это пресса молодых профессионалов, в равной степени владеющих традиционным журналистским мастерством и новыми информационными технологиями. Поэтому в процессе исследования мы ориентировались на молодую, подрастающую журналистику.

Таким образом, в основу работы были положены следующие принципы:

- у газеты есть будущее, но она становится другой;
- нужно новое поколение газетчиков, обладающее технологическими компетенциями;
- «ренессанс» газетного содержания, но другие подходы к подаче информации («история», ценностные ориентации, российская ментальность и т. д.);
- региональная пресса – это пресса молодых профессионалов, в равной степени владеющих традиционным журналистским мастерством и новыми информационными технологиями.

Формулировка данных принципов позволила структурировать исследование и сфокусировать внимание на анализе содержательной модели. При этом необходимо было учитывать специфику его организации, которая заключается в том, что его вели студенты на протяжении десяти лет в рамках учебного процесса. Поэтому задачи дробились, они формулировались с ориентацией на конкретного студента. Затем поэтапно материал собирался и обобщался. Позже он использовался в качестве учебного пособия. Сделать это было несложно,

т. к., затеявая исследование, мы исходили из современных подходов к печатному изданию, прежде всего, это необходимость концептуального осмысления перспектив каждого издания.

Эту работу выполняли студенты, начиная с первого курса, которые ориентировались на работы отечественных и зарубежных исследователей по системному подходу к СМИ, их типологическому анализу. Прежде всего, мы начинали с изучения концепции издания, которая означает, по мнению исследователей, генеральный замысел, в соответствии с которым и выпускается СМИ. Он считает, что «этот генеральный замысел, как правило, воплощается в виде специального документа, состоящего из трех частей:

- 1) миссии, декларирующей предназначение издания;
- 2) программы издания, которая даёт полное представление о классификационных признаках газеты или журнала;
- 3) комплекса моделей издания – содержательной, оформительской и организационной, – представляющего собой стратегическую проработку основных параметров издания» [3, с. 7].

Это могла быть концепция издания, которое анализировалось. Тогда предполагалась определённая реконструкция по итогам его изучения. Это могло быть и посещение редакции, когда студенты с помощью работников редакции постигали смысл этого понятия. Они видели, как на её основе разрабатываются текущие планы работы.

Это позволяло нам подойти к овладению понятием «типология печати» и определить место содержательной модели в структуре издания. При этом мы исходили из того, что, по мнению профессора М. В. Шкондина, «форма содержательна, содержание формируется. Похожие формы изданий часто отличаются их различным содержанием. Эту «содержательную» отличительность более чётко фиксирует понятие «модель». Понятие «тип» характеризует определённую группу изданий» [9, с. 24].

В связи с этим необходимо было ввести в тезаурис студентов ещё ряд терминов. В данном случае прояснить возникшие у них вопросы по структурированию исследования помогало использование понятия «модель». При этом мы исходили из того, что «модель (от фр. *Modele*, от лат. *Modulus* –

«мера, образец») – в широком смысле любой образ, аналог кого-либо объекта, процесса, явления» [1, с. 744].

Предлагали студентам обратиться и к другим определениям этого понятия, например, к работе «Концепция современного периодического издания». В ней авторы пишут: «В нашем случае модель – это некий шаблон для оптимального выстраивания процесса изготовления информационного продукта, опирающегося на технологическую основу» [3, с. 27].

Тем самым мы отработывали технологию исследования как совокупность приёмов и способов осуществления профессиональной деятельности. В нашем случае – сбора и переработки различных видов информации о деятельности региональной прессы и превращения её в исследовательскую работу. Это позволяло студентам осваивать принципы написания курсовой и дипломной работы. Они уже начинали понимать, что совокупность моделей издания составляет тактику редакционного коллектива. Главное – они приходили самостоятельно к выводу, что для полноценного функционирования печатного издания надо иметь несколько моделей: содержательную, оформительскую (дизайнерскую), организационную, аудиторную и др.

Таким образом, мы подходили к центральной части исследования – содержательной модели региональной прессы. Акцент на филологическую составляющую в этой работе крайне важен, т. к. студенты должны увидеть нужность работы с текстом. Поэтому хорошей новостью для них становилось то, что значение информационного наполнения газет обеспечивает им вторую жизнь в Интернете. Но при этом они должны быть готовы к тому, что содержание в сети, скорее всего, уже облечено в самую невероятную форму. Это другой текст: более раскованный и менее структурированный.

Они видят, что это тенденции сегодняшнего дня, когда способы подачи и потребления информации через Интернет уже существенно изменили ландшафт всей нашей культуры, деятельности, да и всей жизни. Специалисты называют происходящие перемены «возрождением содержания» [2, с. 22].

Это означает, что в мире и традиционной газеты, и онлайн по-прежнему доминирует текст. К тому же, что рынок уже и региональной прессы всё более усложняется,

дробясь на отдельные сегменты, он в то же время ещё сильнее демонстрирует конкурентные преимущества хороших газет. «Ни одно другое СМИ, взятое в отдельности, не имеет тех возможностей, что есть у газет с их широчайшим охватом», – утверждает Т. Болдинг [2, с. 18].

Именно этот тип изданий в большинстве своём представляет региональная печать. Практика показала, что содержательная модель этих изданий отражает общие закономерности прессы. Она, по мнению исследователей, обычно «состоит из следующих компонентов: тематических направлений; жанровой палитры; модальности материалов; локальности материалов; источника информации; лексико-стилистических особенностей» [1, с. 27].

В процессе работы студенты анализируют все параметры содержательной модели. В рамках настоящей статьи рассмотрим более подробно только компонент «тематические направления», как он задаёт тональность исследования. Вполне закономерно, что формирование содержательной модели начинается с него, а точнее, с определения перечня тем, которые достаточно регулярно появляются в данном издании.

В ряде исследований представлен типовой перечень тем, характерный для региональной прессы. Но так как на первых порах наше исследование основывалось на публикациях Всероссийского конкурса «Современная Россия глазами молодых», в рамках которого были определены номинации, то мы и сохранили их в течение всего периода исследования. Тем более что они охватывали практически весь диапазон тем, свойственных молодёжным интересам и потребностям.

В нашем исследовании это были следующие номинации или тематики:

- «Формула успеха» (материалы, посвящённые системе российского образования и инициативам в области занятости молодёжи);
- «Право на жизнь» (проблемы наркомании, алкоголизма, СПИДа, правонарушений среди молодёжи);
- «Молодёжь и политика» (взаимодействие молодёжи и власти);
- «Долг службы» (Российская армия и флот, отношение молодёжи к воинской службе);

– «Молодёжная инициатива» (участие молодёжи в общественных объединениях, в молодёжных проектах);

– «Здоровое поколение» (развитие спорта и пропаганда здорового образа жизни, проблемы экологии);

– «Культурная пирамида» (тенденции молодёжной культуры, стили и направления современного искусства);

– «Россия в объективе» (фотоматериалы, отражающие различные аспекты жизни современной России).

Оказалось, определить тематическое направление не так просто, т. к., прежде всего, необходимо разобраться в заданной формулировке темы, т. е. в грамматическом, синтаксическом её оформлении. С этого студенты и начинали своё исследование. Уже затем они определяли объём темы, т. е. количество публикаций, подлежащих анализу, выясняли содержание темы.

Приведём фрагменты из нескольких работ, выполненных студентами на протяжении всего этого периода. Так, Валерия Новокрещенова пишет: «Проанализировав уже имеющийся архивный материал и собранный мною, я пришла к выводу, что выбранная мною тема в трактовке коллег принципиально отличается в понимании сочетания “молодёжь и политика” от того, что я о ней думаю. Ранее статьи подбирались согласно представлениям о том, как политика помогает молодым семьям, подросткам и детям. Я же понимаю тему “Молодёжь и политика” как непосредственное участие молодых людей в политическом процессе на разных уровнях».

Далее она свои рассуждения подтверждает несколькими печатными материалами, доказывая понимание темы. Например, в статье А. Сахарова говорится о том, что «областной спорткомитет не раз подвергался критике за невнимание к футболу в нашей области. Полтора месяца назад руководство спорткомитета решило обелить себя перед лицом любителей футбола и направило футбольным командам, участвующим в чемпионате области, проект положения о проведении первенства области и кубка по большому футболу в 2005 году. Положение один в один повторяет аналогичный документ, но только разработанный областной федерацией футбола. <...> Отличие только одно – облспорткомитет выделяет конкретную сумму на финансирование судейства» [5].

Затем она обосновывает свою трактовку понимания этого термина и уже в соответствии с ней подбирает и анализирует газетные публикации. По итогам своей работы она пишет: «В ходе проведённого мною исследования темы “Молодёжь и политика” были проанализированы материалы, временной охват которых – почти десятилетие. Я пришла к выводу, что само словосочетание “молодёжь и политика” претерпевает изменения. Даже его восприятие в ходе исторического процесса менялось: от получения стипендии и социальных бонусов до непосредственного участия молодых людей в различных властных структурах и организациях. Используемый в работе материал был представлен более чем десятью регионами РФ, также республиками Дагестан и Башкирией. Основной формой, рассказывающей о деятельности молодёжи в политике, была и остаётся информационная, новостная заметка или небольшая статья».

По такой же схеме: от обоснования понятия к анализу собранных публикаций – строится большинство студенческих исследований. Но важно, что эти темы их интересовали, и они хотят разобраться в том, чем им предстоит заняться.

Примером такой работы может служить исследование Алёны Пашковской. Она начинает своё рассуждение с вопроса: «Что такое успех? Что значит успех лично для меня? Этими вопросами, я думаю, время от времени задаётся каждый человек. Но сегодня мы будем рассматривать тему успеха не как её потребители, а как журналисты. Для этого мы рассмотрели подборку статей за десять лет (с 2003 по 2013 годы) из восьмидесяти четырёх регионов Российской Федерации и обнаружили интересные тенденции изменения как трактовки формулы успеха, так и самой подачи материалов».

Потребность раскрыть это понятие заставило её обратиться к различным источникам, о чём она и пишет в своей работе. «Итак, прежде чем приступать непосредственно к анализу, давайте определим, что такое формула успеха. Известный американский бизнесмен Дональд Трамп [6] определяет формулу успеха как возможность мыслить, если ты при этом состоятельный, богатый человек. Подобные определения мы можем найти в книгах Джона Кехо, Наполеона Хилла, Джона Максвелла и мно-

гих других писателей и предпринимателей. Российские журналисты описывали успех в разных областях жизни: в бизнесе, в образовании, в науке, спорте и в других сферах».

Далее в работе следует анализ публикаций и его результаты. Она сообщает, что ею было проанализировано 120 статей из собранной на кафедре базы данных по региональной прессе и найденных ею лично на сайтах ряда газет различных городов.

Данная выборка достаточно репрезентативна, что позволило сделать А. Пашковской следующие расчёты. Она считает, что, по её данным, больше всего успех описывается в спортивных достижениях – 32 %, на втором месте стоит образование – 22 %, на третьем – успех в личной жизни (семье, воспитании детей, персональной реализации) – 14 %. К сожалению, такие важные темы, как политика, экономика и наука, рассматриваются гораздо реже (политика – 3 %, экономика – 4 %, наука – 1 %). Сделанная ею подборка публикаций полностью подтверждает полученные её данные.

Остановимся ещё на одной работе, которая свидетельствует о том, что начинающие исследователи журналистики уже достаточно профессионально выполняют полученное задание. Это исследование Ксении Кокуновой. Она пишет: «Для выполнения любой работы, будь то журналистское задание или исследование, необходимо, прежде всего, ознакомиться с понятиями, представленными в теме. Для меня основным понятием становится “культурная пирамида”.

“Культурная пирамида (культурная стратификация) – иерархически выраженные различия людей, принадлежащих к одной культуре, но различающихся субкультурными, речевыми характеристиками, образом жизни, досуговыми и культурными предпочтениями” [7].

Таким образом, культурные интересы могут зависеть от различных факторов: социальных, возрастных, гендерных и др. Женщины и мужчины, взрослые и дети, жители городов и жители сёл будут проводить свой досуг по-разному. Подобные различия, само собой, будут проявляться и в журналистике различных регионов.

Рассматривая региональные СМИ, следует обратить внимание на темы, затрагиваемые в статьях. Изучив предоставленную базу данных и пополнив найденными мною

в сети, я пришла к выводу, что акценты, расставляемые региональными журналистами, отличаются от приоритетов журналистов мегаполисов. Крупные издания много внимания уделяют внешней и внутренней политике, различным международным мероприятиям. А на чём же фокусируется региональная пресса?»

Далее идёт подробный анализ публикаций, который сопровождается таблицами и гистограммами, наглядно показывающий интерес региональных газет к данной тематике. Автор исследования пишет: «Проанализировав 174 статьи из 84 регионов Российской Федерации, я пришла к выводу, что наиболее популярной темой в подобных изданиях является рассказ о выдающихся людях, живущих в данном регионе (14 % от материалов раздела “культура, общество”). Героями подобных статей становятся представители различных профессий. Так, например, в 2003 году газета “Лицейст” рассказала о работе диджея Наиры, Анна Зайдова – о творчестве художника Амирхана Магомедова. В 2008 году архангельская газета “Правда Севера” познакомила читателей с семьей Фоминых, содержащих собственную творческую мастерскую. По моему мнению, такое количество статей о жителях регионов обусловлено влиянием социальных черт, присущих людям, живущим в небольших городах и сёлах.

Второе место по количеству занимают материалы о различных фестивалях, проводимых в регионе (13 %). Пик популярности подобных материалов приходится на 2004 год. Костяк этой темы составляют статьи о музыкальных мероприятиях: “Патрон, гитара и ‘черный тюльпан’” (фестиваль, посвящённый ветеранам), “На поэтической тропе наперевес с гитарой” (фестиваль студенческой авторской песни) (Белгород, 2004). Любит наш народ разные фестивали, а уж музыку хорошую послушать – и подавно. Подтверждением тому могут служить и небезызвестные фестивали “Нашествие”, “Максидром”, “Кубана”, которые всегда освещаются региональной прессой.

Третье место в списке тем занимают статьи о театральных мероприятиях (11 %). Лидером по театральным статьям стал 2012 год, представленный такими статьями, как “С премьерой, ‘Бальзаковский возраст’!” (преьера нового спектакля) (“Вечерний Барнаул”), “Английские гастроли нашего

Красноярского края” (лучшими артистами театра Великобритании признаны солисты красноярского театра оперы и балета) и др. С каждым годом статей о театре становится всё больше.

Далее по популярности следуют статьи о различных концертах (8 %) и выставках (8 %). Лидирующим по статьям этой области становится 2011 год, представленный статьями “Айфоны в галерее, бадминтон в балете” (статья об использовании смартфонов и планшетов для просмотра экспозиции) (“Деловое Прикамье”), “Мой любимый город” (выставка декоративно-прикладного искусства школьников) (“Каменные известия”), и др. (<http://cityinfo.info>, <http://www.zemlemer-67.ru>, <http://aphorism-list.com> и др.).

Безусловно, эти исследования преследовали цель – научить студентов собирать и обрабатывать материалы; помочь научиться рассуждать и выполнять логические действия. Но по мере его осуществления на протяжении долгого периода открывались другие смыслы этой работы. Они открывали себя и саму журналистику.

«Проанализировав полученные данные, – пишет К. Кокунова, – можно прийти к выводу, что более всего в регионах востребована тема жителей самих регионов. Людей интересуют люди, их занятия, их судьбы, причём не какие-то звёзды, а простые работяги, живущие по соседству».

Достаточно ёмкие фрагменты всего из трёх работ есть доказательство тому, как, выполняя эти исследования, студенты филиала, находящегося на территории Украины, открывали для себя Россию. Более того, эти молодые люди, закончившие школы по украинским программам с другими героями и декларируемыми теми ценностями, понимали, что они, жители Севастополя и Крыма, корнями в России. В свете последних событий, происходящих на Украине, эта работа приобретает значимость и в геополитическом плане, если учесть, что за шестнадцать лет сделано девять выпусков и кафедрой выпущено почти 230 студентов.

Было бы некоторым лукавством утверждать, что концепция исследования и его принципы были заранее разработаны. Много делалось по ходу изучения региональной журналистики. Постепенно расширялся диапазон исследования, более детально анализировались и другие параметры содержательной модели. Особое внимание

при этом стало уделяться анализу жанров публикаций. Так, на данный момент большинство молодых исследователей отмечает, что в региональной прессе преобладают информационные жанры. Аналитические жанры представлены крайне редко и не всегда достаточно профессионально.

Так как, несмотря на трансформацию региональной прессы и овладение ею онлайнового пространства, текст остаётся её основой. К тому же, и в мире онлайн по-прежнему доминирует текст. Поэтому и в процессе исследования структура текста, его компоненты и характеристики, лексико-стилистические особенности постепенно вышли на передовые позиции. Например, особое внимание студенты в представленных работах уделяют анализу заголовков, лидов, а также непосредственно самому содержанию публикаций.

Выводы, к которым они приходят в процессе работы, порой бывают диаметрально противоположны, порой совпадают. Так, Ксения Кокунова пишет: «Интересно наблюдать, как разительно со временем всё может поменяться. Журналисты региональных изданий, будто всё ещё ищут свою нишу. Однако не стоит забывать и о том, что стиль написания статей за одиннадцать лет не особо-то изменился. Меняя форму, журналисты совсем не пробуют экспериментировать с содержимым. Не очень-то интересно из года в год читать эти калькированные статьи. Встречаются и новаторы, не дичащиеся просторечной лексики в своих статьях о каких-либо событиях. Подобные приёмы вовсе не ухудшают статью, а идут на пользу, привнося нечто свежее. Например, статья “Тату: три балла до победы” (о третьем месте группы “Тату” на “Евровидении”) или «Ядерный титбит: философия радости» (о новой компьютерной игре), статьи Дениса Шалаева, 2003 г.».

Другой позиции придерживается Дарья Ваулина. Она утверждает: «Мало того, удручающее впечатление производят темы, на которые пишут молодые журналисты. Я достаточно часто езжу в командировки в разные города России и прекрасно представляю, как и чем там живёт молодёжь. Но, когда я читаю региональную прессу, по большому счёту написанную этими же людьми, у меня складывается впечатление, что эти журналисты прилетели с другой планеты! Молодёжь – это жизнь, бодрость,

энергия! Но в прессе на это нет даже намёка! Большинство материалов написаны наискущнейшим языком».

Очевидно, это и есть результат исследования, которое велось десять лет в рамках учебного процесса. К тому же готовящаяся к публикации хрестоматия в рабочем варианте является действующим учебным пособием, и постоянно пополняется новыми текстами, которые собирают студенты в процессе чтения профильных курсов. Тем самым эта работа позволяет утверждать, что исследовательская деятельность правомерна в учебном процессе. Вместе с тем она полезна студентам, т. к. изменяет их представление о газетном деле.

Студенты получают реальное представление о региональной печати, что позволяет им сделать осознанный выбор своего

будущего места работы. Именно поэтому выпускники отделения журналистики филиала связывают свою судьбу с местными изданиями, информационными агентствами, пресс-службами Крымского полуострова и Севастополя.

Это означает, что, видя все сложности региональной прессы, студенты, которые участвовали в исследовательской работе, не отказывают ей в будущем существовании. Более того, они уверены в том, что без этих газет жителям больших и малых городов, обществу в целом не обойтись. Они понимают, что многое в определённой степени зависит и от них, тех, кто сначала пришёл в вуз учиться журналистике, а теперь готов связать свою судьбу со своей городской или районной газетой и сделать её востребованной.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. М.: Больш. Рос. энцикл., 1997. 1456 с.
2. Газеты на пороге новой эры // 52-й Всемир. газ. конгресс (Москва, июнь 1999 г.). М., 2001.
3. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Концепция современного периодического издания: учеб.-метод. пособие. М.: МедиаМир, 2012. 344 с.
4. Литвинович М. Как интернет меняет медиaprостранство [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting_09/material_sofiy/8763-kak-internet-menyaet-mediaprostranstvo.html (дата обращения: 30.01.2015).
5. Сахаров А. Чиновники сделали шаг навстречу футболу [Электронный ресурс] // Правда Севера. 2005. 11 янв. Режим доступа: <http://www.pravdasevera.ru/?id=15676> (дата обращения: 30.01.2015).
6. Трамп Д. Дума́й как миллионер М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 250 с.
7. Портал фонд знаний «Ломоносов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128661> (дата обращения: 30.01.2015).
8. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rsoc.ru/news/rsoc/news14748.htm?print=1> (дата обращения: 30.01.2015).
9. Шкондин М. В. Системная типологическая модель СМИ. М., 2002. 156 с.

References

1. Bol'shoi entsiklopedicheski slovar'. M.: Bol'sh. Ros. entsikl., 1997. 1456 s.
2. Gazety na poroge novoi ery // 52-i Vsemir. gaz. kongress (Moskva, iyun' 1999 g.). M., 2001.
3. Dzyaloshinskii I. M., Dzyaloshinskaya M. I. Kontseptsiya sovremennogo periodicheskogo izdaniya: ucheb.-metod. posobie. M.: MediaMir, 2012. 344 s.
4. Litvinovich M. Kak internet menyaet mediprostranstvo [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.intelros.ru/intelros/reiting_09/material_sofiy/8763-kak-internet-menyaet-mediaprostranstvo.html (data obrashcheniya: 30.01.2015).
5. Sakharov A. Chinovniki sdelali shazhok navstrechu futbolu [Elektronnyi resurs] // Pravda Severa. 2005. 11 yanv. Rezhim dostupa: <http://www.pravdasevera.ru/?id=15676> (data obrashcheniya: 30.01.2015).
6. Tramp D. Dumai kak millioner M.: Al'pina Biznes Buks, 2007. 250 s.
7. Portal fond znaniy «Lomonosov» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128661> (data obrashcheniya: 30.01.2015).
8. Federal'naya sluzhba po nadzoru v sfere svyazi, informatsionnykh tekhnologii i mas-sovykh kommunikatsii (Roskomnadzor) [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rsoc.ru/news/rsoc/news14748.htm?print=1> (data obrashcheniya: 30.01.2015).
9. Shkondin M. V. Sistemnaya tipologicheskaya model' SMI. M., 2002. 156 s.

Статья поступила в редакцию 02.02.2015

УДК 811.161.1
ББК Ш141

Чжан Лэй,
доцент,
Цзилиньский педагогический университет
(136000, КНР, г.Сыпин, ул.Хайфэн, 1301),
e-mail: 1069836851@qq.com

Исследование фразеологизмов русского языка в условиях межкультурной коммуникации студентов

Усиление двусторонних отношений между Китаем и Россией обусловило неизбежный языковой контакт. Возрастающий интерес китайской молодёжи к России и русским стал причиной массового изучения русского языка. Для эффективного обучения китайских студентов иностранному языку необходима концентрация внимания на специфических особенностях языка. Одной из таких особенностей русского языка является фразеология.

Фразеологизмы помогают выразить экспрессивную окраску речи, сделать её образной, содержательной и эмоциональной. Понимание иностранными студентами фразеологизмов в речи современных людей ведёт к эффективной коммуникации, обмену культурными знаниями, а также способствует формированию определённого видения мира. Тематические группы русских фразеологизмов мотивированы объективной действительностью. Наиболее употребляемые на темы свободы, судьбы, любви и внутреннего мира людей.

При обучении китайских студентов русскому языку возникает немало вопросов, связанных с восприятием, осмыслением и включением в активную речевую деятельность фразеологизмов. Причиной этому нередко становится отнесённость к разным культурным традициям и различный менталитет. Однако интерес к изучению таких единиц русского языка, как фразеологизмы, неизбежно растёт. Объяснением этому служит мобильность и желание студентов свободно, образно и эмоционально общаться на иностранном языке.

Исследование фразеологизмов и использование их в речи иностранцев обеспечивает эффективность двустороннего взаимодействия.

Ключевые слова: фразеологизм, коммуникация, межкультурный, лингвистическая компетентность, традиция.

Zhang Lei,
Associate Professor,
Jilin pedagogical University
(No. 1301 Haifeng St., Syпин, People's Republic of China, 136000),
e-mail: 1069836851@qq.com

The Russian Idioms Research within the Students' Cross-Cultural Communication

The language communication is strengthened as the Chinese-Russian relationship has developed. One vital reason for people to learn Russian is that people become more interested in Russia and Russian people. For a better way to teach Chinese foreign language, the natures of language should be empathized. One example is Russian idioms. Learning Russian idioms is a way to enhance the language communication. In other countries, learning Russian idioms is an effective method to learn language, to develop the communication of knowledge and know the world around. The classification of Russian idioms covers freedom, faith, love and inner world of people. There are many kinds of problems confront Chinese students when learning Russian. These problems lie not only in their thoughts and understanding, but also in their using of idioms in the practice. This result comes from the linguistic and cultural conventions and psychological cognition. Students increase their interests in learning Russian idioms. The article is to study how to skillfully use Russian idioms in communication with foreigners. The study of phraseology and their use in the speech of foreigners ensures the effectiveness of bilateral cooperation.

Keywords: idioms; cross-cultural communication; the interior connection; tradition.

Современная действительность доказывает необходимость углублённого осознания того факта, что мир и развитие чело-

веческого общества обусловлены умением вести переговоры, виртуально или реально передавать информацию от одного объекта

коммуникации к другому. Взаимопонимание является неотъемлемой частью существования людей в современном мире.

Россия и Китай являются хорошо развитыми странами, которые имеют постоянные политические, экономические и культурные контакты. Они связаны общей границей в более чем 4000 км. Культуры народов двух данных стран имеют значительные различия, однако они находятся во взаимовлиянии и взаимодействии. Орудием данных процессов является именно язык. Язык можно назвать зеркалом, отражающим национальную культуру, и даже средством обогащения культуры. С помощью коммуникации можно передать культурные знания, а также способствовать формированию определённого видения мира.

В связи с этим в процессе изучения русского языка иностранными студентами возникает необходимость углублённого исследования вопроса языковых особенностей. На наш взгляд, одной из таких особенностей русского языка является фразеология. Фразеологизмы успешно используются в речи русских, будь то выступление Президента Владимира Путина, известного среди иностранцев как человека, отличающегося лаконичностью, точностью и прямоотой речи, или молодёжь, вступающая в коммуникацию и украшающая свою речь яркими и образными выражениями.

В межкультурной среде лингвистическая компетентность как владение абстрактной системой правил языка, используемого партнёрами в качестве средства общения, выступает необходимым, но недостаточным условием эффективности взаимодействия [8]. Кроме этого, они должны обладать коммуникативной компетентностью – умением применять правила в конкретных социальных ситуациях, а также когнитивной – способностью словообразования и генерирования мыслей на языке общения (навыками речепроизводства). В связи с этим в процессе китайско-русского общения необходимо адекватное понимание тех фразеологических единиц, которые нередко используют в своей речи русские.

Так или иначе воспроизводящийся и воспринимающийся участниками коммуникации фразеологизм интерпретируется в пространстве культурного знания. Для носителей русского языка данное пространство является привычным, может не

требовать дополнительных объяснений и пониматься по ассоциативно-логическим представлениям. Перед иностранцем появляется объективный круг задач при восприятии фразеологизма: лексикографическое восприятие фразеологического сочетания, когнитивная оценка лексических компонентов, объединение составляющих в единый смысловой узел. Существенной проблемой в изучении фразеологизмов китайскими студентами является эмоционально-оценочная реакция и выбор единственно верной коммуникативной ситуации для возможности употребления таких сочетаний. Следует отметить преимущества использования фразеологизмов в речи иностранных студентов. Они способствуют более точному воспроизведению эмоционального поля речевой ситуации.

Тематические группы используемых в межкультурной коммуникации фразеологизмов мотивированы объективной действительностью. Для нас наибольший интерес будут представлять такие фразеологические единицы, национальная культура в которых отражена через связь с культурно-национальными коннотациями, символами, стереотипами. Так как многие из них до сих пор находятся в использовании, не предаются забвению, остаются уместными и не воспринимаются устаревшими формами языка. Более того, данные фразеологизмы становятся носителями культурной функции. Попадание студентов в систему знаков культуры создаёт предпосылки для включения их в речетворческий процесс, что позволяет решить главную задачу обучения русскому языку.

В настоящее время популярны фразеологизмы с компонентом «сердце», что свидетельствует об обращенности русских внутрь себя, об огромном спектре сердечных чувств.

Фразеологизм «сердце не лежит» означает «нет доверия, расположения к кому-либо; кто-либо не нравится кому-либо» [5, с. 324].

Оттенки чувств и состояний можно увидеть во фразеологизмах «сердце болит», «сердце кровью обливается». Значение первого: «кто-либо испытывает беспокойство, тревогу, волнуется, переживает»; значение второго: «кто-либо испытывает острое чувство душевной боли, жалости, сострадания» [2, с. 298].

Поведение человека в обществе также может характеризоваться фразеологизмами с компонентом «сердце»: «положа руку на сердце», т. е. «совершать что-либо искренне, без обмана»; «от всего сердца», т. е. «совершенно искренне» [4, с. 478].

Исследование культурного поля и вкрапленных в него фразеологизмов позволяет сделать вывод об установке русскоговорящего на открытость в делах, словах и мышлениях: от всего сердца, от всей души. В связи с этим речь вступающего в коммуникацию иностранца должна отвечать характеру межличностного общения, несмотря на то, что открытость собеседника может характеризоваться как проявление этикетной формы общения.

Наблюдения за речью русских показали, что в их речи используются фразеологизмы, отражающие такие понятия, как «свобода», «судьба», «любовь». Так, фразеологизм «зелёная улица» означает «свободный путь без препятствий и задержек (обычно для движения транспорта)»; другое значение: «благоприятные условия, отсутствие препятствий для совершения чего-либо» [2, с. 133]. Иногда звучит как укор обеспеченным людям, имеющим возможность осуществлять свои дела беспрепятственно благодаря деньгам. Молодые россияне используют данный фразеологизм для характеристики людей «со связями» или людей, отличающихся нетактичным поведением.

В процессе коммуникации с русскими можно услышать фразеологизм «искушать судьбу», т. е. неоправданно рисковать; «ирония судьбы», т. е. «случайное, неприятное совпадение» [3, с. 151].

Другой фразеологизм «на седьмом небе (от счастья)» шуточно выражает безграничное счастье и глубокое удовлетворение [3, с. 159]. Русские студенты используют данный фразеологизм в монологических высказываниях о личных переживаниях, связанных с отношениями между юношей и девушкой или с успехами в учебной деятельности.

«Крутить любовь» у русских имеет экспрессивную окраску и означает «флиртовать; находиться в любовных отношениях с кем-либо» [7, с. 427]. Фразеологизм включается в речевую деятельность как насмешка или ирония над влюбленными молодыми людьми.

Среди молодёжи и студенчества в речевых оборотах используются выраже-

ния «знать назубок» и «от корки до корки» [7, с. 245]. Данный фразеологизм характеризует старательных и способных студентов. Может выступать как самопохвала или недовольство большим объёмом изучаемого.

Менее употребительны фольклорные обороты (из сказок, былин, песен), ставшие фразеологизмами: «на все четыре стороны»; «скоро сказка сказывается»; «подобру-поздорову»; «ни жив, ни мёртв»; «по щучьему велению» и др.

Группа фольклорных фразеологизмов очень интересна не только со страноведческой, но и с эстетической точки зрения. К ней примыкают фразеологизмы, восходящие к художественной литературе: «остаться/оказаться у разбитого корыта» (Пушкин); «есть ещё порох в пороховницах» (Гоголь); «рыльце в пушку», «зелен виноград» (Крылов); «человек в футляре» (Чехов) и др.

Изучение фразеологии неминуемо приводит каждого исследователя к проблематике культурного контекста. Сам факт существования фразеологизмов является доказательством стремления людей разнообразить общение яркой эмоциональностью. Порождённые этим стремлением, фразеологические единицы отражают среду, труд, быт, историческую судьбу народа – творца языка.

Таким образом, фразеологизм является своеобразным проводником в культуру и язык русского народа. Проникновение в среду межкультурной коммуникации обеспечивает сораствление китайских студентов и русских, что позволяет повысить компетенцию иностранцев осуществлять рефлексивную фразеологизмов на бессознательном уровне.

Фразеологизмы с национально-культурными особенностями значимы, прежде всего, своим коммуникативным планом. Способность воспринимать в чужой речи и включать в свою собственную создаёт условия для осуществления полноценного, адекватного общения. С лингводидактической точки зрения, фразеологизмы – объект обучения языку (как коммуникативные единицы), также они знакомят с культурой народа – носителя изучаемого языка. В этом смысле они являются и средством обучения. Совокупная работа над фразеологизмами неизбежно ведёт к эффективному результату межкультурного общения.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008. 286 с.
2. Быстрова Е. А. Фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ, 2000. 416 с.
3. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 945 с.
4. Москвин Ю. А. Школьный фразеологический словарь русского языка. М.: Центрполиграф, 2002. 639 с.
5. Розенталь Д. Э., Краснянский В. В. Фразеологический словарь русского языка. М.: Оникс, 2008. 416 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки рус. культуры, 1996. 284 с.
7. Федосов И. В., Лапицкий А. Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: Юнвес, 2003. 608 с.
8. Хайруллина, Р. Х. Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию. Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. 300 с.

References

1. Alefirenko, N. F. Frazеologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigм. M.: Elpis, 2008. 286 s.
2. Bystrova E. A. Frazеologicheskii slovar' russkogo yazyka. M.: AST, 2000. 416 s.
3. Kunin A. V. Bol'shoi anglo-russkii frazeologicheskii slovar'. M.: Russkii yazyk, 1984. 945 s.
4. Moskvin Yu. A. Shkol'nyi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. M.: Tsentrpoli-graf, 2002. 639 s.
5. Rozental' D. E., Krasnyanskii V. V. Frazеologicheskii slovar' russkogo yazyka. M.: Oniks, 2008. 416 s.
6. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turolo-gicheskii aspekty. M.: Yazyki rus. kul'tury, 1996. 284 s.
7. Fedosov I. V., Lapitskii A. N. Frazеologicheskii slovar' russkogo yazyka. M.: Yunves, 2003. 608 s.
8. Khairullina, R. Kh. Kartina mira vo frazeologii: ot mirovideniya k miroponimaniyu. Ufa: Izd-vo BGPU, 2008. 300 s.

Статья поступила в редакцию 05.12.2014

УГОЛ ЗРЕНИЯ PERSPECTIVE

УДК 930
ББК ТЗ(2)632

Виктор Иванович Мерцалов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: mercalov47@mail.ru

Монографическое исследование Е. В. Демичева о реформе управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг.

В статье рассматриваются методологические, теоретические, историографические основы, характеристика архивных источников и фактический материал монографии Е. В. Демичева «Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории», выпущенной в свет издательством РОССПЭН в 2011 г. В статье определяется степень самостоятельности Е. В. Демичева как исследователя. Анализ его монографии показывает, что по проблеме происхождения и эволюции совнархозовской реформы его книга содержит обширный плагиат, а её конкретно-историческая часть, написанная на материалах совнархозов Московской области и Южного Урала, носит фрагментарный, иллюстративный характер и страдает от дефицита фактического материала. Основная глава монографии «Осуществление реформы в Московской области и на Южном Урале» основана на смешении понятий «осуществление» и «деятельность». Автор придаёт этим понятиям обыденный смысл, что отражает примитивизм проведённой им работы, научные выводы и обобщения по исследуемым регионам в ней отсутствуют. Историософская и конкретно-историческая части монографии, принадлежащие к различным общественным наукам, в сочинении Е. В. Демичева представляют собой эклектическое соединение, в котором ни одна из них полноценно не реализована. Всё это, с учётом наличия обширного плагиата по заявленной проблеме о происхождении, эволюции и итогах совнархозовской реформы, говорит о том, что у автора отсутствуют и основания для его претензий на какие-либо самостоятельные обобщения российского и союзного уровня. В статье делается вывод, что монография Е. В. Демичева не обладает реальными признаками целостного конкретно-исторического исследования.

Ключевые слова: совнархозовская реформа 1957–1965 гг., историография, методология, теория, архивные источники, исследования Е. В. Демичева и В. И. Мерцалова, плагиат.

Viktor Ivanovich Mertsalov
Doctor of History, Professor
Transbaikal State University
(30 Alersandro-Zavodslaya St., Chita, Russia 672039),
e-mail: mercalov47@mail.ru

Monographic Research by E. V. Demichev on Industry and Construction Management Reform in 1957–1965

The paper studies methodological, theoretical, historic-graphical basics, characteristics of achieve recourses and actual data by E. V. Demichev's "Industry and construction management reform of 1957–1965 in the context of the specifics of National history" published by ROSSPEN publishers in 2011. The degree of E. V. Demichev's personal independence as a researcher is assessed. The treatise analysis reveals that his book contains extensive plagiarism on the issue of the origin and development of the Soviet national reform and that its concrete historical part based on the data of the Soviet councils of national economy in Moscow region and the region of the Southern Urals is fragmentary, contains lots of illus-

trative materials and lacks actual data. The central chapter of the treatise "Implementation of the reform in the Moscow region and Southern Urals" is based on the confusion of notions "implementation" and "activity". The author uses them in their commonsense, which displays primitive character of his research while scientific conclusions and integrated data concerning the regions under study are missing. The chapter presenting concrete historical materials and the one dealing with the philosophy of history belong to different social sciences, in the work of E. V. Demichev appear to be an eclectic combination and none of them is adequately completed. All this, together with extensive plagiarism on the declared issue of origin, evolution and results of the Soviet national economy reform, reveals that the author has no grounds to claim that he makes independent conclusions pertaining to all-Russian and Soviet levels. The given paper concludes that E. V. Demichev's work does not possess actual qualities of an integral concrete historical research.

Keywords: Soviet national reform of 1957–1965, historiography, methodology, theory, achieve recourses, E. V. Demichev's and V. I. Mertsalov's studies, plagiarism.

Известное издательство РОССПЭН в 2011 г. выпустило монографию Е. В. Демичева «Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики Отечественной истории». Её основу составила его кандидатская диссертация, защищённая в 2007 г. в Оренбургском государственном университете. В монографии автор попытался придать своей работе максимально солидный характер, дополнив кандидатскую диссертацию главами о научных основах исследования, о специфике российской истории и реформах, о проблемах оптимизации централизма и самостоятельности в управлении.

Общую характеристику работ Е. В. Демичева о реформе управления промышленностью и строительством 1957–1965 годов мы уже дали в одной из своих статей [3]. В ней было показано, что они основаны на обширном плагиате. На этот раз попытаемся обнаружить проявления его самостоятельности как исследователя, выяснить, в какой мере он смог применить наши подходы в исследовании совнархозовской реформы в Центре и Южном Урале, к каким собственным идеям пришёл автор и насколько полно изучен им архивный материал по данным регионам.

В его монографии первая глава «Научные основы исследования реформирования отечественной экономики» состоит из историографического обзора, описания методологии и характеристики источников. Все её разделы привязаны к совнархозовской реформе, но название главы сформулировано очень широко. Оно может подойти и для многотомного труда по реформам российской экономики как досоветского, советского времени, так и современного периода. Такая безмерная формулировка связана с его стремлением рассмотреть со-

внархозовскую реформу в контексте специфики отечественной истории, которую он взялся проследить, начиная со времён Киевской Руси. Отметим, что подобный почти вселенский подход создаёт опасность утраты конкретно-исторического характера предпринятого исследования.

Однако сначала дадим характеристику первой главе монографии – «Научные основы», которую он открывает историографическим обзором. Его главную канву, основные историографические факты, оценки наиболее важных сюжетов истории исследования совнархозовской реформы отечественными историками составляют извлечения из текста нашего диссертационного исследования.

Есть у него, правда, и собственные сюжеты. Первый этап историографии о преобразованиях управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. он отождествляет с периодом «оттепели» и начинает его с 1953 г. [1, с. 8], когда о совнархозовской реформе ещё никто не помышлял. Историки, исследовавшие эту реформу, естественно, занимались выяснением её предпосылок, но это не даёт основания, чтобы периодизацию историографии данной реформы начинать с такого раннего времени.

Кроме того, он пытается проследить тенденцию созревания «рыночного» подхода среди учёных-экономистов. Однако в своих суждениях Е. В. Демичев проявляет торопливость и выдаёт желаемое за действительное. Он каким-то образом увидел на первом этапе исследования совнархозов (1953–1964), что «в противовес официальной трактовке современных событий <...> стали выдвигаться идеи, обращённые к общечеловеческим ценностям, рыночным отношениям, личному интересу, демократиза-

ции всей системы хозяйствования и управления». По его мнению, «эти идеи нашли отражение в трудах учёных, исследовавших проблемы промышленности (А. И. Викентьев, А. В. Венедиктов, Н. Ф. Колбенков, Э. Ю. Локшин и др.)» [1, с. 8–9]. Содержание их работ не подтверждает его мнения в части обращения в то время указанных авторов к «общечеловеческим принципам» и «рыночным отношениям». Появление такой категории экономистов относится к периоду перестройки. Всё это свидетельствует о том, что автор в своей попытке обнаружить тяготение у советских экономистов периода совнархозовской реформы к «общечеловеческим принципам» и «рыночным отношениям» неисторичен. Внимание у Е. В. Демичева к этому аспекту не случайно. В качестве своей задачи исследования он решил «дать характеристику нерыночных и рыночных аспектов преобразований промышленности и строительства» [1, с. 20]. Но данная исследовательская задача применительно к периоду 1957–1965 годов сформулирована некорректно, и в лучшем случае, представляет собой первичный её набросок.

К его собственным сюжетам следует отнести историографические «наблюдения» в самой любимой им теме, в которой он чувствует себя достаточно свободно, – идеологической работе. Но в этой области он обнаруживает непоследовательность в своих оценках работ предшественников из-за отсутствия у него единого подхода к ним. Сначала он высоко оценивает работы В. Я. Доброхотова, Ж. Т. Тощенко и А. И. Яковлева, вышедшие в 1988–1990 гг. за «большой вклад в разработку проблем организации пропаганды». Абзацем ниже расхваливает И. Б. Чубайса и В. Л. Дрындина за то, что их «издания» способствуют «пониманию сущности утопизма пропаганды, её предназначения в Советском государстве» [1, с. 18].

В целом его авторство представлено вкраплениями в заимствованный у нас текст. Он несколько расширяет список авторов, которые писали о совнархозах в 1957–1964 гг., вместо историков Восточной Сибири включает историков Южного Урала, упоминает некоторых зарубежных исследователей, на первый план в поле его внимания попали современные отечественные авторы, исследовавшие Россию в качестве евразийской цивилизации. Но всё это не меняет общей картины изученности

совнархозовской реформы, которая была дана в нашей докторской диссертации. Поэтому и обобщающий итог этого обзора тоже оказался нашим: «Анализ отечественной и зарубежной историографии, – пишет он, несколько по-своему корректируя наш текст, соединённый из разных его фрагментов, – свидетельствует о том, что изучение реформы управления промышленностью и строительством 1957 г. до сих пор находится в начальной стадии. Глубокий научный анализ совнархозовской реформы необходим для выявления того, насколько было реформируемым советское общество, что в нём предпринималось при осуществлении крупномасштабных преобразований, *в том числе с помощью идеологического фактора* (выделенное курсивом – его). Извлечение уроков из советского опыта реформирования экономики в период хрущёвской «оттепели» будет способствовать выработке правильных взаимоотношений между центром и регионами современной России, достижению оптимального сочетания государственного управления со свободным рынком» [1, с. 20; 2, с. 4, 5, 36].

В части «Научные основы», посвящённой методологии исследования, Е. В. Демичев заимствует у нас, можно сказать, всё с незначительной собственной корректировкой. Внимательный читатель, интересующийся исследованием совнархозовской реформы, без труда узнает текст нашего диссертационного исследования и её автореферата на страницах 21–25 его монографии [2, с. 15–22]. Это характеристика принципов исторического исследования [1, с. 21; 2, с. 15, 16, 17], применение общих [1, с. 22–23; 2, с. 17, 18, 19] и специально-исторических методов исследования [1, с. 23; 2, с. 19, 20, 21, 22]. К данной группе заимствований относятся введённые нами такие понятия, как «государственный и спонтанный факторы экономического развития» [1, с. 23–24; 2, с. 20].

Обоснование структуры исследования с выделением таких разделов, которые легли в основу глав нашей диссертации, как **происхождение, осуществление** реформы и **деятельность** совнархозов [1, с. 23, 24–25; 2, с. 21–22], он использовал несколько «творчески». Он проигнорировал наше определение понятия «осуществление». Но это не помешало Е. В. Демичеву в соответствии со сложившейся у него плагиатор-

ской практикой завершить свои «научные основы» нашим выводом: «Применение охарактеризованной совокупности общих и специально-исторических методов, – умозаключает он, – позволило описать историю реформирования промышленной сферы РСФСР через основные виды научного объяснения: причинное, генетическое, структурное, функциональное и через закон структурного развития изучаемой системы управления народного хозяйства» [1, с. 25; 2, с. 23]. Единственным словом, принадлежащим ему, в приведённом отрывке является – «РСФСР».

При характеристике источников исследования он переписал предложенную нами классификацию опубликованных документальных источников по структурному признаку [1, с. 25–26; 2, с. 62–64], архивных источников по критериям их происхождения и предназначения [1, с. 28; 2, с. 67], характеристику особенностей комплектования документов в ГАРФе [1, с. 29; 2, с. 72]. При характеристике архивных источников в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) и Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) он проявил исключительную скромность и удостоил своим вниманием только издание документов «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления», вышедшее в свет в 2003 г.

Удивительно, что он оставил нетронутой характеристику найденных нами документов – записок Н. С. Хрущёва в Президиум ЦК КПСС, в частности, его записку с обоснованием совнархозовской реформы 1957 г.

Но наш текст с освещением её содержания Е. В. Демичев максимально заимствовал, показав своими ссылками на архивы, что якобы он их изучал [1, с. 132; 2, с. 146]. Он не попытался самостоятельно оценить и степень информативности материалов Пленумов ЦК, позволивших нам поставить под сомнение оценку ряда историков реформаторского потенциала Г. М. Маленкова. Этот сюжет он тоже переписал у нас [1, с. 121–122; 2, с. 99–102]. Записка заместителя председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР В. М. Чураева, впервые обнаруженная в архиве нами, с развёрнутым обоснованием перехода к экономической рефор-

ме, адресованная в 1960 г. Н. С. Хрущёву, оказалась незамеченной Е. В. Демичевым. Зато он переписал текст о дискуссии в центральных органах страны, связанной с созданием Советов по координации и планированию работы совнархозов [1, с. 176–178; 2, с. 214, 215, 216].

Стремясь показать свою приоритетность в исследовании происхождения, эволюции и итогов реформы управления промышленностью и строительством, он редко вспоминает, что основу его работы должно составить исследование реформы на региональном уровне. Это отразилось и на характеристике архивных источников по Московской области и Южному Уралу. Практически она отсутствует вообще. Имеется только простое перечисление фондов. Но в этом перечислении даже не упоминаются фонды региональных совнархозов, кроме Московского СНХ, остальная часть этого списка – фонды обкомов партии, включая промышленные. Но реальная цена этого перечисления почти нулевая. И не потому, что отсутствует их характеристика. В его главе «Осуществление реформы управления в Московской области и на Южном Урале» всего одиннадцать ссылок на архивы Московской, Челябинской и Оренбургской областей. Из них девять ссылок относятся только к 1957 г. И это на всю главу [1, с. 163–224]! В параграфе об идеологической работе [1, с. 144–162] ссылок на архивы этих областей – 42. Между тем, как свидетельствует содержание его монографии, он нашёл только некоторый материал по региональным совнархозам в центральных архивах. Для полного исследования требовалось изучение материалов совнархозов в регионах, но он этого не сделал. Даже в тех случаях, когда он перечисляет фонды обкомов партии, включая промышленные, в его монографии признаки их использования отсутствуют. Это отразилось на полноте исследования в его монографии, о чём мы подробнее остановимся ниже.

В упомянутом перечне использованных архивных материалов преобладают документы из фондов обкомов партии по проблеме идеологической работы. Однако он пытается сделать вид, что изучал в них широкий спектр партийных документов, включая материалы по хозяйственным вопросам. «Нами учитывалось, – сообщает он, – что многие партийные документы и

публикации по вопросам решения народно-хозяйственных задач приукрашивали действительность, а коммунистическое сознание отражало её необъективно. Поэтому в целях максимального приближения к исторической правде в монографии использованы новые архивные материалы и публикации, являвшиеся до недавнего времени предметом “закрытой” информации» [1, с. 28]. Его искренность в стремлении к исторической правде читатель оценит сам. А что касается приведённого умозаключения, то отметим, что оно только прикрывает отсутствие его систематической работы с архивными документами региональных органов управления (кроме упомянутой темы по идеологической работе).

Поставив перед собой ложную цель – путём плагиата добиться признания своего приоритета в исследовании происхождения реформы, её эволюции и итогов, Е. В. Демичев попытался найти дополнительный материал в центральных архивах. Нельзя сказать, что он сильно преуспел в этом деле. Найденный им материал незначителен как по количеству, так и по содержанию. Он не изменяет преобладания плагиата в его исследовании. Более того, за четыре года после защиты до публикации его монографии Е. В. Демичев ничего не сделал для того, чтобы полноценно раскрыть историю реформы в регионах. Он пошёл по другому пути: обратился к философским размышлениям о судьбе реформ в истории России. Насколько уместным и оправданным является такой поворот в исследовании конкретно-исторической проблемы? На наш взгляд, такой поворот выливается только в попытку эклектического соединения различных по своей природе предметов исследования. Историософия и историческая наука принадлежат к различным сферам общественно-научного познания. Поэтому историософская проблема не может рассматриваться как часть конкретно-исторического исследования. Конечно, в случае получения фундаментальных выводов в ходе конкретно-исторического исследования, историк может выйти и на философские обобщения. Но таких самостоятельных выводов у Е. В. Демичева нет. Более того, развёрнутое рассмотрение философских аспектов полученных историком новых выводов будет представлять собой уже другую область знания, а не историческую науку. И такой выход в дру-

гую область знания, естественно, требует своего обоснования. Но оно в монографии Е. В. Демичева тоже отсутствует. Вряд ли за обоснование философской проблемы – «определить сущность специфики отечественной истории как парадигмы современного общественно-научного познания» – можно принять следующее высказывание Демичева: «Несмотря на обилие литературы, посвящённой специфике, своеобразию российской истории, её ключевые моменты остаются не до конца прояснёнными, представляют поле для дискуссии, начало которым положил П. Я. Чаадаев своими “Философскими письмами”, написанными в 1828–1830 гг.» [1, с. 7–8]. Какие вопросы философии истории он считает «не до конца прояснёнными», – об этом ничего не сказано. И это – естественно, потому что любая конкретизация в данном случае будет вести к необходимости обоснования нового предмета исследования, вытесняющего конкретно-исторический характер монографии, чего Е. В. Демичев допустить не может. Поэтому он как смог втиснул философскую проблему в качестве частной задачи в своё конкретно-историческое исследование [1, с. 20]. Так появилась вторая глава в его монографии.

Теперь обратимся к её теоретической составляющей. К ней он относит «концепции модернизации, развития России как “догоняющей” страны и как мобилизационного общества, объясняющие особую кризисность и противоречивость российской истории, а также научные положения об административно-командной системе управления» [1, с. 22]. Однако вторая глава монографии «Специфика российской истории и реформы» оставляет в стороне концепцию модернизации (о ней он вспоминает только в пятой главе). Выделенные особенности исторического развития России объединяются им в концепцию российской (евразийской) цивилизации, в рамках которой он рассматривает концепции развития России как догоняющей страны, и мобилизационного общества [1, с. 82–84]. Давая своё понимание реформы как историософской категории, он с поправкой теории К. Маркса написал положение, смысл которого и сам вразумительно не разъяснит: «... реформа есть способ снятия противоречий между производительными силами и производственными отношениями, а против-

речий между способом производства как единством производительных сил и производственных отношений надстройки» [1, с. 106].

Но самое главное заключается в следующем. Несмотря на то, что вторая глава предшествует главам с конкретно-историческим содержанием и, следовательно, претендует на обоснование концептуальной основы исследования, она не сориентирована на конкретно-историческое содержание работы. Теоретическая составляющая «технологически» не отработана в качестве инструмента, пригодного для осмысления многообразного фактического материала по совнархозовской реформе. Понятно, что историк в силу своей научной специализации не является разработчиком теории, но, взявшись за теоретическое обоснование своей работы, он должен показать применимость теории в практике исследования. Этого в монографии Демичева нет. У него концепция носит самодовлеющий характер, а его исследование, если так можно выразиться, оказалось предоставленным самому себе. Как мы отметили, целая глава монографии посвящена тому, как автор понимает концепцию российской цивилизации. В неё он включил положения об административно-командной системе.

Следует отметить, что положения об административно-командной системе в наибольшей степени подходят для осмысления фактического материала о системе советского управления. Демичев выделяет «...четыре основные черты АКСУ, характерные для всего периода её существования: 1) умаление роли Советов, отстранение их от власти, подмена лозунга “Власть трудящихся”; 2) главный метод руководства – “чрезвычайщина”; 3) выдвижение на первый план государственного аппарата, его увеличение и сращивание с партийным аппаратом; 4) номенклатурный принцип управления всем обществом» [1, с. 96]. Однако он не пытается соотнести их с изучаемой научной проблемой и фактическим материалом о совнархозах для более глубокого их анализа и осмысления. Он продолжает находиться в пределах историософского изложения без какой-либо попытки повернуться лицом к своему конкретно-историческому исследованию. И это понятно. В общероссийской исторической масштабности его

обзора от Киевской Руси до современности даже для него совнархозовская реформа стала малоразличимой.

В целом АКС (АКСУ) трактуется Е. В. Демичевым очень широко, в ней объединены партийно-политические аспекты управления всем обществом и государственное управление различными его сферами, включая хозяйственную. Третья и четвёртая черты АКС не дают представления о том, как соотносятся государственный и партийный аппарат друг с другом. Нас подобные трактовки, как у Е. В. Демичева, в период работы над диссертацией не удовлетворили. В них абсолютизировалась степень сращивания партийного и государственного аппарата, и в этом качестве они не способствовали эффективному использованию концепции АКС для анализа исторического материала. Мы рассматривали её применительно к предмету исследования как систему хозяйственного управления, а партийно-политический блок был выделен в главное по значению и самостоятельное по отношению АКС образование, глубоко проникавшее в эту систему, но полностью не сливавшееся с ней. Такой подход и дал возможность изучить нам совнархозовскую реформу с учётом взаимодействия партийно-политического и государственно-хозяйственного блоков управления. У Е. В. Демичева основные стороны административно-командной системы не выделены, не дифференцированы и, конечно, в таком состоянии нерасчленённой «универсальности» не могли быть использованы в исследовательской практике. Повторив наши положения, он о них тут же забыл, т. к. никакого серьёзного намерения проводить самостоятельное исследование у него не было.

Следует подчеркнуть, что не все перечисленные им черты АКС являются, как он утверждает, «характерными для всего периода её существования». Во всяком случае, то, что он называет «чрезвычайщиной», – точно. Она больше относится к первому периоду существования советского общества, из которой страна стала выходить после Великой Отечественной войны. В частности, он совершенно забыл, что списал у нас текст, в котором говорится следующее: «При Сталине подчинение общества государству облекалось в неоспоримое требование готовности всех его членов к новым жертвам ради достижения поставленных государ-

ством целей. После его смерти государство, напротив, стало ориентироваться на увеличение социальных расходов и стремиться формировать у советских людей сознание общественного долга преимущественно на добровольной основе, а также расширять действие экономической заинтересованности в сфере труда. Прежде всего, в данных направлениях административно-командная система управления стала искать дополнительные резервы мобилизации сил общества» [1, с. 116–117; 2, с. 89–90]. Где же тут «чрезвычайщина» как устойчивая черта АКС? Отмеченная «нестыковка» обнаруживает, что Е. В. Демичев не владеет текстом, составленным им преимущественно на основе плагиата. Если учесть, что чрезвычайные условия существования советского общества ко второй половине 50-х гг. ушли в историческое прошлое, то рассмотрение «чрезвычайщины» в качестве устойчивой черты административно-командной системы не только не даёт правильных ориентиров для исследования совнархозовской реформы, но и противоречит принципу историзма. Одним словом, он не может связать теорию с практикой исследования.

Отсутствуют в его монографии и признаки применения положения о номенклатурном принципе управления обществом. По этой части в его монографии кроме упоминания имён председателей региональных совнархозов по кадрам нет ничего, зато философствования на известную тему хватает с избытком. Только зачем всё это в конкретно-историческом исследовании, если не одно из теоретических положений не находит в нём применения?

Теперь посмотрим, что он мог из заимствованных у нас методологических положений самостоятельно использовать в своей исследовательской практике, в какой степени они нашли применение? Е. В. Демичев и в монографии, а до неё в кандидатской диссертации, назвал одну из глав так – «Осуществление реформы в Московской области и на Южном Урале» – по аналогии с названием соответствующей главы в наших работах, в которых она называется «Осуществление реформы в Восточной Сибири». Мы раскрыли, что под словом «осуществление» понимаем «организационно развёртывавшуюся и функционально развивающуюся систему управления в единстве партийно-политического и госу-

дарственно-хозяйственного блоков управления» [2, с. 21], тем самым подняли его статус до уровня научного понятия. Оно, действительно, оказалось конструктивным. Е. В. Демичев его проигнорировал и как исследователь им не воспользовался. Он назвал это понятие в заголовке и забыл про него. А если бы вспомнил, то ему пришлось бы, раскрывая осуществление реформы, писать и о структурной эволюции совнархозов, и о кадровом корпусе управления, раскрывать функционирование совнархозов как органов управления, показывать взаимодействие совнархозов и партийных комитетов, а также реорганизацию территориальных партийных организаций. Одним словом, провести ту исследовательскую работу, которую до него провели мы по материалам Восточной Сибири, только сделать это нужно было на основе материалов Московской области и Южного Урала. Увы! Чего нет, того нет.

На практике он использует «осуществление» как обиходное слово, без осмысления его содержания. В результате его глава «Осуществление реформы в Московской области и на Южном Урале» представляет собой наукообразную смесь. В ней всего понемногу, в том числе туда попала и «деятельность». В термин «деятельность» он тоже вкладывает обыденное понимание. Е. В. Демичев не видит между «осуществлением» и «деятельностью» существенной разницы, хотя обоснование последнего понятия аккуратно переписал из наших работ.

Все отмеченное – важный показатель уровня исследования работы Е. В. Демичева. Он не поднимается выше обыденного восприятия исторической действительности и привносит в изучение научной проблемы примитивизм. Понимая «осуществление» и «деятельность» на обыденном уровне сознания, он, естественно, далёк от принципа последовательности в глубоком исследовании научной проблемы. В его монографии преобладает фрагментарность исследования, механическая связка неоднородных элементов и дробных сюжетов. В конкретно-историческом освещении деятельности совнархозов в области научно-технического прогресса у него вдруг появляется историографический сюжет, хотя его место в историографическом обзоре [1, с. 218–220]. Но отсутствие изученного фактического материала по Московской области и Южному

Уралу заставляет его прикрыть зияющую пустоту историографическим сюжетом с именами зарубежных авторов. Грустно сказать – на весь раздел по научно-техническому прогрессу в монографии находим не более трёх страничек текста с отдельными примерами о деятельности региональных совнархозов, включая Московского СНХ [1, с. 214–217]. Но обобщения сделаны такие, как будто он провёл по данной проблеме целое монографическое исследование: «Опыт работы промышленности Московского и Южноуральского регионов доказал, что необходимо рациональное соотношение отраслевого и территориального подходов в управлении научно-техническим прогрессом. Гармонизация централистских и самоуправленческих тенденций в научно-технической сфере была достижимой лишь путём проведения, с одной стороны, широкой государственной нововведенческой политики, с другой – эффективной региональной научно-технической политики как особого направления в единой стратегии научно-технического прогресса» [1, с. 221].

Редко, какая линия исследования у него доведена самостоятельно без плагиата до конца. Отсутствие последовательности в освещении исторического процесса наиболее полно выражено в несоответствии реального содержания монографии её названию. Если обратиться к его кандидатской диссертации, то в её названии территориальные рамки исследования обозначены как «Центр и Южный Урал». В названии монографии у него содержится претензия на освещение реформы в целом по стране, хотя в аннотации монографии он проявляет не свойственную ему скромность и территориальные рамки ограничивает Московской областью и Южным Уралом. Он очень манёвренно использует для характеристики территориальных рамок термин «центр». До объединения совнархозов в 1963 г. «Центр» в его освещении совпадает только с территорией Московской области, после их объединения понятием «Центр» он охватывает не только Московскую область, но и территории бывших совнархозов, вошедших в объединённый Московский СНХ. Тем самым, в исследовании образуется разрыв. До 1963 г. рассматривается совнархоз в пределах только Московской области, а после – в территориальных рамках региона в составе Рязанской, Смоленской и Калинин-

ской областей, которые до этого им совершенно не рассматривались. А это означает, что ему не с чем сравнивать деятельность Московского совнархоза. Сюжеты, которые должны были бы приобрести развёрнутый характер, представляют собой случайный мизер. Достаточно отметить, что развитию кооперации и специализации производства, движения изобретателей и рационализаторов за 1957–1962 гг. в тексте главы отведено всего три абзаца [1, с. 180–182].

Его выводы, как правило, носят умозрительный характер. Они не вытекают из содержания фактического материала, им изученного. «Следует признать тот факт, – пишет он во втором параграфе 4-й главы, – что некоторые задачи совнархозам удалось решить (внедрить более эффективные формы разделения труда в рамках экономических районов, укрупнить мелкие предприятия, сконцентрировать выполнение транспортных и ремонтных работ, улучшить использование местных ресурсов)» [1, с. 199]. Однако этот вывод основан только на нескольких примерах деятельности Московского СНХ [1, с. 188–189]. При этом полной картины они, естественно, по совнархозу не дают, а по Южноуральскому совнархозу такой материал вообще отсутствует. О недостатке фактического материала свидетельствует и тот факт, что Демичев, описывая деятельность Московского совнархоза за 1963–1965 гг., ссылается на книгу Н. П. Силантьева, изданную в 1958 г., когда объединённого совнархоза ещё не существовало [1, с. 189].

Одним словом, никакие тенденции, кроме выполнения совнархозами государственного плана, на изученном им фактическом материале в полной мере не прослеживаются. Ему просто сравнивать не с чем. В этих условиях об обобщениях первого, второго и третьего уровня, которые он тоже переписал из главы «Научные основы исследования реформы управления» нашей докторской диссертации [1, с. 22; 2, с. 17–18], не может быть и речи. Он вынужден снова и снова прикрывать пустоты, в которых зияют плагиат и отсутствие соответствующей исследовательской работы, в том числе и пятой главой «Проблема оптимизации централизма и самостоятельности в управлении». В ней полностью утрачен предмет исследования истории совнархозовской реформы. В рамках концепции мо-

дернизации, о которой он, наконец, вспомнил, Е. В. Демичев, обзорно охватил реформы второй половины XIX–XX в., включая совнархозовскую реформу, и сосредоточился на освещении реформы 1965 г. и последующих попыток экономических преобразований вплоть до современности, которые он никогда не исследовал. Зато он нашёл повод поведать читателю «об аспектах рыночных отношений», отдав свой долг решению «частной задачи», которую он сформулировал в начале своего исследования истории совнархозовской реформы.

Как ни смотри на монографию Демичева, даже если отвлечься от его плагиата, трудно увидеть его самостоятельную, сколько-нибудь значащую работу исследователя-историка. Несмотря на наукообразный характер своего монографического сочинения, заветная цель Е. В. Демичева состояла не в реальном исследовании научной проблемы, а в том, чтобы скрыть свой плагиат по проблеме происхождения реформы, её основных этапов и итогов и доказать приоритетность в этой области

своей работы. Ложная цель присвоить чужое исследование привела его к тому, что и полного конкретно-исторического исследования у него не получилось. Исследование по истории реформы в Московской области и на Южном Урале носит фрагментарный и лоскутный характер. Научные выводы и обобщения по исследуемым регионам отсутствуют, а, следовательно, отсутствуют и основания для его претензий на обобщения союзного и республиканского уровня, тем более для историософских рассуждений, выходящих по всем параметрам за рамки конкретно-исторического исследования. Историософская часть и историческая часть монографии, принадлежащие к различным общественным наукам, в сочинении Е. В. Демичева представляют собой эклектическое соединение, в котором ни одна из них не была полноценно реализована. Поэтому его претензии на какую-либо новизну безосновательны. Отсутствие новизны его монографического «исследования» наглядно можно представить следующим текстуальным сравнением.

Е. В. Демичев о новизне своего исследования	В. И. Мерцалов о новизне своего исследования
<p>Научная новизна исследования состоит в том, что данная работа – одно из первых комплексных конкретно-исторических исследований реформы 1957 г., проведённых в пределах крупных экономических районов на основе современных подходов. В ней рассмотрена историография проблемы и выявлена степень её изучения. В научный оборот введён новый фактический материал не только регионального, но и союзно-республиканского характера. Перестройка системы управления промышленностью и строительством в Московском и Южно-Уральском регионах показана в сравнении с данными по РСФСР.</p> <p>Выявлены причины возникновения идеи реформы в стране, основные тенденции в организационном и функциональном развитии совнархозов. Освещены главные вехи эволюции региональных и центральных органов управления. Доказана объективная обусловленность и освещена неоднозначность последствий реорганизации в 1963 г. территориальных партийных организаций. Обоснованы выводы о положительной роли и ограниченности деятельности совнархозов в индустриальном развитии Московской области и Южного Урала» [1, с. 31–32]</p>	<p>Данная работа представляет собой первое комплексное конкретно-историческое исследование реформы 1957 г., проведённое в пределах крупного экономического района и на основе современных подходов. В ней рассмотрена историография проблемы, выявлена степень её изучения, освещён процесс накопления историографических идей. В научный оборот введён преимущественно новый фактический материал не только регионального, но и союзно-республиканского характера [2, с. 11].</p> <p>Раскрывается созревание реформы в стране и роль восточно-сибирского фактора в этом процессе, показано возникновение идеи реформы и подготовка перестройки в регионе. Выявлены основные тенденции в организационном и функциональном развитии совнархозов с освещением главных моментов эволюции центральных органов управления... Выясняется объективная обусловленность реорганизации в 1963 г. территориальных партийных организаций, в ряде случаев неоднозначность её последствий. Реорганизация в Восточной Сибири показана в сравнении с данными по РСФСР. Раскрывается положительная роль совнархозов в индустриальном развитии Восточной Сибири, и вместе с этим показана объективно-обусловленная ограниченность и недостаточность их деятельности [2, с. 11]</p>

Как видим, Е. В. Демичев не смог даже самостоятельно сформулировать новизну своего исследования. В этом ничего удиви-

тельного нет, потому что она как таковая в природе отсутствует. Если сравнивать претензию Е. В. Демичева на новизну с куцым

и одновременно эклектичным содержанием его монографии, то можно сказать, что имеющийся в ней конкретно-исторический материал Московской области и Южного Урала, а также историософские обзрения играют по существу роль камуфляжа, чтобы

прикрыть плагиат, произведённый с размахом и с чувством полной безнаказанности. В данном случае вывод получается один. Монография Е. В. Демичева не является конкретно-историческим исследованием.

Список литературы

1. Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики Отечественной истории. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2011. 295 с.
2. Мерцалов В. И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 Иркутск, 2001. 471 с.
3. Мерцалов В. И. История совнархозовской реформы 1957–1965 гг. в исследованиях Е. В. Демичева // Гуманитарный вектор. Сер. «История. Политология». 2014. № 3 (39). С. 152–160.

References

1. Demichev E. V. Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom 1957–1965 gg. v kontekste spetsifiki Otechestvennoi istorii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: ROSSPEN, 2011. 295 s.
2. Mertsalov V. I. Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom 1957–1965 gg. (na materialakh Vostochnoi Sibiri): dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02 Irkutsk, 2001. 471 s.
3. Mertsalov V. I. Istoriya sovnarkhozovskoi reformy 1957–1965 gg. v issledovaniyakh E. V. Demicheva // Gumanitarnyi vektor. Ser. «Istoriya. Politologiya». 2014. № 3 (39). S. 152–160.

Статья поступила в редакцию 02.02.2015

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «Ученые записки ЗабГУ»

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объём
статья (<i>теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором</i>)	0, 5 п. л. (<i>20 000 знаков</i>)
научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (<i>12 000 знаков</i>)
научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (<i>8 000 знаков</i>)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

Печатный и электронный вариант статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.

Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.

Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.

Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, **если автор статьи – аспирант, соискатель ученой степени кандидата наук.**

Личная карточка автора – сведения об авторе/авторах.

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 4 (роль основного автора указывается на русском и английском языках).

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (объём – 200 слов) – на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы даётся в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

Публицистика, архивы, справочные и законодательные материалы указываются после «Списка литературы» в разделе «Источники», нумерация продолжается (сквозная), либо они выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Arial, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки – 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи **ОБЯЗАТЕЛЬНО** представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. **На последней странице указывается**, что «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Библиография оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается изд-во, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Комментарии и пояснения даются в виде концевых сносок (в конце текста). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация сплошная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (—).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращённо (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Чёрно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/авторов и названия статьи. Размер рисунка 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, **отсылается по адресу:**

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, Забайкальский государственный университет, для «Редакции научных журналов ЗабГУ».

Корректор О. Ю. Гапченко

Вёрстка М. Р. Коптеловой

Дизайн обложки М. Р. Коптеловой

Редактор перевода

А. С. Атрощенко

Подписано в печать 16.04.2015
Формат 60×84½. Бумага офсетная.
Гарнитура «Arial».
Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 22,7. Уч-изд. л. 16,3.
Заказ № 05715. Тираж 1000 экз.

ФГБОУ ВПО
«Забайкальский государственный» университет
672029, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

Corrector O. Yu. Gapchenko

Make-up M. R. Koptelova

Cover design M. R. Koptelova

Editor of the English Translation

A. S. Atroshchenko

Signed to print 16.04.2015
Format 60×84½. Offset paper
Headset «Arial»
Digital Printing Technique
Conv. quires 22,7. Ed.-print quires 16,3.
Order № 05715. Circulation 1000 copies.

FSBEI HPE
“Zabaikalsky State University”
672029, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya St.